

МИР СЛАВЯНСКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ

Ю.М. Теплицкий

**ОТКУДА ПОШЛА
ЗЕМЛЯ СЛАВЯНСКАЯ
И КАКОГО МЫ
РОДА-ПЛЕМЕНИ**

*«Откуда мы пришли?
Куда свой путь вершили?
В чем нашей жизни смысл?»
О. Хайям*

Ю.М. Теплицкий

**ОТКУДА ПОШЛА ЗЕМЛЯ СЛАВЯНСКАЯ И
КАКОГО
МЫ РОДА-ПЛЕМЕНИ**

**ЭТНОГЕНЕЗ СЛАВЯНСТВА И СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ КИЕВСКОЙ
РУСИ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ «ЗАПАД»—«ВОСТОК»**

Смоленск

2020

\УДК 930.85
ББК 63.2
Т34

Рецензенты:

М.С. Бурьян – доктор исторических наук, профессор Луганского национального педагогического университета имени Т.Г. Шевченко;

В.П. Михайлюк – доктор исторических наук, профессор Восточноукраинского национального университета имени В.И. Даля;

В.Ф. Литвиненко – доктор исторических наук, профессор Восточноукраинского национального университета имени В.И. Даля;

А.И. Фомин – доктор исторических наук, профессор Восточноукраинского национального университета имени В.И. Даля.

Ю.А. Ротенфельд – доктор философских наук, профессор Луганского национального аграрного университета.

Теплицкий Ю.М.

Т 34 Откуда пошла земля славянская и какого мы рода-племени. Этногенез славянства и становление государственности Киевской Руси в контексте взаимоотношений «Запад»–«Восток». – Смоленск:, 2020. – 288 с.
ISBN 966-8458-44-3

Серия «Мир славянской цивилизации», открываемая данной книгой посвящена осмыслению проблем славянства, в том числе и восточного, выявления этнических основ украинского народа. Данная проблема приобрела в настоящее время особую актуальность как проявление аспектов духовного возрождения, что даёт возможность определить потенциал, накопленный на протяжении тысячелетий данным этносом, вставшим на путь независимого, суверенного развития, его уникальной созидательной миссии во всемирно-историческом процессе.

Книга предназначена для преподавателей и студентов вузов, учителей и учеников средних школ, лекторов, журналистов и широкого круга заинтересованных читателей.

УДК 930.85
ББК 63.2

© Ю.М. Теплицкий, 2020

ISBN 966-8458-44-3

Содержание

<i>Предисловие</i>	6
<i>Вступление</i>	7
РАЗДЕЛ 1. Этногенез славянства – интеграция западного и восточного начала	14
1.1. От индоевропейской – к праславянской общности.....	14
РАЗДЕЛ 2. Славянство в период VIII в. до н.э. – в начале нашей эры	31
2.1. Киммерийцы, скифы и сарматы как факторы славянского этногенеза.....	32
2.2. Греческие города-государства Причерноморья.....	39
2.3. Скифы-земледельцы и скифы-кочевники: отличие и общность.....	41
2.4. Военное искусство скифов.....	42
2.5. Быт скифов.....	43
2.6. Религия скифов.....	44
2.7. Государственность скифов.....	45
2.8. Происхождение и общественное устройство сарматов.....	46
2.9. Славяне и сарматы.....	46
РАЗДЕЛ 3. Славяне и имперский Рим: европейский вектор влияния	49
3.1. Восточное славянство в контексте взаимоотношений с римской цивилизацией.....	50
РАЗДЕЛ 4. Славяне на рубеже I–IV в.н.э.	53
4.1. Славяне в античной историографии.....	53
4.2. Расселение славянства на рубеже I–IV вв.	56
4.3. “Центры притяжения” и этногенез славянства.....	57
4.4. Естественно-научное осмысление мира славянством (“мудрость”).....	58
РАЗДЕЛ 5. Готы и гунны как факторы славянского этногенеза	59
5.1. Славяне и готы.....	60
5.2. Конфедеративная славяно-готская государственность.....	61
5.3. Славяне и гунны.....	62
РАЗДЕЛ 6. Аваро-болгарский и хазарский факторы этногенеза славянства	69
6.1. Анты как этап славянского этногенеза.....	69
6.2. Аварский фактор славянского этногенеза.....	71
6.3. Славяне и болгары: аспекты взаимоотношений.....	81
6.4. Хазария и Русь.....	82
РАЗДЕЛ 7. Формирование ментальности славян в ходе этногенеза	84
7.1. Военное искусство славян.....	85
7.2. Жизненный уклад, быт, обычаи и нравы славян.....	85
РАЗДЕЛ 8. Феномен становления соборной государственности восточного славянства. Династия Киевичей	91
8.1. Соборная государственность восточного славянства.....	96
8.2. Структура государственности восточного славянства.....	99
8.3. Славянство на европейской авансцене в VI в.....	102
8.4. Процессы государствообразования западного славянства.....	104
8.5. Отличительные черты потестарной государственности	

восточного славянства.....	105
8.6. Киевичи в истории славянской державности.....	106
РАЗДЕЛ 9. Война и классовая дифференциация славянства в контексте государствообразования.....	109
9.1. Европейский вектор устремлений восточного славянства VI–VII вв.....	110
9.2. Славянство и Византийская империя.....	110
РАЗДЕЛ 10. Восточнославянская государственность Киевской Руси. Аскольд и Дир.....	117
10.1. Аскольд и Дир – представители славянской династии Киевичей.....	118
РАЗДЕЛ 11. Евроинтеграционные устремления Аскольда и Дира. Славянская государственность на Евразийской геополитической арене.....	127
11.1. Славянский вектор внешней политики Византийской империи в IX веке.....	128
11.2. Византийская модель государственности и державность Руси.....	130
11.3. Дипломатическое признание Византией державы Киевская Русь.....	130
РАЗДЕЛ 12. Попытка христианизации Руси Аскольдом и Диром. Языческая контрреформация.....	133
12.1. Христианство и Русь. Пролог.....	134
12.2. Языческая модель славянского верования.....	135
12.3. Православие или католицизм: критерии выбора верования Русью.....	138
12.4. Языческая контрреформация на Руси.....	140
РАЗДЕЛ 13. Рюрики в истории Киевской Руси.....	144
13.1. Норманнская теория и государственность Киевской Руси.....	144
13.2. Олег – создатель великой восточной славянской империи.....	155
13.3. Князь Игорь: свершения, неудачи, итоги.....	160
13.4. Княгиня Ольга – от язычества – к равноапостольству	167
13.5. Святослав Игоревич – зеркало языческой Руси	175
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	185
ЛИТЕРАТУРА.....	189

ПРЕДИСЛОВИЕ

Серия “Мир славянской цивилизации”, открываемая данной книгой, посвящена проблемам становления и развития славянства, в частности украинского этноса, на протяжении многовекового периода его существования, уникальности их творческой миссии во всемирно-историческом процессе.

Фактические данные, приводимые в серии, убедительно свидетельствуют, что фактор Украины, как и всей славянской цивилизации, её величественная и трагичная, героическая и драматичная история выполняет глобальную историческую миссию – интеграции векторов развития западной и восточной цивилизаций, что является основой прогресса человечества, его гармоничного развития.

Материал исследования, приводимый в серии книг, наглядно показывает, что подобно тому, как генный код в значительной степени определяет жизненный путь человека, так и этнический код – социокультурные, экономические, политические, биологические и прочие параметры формирования этносов – оказывают влияние на ход развития, место в мировой “табели о рангах” в различные исторические периоды развития стран и народов.

Исходя из этого, выявление этнических основ украинского народа в настоящее время приобретает особую актуальность, ибо даёт возможность определения потенциала, накопленного на протяжении тысячелетий данным этносом, вставшим на путь независимого, суверенного развития, постулирования его уникальной созидательной миссии во всемирно-историческом процессе.

Завершающие книги серии “Как из Украины сделать “Швейцарию” и “Славянская цивилизация в XXI столетии: итоги и перспективы” посвящены формированию новой модели экономического развития славянской цивилизации в XXI–XXII столетиях – соборно-православной, которая в отличии от протестантско-баптистской англо-саксонской модели развития современного капитализма, больше соответствует этническим основам украинцев, всего славянства, будет способствовать превращению Украины в региональную великую державу Евразии.

Тот, кто не любит свою страну, ничего в мире любить не может.

Дж. Байрон

Начало есть более чем половина всего.

Аристотель

ВСТУПЛЕНИЕ

Среди проблем отечественной истории одной из наиболее важных и актуальных является проблема этногенеза славянства, аспекты становления и развития восточнославянской государственности.

Каково историческое место нашего Отечества в формирующемся новом полифундаментальном многомерном мире? Этот вопрос сегодня живо интересует государственных деятелей, политиков, рядовых граждан страны. При этом от исторического прошлого не уйти, не отмахнуться – оно стучится в сердце каждого из нас, ибо человек – это храм, в котором живут тени пращуров, пульсирует день сегодняшней, зарождается будущее.

Казалось бы, абстрактная историческая проблематика вдруг приобретает важнейшее политическое значение на тех или иных этапах развития этносов. Так один из основоположников теории норманизма А.Л. Шлицер подчеркивал: «Русская история начинается от призвания Рюрика... Дикие, грубые, рассеянные славяне начали делаться людьми только благодаря посредству германцев».

Прошли века «норманист» А. Гитлер, развивая А.Л. Шлицера, писал в «Mein Kampf»: «Организация русского государства – это дивный пример того, как германский элемент проявляет в низшей расе своё умение создавать государство».

Конкретизируя норманнскую теорию до уровня крематориев Освенцима и Бухенвальда, необходимость уничтожения славянства как расовой единицы, Гитлер вещал: «Этот низкопробный людской сброд, славяне, сегодня столь же не способны поддерживать порядок, как не были способны много веков назад, когда эти люди призывали варягов, когда они пригласили Рюриков».

Таким образом, прошлое не только позади – оно в дне сегодняшнем, в будущем каждого из нас. Без своего прошлого мы – толпа, былинка на ветру мировых катаклизмов.

На изломах истории, когда решаются судьбы стран и народов, в обществе особенно остро ощущается потребность познать свое прошлое. Обращаясь к нему, люди стремятся восстановить разорвавшуюся связь времен и поколений, найти в истории ответы на мучительные вопросы современной жизни.

В настоящее время – в период глобализации – Восточная Европа, этносы, населяющие ее, их государственная историко-культурная проблематика развития находятся в центре пересечения основополагающих интересов ведущих мировых держав, так как, по образному выражению Мак Киндера – известного специалиста по геополитике, – непреложным является то, что:

Тот, кто правит Восточной Европой,

Владеет Сердцем земли;

Тот, кто правит Сердцем земли,

Владеет Мировым Островом.

(То есть Евразией);

Тот, кто правит Мировым Островом –

Тот владеет Миром [1, с. 52].

Збигнев Бжезинский – бывший советник по национальной безопасности американского президента в годы холодной войны, консультант Центра стратегических и международных исследований, рассматривая роль Евразии в современном мире в работе “Великая шахматная доска”, комментируя данный образный афоризм Мак Киндера, отмечает: “Евразия является крупнейшим континентом на земном шаре и занимает осевое положение в геополитическом отношении. Государство, которое господствует в Евразии, контролировало бы два из трех наиболее развитых и экономически продуктивных мировых регионов” [1, с. 44].

На основании этого З. Бжезинский делает вывод о том, что один взгляд на карту позволяет предположить, что контроль над Евразией почти автоматически повлечет за собой подчинение Африки, превратив Западное полушарие и Океанию в геополитическую периферию Центрального Континента мира. Около 75% мирового населения живет в Евразии, и большая часть мирового физического богатства также находится там – как в ее предприятиях, так и под землей. На долю Евразии приходится около 60% мирового ВВП и около трех четвертей известных мировых энергетических запасов. В Евразии также находятся самые политически активные и динамичные государства мира [1, с. 44].

Исходя из этого, особую актуальность и значимость приобретает проблематика этногенеза народов, населяющих данный регион, становление и развитие их государственности, ибо в ходе рассмотрения данных вопросов анализируются основополагающие закономерности развития этносов на протяжении тысячелетий – своеобразный этнический генокод, позволяющий постичь не только события прошлого, осмыслить настоящее, но и определить координаты грядущего. В основе данных закономерностей лежит фундаментальная особенность функционирования долгопротяженных исторических процессов, которые могут быть постигнуты лишь тогда, когда проанализированы их истоки, найдены корни явлений, параметры генезиса, закладывающего направленность развития этносов, цивилизаций.

О. Шпенглер в книге “Закат Европы”, опубликованной в 1918 году, продуцирует человеческую историю не как линейное развитие единой культуры, а как драму, в которой участвует ряд мощных культур, с первобытной силой вырастающих из недр породившей их общности, к которой они строго привязаны на всем протяжении своего жизненного цикла [2, с. 42].

Исходя из данной исторической закономерности, исследование истоков становления славянства, его государственности вызывает значительный интерес и в аспекте изучения параметров становления и развития индоевропейской культуры – одного из древнейших и оригинальнейших творений человеческой цивилизации, давшей Homo sapiens колесо и колесный транспорт, письменность, и, что весьма существенно, экологически оптимально приспособленное к природным условиям хозяйство. Именно индоевропейцы – прапращуры восточных славян – в период наступления ариадности – резкой смены природных условий на земле – смогли создать новый уклад экономики, перейдя от традиционного земледелия, не обеспечивающего в период наступления ледников гарантированных урожаев, к кочевому способу хозяйствования, что позволило освоить огромные просторы от Европы до Китая и Индии [3, с. 28].

П.А. Сорокин – российско-американский социолог, один из основоположников общей теории социологии, рассматривая так называемые культурные суперсистемы, которые функционируют как реальное единство, не совпадая с государством, нацией, либо любой другой социальной группой, акцентирует внимание на том, что без адекватного знания принципов устройства суперсистемы невозможно уяснить характер структуры и динамики ее самой и ее существенных подсистем, компонентов и скоплений элементов. П.А. Сорокин подчеркивает, что глубокое изучение всех основных культурных суперсистем и систем дает нам макрокатегории для анализа всего культурного космоса [2, с. 47].

Таким образом, актуальность рассмотрения проблем этногенеза славянства, становления и развития его государственности имеет важное значение также исходя из того, что славянский этнос относится к индоевропейским народам – представителям той языковой семьи, на которой в настоящее время говорит 45,5% населения земли, в то время как к китайско-тибетской языковой семье относится 23,3% человечества, к семито-хамитской – 4,8%, дравидской – 3,8%, алтайской – 2,5% [3, с. 28].

Профессор Калифорнийского университета Д. Уилкинсон, анализируя дискуссию П.А. Сорокина и А. Тойнби по цивилизационным проблемам, отмечал, что из тысяч или десятков тысяч социокультурных образований доцивилизационного уровня, существовавших в истории человечества, лишь очень немногие выработали исторически самостоятельные формы цивилизации, а все остальные были поглощены другими расширяющимися общностями [2, с. 58].

Развитие же хозяйства и экономики индоевропейцев дало импульс прогрессу культуры – многофункциональной, многоканальной, многогранной, обладающей важнейшей характерной особенностью – устойчивостью перед временным фактором.

П.А. Сорокин, рассматривая закономерности функционирования культурных систем, приходит к заключению, что путь их развития является крайне многовариантным и никоим образом не может быть сведен к одному органическому одновариантному циклу. Что же касается культурных систем, отмечал он, то они проходят через три общие фазы – концептуализации, объективизации и социализации [2, с. 54].

В основе долговременности и жизнеспособности индоевропейской культурологической модели лежит – что особенно актуально для настоящего времени – отличительная основополагающая ее черта, а именно открытость как системы, в которой привнесенные извне элементы не разрушают, а лишь укрепляют, цементируют цельность интеграционных начал.

Характерно, что при всем многообразии индоевропейской культуры ее отличает созвучие внешне различных, но близких по высоте человеческой мысли творений: “Авесты”, “Вед”, “Махабхараты”, “Рамаяны”, “Илиады”, “Одиссеи”, эпоса скандинавов и германцев, легенд и сказаний славянских народов, в том числе древнерусских былин [4, с. 29].

Н.И. Данилевский – русский социолог XIX в., автор работы “Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к Германно-Романскому” рассматривает в ней проблему взаимоотношений “Запад” – “Восток”, евроцентристские тенденции, доминировавшие в европейской научной мысли, отмечает: “Запад и Восток, Европа и Азия представляются нашему уму какими-то противоположностями, полярностями. Запад, Европа составляют полюс прогресса неустанного усовершенствования, непрерывного движения вперед; Восток, Азия – полюс застоя и коснения, столь ненавистных современному человеку. Это историко-географические аксиомы, в которых никто не сомневается...” [2, с. 36].

Критикуя евроцентристские тенденции, Н.И. Данилевский с сарказмом пишет: “Итак, как можно громче заявим, что наш край европейский, европейский, европейский, что прогресс нам пуще жизни мил, застой пуще смерти противен, что нет спасения вне прогрессивной, европейской, всечеловеческой цивилизации, – что вне ее даже никакой цивилизации быть не может, потому что вне ее нет прогресса” [2, с. 36–37].

Дж. Тейнтер – современный английский историк – рассматривая проблемы взаимоотношений европейского и азиатского начал в мировом развитии, отмечал, что в философском плане отличие Востока от Запада считается духовный универсализм, снимающий низшие уровни локального существования. В социальном плане – это принципы регуляции отношений, обеспечивающих устойчивое место каждой группе и ячейке общества и институты, поддерживающие такие принципы (в том числе государство и религиозный институт).

Американский ученый и литературный критик Э. Сайд рассматривает в своей книге “Ориентализм” культурно-идеологические корни и политические интересы, которые, по концепции автора, во многом определяют характер восприятия стран незападного региона и само содержание знаний о нем. Основные идеи работы Э. Сайда состоят в том, что так же, как и сам Запад, Восток – это идея, имеющая свою историю и свою традицию в общественной мысли, свою образность и словарь – все то, что придало ему реальность и присутствие на Западе и для Запада. Данные две географические сущности соотносятся между собой и до известной степени отражают друг друга.

Европейская культура набирала силу и идентичность, либо черпая с Востока его цивилизационные и языковые достижения, либо противопоставляя себя Востоку, который выступал и как “культурный соперник”, и как “глубокий и наиболее устойчивый образ Другого”. Это противопоставление Востока Западу оказало наибольшее влияние на формирование ориентализма. Ориентализм значительно больше говорит о Западе, чем о самом Востоке.

Прежде всего, ориентализм воплощает в себе активное, десубъективирующее отношение к Востоку со стороны европейцев, отражающее их власть над Востоком. Ориентализм – органический компонент эпохи колониализма, научное движение, смысл которого можно сформулировать следующим образом: великие достижения восточных цивилизаций – далеко позади, а теперь только мы, европейцы, можем говорить от их имени и моделировать их [2, с. 274–275].

Э. Сайд акцентирует внимание на том, что одно из наследий ориентализма – его философско-историческое основание, заключающееся в историзме, основанном на представлении об универсальности европейского опыта. То, чего не наблюдалось в Европе, оставалось без внимания, принималось за случайную специфику до тех пор, пока этнология или политэкономия не включала это в свои исследования. Несмотря на все последующие изменения в составе европейского знания, так и не возникла фундаментальная критика методологической связи между развитием историзма и империалистической практикой, предполагающей однолинейную историю [2, с. 275].

В настоящее время, по мнению ряда авторов, в том числе А. Абдель-Малека, Э. Саида, в европейской научной мысли по отношению к Востоку преобладает не научный подход, а ориенталистский – т.е. как к предмету не научного, а литературного плана. При этом сфера и масштаб ориентализма – это сфера колониальных империй, с крахом которых наступил конец и ориентализма. Не способный узнать прежний Восток в современном “третьем мире”, ориентализм столкнулся с вызовом политически активного и воинственного Востока. Доминирующая ныне форма ориентализма – уже не англо-французская, а американская. Формирование американского ориентализма происходило через корпоративные американские интересы в незападном мире, военные школы западных языков, “холодную войну”, соревнование с СССР и т.д. Культурное противопоставление к арабскому и иному Востоку таково, что в их изучении доминирующее место занимают не язык и культура, а применение западной социологии и экономики к Востоку. В результате ориентализм все более превращается в соционаучную идеологическую экспертизу, дополняемую “научной мифологией” [2, с. 275].

Как и А. Абдель-Малека, Э. Саид считает, что важный показатель кризиса ориентализма заключается уже в том, что освободительное движение разрушило ориенталистские концепции пассивных и фаталистичных “подчиненных рас”. Вместе с тем, как для специалистов, так и для широкого общественного сознания стало очевидным несоответствие между концепциями и методами современной науки о человеке и обществе с ориентализмом [2, с. 275].

Характерно, что прошлое по-прежнему доминирует в востоковедческих исследованиях, однако оно уже частично уступило место современности. Потребности политики, перемещение

центра тяжести за пределы европейских берегов, впечатление, произведенное напором восточных народов, которые до недавних пор были в большей или меньшей степени пассивными и подчинялись чужому влиянию, необходимость учитывать сдвиги в других социальных науках – все эти факторы оказали решающее воздействие на перестройку ориентализма в современном духе.

Дж. М. Сидмен – научный работник библиотеки Хантингтона, автор книги “Миф об Азии” показал необоснованность противопоставления целостного мира Азии и европейской цивилизации – тоже как целого, отвергал сам принцип дихотомного сопоставления Запада и Востока как неопределенных и неустойчивых стереотипов, скрывающих неустойчивость и разнообразие состава культуры этих континентов.

Прежде всего, с точки зрения автора, нельзя говорить об Азии или Востоке как о каком-либо единстве. Реальная Азия большей частью заменяется на вербальные образы.

Рассматривая проблемы становления и развития различных культурологических моделей, возникавших на протяжении человечества, в том числе и индоевропейской, О. Шпенглер выдвинул гипотезу о том, что “культуры – это организмы, а мировая история есть их коллективная биография”. Они рождаются, растут и, выполнив свое назначение, умирают. Каждая культура проходит в своем развитии через стадии, аналогичные стадиям развития живых организмов: детство, юность, зрелость и старость. При этом, подчеркивал О. Шпенглер, каждая культура имеет душу. Рождение культуры есть пробуждение великой души из протодуховности детского состояния человечества. Когда душа реализовала всю совокупность своих потенций, она умирает и возвращается в первоначальное состояние [2, с. 42].

Актуальность рассмотрения проблем этногенеза славянства и становления его государственности определяется и тем, что интегрирующее начало, присущее как индоевропейской общности, так и славянству, приобретает весомую значимость в свете доминирующих в настоящее время в науке евроцентристских и противостоящих им фундаменталистских моделей цивилизационного процесса между духовным Востоком и материалистическим Западом. Источник этой антитезы между непрактичной спиритуальностью и эффективной деловитостью можно найти, прежде всего, в характере европейского воздействия на Азию. Это воздействие было в основном экономическим, техническим и политическим [2, с. 261].

Дж.М. Сидмен подчеркивает, что то, что касается Европы, то до эпохи Возрождения и промышленной революции решение универсальных проблем соотношения духовных и материальных потребностей здесь принципиально не отличалось от решений, выдвигавшихся на Востоке. Заметные различия между западными и восточными культурами стали возникать лишь после распада средневекового западного общества, когда светская власть и наука вышли из подчинения религии. Поэтому различия между Европой и Азией вытекают не из их классического наследия, а в силу тех сдвигов, которые Запад претерпел в течение последних четырех столетий. Происходившие в новейшее время изменения в азиатских культурах привели к ослаблению такого рода различий.

Утверждение стереотипов Запада и Востока, по мнению автора, происходило в значительной степени первоначально как реакция на враждебные отношения Запада с восточными странами, а затем – как реакция азиатских обществ на колониальную систему, как проекция антизападных настроений. Корни же современной общности азиатов лежат в испытываемой ими угрозе распада под влиянием западной цивилизации [2, с. 261–262].

На протяжении последних двух столетий приобрела значение доминанты теория, которая с ценой прогресса тесно увязывает один аспект, который можно определять и как геополитический, и как межцивилизационный, и как историко-эпохальный. Более привычно он фиксируется, как “Восток” – “Запад”, а немного ранее, как “Европа” – “Азия”. “Лишь в

масштабе мировой истории становится понятным, – писал Карл Ясперс более полувека назад, – какие глубокие изменения, подготовленные в течение двух последних веков, произошли в наше время”. Нечто действительно новое, принципиально совершенно иное, не допускающее никакого сравнения с тем, что существует в Азии, специфически самобытное, чуждое даже грекам, являют собой только современная европейская наука и техника. Поэтому мы видим, что приблизительно до 1500 г. н.э. сходство между Азией и Европой еще довольно сильно, только в последние столетия различие достигло столь значительной степени.

Западноевропейский историк М. Фабр считает, что история человечества характеризуется некой “осевой альтернативой” – по крайней мере до промышленной революции. “Она (история) колеблется между двумя полюсами – полюсом азиатского способа производства и полюсом, который можно назвать европейской линией развития [5, с. 57]. Развивая это положение, западноевропейский ученый М. Годелье считает, что европейский путь истории коренным образом отличается от других, он неповторим, нигде в мире не было развития, однотипного с европейским. Будучи такой особенной, “индивидуальной”, европейская история вместе с тем получает решающее всемирно-историческое значение: именно она создала материальные и духовные предпосылки для прогресса всего человечества, преодоления классовых антагонизмов и неограниченного развития производительных сил [6, с. 34–35].

В своей книге Годелье пишет “Западная линия развития является типичной, потому что она одна привела к наибольшему прогрессу производительных сил и к наиболее чистым формам классовых битв... Она является типичной, потому что в своем особенном развитии привела ко всеобщему результату. Она создала практическую основу (индустриальную экономику) и теоретическую концепцию (социализм) для того, чтобы обеспечить преодоление ею самую и всеми обществами форм эксплуатации человека человеком, как самых древних, так и самых новейших” [6, с. 37].

Таким образом, наглядно проявляется тенденция ограничить процесс глобализации, набирающий силу, параметрами европоцентристских культурологических и цивилизационных ценностей, представить азиатскую линию развития как второстепенную доминанту, исчерпавшую потенциал своего развития в мировом историческом процессе.

Противоположную и весьма своеобразную точку зрения по данной проблеме высказал известный российский историк Л.Н. Гумилев: “Цивилизованные ныне европейцы стары и потому чванливы. Они гордятся накопленной культурой, как все этносы в старости. А ведь всего тысячу лет назад франки и норманны только начали учиться у византийцев и арабов богословию и мытью в бане. А какими они станут еще через тысячу лет, можно предположить путем сравнения их с эллинами и римлянами, уже исчезнувшими, но оставившими следы своей культуры” [7, с. 219].

Известный английский историк и философ А. Тойнби подчеркивал, что наиболее вероятный путь, по которому может в будущем пойти человечество – это столкновение между цивилизациями, базирующимися на различных этнокультурных основах. Он акцентировал внимание на том, что влияние Запада на остальной мир и ответные контрудары, контрвлияние других цивилизаций будут определять облик и перспективы мира уже в обозримом историческом будущем. Данные выводы, подчеркивал он, базируются на опыте нескольких тысяч лет со времени появления первых цивилизаций и, особенно на парадигматическом обобщении опыта греко-римской цивилизации...” [8, с. 14].

Определяя направления движения и “вектор роста” цивилизации, перспективы развития человечества, известный американский социолог С. Хантингтон отмечает: “Я полагаю, что в нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой.

Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями – это и есть линии будущих фронтов” [9, с. 33].

Любые крайности всегда порождают экстремальное развитие социополитических процессов и лишь учет всей гаммы, многообразия истоков развития как европейской, так и азиатской линии развития человечества, их единых, глубинных корней, является важнейшим средством от односторонней глобализации с уклоном в европоцентризм, так и ответной реакции на эти процессы – фундаментализм, терроризм, антиглобализм.

Взрывы Нью-Йоркского торгового центра, террористические акты, сотрясающие различные континенты Земли, угрожающие перерости в мировую термоядерную войну и ставящие под вопрос само бытие всех стран и народов, заставляют вновь и вновь возвратиться к истокам становления, развития, к интеграционным процессам, характерным для развития индоевропейских, в том числе славянских этносов и особенно – восточнославянских.

Ф. Ратцель, рассматривая проблемы этногенеза, акцентировал внимание на том, что “...не пропасти, а различные ступени отделяют одну от другой части человечества. Поэтому задачей народоведения является, прежде всего не указание различий, а указание переходов и внутренней связи, так как человечество есть целое, хотя и сложного образования” [10, с. 4].

Исходя из этого, опыт формирования славянских этносов, гармонично адаптировавших в своем историческом прошлом элементы как европейского, так и восточного цивилизационного процесса, синтезировавших их в устройстве державности Киевской Руси, ее преемников, являет собой непреходящую по историческому значению модель для решения актуальных проблем не только настоящего этапа развития *Homo sapiens*, но и будущих поколений. Таким образом, опыт Киевской Руси, славянства в целом в аспекте сосуществования, адаптация друг к другу локальных, исторически сложившихся культур, цивилизаций, этносов – значимый фактор гармоничного решения этих сложнейших и важнейших проблем, столь актуальных для настоящего и будущего всего человечества.

На фоне обострения противостояния западной и восточной компоненты мирового исторического процесса актуальным является изучение развития славянства, воспринявшего от индоевропейской общности единство западного и восточного начал, открытость этнической системы, интегрирующей чужеродные элементы и использующей их для укрепления связующих основ бытия, что является ключом к разрешению нынешней конфронтационной линии противостояния западной и восточной цивилизаций.

Актуальность рассматриваемой проблематики определяется и тем, что подобно тому, как генный код в значительной степени определяет жизненный путь человека, так и “этнический код” – социокультурные, экономические, политические, биологические и прочие параметры формирования этносов, оказывают влияние на ход развития, место в мировой “табели о рангах” в различные исторические периоды развития народов и стран, влияет не только на настоящее, но и очерчивает параметры будущего этносов, предопределяет взлеты, падения стран, народов, их место на мировой арене, протяженность, длительность их существования как этнических единиц.

Осмысление проблемы этногенеза славянства, в том числе и восточного, выявление этнических основ украинского, российского, белорусского народов, в настоящее время приобретает особую актуальность как проявление духовного возрождения, раскрытия закономерностей национального развития украинской, российской и белорусской державности, что дает возможность определения потенциала, накопленного на протяжении тысячелетий данными этносами, вставшими на путь независимого, суверенного развития, их уникальной созидательной миссии во всемирно-историческом процессе.

*Дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь
перед настоящим.*

А.С. Пушкин

Из древних чудесных камней прошлого сложим ступени грядущего.

Н.К. Рерих

Я не видел людей с более совершенными телами, чем у руссов. Они подобны пальмам, белокуры, красивы лицом и белы телом. Каждый из них имеет топор, меч и нож, причем со всем этим он никогда не расстаётся. А что касается их женщин, то они все прекрасны, их тела белы, как слоновая кость. На шеях у них мониста из золота и серебра и нож, спадающий меж грудей.

Ибн-Фадлан

РАЗДЕЛ 1. ЭТНОГЕНЕЗ СЛАВЯНСТВА – ИНТЕГРАЦИЯ ЗАПАДНОГО И ВОСТОЧНОГО НАЧАЛ

Выдающийся мыслитель XX столетия – немецкий философ Карл Ясперс в работе “Смысл и назначение истории”, рассматривая важнейшие закономерности исторического процесса, акцентировал внимание на том, что история человечества в значительной степени исчезла из нашей памяти. Лишь исследовательские поиски в какой-то мере приближают нас к ней. При этом глубина длительной доистории – всеобщей основы, – по существу, не проясняется тусклым светом нашего знания. Данные исторического времени – времени письменной документации – случайны и неполны, число источников растёт лишь начиная с XVI в. Будущее же неопределенно, это область беспредельных возможностей. На основании этого, К. Ясперс заключает, что между безмерной доисторией и неизмерностью будущего лежат 5000 лет известной нам истории, ничтожный отрезок необозримого существования человека. Эта история открыта в прошлое и будущее. Ее нельзя ограничить ни с той, ни с другой стороны, чтобы обрести тем самым замкнутую картину, полный самодовлеющий ее образ [15, с. 28].

Фридрих Рацель – автор работы “Народоведение”, вышедшей в 1894 году в Лейпциге, рассматривая проблемы данного научного направления, отмечал: “Народоведение должно не только знакомить нас с человечеством, каково оно теперь, но и с тем, как оно стало таким, насколько для нас уцелели следы его разнообразного прошлого. Только таким путем мы можем установить единство и целостность человечества. Что касается хода этих соображений, то, прежде всего, надо иметь в виду, что культурное расстояние между двумя группами человечества по ширине и глубине может быть совершенно независимо от различия даровитости” [10, с. 3].

*Много есть чудес на свете;
Человек – их всех чудесней.*

Софокл

1.1. ОТ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ – К ПРАСЛАВЯНСКОЙ ОБЩНОСТИ

Н.М. Карамзин, рассматривая проблемы этногенеза славянства, отмечал в своем фундаментальном труде “История государства Российского”: “Великие народы, подобно великимъ мужамъ, имьют свое младенчество и не должны его стыдиться” [11, т. 1, гл. III, с. 68].

Академик Б.А. Рыбаков, анализируя аспекты этногенеза славянства, обращался к проблеме праславян: их развития, обособления из обширной индоевропейской прародины. При этом он акцентировал внимание на том, что, когда мы говорим о происхождении того или иного народа, то сталкиваемся с целым рядом предположений, легенд, гипотез. Отдаленный во времени медленный процесс протекал почти неуловимо для нас. Но некоторые вопросы все же необходимо поставить: первый – происходило ли формирование народа путем размножения и расселения одного племени из какого-то незначительного пространства или же народ формировался путем сближения родственных соседних племен? Второй вопрос: какие общи (в данном случае – общеевропейские) события могли стимулировать обособление ряда племен от общеиндоевропейского массива и их консолидацию в больших масштабах [12, с. 19–20].

Рассмотрения аспектов проблемы этногенеза представляет значительный интерес как для осмысления прошлого, так и для постижения настоящего, определения параметров будущего. Из этого исходил Ф. Ратцель, акцентируя внимание на том, “что все в человечестве, что в нем велико и ново, создано из того общего основания, многие части которого до сих пор еще остаются неизменными” [10, с. 5].

Для рассмотрения проблематики этногенеза славянства, влияния на него как западных, так и восточных начал развития цивилизационного процесса, необходимо определиться с терминологическим аппаратом данного вопроса.

На протяжении столетий вокруг термина “индоевропейцы” идет научная дискуссия, затрагивающая его понятийное содержание. Английский ученый сэра Уильям Джонсон в 1786 году сформулировал положение, в соответствии с которым термин “индоевропейцы” можно с уверенностью применять лишь к лингвистическому материалу, так как по его мнению он плохо коррелирует с антропологическими и археологическими данными [13, с. 92].

Дальнейшее развитие научных данных позволило трактовать термин “индоевропейцы” в градации как от языковой семьи, так и до глобального протоэтнического сообщества в зависимости от смыслового содержания.

Интерес представляет проблематика локализации индоевропейской праэтнической общности, о чем свидетельствует значительное количество научных гипотез, трактующих временные рамки и местоположение праобщности:

1. Северо-причерноморская гипотеза (В.М. Даниленко) свидетельствует, что индоевропейская общность зародилась на степной границе Европы и Азии в X–VII тыс. до н.э. и позднее распространилась на Европу и территорию Кавказа, разделившись на три группы. Одна из них, которая оставила след в виде ямочно-гребенчатой керамики, днепровско-донецкой и азово-днепровской археологических культур неолита, формировала этничность населения Украины.

2. Анатолийско-балканская гипотеза (И.М. Дьяконов) обосновывает идею индоевропейской прародины в Балкано-Карпатском бассейне. Некоторые племена поселились и на территории Украины: протохары, позднее индоиранцы и балто-славяне. Материальный след этой цивилизации – линейно-шнуровая керамика V–IV тыс. до н.э.

3. Анатолийско-северопереднеазиатская гипотеза (Т.В. Гамкрелидзе) связывает образование индоевропейского праэтнического сообщества с культурой Чатал-Гуюка VI–V тыс. до н.э. на границе Закавказья и Верхней Месопотамии. Позднее, в III тыс. до н.э., это праобщество распалось на тохаров, которые направились на восток (в Центральную Азию) и древнеевропейцев, для которых поволжские и причерноморские степи стали “вторичной” прародиной (ямная культурно-историческая общность).

4. Центральнo- и южно-европейская гипoтеза (Б.В. Горнунг) отстаивает идею нескольких индoевропейских зон: одна из них связана с культурoй Старчево-Кереш, затем трансформировалась в культуры Винча-Тордош и Тиса; другая – с бугo-днестровской, а позднее – с трипольской культурами [4, с. 21–22].

При анализе трансформации праэтнического индoевропейского единства в локальные этнические образования необходимо определитьcя со значением термина “этногенез”. Наиболее общепринятая трактовка термина “этногенез” состоит в понимании становления и развития общностей людей в истoрико-культурном, социально-экономическом, биологическом и психологическом аспектах, образующих синтез характерных черт и особенностей различных народов, в параметрах как единых, так и индивидуальных составляющих этого сложного, многогранного процесса.

Этничность же является синкретической категорией, отражающей сложную систему общественных отношений, связывающих личность как носителя специфических признаков, определяемую термином этнофор с природно-культурологической средoй ее обитания – родиной, истoрическими формами тех или иных сообществ [4, с. 10].

Академик Б.А. Рыбаков при рассмотрении проблемы этногенеза славянства, выделении его из индoевропейского, протоэтнического сообщества отмечал: “Славянские народы принадлежат к древнему индoевропейскому единству, включающему такие народы, как германские, балтийские (литовско-латышские), романские, греческие, кельтские, иранские, индийские (“арийские”) и другие, раскинувшиеся еще в древности на огромном пространстве от Атлантического океана до Индийского и от Ледовитого океана до Средиземного моря. Четыре-пять тысяч лет тому назад индoевропейцы занимали еще не всю Европу и не заселили еще Индостан; приблизительным геометрическим центром первоначального индoевропейского массива была северо-восточная часть Балканского полуострова и Малая Азия. Те племена, из которых путем постепенной консолидации образовались “праславяне”, обитали почти на краю индoевропейских пространств, севернее горного барьера, который отделяет южную Европу от северной и тянется от Альп на восток, завершаясь на востоке Карпатами [12, с. 19].

Интересная гипoтеза по истoрии протославян, т.е. индoевропейской общности, от которой позднее произошли славяне, принадлежит лингвисту Б.В. Горнунгу. Ученый полагал, что в конце II тыс. до н.э. и первой половине I тысячелетия до н. э. индoевропейцы дифференцировались на две диалектные зоны – древнюю северо-западную и древнюю юго-восточную. Протославяне были в составе последней и соприкасались с предками анатолийцев, прототохарами, будущими дако-мезийцами и фракийцами. Б.В. Горнунг видит протославян этого периода среди населения среднего этапа трипольской культуры, обитавшего в междуречье Днeпра и Днестра.

Исследования Х. Края показали, что древнеевропейские гидронимы распространены от Скандинавии на севере до материков Италии на юге и от Британских островов на западе до юго-восточной Прибалтики на востоке. Области севернее Альп представляются исследователю наиболее древними. Древнеевропейцы выработали общую терминологию в области сельского хозяйства, социальных отношений и религии. Академик В.В. Седов отмечает, что построение Х. Крае являются всего лишь научной гипoтезой. Поэтому для одних исследователей они вполне приемлемы, а другие указывают на то, что фактических данных для предположения о существовании древнеевропейской общности пока очень мало. Однако количество материалов, свидетельствующих в пользу построений Х. Крае, постепенно увеличивается, что делает их все более и более авторитетными. Интерес представляет схема локализации размещения индoевропейцев, составленная Х. Хиртом и показывающая диалектическое единство этносов, зародившихся в недрах данного праэтнического сообщества .

Академик Б.А. Рыбаков связывает этногенез славянства с социально-экономическими процессами, протекавшими в III–II тысячелетиях до н.э., конкретизируя их следующей гипотезой: “С общеευропейскими событиями дело обстояло так: на рубеже III и II тысячелетий до нашей эры в северной половине Европы (от Рейна до Днепра) усиливается скотоводческое пастушеское хозяйство, быстро возникает имущественное и социальное неравенство. Крупный рогатый скот становится символом богатства (в старом русском языке “скотница” – казна), а легкость отчуждения стад ведет к войнам и неравенству племен и вождей. Первобытное равенство нарушилось” [12, с. 20–21].

Из данных теоретических обобщений Б.А. Рыбаков делает соответствующий вывод: “Все это происходило с племенами, являвшимися предками батгов, славян и германцев. Расселение велось отдельными, самостоятельно действующими племенами. Об этом можно судить по необычной пестроте и чересполосности скотоводческой терминологии в Восточной Европе” [12, с. 21].

Альфред Вебер, рассматривая узловые пункты развития человечества, отмечал, что поворот истории Европы был произведен индоевропейскими народами-завоевателями. В конце третьего тысячелетия они достигли Европы и Средиземноморья. Новый великий прорыв они совершили около 1200 г., когда достигли Ирана и Индии. В конце второго тысячелетия до н.э. кочевые народы появились и в Китае.

До этого времени на территории от Китая до Европы существовали уходящие в глубину времен древние культуры, характеризующиеся частично как матриархальные; это были либо культуры земледельцев, оседлых скотоводов, либо просто проживающие в полной замкнутости народы, которые заселяли культурный пояс от Китая до Европы.

История превращается в борьбу между этими двумя силами – культурой матриархата, древней, стабильной, связанной, непробудившейся, и новой – динамичной, освобождающей, осознанной в своих тенденциях культурой кочевых народов [15, с. 46].

К. Ясперс, анализируя концепцию А. Вебера, отмечал, что она спорна в методологическом отношении. Вторжение кочевых народов из Центральной Азии, достигших Китая, Индии и стран Запада (у них великие культуры древности заимствовали использование лошади), имело, как уже было сказано, аналогичные последствия во всех трех областях: имея лошадей, эти кочевые народы познали даль мира. Они завоевали государства великих культур древности. Опасные предприятия и катастрофы помогли им понять хрупкость бытия; в качестве господствующей расы они привнесли в мир героическое и трагическое сознание, которое нашло свое отражение в эпосе [15, с. 46].

Вывод, который следует из гипотезы А. Вебера, заключается в том, подчеркивал К. Ясперс, что “тезис Альфреда Вебера указывает на реальное единообразие внутри евроазиатского блока. Однако в какой мере появление здесь кочевых народов было решающим, определить трудно. Географические условия и исторические констелляции создают, правда, известные предпосылки для объяснения, интересующего нас факта, однако почему с этого момента начинается творческое созидание, остается для нас тайной”.

Тезис Вебера обладает известной убедительностью в силу простого каузального объяснения, основанного на характерных жизненных свойствах кочевых народов. Однако он в лучшем случае лишь указывает на одну предпосылку [15, с. 46].

А. Пономарев, рассматривая процесс развития индоевропейского сообщества, отмечал, что аридизация природных условий и соответствующая трансформация экономики и, соответственно, культуры, сформировали новый этнический образ индоевропейца на их традиционной прародине. Особо интенсивно этот процесс протекал в юго-восточной части индоевропейского ядра – в степных регионах Украины, где встретились несколько потоков индоевропейской общности [4, с. 30].

Б.А. Рыбаков акцентирует внимание на том, что, начиная с XV в. до н.э., прослеживается первое существенное отделение от индоевропейского единства славянства, что связано, как он предполагает, с комаровской и тшинецкой археологическими культурами, датируемыми XV–XII в. до н.э.

По гипотезе украинского этнографа Пономарева, формирование славянского этноса проходило в несколько этапов и на ряде культурных основ. Один из этапов – лужицко-скифский – охватывает четыре

археологические культуры: лужицкую, чернолискую, белогрудовскую и скифскую и имеет временной рубеж от XI до III в. до н.э. [4, с. 34].

Академик В.В. Седов, характеризуя культуры периода формирования славянского этноса, отмечал, что лужицкая культура получила распространение в Центральной Европе (между верхней Эльбой и Вислой, включая северные области Среднего Подунавья) в последних столетиях II и в первой половине I тысячелетия до н.э. Ее приписывали германцам, кельтам, славянам, иллирийцам, фракийцам.

В.В. Седов обращает внимание на то, что лужицкие древности являются составной частью культур полей погребальных урн, характерных для Европы в конце бронзового и в самом начале железного века. На раннем этапе в ареале этих культур наблюдается еще довольно пестрая картина. Зато в начале I тысячелетия до н.э. ареальные различия нивелируются и можно говорить о сложении и существовании в Европе единой культурной общности полей погребальных урн.

Эта культурная общность лежит в основе культуры пракельтов (верхний Рейн), праиталиков (Приальпийский регион), иллирийцев (на юго-востоке), прагерманцев (древнейшая германская культура – ясторфская – сложилась на основе местных древностей эпохи бронзы при участии проникшей с юга культуры полей погребений), славян (восточный регион лужицкой культуры) и, по-видимому, некоторых других европейских этносов [14, с. 44].

Формирование славянского этноса проходило в тот насыщенный период, который немецкий философ К. Ясперс назвал “осевым временем”, характеризуемым тем, что ось мировой истории, если она вообще существует, может быть обнаружена только эмпирически, как факт, значимый для всех людей, в том числе и для христиан. Эту ось следует искать там, где возникли предпосылки, позволившие человеку стать таким, каков он есть; где с поразительной плодотворностью шло такое формирование человеческого бытия, которое, независимо от определенного религиозного содержания, могло стать настолько убедительным – если не своей эмпирической неопровержимостью, то во всяком случае некоей эмпирической основой для Запада, для Азии, для всех людей вообще, – что тем самым для всех народов были найдены общие рамки понимания их исторической значимости. Эту ось мировой истории следует отнести, по мнению К. Ясперса, по-видимому, ко времени около 500 лет до н.э., к тому духовному процессу, который шел между 800 и 200 гг. до н.э. Тогда произошел самый резкий поворот в истории. Появился человек такого типа, какой сохранился и по сей день. Это время К. Ясперс называл осевым временем [15, с. 32].

Расшифровывая понятия “осевого времени”, его характерные черты и особенности реализации как на Западе, так и на Востоке, К. Ясперс отмечал, что в это время происходит много необычного. В Китае жили тогда Конфуций и Лао-цзы, возникли все направления китайской философии, создали мыслители Мо-цзы, Чжуан-цзы, Ле-цзы и бесчисленное множество других. В Индии возникли Упанишады, жил Будда, в философии – и в Индии, и в Китае – были рассмотрены все возможности философского постижения действительности, вплоть до скептицизма, материализма, софистики и нигилизма; в Иране Заратустра учил о мире, где идет борьба добра со злом; в Палестине выступали пророки – Илия, Исая, Иеремия и Второисая; в Греции – это время Гомера, философов Парменида, Гераклита, Платона, великих трагиков, ученых Фукидида и Архимеда. Все то, что связано с этими именами, возникло почти одновременно в течение немногих столетий в Китае, Индии и на Западе независимо друг от друга.

Новое, возникшее в эту эпоху в трех упомянутых культурах, сводится к тому, что человек осознает бытие в целом, самого себя и свои границы. Перед ним открывается ужас мира и собственная беспомощность. Стоя над пропастью, он ставит радикальные вопросы, требует освобождения и спасения. Осознавая свои границы, он ставит перед собой высшие цели, познает абсолютность в глубинах самосознания и в ясности трансцендентного мира [15, с. 32–33].

Славянский мир не был некой изолированной субстанцией данного переломного этапа мирового исторического процесса, а ощутил воздействие как западного, так и восточного факторов развития – древнейшей матриархальной культурной основы и индоевропейской, принесшей динамизм натиска и великого порыва к обновлению основ бытия.

Рассматривая проблему исторической прародины восточных славян, М.С. Грушевский отмечал: “Своею нынешнею територією українська група племен овладає во время славянського расселення, двигаясь из своей прародины на юг и запад”. М.С. Грушевский акцентирует внимание на том, что прародину индоевропейских племен нужно искать не в Передней Азии, где предполагали ее прежде, а в Восточной Европе: отсюда в весьма раннее время, которое приблизительно определяют двумя тысячелетиями до нашей эры, отдельные группы начали распространяться на запад, юг и юго-восток; литовская и восточнославянская группы племен были бы в таком случае теми, которые остались на старом пепелище или в ближайшем его соседстве [17, с. 19].

М.С. Грушевский, анализируя различные аспекты генезиса славянства, отметил, что как бы ни обстояло дело с индоевропейскою прародиной, во всяком случае, славянская и литовская группы, наиболее близкие между собою среди прочих индоевропейских племен, уже по выделении прочих групп прожили долгое время в близком соседстве и общении, несомненно, в Восточной Европе. С движением германских племен на запад обозначилась западная граница этих литовско-славянских обиталищ – в бассейне Вислы. Южная обозначалась с расселением иранских племен в черноморских степях: из исторических источников о черноморской колонизации видим, что кочевое (иранское, по всей очевидности) скифско-сарматско-аланское население степей не выходило за пределы областей нижнего Днепра, Южного Буга и Днестра, и далее на север мы должны предположить славянскую колонизацию. На юго-западе во II в. до нашей эры Карпатское подгорье покрывала германская (или кельтско-германская) колонизация бастардов; перед их приходом, а также и после ослабления их, славянская колонизация могла простираться до Карпат, в бассейнах верхнего Днестра, Сана и Вислы, прорываясь временами и дальше на юго-запад. Горную же область Карпат занимала группа мелких народов неясного, по всей вероятности фракийского, происхождения. Все это были народы той же индоевропейской семьи. Только по линии, перерезывавшей Восточноевропейскую равнину с северо-запада на юго-восток, границы славяно-литовской колонизации встречались с вовсе чужою – финскою колонизациею” [17, с. 19].

На основании данной гипотезы, М.С. Грушевский пришел к заключению о том, что в этом треугольнике, который ограничивается линией Вислы на западе, Балтийским морем на севере, на юге занимает области среднего Днепра и Днестра, а на востоке – бассейн Днепра (кроме, может быть, его больших восточных притоков), с наибольшим правдоподобием нужно искать славяно-литовскую территорию перед расселением. Литовская группа занимала ее северную часть в соседстве Балтийского побережья и, вероятно, также земли между Двиной и Неманом; славянская – остальное пространство от Карпатского подгорья до Алаунской (Валдайской) возвышенности и бассейна Волги, постепенно расширяя свою территорию по мере того, как продвигались на запад и юго-восток соседние группы – иранцы, фракийцы, германцы. Юго-восточная, украинская группа племен уже тогда, перед расселением, могла занимать северную и северо-восточную часть своей позднейшей территории, распространившись потом только на юг и запад.

При этом расселение славян должно было начаться не позже III века нашей эры. За движением германских племен должно было последовать движение славян на запад. Ослабление иранских орд Черноморья открывало дорогу на юг; гуннский поток, разрушивший остатки иранской колонизации и погнавший на запад готские племена Черноморья, окончательно открыл эти земли для славянской колонизации” [17, с. 20].

Анализируя работы, посвященные становлению и развитию славянства, академик В.В. Седов отмечал, что научные изыскания по проблеме славянского этногенеза начинаются с 30-х годов XIX в., когда появилась книга известного исследователя славянских древностей П.И. Шафарика “Славянские древности”. В основе его исторических построений лежит анализ сведений античных авторов о венедах и этногеографических данных Иордана. П.И. Шафарик попытался показать, что славяне искони заселяли обширные пространства Средней Европы. Славянский язык, по представлениям этого исследователя, впервые зазвучал к северу и северо-востоку от Карпат, т.е. на территории Галиции, на Подолии и Волыни. Сформулированная П.И. Шафариком прикарпатская теория происхождения славян была весьма популярна в XIX в. [14, с. 8].

С конца XIX в. при определении места расселения ранних славян наряду с историческими и лингвистическими данными привлекаются материалы топонимики. В 1901 г. появилось исследование А.Л. Погодина: «Из истории славянских передвижений», в котором на основе сведений древних авторов дан очерк истории славян, начиная с первых веков нашей эры, и предпринята попытка очертить раннюю славянскую территорию при помощи анализа речных названий. Исследователь приходит к выводу, что ранние славяне были насельниками территории Польши, Подолии и Волыни, где обнаруживается довольно много славянских гидронимов. Эти области, по мнению А.Л. Погодина, славяне занимали с глубокой древности вплоть до раннего средневековья, когда началось их широкое расселение [14, с. 9–10].

В XX столетии по вопросам славянского этногенеза написаны сотни книг и статей, высказано множество самых разнообразных мыслей, предположений и догадок, ибо эта тема приобрела особую значимость и актуальность.

В 20-х годах мысль о припятско-среднеднепровской прародине славян попытался аргументировать известный славист М. Фасмер.

Для первой трети XX в. наиболее значительными в области славянского этногенеза являются исследования Л. Нидерле, в которых были обобщены достижения различных наук – истории, лингвистики, этнографии, антропологии и археологии.

В.В. Седов, анализируя вклад Л. Нидерле в рассмотрение проблемы этногенеза славянства, отмечал: «Согласно Л. Нидерле праиндоевропейский язык распался на отдельные языки в начале II тысячелетия до н.э. Наряду с другими индоевропейскими языками в течение II тысячелетия до н.э. существовал балто-славянский язык, в результате членения которого в I тысячелетии до н.э. (может быть, и несколько раньше) образовался славянский язык.

Показав несостоятельность основанной на русской летописи балканской теории славянского этногенеза, Л. Нидерле отмечает, что место формирования славян пока не может быть определено. В виде предположения высказывается, что древними славянами были невры, будины и скифы-пахари Геродота» [14, с. 9–10].

На основании данных глотогенеза, этнографии, антропологии и археологии Л. Нидерле выдвигал гипотезу относительно области славянского расселения в начале нашей эры. На востоке эта территория достигала верховьев Днепра и отдельных районов бассейна Дона, на севере подходила к Нареву и левым притокам Припяти, на западе – к Эльбе. Западную границу славянского ареала, замечает исследователь, возможно, придется передвинуть к Висле, если не будет доказана славянская принадлежность полей погребений лужицко-силезского типа [14, с. 10].

На современном этапе развития научного изучения проблемы этногенеза, сформировались две основополагающие концепции феномена этничности – примордиалистская и конструктивистская.

Гносеология примордиализма базируется на признании этничности как некоей объективной реальности, т.е. такой данности, которая присуща человеку и человечеству и формируется либо в ходе исторического развития, либо будучи заложенной в генетическом коде данного народа. Исходя из этого, этнос определяется как группа людей, имеющих общее название, элементы культуры, миф про общность происхождения, общую историческую память, ассоциирующих себя с некой общей территорией и наделенных чувством солидарности [4, с. 10].

Концепция примордиализма базируется на идеях немецкого романтизма конца XVIII – начала XIX столетий и была обусловлена ростом национального самосознания, связанного с процессом национально-культурного возрождения и общеевропейского национального подъема.

Ван ден Берг и продолжатель его идей Лев Гумилев, исходя из теории примордиализма, довели ее до логического завершения, трактуя этничность и процесс этногенеза как расширенную форму единого родового отбора и связи, базирующуюся на своеобразном инстинктивном импульсе, заложенном в генетическом коде еще на ранней стадии эволюции, когда этот импульс был необходим для распознавания членов своей родственной семьи или рода.

Ван ден Берг и Л. Гумилев, рассматривая эволюцию «инстинктивного импульса» генетического кода этносов, подчеркивали, что на родовой стадии он был способом индивидуального выживания, на стадии

формирования этносов – способом кодификаций этнической культуры и выживания этносов, на этапе же становления наций как высшего типа этнического развития – способом приобщения к национально-державным ценностям, т.е. способом создания национальной державности [3, с. 5].

При рассмотрении данной теории этнических процессов необходимо отметить, что в мировом сообществе этнически “чистых” и однообразных этносов практически не бывает, так как на “часовой глубине” всего в 600 лет, что равно примерно 25 поколениям, каждый современный человек теоретически имеет 33 миллиона 554 тысячи 432 предка, этническую чистоту каждого из которых практически невозможно гарантировать. В таком случае, по теории “инстинктивного импульса”, должен произойти процесс взаимонейтрализации противоположных этнических импульсов и как итог – деградация или гибель этносов.

Учитывая же тот фактор, что “стерильно” чистых этносов практически не бывает, произошло бы, исходя из гипотезы Ван ден Берга и Л. Гумилева, самоуничтожение этносов, за исключением тех из них, которые были изолированы природными условиями бытия (обитатели островов Полинезии и др.).

Историческая практика на деле опровергает данную теорию, так как этносы, ассимилировавшие разноплеменные начала, впитавшие при этом социокультурные новации, обнаруживают в своем функционировании повышенную адаптационную жизнестойкость, активность.

Необходимо отметить, что концепция некоего тысячелетнего “инстинктивного импульса”, якобы предопределяющего изначально параметры развития народов, заранее подразделяет их на “избранных”, т.е. “обреченных” на успех, и на изгоев, тысячелетиями обреченных прозябать на задворках мировой истории в силу импульсивной предопределенности тысячелетней давности, что идентично социал-дарвинизму и его наиболее одиозному варианту – фашизму.

Академик П.П. Толочко, рассматривая проблему этногенеза славянства во введении к двухтомнику “Стародавня історія України”, изложил концепцию исторического развития древних сообществ в границах Украины, которая базировалась на материалах его многолетних археологических исследований. На основании этих данных он пришел к заключению, что население Украины на протяжении тысячелетий не было этнично и культурно однородным.

Автохтонное развитие местных народов, отмечает П.П. Толочко, постоянно усложнялось миграционными инновациями, которые часто коренным образом меняли этнокультурную структуру населения территории Украины [16, с. 33].

Немецкий ученый Г. Кайзерлинг, анализируя проблему этногенеза, отмечал: “От поколения к поколению люди претерпевают изменения одинакового рода и в одинаковом направлении, а в поворотные моменты истории однотипные изменения охватывают гигантское пространство и совершенно чуждые друг другу народы” [15, с. 45].

П.П. Толочко акцентирует внимание на том, что при рассмотрении процессов этногенеза необходимо исходить из тезиса, что миграционные потоки, какими бы они мощными не были, не приводили к полной и незамедлительной смене населения региона [16, с. 33–35].

При рассмотрении данной проблематики Б.А. Рыбаков делает следующее важное обобщение: “Следует отметить, что главной образующей силой этногенеза была стихийная интеграция более или менее родственных племен. Но, разумеется, имело место и естественное размножение, филиация племен и колонизация новых пространств. Филиация племен уплотняла этнический массив, заполняя промежутки между старыми “материнскими” племенами и, конечно, содействовала упрочению этого массива, но не размножение одного-единственного племени создавало народ” [12, с. 19].

К. Ясперс, анализируя проблемы становления этносов на Евразийском континенте, отмечал, что прослеживается общность истории всего Евразийского континента, которая определялась непрерывными вторжениями, переселениями и завоеваниями, совершаемыми народами Центральной Азии, базируется на сходстве техники и орнамента, выявленным археологическими находками, сходстве, уходящем далеко в доисторическую эпоху и позволяющих прийти к заключению, что между народами всего континента происходил постоянный обмен [15, с. 47].

В.В. Седов, рассматривая историографические проблемы этногенеза славянства, отмечает, что к эпохе средневековья восходит скифо-сарматская теория происхождения славян. Впервые она зафиксирована Баварской хроникой XIII в., а позднее воспринята многими западноевропейскими авторами XIV–XVIII вв. Согласно их представлениям предки славян из Передней Азии продвинулись вдоль черноморского побережья на север и осели в южной части Восточной Европы. Древним авторам славяне были известны под этнонимами – скифы, сарматы, аланы и роксоланы. Постепенно славяне из Северного Причерноморья расселились на запад и юго-запад [14, с. 8].

Отождествление славян с различными этническими группами, упоминаемыми древними авторами, характерно для историографии средневековья и первого этапа нового времени. В сочинениях западноевропейских историков можно встретить утверждение, что славяне в древности назывались кельтами. Среди южнославянских книжников было распространено мнение, что славяне и готы – один и тот же народ. Довольно часто славян отождествляли с фракийцами, даками, гетами и иллирийцами [14, с. 8]. В настоящее время все эти догадки и теории имеют лишь историографический интерес и не представляют какой-либо научной значимости.

Один из выдающихся мыслителей XX столетия К. Ясперс в попытке осмыслить истоки становления великих культур различных этносов Евразийского континента отмечал: “Все объяснения такого рода игнорируют тот несомненный факт, что на этот путь стало совсем не все человечество, отнюдь не все люди, уже заселявшие в тот период нашу планету, а лишь немногие, относительно очень немногие, и только в трех местах земного шара, так как в великих культурах древности эти процессы коснулись не людей Земли как таковых, а лишь небольшой части человечества. Поэтому и делалась попытка опереться в решении этой проблемы не на биологические свойства людей, не на нечто, ошибочно возведенное в ранг всеобщего, присущего всему человечеству, а найти в рамках развития человечества *общие исторические истоки* тех немногих народов, которые претерпели это преобразование. Истоки эти нам, правда, неизвестны. Вероятно, их следует искать где-то в доистории в Средней Азии. Основываясь на таких общих истоках, параллельное развитие можно было бы, вероятно, объяснить родственностью. Однако эта идея до сих пор не может быть верифицирована. Она вызывает большие сомнения, так как исходит из общего происхождения столь различных народов, как китайцы, индоевропейцы и семиты, появление которых при таком толковании должно было бы относиться ко времени, отстающему от известного нам начала их истории лишь на несколько тысячелетий; в биологическом измерении – это весьма небольшой отрезок времени, вряд ли достаточный для образования глубоких расовых различий” [15, с. 45–46].

Значительный интерес представляет гипотеза этногенеза славянства, сформулированная Б.А. Рыбаковым, в соответствии с которой в момент их расселения – первая половина II тысячелетия – еще не было ни славянской, ни германской, ни балтийской общности; все племена перемешивались и меняли соседей в процессе медлительного движения. Примерно к XV веку до нашей эры расселение прекратилось. Вся зона европейских лиственных лесов и лесостепей была занята этими разными по месту прежнего жительства индоевропейскими племенами. Началась новая, уже оседлая жизнь, и постепенно на первое место в хозяйстве стало выходить земледелие. В новом географическом раскладе соседи стали налаживать связи, выравнивать особенности племенных диалектов и создавать впервые на большом пространстве новые, родственные друг другу языки, в западной части Европы получивший название германского, в срединной части – славянского, а в северо-восточной – латышско-литовского. Названия этносов появились позднее и не связаны с этой эпохой первичной консолидации родственных племен вокруг трех главных центров: западного (германского), восточного (балтского) и срединного (славянского) [12, с. 20–21].

Американские лингвисты Г. Трегер и Х. Смит предложили следующую хронологическую схему образования индоевропейских языков:

В.В. Седов следующим образом характеризует вклад академика Б.А. Рыбакова в рассмотрение проблемы этногенеза славянства: “В 1978 г. интересная реконструкция истории праславян была предложена Б.А. Рыбаковым. Важные наблюдения по отдельным деталям славянского этногенеза и некоторые научные догадки, высказанные исследователем,

заслуживают самого пристального внимания. Б.А. Рыбаков (вслед за Б.В. Горнунгом) начинает праславянский период с XV в. до н.э. и намечает пять этапов его эволюции. Первый из них соответствует тшинецко-комаровской культуре (XV–XII в. до н.э. Второй (XI–III вв. до н.э.) условно именуется лужицко-скифским, поскольку славяне в это время были носителями разнохарактерных культур – лужицкой, белогрудовской, чернолесской и скифской лесостепной. Третий этап (II в. до н.э.–II в. н.э.) представлен пшеворской и зарубинецкой культурами, четвертый (II–IV вв. н.э.) – пшеворской и черняховской, а пятый (V–VII вв. н.э.) – культурой пражского типа. Принадлежность славянам всех этих культур определяется Б.А. Рыбаковым тем, что ареалы их вписываются в одно и то же пространство от Днепра до Одера, “севернее европейского горного барьера (Карпаты – Судеты – Гарц)” [14, с. 9–14].

Э. Майер – профессор университета в Бюрцбурге, рассматривая этнические процессы на Евразийском континенте, отмечал: “Следует предположить, что к 5000 г. до н.э. *genus homo* достиг такой ступени развития, которая позволила всем группам людей или народам, обладавшим известной предрасположенностью (т.е. потенциальными духовными силами), для того, чтобы вообще выйти из этой стадии развития, совершить переход на путь, завершившийся возникновением более высокой культуры” [15, с. 43]. К. Ясперс, комментируя данную точку зрения Э. Майера, подчеркнул, что при таком понимании параллельные явления предстают как одновременно возникающие следствия биологического развития человека и становятся однопорядковыми ступенями его эволюции. То, что в силу общего биологического развития заложено в людях, являет себя одновременно и независимо от всего остального, подобно тому как это происходит на жизненном пути разъединенных друг с другом близнецов, вышедших из одной яйцеклетки [15, с. 43–44].

Специалист по философии права Эрнст фон Лазо, рассматривая общие закономерности, присущие этногенным процессам на Евразийном континенте, отмечал, что причиной этого поразительного совпадения может быть только внутреннее субстанциальное единство человеческой жизни и жизни народов, только общий всем народам порыв всей человеческой жизни, а не особое цветение одного народного духа.

В. Штраус, развивая данное направление изучения этногенных процессов, отмечал: “Это явление, параллелей которому в истории немало и которое позволяет прийти к выводу о действии таинственных законов, могло бы найти свое обоснование в одинаковом организме людей в силу их общего происхождения; но можно предположить и то, что здесь действует высшая духовная потенция, подобно тому как цветение в природе достигает своего полного величия лишь в живительных лучах солнца” [15, с. 45].

В 50-х годах вопрос о происхождении славян на основе данных археологии пытались осветить М.И. Артамонов в работе “Происхождение славян”. М.И. Артамонов разработал гипотезу, в соответствии с которой ранними славянами оставлены лужицкая, поморская и пшеворская культуры. Однако территория славян, – отмечал М.И. Артамонов, – не ограничивалась Висло-Одерским регионом, а с глубокой древности распространялась на восток вплоть до Поднепровья”. Здесь славянам принадлежали скифские культуры Подолии и Среднего Поднепровья. Невры, гелоны и будины Геродота, по М.И. Артамонову, были славянами. Позднеславянскими в Поднепровье были зарубинецкая и черняховская культуры. Славянский язык и в Повисленье, и в Поднепровье, по мнению исследователя, существовал еще с конца энеолита и начала эпохи бронзы [14, с. 14].

Согласно представлениям П.Н. Третьякова, племена культуры шнуровой керамики, расселившиеся во II тысячелетии до н.э. на территории от Эльбы до Днепра, были протославянами. В ряде своих работ П.Н. Третьяков пришел к заключению о племенах тшинецкой культуры как основе славянства, а с другой – считал возможным начинать историю славян лишь с рубежа нашей эры – от пшеворской и зарубинецкой культур [14, с. 15].

По мнению В.П. Петрова, кардинальные этнические преобразования на территории Украины произошли на рубеже III и II тыс. до н.э. Блестящая земледельческая культура трипольцев была уничтожена, при этом, по его версии, потерпел большой урон и человеческий потенциал данной культуры. По гипотезе В.П. Петрова, в ходе этого процесса новое население, распространяемое во II тыс. до н.э. с северо-западных периферийных районов Украины – скотоводы и всадники, потеснили, а в конечном итоге образовали симбиоз с земледельческой культурой трипольцев.

Именно в этот переломный период, по мнению В.П. Петрова, начинается процесс образования украинского народа, точнее – праукраинцев. Образно и ярко В.П. Петров повествует по этому поводу следующее: “Когда мы говорим, что являемся автохтонными на нашей земле, что живем на ней не от VI столетия от Рождества, а еще от III тысячелетия перед Рождеством, мы должны иметь в виду, что между нами и людьми неолитичной Украины лежит несколько пройденных нашими предками эпох, несколько этапов этнических деформаций. При этом наша автохтонность не является плодом и следствием только лишь самого биологического изменения и биологического возобновления поколений, которое в потоке времени последовательно замещали друг друга. В грозах и бурях уничтожений, на драматичных изломах созидался украинский народ, ставший таким, каким он есть ныне” [16, с. 230–231].

Академик П.П. Толочко, анализируя данную гипотезу, отмечал, что В.П. Петров вслед за своим духовным учителем В.В. Хвойкою, считал возможным искать украинские истоки еще в трипольской культуре (IV–III тыс. до н.э.), идентифицируя при этом прежде всего систему хозяйствования, топографии поселений, в обычаях разрисовывать жилища.

В отношении же этнических особенностей, отмечает П.П. Толочко, В.П. Петров, в отличие от В.В. Хвойки и В. Щербаковского, не склонен был считать трипольцев подосновой украинцев. При этом он высказывал точку зрения, что трипольцы ни по антропологическому типу, ни языком не принадлежали к индоевропейской семье народов [16, с. 232].

С критических позиций подошел к построениям В.П. Петрова В.В. Седов, который, анализируя труды В.В. Петрова, отмечал: “В 1972 году вышла в свет книга украинского археолога В.П. Петрова, в которой этническая история древних славян рисуется весьма своеобразно. Автор полагает, что начинать эту историю можно с трипольской культуры, хотя языковая принадлежность ее носителей остается нам неизвестной. Согласно В.В. Хвойке, отмечает исследователь, с трипольского времени вплоть до исторической эпохи на Украине, наблюдается непрерывное развитие земледелия, и следовательно, трипольцы были предками славян, т.е. протославянами. В дальнейшем в Северном Причерноморье сменилось много археологических культур, менялся и язык. В период раннего железа здесь жили скифы (по В.П. Петрову, не иранцы, а особая индоевропейская языковая группа). На зарубинецком этапе язык скифов-борисфенитов модернизировался в славянский. Однако еще в черняховское время это был такой язык, который нельзя отождествлять с языком раннесредневековых славян.

Обобщая значение гипотезы В.П. Петрова для осмысления проблемы этногенеза славянства, В.В. Седов отмечает, что в работе В.П. Петрова много неясного и неприемлемого. Прежде всего, остается необъяснимым, почему ранняя история славян ограничена территорией Украины: непрерывное развитие земледелия и отдельных элементов культуры прослеживается во многих районах Средней и Восточной Европы. Приведенные в книге лингвистические и исторические данные не дают конкретной картины славянского этногенеза” [14, с. 15].

Одним из наиболее актуальных вопросов, связанных с историей славянства, является проблема исторической прародины славянства. При этом выдвигались и обосновывались различные варианты определения прародины славян.

“Отец славянской истории” – Нестор, определяя координаты славянской прародины, исходил из библейского предания, согласно которому родиной всего человечества была

Передняя Азия. Нестор начинает историю славян с вавилонского столпотворения, разделившего человечество на 72 отдельных народа и вызвавшего расселение племен в разных направлениях: “От сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ словенескъ... По мнозехъ же времянех сели суть словени по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. И от техъ словенъ разидошася по земле и прозвашася имени своими, где седше на котормъ месте. Яко пришедше седоша на реце имянемъ Марави, и прозвашася морава, а друзии чеси нарекошася. А се те же словени: хрвате белии и серебъ и хоругане. Вохомъ бо нашедшемъ на словени на дунайския, и седшемъ в них и насилящемъ имъ, словени же ови пришедше седоша на Висле, и прозвашася ляхове, а от техъ ляховъ прозвашася поляне, ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне.

Тако же и ти словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася поляне, а друзии древяне, зане седоша в лесах; а друзии седоша межю Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи; инии седоша на Двине и нарекошася полочане, речьки ради, яже втечетъ въ Двину, имянемъ Полота, от сея прозвашася полочане. Словени же седоша около озера Илмеря, и прозвашася своимъ имянемъ, и сделаша градъ и нарекоша и Новъгородъ. А друзии седоша по Десне, и по Семи, по Суле, и нарекошася северь. И тако разидеся словеньский языкъ, тем же и грамота прозвася словеньская” [25].

Таким образом, исходя из гипотезы, выдвигаемой Нестором, древнейшей территорией славян были земли по нижнему течению Дуная и Паннония. Поводом для расселения славян с Дуная было нападение на них волохов.

Летописный рассказ о расселении славян с Дуная явился основой так называемой дунайской (или балканской) теории происхождения славян, весьма популярной в сочинениях средневековых авторов (польские и чешские хронисты XIII–XV вв.). Это мнение разделяли и некоторые историки XVIII – начала XX в., в том числе и исследователи русской истории (С.М. Соловьев, В.И. Ключевский, И.П. Филевич, М.Н. Погодин и др.).

В ходе накопления научных данных доминирующими стали два варианта определения прародины: одни ученые полагали, что первичной областью расселения праславян является лесостепь и леса Среднего Поднепровья с Киевом во главе, а другие считали, что прародина размещалась западнее, на Висле, и доходила до Одера; этот вариант условно можно назвать висло-одерским. Оба варианта полностью удовлетворяли требованиям лингвистов. Нужно было искать дополнительные данные для выбора между двумя предложенными гипотезами.

Польский археолог Стефан Носек, сторонник висло-одерского варианта (“автохтонист”, считавший, что славяне автохтонны на территории Польши), предложил обратиться к археологическим материалам того именно времени, когда праславяне, по данным лингвистов, впервые отпочковались от индоевропейских соседей.

Внимание археологов было привлечено так называемой тшинецкой культурой XV–XII веков до нашей эры, которая была хорошо известна на территории Польши между Вислой и Одером. Носек написал статью с громким названием “Триумф автохтонистов” [12, с. 22].

Академик Б.А. Рыбаков, комментируя данную теорию, отмечал: “Вскоре выяснилось благодаря работам другого польского археолога, Александра Гардавского, и работам ряда украинских археологов, что тшинецкая культура вовсе не замыкается в границах только одного западного, висло-одерского, варианта, а распространяется и на пространство восточнее Вислы, вплоть до Днепра, переходя частично и на левый его берег. Тем самым обращение к археологическим материалам, изученным в достаточной мере, решило спор в пользу объединения обоих вариантов” [12, с. 22–23].

Предпринимались попытки определения прародины славян на основании языковых данных. Согласно представлениям В. Гензеля, в III и II тысячелетиях до н.э. существовала балто-славянская языковая общность. Балто-славяне занимали территорию между Вислой и Днепром, при этом будущим славянам (протославянам) принадлежала ее южная часть. Лужицкая

культура Висло-Одерского междуречья была иллирийской. Между 900 и 700 гг. до н.э. протославяне заселили области между Одером и Вислой и ассимилировали венетов. На обширном пространстве между Одером и Средним Поднепровьем, по гипотезе В. Гензеля, сформировались праславяне. Границы праславянской территории на протяжении веков не оставались стабильными, в частности в последние века до нашей эры в юго-западные районы ее, считал В. Гензель, проникали кельты, а позднее, возможно, и некоторые другие племена. На рубеже нашей эры славянам принадлежали пшеворская, оксывская и зарубинецкая культуры [14, с. 16].

Л. Зализняк, рассматривая проблему обитания, локализации праславянских племен, выдвинул гипотезу, по которой на юге Украины земледельческая протоцивилизация Балкан через свой северо-восточный форпост – трипольскую культуру – непосредственно оказывала воздействие на предков будущих скотоводов-охотников и рыболовов лесостепных бассейнов Днепра и Северского Донца. При этом балканские наследники древнейших хлеборобов и скотоводов Ближнего Востока передали праславянам не только навыки продуктивного хозяйствования, но и прасемитскую и прашумерскую сельскохозяйственную терминологию, которую лингвисты находят в языке праиндоевропейцев [4, с. 23].

Академик В.В. Седов высказал гипотезу, что на той территории, где началось формирование праславянского языка, нужно полагать, население пользовалось старыми (индоевропейскими и древнеевропейскими) названиями рек и озер. Формирование языка славян было длительным процессом и, бесспорно, не сопровождалось переименованием гидронимов. К тому же, для сложения собственно славянской топонимики нужно было какое-то время. Следовательно, славянскую прародину – колыбель оформления славян – по его гипотезе, нужно искать в ареале древнеевропейской гидронимики. И только позднее, когда сложились основы праславянской языковой системы и выработалась собственно славянская гидронимика, в процессе освоения новых территорий славяне стали давать рекам и озерам славянские наименования [14, с. 28].

Значительный интерес представляет оригинальная теория славянского этногенеза, разработанная А.А. Шахматовым. Согласно представлениям этого ученого, в отдаленной древности восточные индоевропейцы занимали бассейн Балтийского моря. Часть их (предки индоиранцев и фракийцев) отсюда переселилась в более южные районы Европы, а в юго-восточной Прибалтике остались балто-славяне. В I тысячелетии до н.э. балто-славянское единство распалось, в результате чего образовались славяне и балты. Отсутствие в славянском языке собственного фитонима для бука и неславянский характер названий крупных рек Среднего Поднепровья и Повисленья исключают, по мнению А.А. Шахматова, эти территории из славянской прародины.

Главным же в построении этого исследователя являются якобы существовавшие в древности контакты славян с кельтами и финнами. Славяне, по А.А. Шахматову, первоначально жили в низовьях Западной Двины и Немана, где соседствовали с балтами, германцами, кельтами и финнами. Во II в.н.э., когда германцы ушли из Повисленья, славяне продвинулись на запад, на территорию современной Польши, и оттуда уже позднее расселились в те области Европы, где они известны по средневековым источникам [14, с. 11].

П.П. Толочко, обобщая различные, порой противоречивые и взаимоисключающие друг друга гипотезы по проблеме этногенеза и расселения славянства, пришел к заключению, что население эпохи бронзы на Украине не было однородным ни в социально-хозяйственном, ни в этническом плане, так как южные регионы населяли ираноязычные племена скотоводов, а лесостепные и полесские – восточные праславяне, которые были оседлыми хлеборобами [16, с. 232].

Академик Б.А. Рыбаков отмечает, что и прародину славян в расцвет бронзового века следует размещать в широкой полосе Центральной и Восточной Европы. Эта полоса протяженностью с севера на юг около 400 километров, а с запада на восток – около полутора тысяч километров располагалась так: ее западная половина подпиралась с юга европейскими горами (Судетами, Татрами, Карпатами), а на севере доходила почти до Балтийского моря. Восточная половина праславянской земли ограничивалась с севера Припятью, с юга – верховьями Днестра и Южного Буга и бассейном Роси. Восточные границы менее ясны: тшинецкая культура здесь охватывала Средний Днепр и низовья Десны и Сейма [12, с. 22–23].

Необходимо отметить роль природной среды обитания как этнообразующего фактора, оказывающего значимое влияние на формирование основных этнических характерных черт тех или иных народов. С.М. Соловьев отмечал, что единообразие природных форм приводит население к единообразию занятий, единообразие занятий вызывает единообразие в обычаях, верованиях; единообразие обычаев и верований исключает враждебные стычки; одинаковые потребности порождают похожие способы их удовлетворения, – и равнина какой бы большой она не являлась, какими бы разноплеменными сообществами не заселялась, рано или поздно становится областью одной державы.

На территории Восточной Европы, в соответствии со значительным подобием природных условий, сформировались сходные хозяйственно-культурные стереотипы, предопределившие ментальность, черты характера и облик славянства.

Природообразующие факторы и их лингвистическая фиксация тем или иным этносом носят долговременный характер. В.В. Седов акцентировал внимание на том, что топонимии принадлежит значительная роль в исследованиях направлений и путей славянского расселения, как в раннее время, так и в эпоху средневековья. Исследователи уже давно обратили внимание на то, что систематическая повторяемость водных названий в определенных направлениях отражает пути расселения племен и народностей.

Представляют интерес наблюдения Т. Лер-Сплавинского относительно водных названий на пространстве между Одером и Днепром. Здесь были выделены два ареала – зона первичной гидронимии (бассейны Одера и Вислы) и зона с производными словообразовательными формами по отношению к первичным (Среднее Поднепровье). К такому же выводу на основе структурно-словообразовательного анализа славянских водных названий склоняется и польский топонимист С. Роспанд. Если это так, то междуречье Вислы и Одера, считает Т. Лер-Сплавинский, нужно рассматривать в качестве более древнего славянского ареала [14, с. 29].

Значительный интерес вызывает то, что из зоотерминологии для определения прародины славян важны названия рыб – лосося и угря. Поскольку эти термины восходят к праславянскому языку, нужно допустить, что славянский регион древнейшей поры находился в пределах обитания этих рыб, т.е. в бассейнах рек, впадающих в Балтийское море [14, с. 22].

Ф.П. Филин на основе анализа славянской лексики пришел к заключению, что славянская прародина находилась вдали от моря, в лесной равнинной полосе, изобиловавшей болотами и озерами. Подобный ландшафт обычен для многих регионов Центральной и Восточной Европы. Для более конкретной локализации праславян Ф.П. Филин использует ботанические аргументы Ю. Ростафинского, пополняя их новыми примерами. В результате этого он очерчивает славянскую территорию около рубежа нашей эры между Бугом и средним Днепром.

Второй этап формирования славянского этноса связан с отделением от славянского массива восточного славянства, что приходится, по мнению А. Пономарева, на период существования пшеворской и зарубинецкой культур [4, с. 35].

Конкретизируя данный этап развития славянства, В.В. Седов отмечает, что в конце II в. до н.э. на территории, занятой культурой подклошовых погребений, складывается пшеворская

культура, просуществовавшая до начала V в. н.э. Название свое она получила по первому большому исследованному могильнику близ г. Пшеворска на юго-востоке Польши.

Поселения пшеворской культуры, как и в предшествующее время, неукрепленные и характеризуют обычную картину жизни и быта земледельческого населения. В районах с плодородными почвами плотность пшеворских поселений значительна, здесь они часто находятся в непосредственной близости друг от друга. Обычно для поселений выбирались прибрежные возвышения, иногда труднодоступные места, например, среди заболоченных низин.

Основным типом жилищ пшеворских поселений были наземные дома столбовой конструкции. Форма их главным образом прямоугольная, иногда встречаются и трапециевидные в плане постройки. Средняя площадь жилищ равна 30–35 кв.м. Более крупные постройки очень редки. В большинстве случаев дома состояли из одной камеры, зафиксировано несколько двухкамерных построек. Отмечены многочисленные случаи присоединения к основным постройкам небольших пристроек легкой столбовой конструкции. Некоторые дома имели еще сени или навес.

В большинстве домов обнаружены остатки каменных или глинобитных очагов. Возможно, в отдельных жилищах вместо открытых очагов имелись печи, сложенные из камней и глины. На некоторых поселениях, кроме остатков жилищ, были обнаружены и следы небольших наземных сооружений хозяйственного назначения. На всех пшеворских поселениях, помимо того, около домов обычно находятся различные ямы-погребя.

По всему ареалу пшеворской культуры вместе с наземными жилищами встречаются полуземлянки. Обычно они имеют прямоугольную форму, площадь 12–18 кв.м. Скорее всего полуземлянки, более теплые, чем наземные постройки, служили зимними жилищами, а наземные дома использовались в остальное время года [14, с. 53–55].

Поселения зарубинецкой культуры принадлежат к числу неукрепленных. Некоторые из них располагались на труднодоступных возвышенностях, другие – в открытых, низких местах. Материалов, чтобы судить о размерах и планировке селищ, пока мало. По-видимому, распространенным типом жилища были небольшие наземные дома (от 4 х 4 до 4 х 6 м) столбовой конструкции с открытыми очагами. Для поселений среднеднепровского региона характерны слегка углубленные в землю жилые постройки с очагом или печью в центре. В Полесье встречаются также небольшие четырехугольные полуземлянки с глинобитными очагами.

Отчетливо роль местного (очевидно, скифского) населения в сложении зарубинецкой культуры проявляется в среднеднепровских областях. Как показал Е.В. Максимов, здесь местными по происхождению оказываются нелощеная керамика, составляющая большую часть находок на поселениях, домостроительство и отдельные детали погребального обряда.

В итоге можно считать, что формирование зарубинецкой культуры явилось результатом взаимодействия пришлых племен – носителей поморской культуры и культуры подклошовых погребений, принесших сюда латенские культурные традиции, с местным населением – милоградскими племенами на севере и скифскими – на юге.

В.В. Седов отмечает, что поскольку в сложении зарубинецкой культуры, как и в генезисе пшеворской, участвовали поморско-подклошовые племена, то можно утверждать, что зарубинецкое и пшеворское (или часть его) население было родственным в этноязыковом отношении. Однако отождествлять на этом основании, считает он, все зарубинецкое население со славянами было бы преждевременным. Судя по культурным остаткам, активность местного и пришлого населения в разных частях зарубинецкой территории была весьма различной [14, с. 74–76].

Рассматривая проблему этногенеза восточных славян, М.С. Грушевский выдвинул теорию, по которой своей нынешней территорией украинская группа племен овладевает во время славянского расселения, двигаясь из своей прародины на юг и запад. При этом он акцентировал внимание на том, что в науке все глубже проявляется сознание, что прародину индоевропейских племен нужно искать не в Передней Азии, где предполагали ее прежде, а в Восточной Европе: отсюда в весьма раннее время, которое приблизительно определяют двумя тысячелетиями до нашей эры, отдельные группы начали распространяться на запад, юг и юго-восток; литовская и восточнославянская группы племен были бы в таком случае теми, которые остались на старом пепелище или в ближайшем его соседстве [17, с. 19].

Рассматривая этногенез различных народов, К. Ясперс сформулировал важнейшую проблему, актуальную как для прошлого, настоящего и будущего – едино либо антагонистично по своей изначальной сути человечество и какие факторы являются залогом единства: “В чем заключается единство неменяющейся сущности человека, которое только создает возможность того, что мы понимаем друг друга и связаны друг с другом? Это единство все время вызывает сомнение. Ибо в истории перед нами постоянно предстает изменение в человеческом знании, сознании и самосознании. Возникают и исчезают духовные возможности, растет отчуждение, которое завершается полным непониманием друг друга. Сохраняется ли, несмотря на это, единство? В виде беспредельной воли к пониманию оно, безусловно, сохраняется.

Если это единство не может быть понято на основе биологических свойств, поскольку смысл его вообще находится вне биологической сферы, то причина его должна быть иной. Говоря об истоках этого единства, мы имеем в виду не биологическую природу или происхождение из общего корня, но человеческую сущность как единство высшего порядка” [15, с. 255].

Вышеизложенное позволяет заключить, что древние культуры, населявшие огромные пространства от Европы до Азии и характеризующиеся стабильной, плавной линией развития с преобладанием элементов матриархата, в IV–III тыс. до н.э. были вовлечены в новый этап развития индоевропейцами, отличительными чертами которых был динамизм в созидании нового, разрушение стабильно-апробированных основ прежнего бытия.

На основе синтеза двух пракультурных основ, одна из которых отражала доминанту матриархата и характеризовалась элементами стабильности, плавной поступательностью развития, другая же была носителем динамизма обновления, созидания, в том числе и через разрушение стабильно-привычного, т.е. героических и трагических элементов патриархата – подобно единству и противоположности восточных символов развития Вселенной – “Инь” и “Янь”, образовалось в диалектическом единстве индоевропейское прасообщество.

История становления славянства, в том числе и его восточной ветви, отражает все многообразие, диалектически присущее его индоевропейской праснове, основополагающие элементы которого нашли наиболее гармоничное и полное воплощение в славянском этносе.

Важнейшей закономерностью формирования славянства являлся синтез разнородных этнических начал, выведивший данный этнос за границу единообразных культурных стереотипов, образуя тем самым повышенный порог устойчивости, динамичности развития и, тем самым, значительную временную протяженность существования и истории данного этноса.

Это предопределялось тем, что в основе этнических образований, имеющих значительную временную протяженность бытия, заложена сложность структуры, которая охватывает целую гамму таксомоторных единиц, что обеспечивает как устойчивость этносов, так и их целостность во временном потоке исторического развития. При этом упрощение, единообразие этнической структуры приводит их к деградации, стагнации, гибели путем понижения “порога” их устойчивости перед проблемами, испытаниями и потрясениями, встречающимися на многовековом пути развития.

Полную несостоятельность имеют национал-романтические теории этнической стерильности, чистоты происхождения славянства, никоим образом не связанной с этногенными процессами других народов. В бурях войн и нашествий, испытаний, потрясений и свершений проходил процесс складывания великой этнической славянской суперкультуры, с наибольшей полнотой и гармонией, впитавшей наиболее существенные, характерные черты западного и восточного начал.

Данные факторы предопределили роль славянского суперэтноса как буфера и в то же время объединительного канала западного и восточного направлений мирового развития, что имеет важнейшее значение для гармонизации отношений стран и народов в период глобализации, когда противоречия порой достигают характера противоборства цивилизаций.

Исходя из этого, история становления, развития славянства – важнейший образец интеграции как восточных, так и западных начал, выработки на основе этого гармоничной, устойчивой, плодотворной модели этнического развития – образца для гармонизации отношений стран и народов земли в III тысячелетии.

*Откуда мы пришли?
Куда свой путь вершим?
В чем нашей жизни смысл?*

О. Хайям

Мы – разные. Издавна. Древний афинянин, побывав в Ольвии, с негодованием отмечал, что скифы не имеют домов, а во время своих праздников напиваются до бесчувствия. Скифы же, наблюдая вакханалии греков, чувствовали такое омерзение, что, увидив своего царя, гостившего в Ольвии, в составе процессии ликующих эллинов, убили его.

Л.Н. Гумилев

РАЗДЕЛ 2. СЛАВЯНСТВО В ПЕРИОД VIII В. ДО Н.Э. – В НАЧАЛЕ НАШЕЙ ЭРЫ

Развитие славянства, в том числе и восточного, проходило в условиях постоянных миграционных волн, с регулярностью накатывавшихся как с Запада, так и с Востока. Это не только сказывалось на развитии славянства, но и в рамках взаимодействия “Вызов – Ответ” оказывало влияние, определяло своеобразие этногенеза.

Рассматривая миграционные процессы, оказавшие влияние на становление и развитие славянства, необходимо отметить, что становление данного этноса проходило как благодаря собственным миграционным флуктуациям – освоения ими незаселенных земель, так и благодаря миграционным разноэтническим потокам, прокатывавшимся по территориям обитания славянства. Необходимо отметить, что миграционные процессы являются важным фактором возникновения и консолидации этнических сообществ, а также разнообразия их этнических признаков.

Следы межэтнических миграционных перемещений относятся ко II–I тыс. до н.э. Сберегая интенсивность, они стали этнически более четкими в период Великого переселения народов. Именно тогда – в IV–IX ст. через славянские земли прошли волны переселений народов различных этнических и антропологических типов: от IV ст. – гуннов и аваров, в VII ст. – “аспаруховых болгар” на Балканы, в IX ст. – угров-мадьяр в Дунайскую низменность, в IX–X ст. – норвежских викингов [4, с. 17].

Таким образом, на протяжении значительного исторического периода восточнославянские племена ощущали влияние ряда племен как Европы, так и Азии, что собственно проявилось в период Великого переселения народов. Столкновение миграционных потоков племен из Азии с переселенческой волной из Западной Европы породило своеобразную этническую картину формирования восточного славянства, складывание уникальной славянской цивилизации.

М.С. Грушевский, анализируя миграционные процессы, отмечал: “Движение турецко-финских кочевых орд, составляющих настоящую язву украинского народа, тормоз его экономического и культурного развития, разрушения его колонизации, как ни почетна для украинского населения была эта тысячелетняя борьба с ордами, по большей части невышедшими на запад из черноморских степей и истощившими свои силы и энергию в этой борьбе с украинским народом” [17, с. 19–23].

*Главное не в том, чтобы жить,
но в том, чтобы честно жить!
Сократ*

2.1. КИММЕРИЙЦЫ И СКИФЫ КАК ФАКТОРЫ СЛАВЯНСКОГО ЭТНОГЕНЕЗА

Наряду с автохтонным славянским населением Северного Причерноморья во II тыс. до н.э. – первой трети I тыс. до н.э., по сообщениям как Геродота, так и других античных историков, обитателями этого региона были и киммерийцы. Данный народ, под несколько измененным названием “гимиррай”, упоминается в Библии, которая повествует: “Вот идет народ из северной страны... держит лук и короткое копьё, жесток он... Они не сжалятся! Голос их ревет, как море, скачут на конях, выстроились как один человек... Народ издалека... Народ древний, языка которого ты не знаешь... Колчан его, как открытый гроб, все они люди храбры... Он пожнет твою жатву и хлеб твой, истребит сыновей и дочерей твоих, пожрет овец и коров твоих, пожрет виноград твой и смоковницы твои и разрушит мечом города твои, на которые ты надеешься” [116].

В поэме Гомера “Одиссея” говорится о том, что земля киммерийцев находится на краю обитаемого мира у входа в подземное царство Аида. По сообщениям античных источников, данным археологии и антропологии, это был ираноязычный народ со смуглыми скуластыми лицами, черной гривой густых волос, невысокие, крепкого телосложения. Ко времени Геродота киммерийский период в Северном Причерноморье ушел уже в далекое прошлое. Историческим его следом остались некоторые сообщаемые Геродотом топонимические наименования: названия пролива – Боспор Киммерийский, находящиеся в районе этого пролива Киммерийское укрепление, Киммерийская переправа, поселение Киммерик. Судя по этим названиям, можно заключить, что основным местом поселения киммерийцев были нынешние Керченский и Таманский полуострова.

“Отец истории” Геродот писал о киммерийцах следующее: “И теперь есть в Скифии киммерийские стены, киммерийские переправы, есть и область, называемая Киммерией, есть и так называемый Киммерийский Боспор, а также поселение под названием Киммерик”.

В низовьях Днестра Геродоту показывали курган, в котором, по преданию, были погребены последние киммерийские цари. Эти сведения о жизни киммерийцев в северных причерноморских степях подтверждает знаменитый картограф древности Страбон. С его слов можно узнать, что киммерийцы совершали походы в страны восточного Средиземноморья.

Знали о киммерийцах и на Востоке. Еще в VIII в. до н.э. о них упоминается в ассирийских клинописных текстах под немного измененным именем “гимиррай”.

Можно с уверенностью сказать, что киммерийцы жили на юге Украины еще в эпоху бронзы, занимаясь как скотоводством, так и земледелием. Но к концу II тысячелетия до н.э. они перешли к кочевому скотоводству, которое являлось тогда более прогрессивным видом хозяйствования. Это позволяло им осваивать огромные пастбищные угодья и регулярно совершать набеги на менее воинственных и мобильных соседей.

Немецкий ученый Ф. Ратцэль, анализируя влияние экономических факторов на развитие различных этносов, отмечал: “...первым шагом в этом случае является переход от полной зависимости от произвольных даров природы к сознательному пользованию ими посредством собственной работы, в особенности в земледелии или скотоводстве. Этот переход открывает разом все самые отдаленные перспективы культуры” [10, с. 21].

В XVI–XV вв. до н.э. киммерийцы овладели секретом плавления железа и к концу X в. до н.э. достигли больших успехов в кузнечном деле. Киммерийские кузнецы начали изготавливать

крупные предметы из высококачественной стали, значительно опередив многие европейские народы. Воины были вооружены цельнометаллическими мечами и кинжалами, круглыми или фигурными булавами, бронзовыми секирами или боевыми топориками.

Каждый воин имел мощный лук, неуступавший своими боевыми качествами прославленному скифскому. Киммерийцы, как и подобает кочевникам, сражались в конном строю, не признавая доспехов.

П.А. Сорокин акцентирует внимание на том, что каждая из больших культурных систем и суперсистем зиждется на какой-то основной предпосылке, получившей выражение в прасимволе или конечной ценности, который цивилизация порождает, развивает и реализует на протяжении своего жизненного пути во всех основных компонентах или подсистемах [2, с. 47–48]. Подобной высшей ценностью для киммерийцев являлся культ воинской доблести, который имел у них большое значение. На месте захоронения славных воинов ставились каменные стелы с изображением различных предметов, необходимых как в сражении, так и в быту. Воинственные киммерийцы часто совершали опустошительные набеги через Кавказ на города Передней Азии. В воинских могилах появляются золотые украшения из тех мест. Большое значение имеет и то, что в этих походах принимали участие и древние славяне. По этому факту можно судить, что между праславянами, проживающими в то время в лесной зоне Правобережного Днепра, и киммерийцами были если не дружеские отношения, то, во всяком случае, и не открытая вражда [18, с. 87].

В ходе взаимодействия, контактов киммерийцев и праславян происходило их взаимовлияние, обмен культурными и техническими достижениями.

Ф. Ратцель, рассматривая культурологические аспекты этногенеза, акцентировал внимание на том, что “чем глубже взор заглядывает в глубину доисторических или внеисторических народов, тем более встречает он во всех культурных кругах и на всех степенях культуры, в сущности, одну и ту же культуру, которая уже давно, когда еще не существовало условий для развития многочисленных особых культурных центров, передавалось от одного народа к другому по всей земле” [10, с. 5].

Киммерийцы были славными воинами и вызывали ужас у народов Передней Азии, сохраняя при этом могущество в Северном Причерноморье. В ходе вторжения киммерийцев, в рядах которых находились представители славянского этноса, в Переднюю Азию, мобильная армия, состоящая из конных лучников, владеющая незнакомой дотоле правителям Азии массовой конно-стрелковой тактикой, с легкостью одерживала победу за победой, неся разорение на захваченную территорию. Киммерийцы нанесли поражение Урартскому царю Русе I и появились в северных границах Ассирии. Предположительно, ассирийский царь Саргон II погиб в бою с киммерийцами в 705 г. до н.э. За киммерийцами в Переднюю Азию вторглись их преследователи – скифы.

Киммерийцы в основном поддерживали антиассирийскую коалицию. Но победа их продолжалась недолго: ассирийцам удалось отбросить неприятеля. Ассирийский царь Асаргаддон хвастливо сообщал о своих победах над киммерийцами в 679–678 гг. до н.э. Против Ассирии сражались и скифы, но Асаргаддон сделал хитрый ход, выдав свою дочь за скифского царя. Скифы и киммерийцы были втянуты в политические интриги, став орудием в руках правителей Ассирии и Урарту. В 70 г. VII в. до н.э. киммерийцы вступают в союз с обеими державами. В ассирийских источниках упоминается “начальник киммерийского полка”. А в 676–674 гг. до н.э. в союзе с Урарту степные варвары нападают на Фригию, полностью разорив это государство [98, с. 195–211].

В середине VII в. до н.э. киммерийцы совершают ряд набегов на греческие города на побережье Эгейского моря. Затем вторгаются в Лидию, захватив ее столицу Сарды. Освободиться от киммерийского ига лидийцам удалось только в конце VII в. до н.э. [18, с. 87].

Не вызывает сомнения, что древние славяне, находящиеся в поле взаимодействия с этим воинственным ираноязычным народом, были вовлечены в его военные походы, завоевательные предприятия, приобретая новые военные навыки, выходя на авансцену мировой истории.

В современной археологии термин “киммерийская культура” часто применяется ко многим северочерноморским памятникам, датируемым временем перехода от бронзы к железу. Благодаря этому обобщенно-нивелирующему подходу, он приобрел несколько условный смысл, и пока что трудно выделить из числа этих памятников собственно киммерийские [19, т. II, с. 146].

В рамках этнического взаимодействия славянства и киммерийцев произошла дальнейшая самоидентификация и персонализация славян как этнических субъектов мирового исторического процесса.

Академик Б.А. Рыбаков акцентировал внимание на том, что вплоть до наших дней по берегам рек, впадающих в Днепр, сохранились остатки древних огромных крепостей предскифского времени, в которых славяне со своим имуществом и стадами могли оборониться во время наездов киммерийского “Змея”, так и остатки древних валов, носящих до сих пор примечательное название “Змиевы валы” [12, с. 25]. Не исключено, что былины о “Змее-Горыныче” связаны и с киммерийской страницей славянской истории.

В VIII в. до н.э. пришел конец безраздельному властвованию киммерийцев на юге современной Украины. Из самого сердца Азии пришел народ еще более воинственный и жестокий, и звался он скифы. Киммерийцы отказались от борьбы с грозным врагом и проторенным путем через Кавказ двинулись в Переднюю Азию. Их же “цари” (по всей видимости, главы семейных кланов и племенных объединений) отказались покидать родные степи и в ритуальной битве перебили друг друга, после чего были похоронены в устье Днестра в кургане, о чем говорят предания и сказания. Важнейшими памятниками, оставленными киммерийцами, являются их захоронения. Многие ученые считают данные о ритуальной битве киммерийских царей красивым преданием, но в каждой легенде имеется рациональное ядро, раскрывающее основу в историческом прошлом данного этноса, трансформированное в ходе его развития в некое легендарное начало, но сохранившее свое информационное ядро.

По данным Геродота, киммерийцы были вытеснены из Северного Причерноморья скифами и переселились на южный берег Черного моря, в район Синопа. В настоящее время доминирует гипотеза, что если переселение киммерийцев и имело место в исторической действительности, то, по всей вероятности, не все они покинули Северное Причерноморье, а часть их осталась жить в горном Крыму. В дальнейшем население этих районов Крыма было известно античным авторам под именем тавров. Некоторые ученые считают их потомками киммерийцев [19, т. II, с. 146].

Значительное влияние на этногенез славянства оказали скифы, которые составляли значительную массу современного Геродоту населения Северного Причерноморья, о которых он сообщает целый ряд обстоятельных сведений. По данным Геродота, подтверждаемым и материалами археологии, скифы населяли южную часть Причерноморья: от устья Дуная, Нижнего Буга и Днепра до Азовского моря и Дона.

Под Скифией этот внимательный писатель и путешественник понимал огромное и в известной мере условное пространство в Восточной Европе, которое он определял как квадрат, каждая сторона которого равнялась 20 дням пути (примерно 700 x 700 километров); южная сторона квадрата опиралась на Черное море. Б.А. Рыбаков отмечает, что это пространство было заселено разными племенами, в том числе и славянскими, говорящими на разных языках, ведущими разнопрофильное хозяйство и не подчиняющимися единому царю или какому-либо племени-гегемону. Собственно скифы, давшие условное название всему квадрату, обрисованы Геродотом как степные скотоводы, кочующие в кибитках, чуждые земледелию, не знающие

оседлых поселений. Им противопоставлены жители лесостепного Среднего Поднепровья – земледельцы, вывозящие хлеб в Ольвию, празднующие ежегодно весной праздник священного плуга, подаренного людям богом неба [12, с. 27].

В научном обиходе имеется гипотеза, по которой скифская культура раннего железного века (VII–II вв. до н.э.) развилась на основе культуры позднесрубных племен конца бронзового века, которые переместились в Северное Причерноморье из районов Нижнего Поволжья. Таким образом, в легенде нашел отражение действительный факт передвижения предков скифов с востока, из Азии, которая, по античным представлениям, начиналась уже за р. Танаисом (Доном) [20, с. 144].

Не вызывает сомнения, что предки скифов пришли не на пустое место, и их культура не была принесена откуда-то с востока в готовом виде. Она появилась в результате сложного взаимодействия с культурами других местных племен, прежде всего славянских. В Северном Причерноморье скифские ираноязычные племена в основном занимали обширную территорию степей современной Украины. Границы их земель не оставались постоянно неизменными. Одно время на западе они доходили до р. Истра (Дуная). На востоке долгое время границей скифских владений была р.Танаис, за которой начинались владения савроматов. На Кубани жили меотские племена, а в горном Крыму обитали тавры.

Следует иметь в виду, что Скифией в географическом смысле этого слова в древности часто называли на юге Восточной Европы большую территорию, чем та на которой жили собственно скифские племена. Да и сам этнический термин “скиф” иногда применялся для обозначения соседних нескифских племен, имевших иное происхождение и язык, в том числе и славян [20, с.145].

Материальная культура, получившая распространение на упомянутой обширной территории, в различных районах обладала известными местными особенностями, но в целом в ней, безусловно, обнаруживаются черты типологической общности. Эта общность сказывается в типах повсеместно распространенной скифской керамики, в типах оружия, конских наборов и в характере погребального обряда. По образу своей хозяйственной жизни скифы подразделялись на племена оседло-земледельческие и кочевые, скотоводческие.

Однако в этногеографии Скифии есть еще много неясностей, поэтому локализовать отдельные скифские племена можно лишь приблизительно, сопоставляя сообщения античных авторов с данными археологических раскопок. Вблизи Ольвии жили каллипиды или эллиноскифы (миксэлины). Их поселения, в которых действительно ощущается сильное влияние греческой культуры, обнаружены по берегам Бугского лимана. К северо-западу от них обитали алазоны. По-видимому, по обоим берегам вдоль нижнего течения Днепра (Борисфена) жили скифы-земледельцы, а их соседями с востока были скифы-кочевники. Одна из групп скотоводческих скифских племен, занимавшая господствующее положение, носила название “царские скифы” и владела обширной территорией, которая простиралась до реки Танаиса, захватывая, следовательно, и степную часть бассейна Донца (Сиргиса).

Одно время исследователи предполагали, что область расселения собственно скифских ираноязычных племен охватывали не только степи, но и лесостепь Восточной Европы. Население этих территорий объединялось в одно целое главным образом на основании наличия в их материальной культуре однотипного оружия, предметов конской сбруи и вещей, украшенных в так называемом “зверином стиле”. На самом деле некоторые типы металлических вещей не являлись в ту эпоху характерными для какой-либо одной территории. Они изготавливались во многих местах по общим образцам и благодаря обмену проникали к разным племенам, которые этнически ничего общего между собой не имели [20, с. 145].

Отождествить определенные археологические памятники лесостепи с племенами, упоминаемыми Геродотом и другими античными авторами, еще труднее, чем определить

территорию расселения собственно скифских племен. У греческих историков и географов об этих землях было в большинстве случаев весьма смутное представление и поэтому сообщения их скудны и не всегда точны.

Мифы, сохранившиеся в русских, белорусских и украинских сказаниях, данные, записанные “отцом истории” Геродотом в V веке до нашей эры, повествуют о трех царствах, и в контексте повествования Геродота содержатся не только данные о скифах, но и включаемых в это собирательное наименование славянах. Перечисляя известные ему земледельческие племена, Геродот прежде всего называет каллипидов и алазонов – ближайших соседей основанной выходцами из Милета на берегу Буго-Днепровского лимана Ольвии; из этого города он в основном вел свои наблюдения.

Обращает на себя внимание, что первое из этих двух племен – каллипидов – Геродот считает возможным назвать и другим именем – “эллино-скифы”, настолько они уже, очевидно, ассимилировались с греческими колонистами. За каллипидами и алазонами в перечне Геродота следуют скифы-пахари, населявшие оба берега Буга и территорию на запад от Нижнего Днепра, и скифы-земледельцы, жившие по течению Днепра на расстоянии 11 дней плавания от устья.

Данные различных научных дисциплин позволяют заключить, что где-то у верховьев Припяти и Днестра жили невры. В правобережной лесостепи Среднего Приднепровья до Южного Буга (Гипаниса) обитали, по-видимому, племена, которые Геродот называет “скифами-пахарями”. Археологические исследования показывают, что это население, в материальной культуре которого чувствуется сильное влияние степной скифской культуры, все же по своему происхождению не может быть связано с собственно скифскими племенами.

Характерно, что корни среднеднепровской правобережной культуры раннего железного века уходят в местные памятники бронзового века (белогрудовская и чернолесская культуры). Возможно, в середине I тысячелетия до н.э. часть местных племен некоторое время входила в политическое объединение скифов [20, с. 145]. Очень близка к правобережной культура раннего железного века в бассейне р. Ворсклы. Эта близость настолько велика, что ее следует рассматривать как результат расселения одной этнической группы.

Геродот и другие авторы сообщают, что севернее скифских земель обитали андрофаги. Очевидно, они жили в бассейне р. Сулы, где на городищах раннего железного века действительно зафиксированы явные следы каннибализма. К востоку от андрофагов и к северу от владений царских скифов, т.е. скорей всего в лесостепной части бассейна Донца жили меланхлены (черноризцы), на среднем Дону обитали будины.

Часть племен Северного Приднепровья, как полагают многие исследователи, являлась предками славян, а часть лесостепных племен, живших в бассейне Днестра, была родственниками фракийцам. Этническая принадлежность остальных находится в процессе определения.

Население, жившее в раннем железном веке в степях по берегам древнего Сиргиса (Донца), оставило небольшое количество памятников. Поэтому представить себе жизнь местных племен в эту эпоху можно лишь в общих чертах, опираясь на письменные источники о скифах вообще и на аналогии в других археологических памятниках [20, с. 146].

Уровень хозяйственной жизни у большинства племен Скифии достиг сравнительно большой высоты. Геродот сообщает, что алазоны сеяли и употребляли в пищу помимо хлеба также лук, чеснок, чечевицу и просо, а скифы-пахари сеяли хлеб не только для собственных нужд, но и на продажу, которая, надо думать, осуществлялась ими при посредничестве греческих купцов. Вспашка земли, как правило, производилась земледельцами при помощи запряженного волами плуга.

В своих трудах Геродот делает важное заключение по отношению к этим “днепровцам-борисфенитам” примечание, говоря о том, что греки их ошибочно причисляют к скифам, тогда как у них есть самоназвание “сколоты”.

Судя по материалам раскопок многочисленных скифских городищ того времени, в частности большого Каменского городища близ Никополя, урожай снимался железными серпами, зерно измельчалось в зернотерках. Обнаруженные во время раскопок кости животных свидетельствуют о разведении жителями городищ крупного и мелкого рогатого скота, лошадей и птицы. Сохранившиеся в городищах остатки землянок и глинобитных построек так же, как и устройство погребальных камер в некоторых больших скифских курганах, позволяют составить некоторое представление о жилищах оседлого населения, но более детальное их устройство неизвестно [19, т. II, с. 147–148].

Таким образом, можно сделать вывод, что, невзирая на значительную динамику тогдашних этнических перемещений, основной массив славянского земледельческого населения в границах лесостепной территории Украины остался неизменным и ему принадлежала зарубинецкая археологическая культура. По мнению П.П. Толочко, этапу античного периода на Украине соответствуют памятники черняховской культуры, которая является, по его заключению, продолжением и развитием зарубинецкой [16, с. 233].

Вышеизложенное позволяет заключить, что под термином “скифы-земледельцы” подразумеваются славянские племена, относимые античными авторами к собирательному названию – скифы. Славянство скифского времени не было единым, и для него нельзя найти какой-либо единый “археологический мундир”. Если лесостепные славянские племена сколотов-днепрян получили много черт скифской культуры, то рядом с ними, в лесной зоне на северной окраине славянской прародины, проживали по соседству с балтами (латышско-литовскими племенами) геродотовские “невры” (милоградская археологическая культура), которые существенно отличались не только от царских скифов, но и от своих южных соседей земледельцев, сохраняя своеобразие славянского этноса в еще более значимой мере [12, с. 27].

Ф. Ратцель, рассматривая основу становления и развития этносов, их культуры, отмечал, что не случайно термин “культура” (возделывание) имеет одинаковый смысл с земледелием. Здесь лежит его этимологический корень, а также и корень того, что мы – в более обширном смысле – называем культурой. Приложение известной суммы сил к клочку земли есть наилучшее, наиболее обещающее начало той независимости от природы, которая в победе духа над нею видит свою цель, ибо в ежегодно повторяющейся работе на одной и той же почве сосредоточивается творчество и закрепляется предание: таким образом, здесь возникают основные условия культуры [10, с. 26]. Из данной особенности проистекает весьма значимая закономерность этнического развития народов, заключающаяся в том, что преобладание начал земледелия у тех или иных народов обуславливает (на определенном этапе развития производительных сил) становление высокоразвитой, устойчивой к инородным влияниям культуры, в ходе ее развития – самобытной цивилизации.

Кочевые народы, обладая повышенной по сравнению с земледельцами воинственностью, динамизмом и мобильностью, во многом определяемых биосферными условиями их обитания (состоянием пастбищ, осадками и т.пр.), зачастую подчиняли земледельческие этносы, однако даже в огне потрясений и преобразований последние сохраняли “обаяние” и своеобразие своей культуры, свои ценности, в конечном счете преобразуя, и культурологически “покоряя” своих завоевателей, порой и ассимилируя их. В конечном итоге культурные ценности тех или иных земледельческих этносов доминировали над насилием захвата и разрушения, над идеологией войны и грабежа, на основе которых зачастую возникали государства и империи кочевых народов.

Отношения между скифами и соседними лесостепными племенами были не всегда мирными. Об этом достаточно убедительно свидетельствуют некоторые факты, приводимые

Геродотом. Когда угрожала опасность, как это было в 514 г. до н.э. при нападении персидской армии Дария I, вожди (“цари”) тавров, агафирсов, невров, андрофагов, меланхленов, гелонов, будинов и савроматов собирались на совещание и обсуждали создавшееся положение. Однако далеко не все выступили на помощь скифам. Более того, некоторые из участников межплеменного совещания, видя, что тактика скифов может привести к разорению их земель, грозили скифам вооруженным сопротивлением.

После разгрома войск Дария I международный авторитет скифов повысился, а одновременно с этим должны были усилиться и их притязания к соседним племенам, в частности, к тем, которые показали себя во время войны плохими союзниками. Некоторые соседние племена скифам удалось покорить, а другие упорно отстаивали свою независимость. К числу последних относилось, по-видимому, население, жившее в лесостепной части бассейна Донца и строившее здесь мощные укрепления. В хозяйственной жизни местных племен раннего железного века основную роль играло земледелие. Физико-климатические условия лесостепи благоприятствовали этому. Наряду с оподзоленными здесь были плодородные черноземные почвы. Значительные лесные массивы служили хорошей естественной защитой полей от суховеев и способствовали накоплению влаги в земле.

Уже в раннем железном веке здесь применялась, не подсечная, а переложная система земледелия с обработкой земли плугом. Подсечное земледелие, с применением для подготовки земли под посев только топора и мотыги, вряд ли могло широко распространиться в лесостепи, где лесов не так уж много, а плотность населения, как показывают археологические данные, была весьма велика.

Плуг был уже известен племенам Скифии. Говоря о происхождении скифов, Геродот приводит легенду о священных золотых предметах, которые якобы упали с неба и достались Колаксайду – младшему из сыновей скифского прародителя Таргитая. Среди них были три предмета, непосредственно связанных с земледелием: плуг, ярмо и топор. Показательно, что наряду с плугом и ярмом – неотъемлемых атрибутах земледелия, упоминается и топор, который при обработке земли вешали на рукоятку плуга и использовали для обрубания корней, которые задевал плуг. Среди золотых вещей, упавших с неба, упоминалась и чаша – атрибут богини жизни и плодородия Гестии – Табиты [20, с. 192–194].

Вопрос об этническом языке и происхождении скифов сложен. Геродот с полной определенностью пишет, что все скифы говорили на одном для всех племен языке. Однако у скифов не существовало своей письменности. Поэтому единственным источником сведений об их языке являются произведения античных писателей и надписи античной эпохи. До нашего времени дошли в греческой и латинской транскрипции главным образом названия скифских племен, имена божеств, личные имена, топонимические наименования. Истолкования этих скудных фрагментарных данных вызвало существенные разногласия.

В.П. Петров, анализируя этническое происхождение скифов, выдвигал гипотезу о том, что империя скифов представляла собой разнородный конгломерат, верхушечный слой которого составляли именно скифы. При этом он опровергал точку зрения В. Щербакова, считавшего, что скифы – это “восточные азиаты”. В.П. Петров обосновывал тезис об украинском их происхождении: скифы, подчеркивал он, никакие не иранцы. Этногенетически они продукт прежних эпох развития местных туземных племен. В отношении же “царских скифов”, В.П. Петров выдвигал гипотезу их иранизации как следствия длительного пребывания в Иране. Анализируя данную гипотезу В.П. Петрова, академик П.П. Толочко отметил, что “интересный тезис ученого про два социально-хозяйственных массива в границах Скифии нашел подтверждение в ряде работ. Тезис же об их местном, туземном происхождении не нашел научного подтверждения на современном этапе” [16, с. 232].

Население лесостепной Скифии, отмечает П.П. Толочко, было местным, очевидно славянского происхождения, развивавшееся в данном регионе еще с прежних исторических эпох. Что же касается степной Скифии, то здесь доминировали “царские скифы”, родина которых, по сообщениям Диодора Сицилийского (I в. до н.э.), находилась около реки Аракс (Сыр-Дарья либо Аму-Дарья).

По мнению П.П. Толочко, не выдержала испытание временем точка зрения В.П. Петрова о наличии скифской империи с центром на Украине, границы которой якобы простирались от Подунавья до бассейна реки Обь [16, с. 232–233].

В конце XIX – начале XX в. был высказан целый ряд взаимно исключаящих друг друга предположений о монгольском, славянском и иранском происхождении скифов. В настоящее время среди ученых преобладает взгляд о принадлежности скифского языка к так называемой североиранской группе языков [19, т. II, с. 149–150].

Известный иранист В.И. Абаев выявил целый ряд североирано-европейских (скифо-европейских) языковых сходжений и отметил параллели в области мифологии, свидетельствующие о бесспорном контакте древних иранцев Юго-Восточной Европы с еще нерасчлененными европейскими племенами. В связи с этим, замечает исследователь, нужно признать, что древнеевропейская языковая общность, куда входили славяне, германцы, кельты и италики (по В.И. Абаеву, и тохары), является исторической реальностью.

Рассматривая общие закономерности развития различных языков народов мира, Ф. Ратцель отмечал, что “орудия речи, звуки и сопровождающие их жесты весьма сходны между собой на всем земном шаре, и, даже по внутреннему строению, языки не далеко расходятся друг от друга. ...Язык – един в своем корне, глубоко проникающем в душу человека, он разделяется только на многие, весьма различные ветви.

Язык, прежде всего, оказывается всегда предварительным условием всякой культурной работы человечества. Его можно назвать первым и важнейшим, даже исключительным орудием человека. Но он также изменчив, как и орудие. Языки – индивидуальное создание народов и их наиболее непосредственное умственное выражение...” [10, с. 30].

*Я – человек и ничто человеческое мне не чуждо (формула эллинского гуманизма).
Теренций*

2.2. ГРЕЧЕСКИЕ ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Значительный интерес вызывает то, что в рассматриваемый период – в VII–III в. до н.э. – в Причерноморье происходил интенсивный этнический контакт славянства как с восточным цивилизационным началом в лице “царских скифов”, так и с западным, в лице античной культуры Греции, во всей полноте представленной городами-государствами либо рабовладельческими государствами данного региона, населенных колонистами-греками.

Начало железного века совпало у племен юга Восточной Европы с установлением оживленных торговых сношений с греческими рабовладельческими городами-государствами. Вначале на побережье Черного моря, в местах, где было удобно и безопасно установить связи и организовать обмен с местными племенами, возникают торговые фактории (эмпории). Так, в конце VII в. до н.э. было основано греческое поселение на о. Березань у входа в Буго-Днепровский лиман. Находки импортных вещей VII–VI вв. до н.э. в бассейне Дона (в древности греки называли его Танаисом) и Донца (Сиргис) свидетельствуют о том, что население этой территории также в очень раннюю эпоху установило торговые сношения с греческими купцами. Одна из торговых факторий возникла, по-видимому, уже в VI в. до н.э. на берегу моря у

современного Таганрога, где было найдено большое количество архаической греческой керамики [20, с. 138].

В начале колонизации греки называли Черное море “Понт Аксинский”, т.е. “Негостеприимное море”. Позже оно получило название “Понт Евксинский”, т.е. “Гостеприимное море”. Эти греческие названия возникли, по-видимому, от искажения и переосмысления греками более древнего названия “Черное море”. Местные ираноязычные племена называли море “Ашхаейна”, т.е. “темное” или “мрачное”. Диаметральное изменение обозначения Черного моря характеризует динамику параметров взаимоотношения местного населения с греческими колонистами, формы их контактов [109, с. 116–117].

Когда взаимоотношения с местными племенами были налажены, около удобных гаваней стали вырастать крупные греческие города-государства (полисы). В западной части Северного Причерноморья большую роль играла Ольвия – город, расположенный на правом берегу р. Буга (в древности – Гипанис). В Крыму около нынешнего Севастополя был расположен Херсонес Таврический. На месте теперешней Керчи, на берегу Керченского пролива, который греки называли Боспором Киммерийским, возник город Пантикапей. Это была столица Боспорского царства, большого государства, объединявшего ряд греческих городов по обоим берегам пролива и подчинившего своей власти некоторые племена Прикубанья и Приазовья. Говоря о греческой колонизации Северного Причерноморья, следует иметь в виду, что возникавшие здесь города по составу жителей с самого начала не были чисто греческими. В них жило и местное туземное население, оказывавшее значительное влияние на культуру, а в ряде случаев – и на политическую жизнь города. Во второй половине I тысячелетия до н.э. и в первых веках нашей эры с племенами, жившими по берегам Дона (Танаиса) и Донца (Сиргиса), тесные экономические связи поддерживали жители поселений, расположенных в устье Дона [20, с. 138–139].

На скифской культуре, безусловно, сказалось влияние близкого соседства и постоянного общения с греками. Было бы, однако, ошибочным переоценивать это влияние. Оно коснулось главным образом скифской знати, теснее других слоев скифского общества связанной торговыми узами с прибрежными городами-колониями. Племена, жившие в непосредственной близости к этим городам, также испытывали на себе более заметное воздействие греческого культурного уклада, чем племена, населявшие отдаленные от них территории. Следует также подчеркнуть, что и сами греческие поселенцы оказались под заметным воздействием местной культуры. Явления ассимиляции и синкретизма были весьма характерны для исторической жизни северочерноморских городов-колоний [19, т. II, с. 151].

Еще на рубеже V и IV вв. до н.э. на берегу одного из рукавов в дельте р. Дона (Танаиса), у нынешней станицы Елисаветовской, возникает поселение, которое в IV–III вв. до н.э. представляло собой крупный греко-скифский торговый город. Однако обмеление русла реки в этом месте создало ряд затруднений для торгового судоходства, и поселение у станицы Елисаветовской было заброшено. Во второй половине III в. до н.э. недалеко от него, на берегу другого рукава Дона, у нынешнего с. Недвиговки, возник новый город. Этот город, как и река, на берегу которой он расположен, назывался Танаис. Существовал Танаис как важный, преимущественно торговый центр до III века н.э. При археологических раскопках в 1955–1957 гг. на территории древнего Танаиса были найдены остатки домов с большими подвалами. В этих подвалах торговцы хранили сотни амфор с вином и другие продукты. О занятиях населения торговлей свидетельствуют также такие находки, как чашечка весов, гиря и монеты. Археологические данные полностью совпадают со сведениями письменных источников. Крупнейший античный географ

Страбон писал в I веке до н.э., что здесь было “самое большое место у варваров после Пантикапея”.

В оживленной торговле были заинтересованы не только греческие купцы, но и родоплеменная верхушка местного населения. Получавшийся в связи с развитием производства прибавочный продукт сосредоточивался разными путями в руках родовой и племенной аристократии – у вождей, жрецов и военачальников. Эта родоплеменная верхушка старалась получить у греков красивые ткани, вино, оливковое масло, художественную глиняную и металлическую посуду и др. В обмен на эти вещи греки получали такие местные продукты, как хлеб, рыбу, кожи, мед, воск, а также рабов [105, 106].

Почти полное отсутствие находок греческих монет на территории большинства местных племен свидетельствует о том, что обмен в основном был еще натуральным [20, с.139].

Учитывая, что наибольший интерес для греков-колонистов представляли зерновые, дефицит которых в Греции был весьма существенным, во многом предопределивший колонизацию как Крыма, так и некоторых регионов Малой Азии и даже Италии, то это обуславливает этнические контакты греков преимущественно с местным славянским населением Причерноморья, влияние античной цивилизации, культуры на формирование этнохарактерных особенностей славянства.

*Землю теперь населяют железные люди.
Не будет им передышки ни ночью,
ни днем от труда и от горя...
После того, как на свет они
станут рождаться седыми.
Дети – с отцами, с детьми –
их отцы сговориться не смогут.
Больше не будет меж братьями любви,
как бывало когда-то.*

Гесиод “Труды и дни”

2.3. СКИФЫ-ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ И СКИФЫ-КОЧЕВНИКИ: ОТЛИЧИЕ И ОБЩНОСТЬ

Скифы-земледельцы и скифы-кочевники отличались многими элементами социально-хозяйственного устройства, навыков, обычаев, нравов. Скифы-кочевники жили в кибитках или в войлочных переносных юртах. Глиняные модели скифских кибиток были найдены при раскопках, а изображение скифских юрт – в одном из склепов Керчи. Следов от поселений скифов-кочевников не сохранилось. Зато археологам известны неукрепленные поселения земледельческих племен скифов, особенно в окрестностях Ольвии и по нижнему течению Днепра.

Геродот заметил, что у скифов не было укрепленных поселений. И действительно, первое значительное укрепленное городище у них появилось только в конце V в. до н.э., т.е. позже того времени, когда Геродот путешествовал по земле скифов. Скифы-скотоводы разводили главным образом лошадей и крупный рогатый скот, а также овец. Корм для скота не заготавливали и поэтому на одном месте задерживались лишь до тех пор, пока хватало травы.

Псевдо-Гиппократ, описывая быт скифов-кочевников, отмечал: “У них нет домов, а живут они в кибитках, из которых наименьшие бывают четырехколесные, а другие – шестиколесные; они кругом закрыты войлоками и устроены подобно домам, одни с двумя, другие с тремя

отделениями; они непроницаемы ни для воды, ни для снега, ни для ветров. В эти повозки запрягают по две и по три пары безрогих волов” [20, с.149].

Археологические данные подтверждают, что лишь с конца V в. до н.э. в некоторых местах степной Скифии возникают укрепленные поселения. Наиболее крупным из них было Каменское городище на левом берегу Днепра, близ современного Никополя. Оно занимало площадь около 12 кв.км. Здесь с конца V и до III в. до н.э. жило много ремесленников и, возможно, находилась ставка скифского царя [20, с.149].

На Каменском городище были найдены не только глиняные, но и свинцовые пряслица, а также железные иглы и отпечатки на глиняной посуде разных типов тканей – от шерстяных тканей и холста до грубого рядна. Здесь же нашли такой инструмент, как медный вязальный крючок.

Скифские кочевья располагались обычно в пойме, там где были пастбища с хорошей травой и удобными водопоями. Местами таких стоянок на Донце были окрестности села Петровского недалеко от впадения р. Береки в Донец и окрестности с. Райгородки вблизи впадения в Донец реки Сухого Торца. Здесь были найдены наконечники скифских стрел, части конской сбруи [20, с.150–151].

Привозная керамика, встречающаяся на скифских поселениях и в погребениях, представлена дорогой чернолаковой греческой посудой и амфорами, в которых привозили из античных городов главным образом виноградное вино [112, с. 37–55]. Судя по обилию обломков амфорной тары, вино ввозилось в довольно большом количестве. В отличие от греков, которые пили вино, разбавленное водой, скифы пили его неразбавленным. У греков даже возникало специальное выражение “подскифь”, что означало “добавь чистого вина” [20, с. 156–158].

*Жизнь – чудо из чудес.
А. Тарковский*

2.4. ВОИНСКОЕ ИСКУССТВО СКИФОВ

Скифы славились в древнем мире как умелые, храбрые воины; они имели очень хорошее для того времени вооружение. Основным наступательным оружием дальнего боя был лук со стрелами. Он делался из нескольких кусков упругого дерева и по форме напоминал букву М. Дошедшая до нас ольвийская надпись повествовала о том, что во время соревнований Анаксагор, сын Димагора, метнул стрелу на 282 оргии (т.е. более чем на 520 м). Наконечники стрел изготавливались обычно из бронзы, реже из железа или кости [20, с.158].

Стрел скифский воин носил с собой довольно много, иногда более трехсот. Все остальное наступательное оружие скифов (дротики, копья, мечи, кинжалы, боевые топоры) делались из железа. Метательные копья – дротики с длинной железной втулкой и копье с массивным наконечником, предназначенное для рукопашной схватки, были очень важным оружием скифского воина.

В качестве оружия ближнего боя скифы использовали (короткий – 50–70 см) меч – акинак или кинжал. Мечи имели обоюдоострый клинок. Рукоятка отделена от клинка сердцевидным или треугольным перекрестием – или перекрестием, напоминающим по форме крылья бабочки. Кинжалы по форме были похожи на мечи и отличались от последних лишь меньшей величиной (длина 20–40 см). Боевые топоры в археологических памятниках степной Скифии встречались редко [20, с.159–160].

Основным видом защитного вооружения скифского воина был щит, сделанный из дерева, кожи, переплетенных прутьев или ремней. В какой-то мере защитную роль играли также металлические бляшки, нашитые на пояс, кафтан и штаны.

Представители скифской знати имели в качестве защитного вооружения бронзовые шлемы местного или греческого типа, панцирь из железных или медных пластинок, прикрепленных к кожаной рубашке, бронзовые пластинчатые поножи. Скифское войско состояло из ополчения рядовых членов общины и дружинников, были при этом конные и пешие воины, но конница играла главную роль [20, с.161].

*Слово предания – лучшее слово, источник
познания, правды основа.*

“Махабхарата”

2.5. БЫТ СКИФОВ

Быт скифской знати в ходе развития торговых отношений с греками все более терял патриархальную простоту, все более эллинизировался. Об этом убедительно свидетельствуют многочисленные находки в скифских курганах произведений греческих ювелиров и гончаров, греческой чернолаковой посуды и других предметов роскоши. Отдельные представители верхушки скифского общества даже селились в греческих городах, перенимали греческие обычаи и религию [20, с.174].

В источниках получили некоторое отражение те социальные противоречия, которые нарастали в скифском обществе и принимали иногда форму борьбы за старые патриархальные обычаи, за традиционную религию. Так выстрелом из лука был убит скифский мудрец Анахарсис, который много путешествовал и жил в Греции, а затем, вернувшись на родину, пытался и здесь выполнять обряды греческого религиозного культа.

Подобная судьба постигла и скифского царя Скила, который владел греческим языком, письменностью и не любил скифского образа жизни. В Ольвии у него был роскошный дом, вокруг которого стояли беломраморные сфинксы и грифы. Здесь Скил жил по греческим обычаям, носил греческую одежду и даже был посвящен в таинства Диониса-Вакха. Участие царя в вакханалиях – празднествах в честь бога вина Диониса-Вакха – особенно возмутило скифские массы и послужило поводом для открытого выступления. Как сообщает Геродот, скифы взбунтовались против Скила, лишили его царской власти и передали ее брату Скила Октамасаду. Скил пытался спастись бегством во Фракию, но был выдан фракийским царем и убит [21, т. IV, с.76–80].

Однако отдельные стихийные выступления не могли остановить общего процесса разложения родоплеменного общества скифов и его эллинизации. Власть “царя” – верховного вождя скифского племенного союза – все более усиливалась. Ее укреплению способствовала наследственность царской власти, которая существовала уже в VII в. до н.э. Складывались легенды, доказывавшие божественное происхождение царей.

Неудачное вторжение войск персидского царя Дария I в 514 г. на территорию Скифии не ослабило скифского племенного союза. Наоборот, общая опасность и совместная борьба против иноземных захватчиков еще более сплотили скифские племена.

*Злато плавится огнем, а человек напастями; Пиеница, хорошо перемолотая,
чистый хлеб дает,
А человек в печали обретает ум зрелый.*

Даниил Заточник

2.6. РЕЛИГИЯ СКИФОВ

Как отмечал в своих работах Джамбаттисто Вико, профессор университета в Неаполе, визитными картами этносов является то, что все они имеют какую-нибудь религию, все они заключают торжественные браки, все они погребают своих покойников. Развивая данные положения Ш. Эйзенштадт отмечал, что одним из наиболее полных проявлений харизматического измерения общественного бытия является создание образца культурного и социального порядка, связанного с представлением о “священном”. В социальном плане харизматическое начало оформляет границы личной и коллективной идентичности, создание социальных центров и общественных институтов. Вместе с тем признание харизматических основ сопровождается жесткими ограничениями на личностное начало [2, с. 103–104].

От Геродота в основном известна и религия скифов. Характерные ее черты – отсутствие храмов и особой касты жрецов, отсутствие антропоморфных изображений богов. Олицетворением, например, наиболее почитаемого у скифов бога войны был воткнутый в землю железный меч, перед которым приносились жертвы. Характер погребального ритуала свидетельствует о том, что у скифов существовала вера в загробную жизнь. Попытка Геродота, перечисляющего по именам скифские божества, перевести их на язык греческого пантеона не может быть признана удачной. Видимо, религия скифов была настолько своеобразна, что не могла найти себе прямых параллелей в религиозных представлениях греков [19, т. II, с. 150].

Геродот ярко и красочно описал обряд похорон вождей царских скифов. Кладбище скифских царей, по Геродоту, находилось в местности Геррос, где-то в районе днепровских порогов. После смерти царя в этой местности рыли большую четырехугольную могилу. Покойника бальзамировали: извлекали внутренности, заполняли пустоты ароматическими травами и намазывали труп воском. Затем на траурной колеснице покойника возили по всем подвластным племенам. Скифы в знак траура отрезали себе часть уха, расцарапывали рот и нос, протыкали стрелами левую руку.

После этого царя хоронили. Скифы верили в загробную жизнь, поэтому вместе с царем хоронили одну из его жен, виночерпия, повара, конюха, слугу, вестника, коней, отборный скот и зарывали золотые сосуды. Над могилой насыпали курган, стараясь сделать его как можно выше. Через год вокруг кургана расставляли 50 чучел из княжеских коней и прикрепляли к ним убитых слуг.

Когда умирал рядовой скиф, то покойника везли лишь к родственникам и друзьям. Каждый из них устраивал поминки. Этот обряд длился 40 дней, после чего происходили похороны.

И поныне на обоих берегах Днепра, недалеко от города Никополя, возвышаются знаменитые царские курганы скифов. Наиболее известные из них Чертомлык, Солоха и Мелитопольский. Этими погребениями уже давно заинтересовались археологи. Раскопки курганов скифских поселений не только подтвердили многое из рассказанного Геродотом, но и существенно дополнили письменные источники. Большинство царских скифских курганов относится к IV–III вв. до н.э. – периоду наибольшего экономического и политического могущества скифов.

Большие скифские курганы поражают богатством своего погребального инвентаря. Наряду с местными вещами, в курганах постоянно встречаются и художественные изделия работы греческих, нередко первоклассных, мастеров. Это наглядно свидетельствует о тесных связях племенной знати с греческими городами-колониями. С другой стороны, роскошные погребения племенных вождей – “царей”, как их называют греческие писатели, и племенной знати составляют резкий контраст с рядовыми скифскими погребениями, часто лишенными почти всякого инвентаря. Процесс социально-имущественного расслоения в скифском обществе зашел довольно далеко. Свою роль в этом сыграли торговля с греками и постоянные военные столкновения между племенами, которые сопровождалась захватом военной добычи и пленных. Однако последние, по-видимому, большей частью перепродавались при посредничестве греческих купцов за пределы страны [19, т. II, с. 148].

*Безумная власть бывает причиной зла.
Поговорка*

2.7. ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ СКИФОВ

По вопросу о том, когда у скифов окончательно оформилось государство и что оно собой представляло, высказывались различные мнения.

Существует гипотеза, что уже в IV в. до н.э. царство Атея представляет собой первое скифское рабовладельческое государство, в котором наряду с эксплуатацией богатыми обедневших рядовых общинников применялся труд рабов, находившихся, по-видимому, на таком же положении, как илоты в Спарте.

Политическим центром и центром металлургического производства степного скифского царства было Каменское городище. Здесь, внутри территории, защищенной крутыми берегами рек и земляными валами, обнаружены различные жилые и хозяйственные постройки. Жилища были в виде землянок и домов, стены которых устраивались из вертикально врытых в землю бревен или из плетневого каркаса, обмазанного глиной. Внутри жилищ помещался глинобитный очаг. В особо укрепленной аристократической части города – на акрополе – найдены остатки разрушенных каменных зданий.

Большой интерес представляют обнаруженные на Каменском городище остатки жилищ и производственных помещений скифских ремесленников. Шлаки, крицы, обломки тиглей и сопел свидетельствуют о местном железоплавильном и меднолитейном производстве. Раскопки на этом городище впервые познакомили археологов с обширным набором различных инструментов скифских ремесленников [20, с. 160–181].

На основании данных, сообщаемых “отцом истории” Геродотом, ряд ученых, в их числе и Б.А. Рыбаков, высказали гипотезу о том, что социальный строй среднеднепровских славян еще за полторы тысячи лет до Киевской Руси оказался на пороге государственности. Об этом говорят не только упоминания сколотских “царств” и “царей” Геродотом, но и всаднические черты погребенных воинов и огромные “царские” курганы на Киевщине, и импортная роскошь славянской знати [12, с. 27].

Эволюционно-поступательное развитие славянства на пути становления государственности характерно тем, что она происходила в симбиозе не только со скифами, но и под влиянием античных традиций греков-колонистов, при их коллективном участии формировалась своеобразная зачаточная форма конфедеративного устройства с чертами потестарной государственности. Однако в III веке до нашей эры скифская держава пала под натиском более примитивных иранских кочевых племен сарматов. Скифы оказались разрезанными надвое

потоком новых кочевников: часть их ушла на юг, в Крым, а часть отодвинулась к северу, в лесостепь, где была ассимилирована славянами.

*Нет рабства более позорного,
чем рабство духа.*

Сенека

2.8. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО САРМАТОВ

Территория, населенная скифами, согласно Геродоту, простиралась на востоке только до Дона. За Доном, в нижневолжских и приуральских степях, жили уже не скифы, а родственные им, близкие по культуре и языку кочевые скотоводческие племена савроматов, или сарматов, как их стали называть позже. Соседями савроматов с юга были племена, называемые собирательным именем меотов. Они населяли территорию вдоль восточного берега Азовского моря, а также Таманский полуостров и часть Прикубанья.

Все античные писатели в своих рассказах о савроматах единодушно отмечают необычное положение у них женщин. Геродот приводит древнее сказание о происхождении савроматов от мифических амазонок, вступивших в браки со скифскими юношами. Этим он объясняет обычаи савроматских женщин ездить верхом, носить мужскую одежду, участвовать в войнах и т.п. В приписываемом Гиппократу медицинском трактате сообщается, что савроматки “...остаются в девушках, пока не убьют троих врагов”, а греческий историк IV в. до н.э. Эфор прибавляет к этому, что савроматские мужчины “повинуются во всем своим женам, как господам”. Это прочно вошедшее в античную этнографическую традицию представление об особой роли женщин у савроматов, имеет под собой реальную историческую почву, связанную с наличием у них значительных пережитков матриархата.

На территории савроматов были обнаружены комплексы погребений, центральное место в которых занимают погребения женщин. Они выделяются подчеркнутой торжественностью погребального обряда. Наряду с обычными для погребального инвентаря вещами, в них находят оружие и каменные блюда культового назначения, следы человеческих и конских жертвоприношений, свидетельствующие о том, что погребенные женщины были не только родоначальницами и воинами, но и жрицами. Только постепенно в савроматском погребальном обряде мужчины-воины по оснащенности ритуальными принадлежностями стали уподобляться женщинам, чтобы в дальнейшем оттеснить их на второй план. У савроматов, таким образом, дольше, чем у других северочерноморских племен, сохраняли свое значение пережитки матриархата [19, т. II, с. 151–152].

*И всюду страсти роковые
И от судьбы защиты нет...*

А.С. Пушкин

2.9. СЛАВЯНЕ И САРМАТЫ

Новые обитатели степей – сарматы – вели себя совсем иначе, чем скифы: если со скифами на протяжении пятисот лет славяне более или менее мирно соседствовали и нет данных о серьезных враждебных действиях, то сарматы вели себя агрессивно. Они перерезали торговые пути, громили греческие города, нападали на славян и отодвинули зону их земледельческих

поселков к северу. Археологически славяне сарматского времени характеризуются зарубинецкой культурой III века до нашей эры, культурой довольно примитивной, вполне первобытной. Географически она охватывает не только Среднее Поднепровье, но и более северные области в лесной зоне, колонизированные славянами. Деграция культуры славян, уровня их социально-экономического развития была обусловлена столкновением с более примитивным по уровню развития, но агрессивным по духу восточным этносом, который, невзирая на все трудности, славянству было необходимо “окультурить”, “поднять” до своего уровня.

Ф. Ратцель, рассматривая предпосылки *складывания культуры* у различных народов, акцентировал внимание на том, что “сущность культуры заключается в накоплении множества опытов, затем – в прочности сохранения их, и наконец – в способности развивать и увеличивать их. Поэтому мы прежде всего должны поставить вопрос: каким образом может осуществляться первое основное условие культуры – накопление культурного достояния в форме умения, силы или капитала” [10, с. 21].

К рубежу нашей эры сарматы доминировали на всем тысячеверстном пространстве причерноморских степей. Возможно, что сарматские набеги и увод в плен земледельческого населения стимулировались Римской империей, которая в своем широчайшем завоевательном размахе (от Шотландии до Месопотамии) нуждалась в огромных контингентах рабов для самых разнообразных целей – от пахарей до гребцов во флоте [12, с. 28].

К. Райт, рассматривая проблемы войны и мира в жизни этносов и цивилизаций, исходит из того, что трехступенчатая схема исторической эволюции человечества (дикость – варварство – цивилизация), а также фазы развития самих цивилизаций находили свое соответствие в общей типологии военных конфликтов. На стадии дикости военные столкновения были довольно примитивны и по существу мало чем отличались от борьбы за существование, которая идет в животном мире. Но по мере своего развития и “старения” любая цивилизация становится менее воинственной и агрессивной. Выделяется четыре этапа в этом процессе.

На первом, “героическом”, этапе истории каждой цивилизации в противоборстве с недружественной природной и социальной средой в культуре общества формируется новый социальный идеал; цивилизация рождается в борьбе за свое выживание и развитие и чаще всего в обстановке гражданской или межгосударственной войны. Героический период отличают масштабные миграции, смелые социальные эксперименты, честолюбивое руководство и военный энтузиазм.

На втором этапе, в период потрясений, в полной мере воплощаются все те проблемы и противоречия, что наметились на первом этапе. Наступает время испытаний и катастроф; разрушение и строительство противоречиво переплетаются в оформлении нового мирового порядка в виде серии внешних и внутренних войн. На третьем этапе, относительной стабильности, оформляется глобальный баланс сил [2, с. 302].

Материальная культура савроматов в том виде, в каком она вырисовывается на основании до сих пор известного археологического материала, весьма близка к скифской. Так, например, мечи и кинжалы савроматов VI–IV вв. до н.э. по своему типу очень напоминают скифские. То же можно сказать о конском наборе, о вещах, выполненных в зверином стиле, и т.д. Однако на территории савроматов значительно меньше, чем у скифов, найдено вещей иноземного – иранского и греческого – происхождения. Это вполне согласуется с показаниями некоторых античных писателей. Географ I в. до н.э. Страбон сообщает, что и в его время сарматы не попускали к себе греческих купцов, а сами вели торговлю в ограниченных размерах с рабовладельческим миром через Танаис – Боспорскую колонию, находившуюся на самой окраине Боспорского царства, у устья Дона. Таким образом, торговля в меньшей степени оказывала свое воздействие на социальный строй сарматов. Кочуя со своими стадами по

малодоступным для жителей тогдашнего цивилизованного мира степным пространствам, они гораздо дольше, чем другие племена, могли сохранять пережитки древнего матриархального строя [19, т. II, с. 152–153].

Сарматский натиск, продолжавшийся несколько столетий, привел к упадку славянские земли и к уходу населения из лесостепи на север, в лесную зону. Именно в это время на новых местах поселения стали появляться патронимические названия племен вроде Радимичей или Вятичей.

Таким образом, в более северном регионе ареала обитания восточного славянства, в густых лесах, защищенных от вторжений непроходимыми пространствами болот, начинают возникать новые славянские племенные центры, оставившие многосотенные кладбища, где захоронения совершены по обряду сожжения, подробно описанному Нестором.

Сразу за широкой полосой припятских и нижнедеснянских болот, севернее их, в полной недоступности от сарматского юга в земле древних невра появились большие крепости (вроде Горошкова на Днестре, между устьями Сожа и Березины), которые могли быть племенными центрами дреговичей – “болотников” (“дрыгва” – болото) [12, с. 28–29].

К первым векам нашей эры относятся наиболее ранние сведения античных авторов о славянах-венетах, однако данные о восточных славянах малочисленны, так как они были “прикрыты” от взгляда античных писателей сарматами, дошедшими уже до Среднего Дуная, и лесами, в которые скрывались славяне, расселившиеся из пределов древней прародины.

Иордан, латинский писатель VI века, отмечал, что по северным склонам высоких гор от истоков Вислы на обширных пространствах обитает многолюдный народ венетов. Хотя, продолжает Иордан, они зовутся разными именами по разности родов и мест поселения, но главные их названия – *скламены* и *анты* [100, с. 23]. Первые обитают на север до Вислы, на востоке – до Днестра; леса и болота заменяют им города. Вторые – самые сильные из венетов, обитают по побережью Черного моря от Днестра до Днепра. Комментируя вышеприведенные данные Иордана, В.О. Ключевский писал: “Значит, славяне, собственно, занимали тогда Карпатский край. Карпаты были общеславянским гнездом, из которого впоследствии славяне разошлись в разные стороны. При этом, отмечал он, – прежде чем восточные славяне с Дуная попали на Днепр, они долго оставались на карпатских склонах; здесь была промежуточная их стоянка” [23, с. 22].

Славяне жили островками среди других племен, постепенно ассимилируя их, но в то же время и воспринимая элементы культуры. Так, от скифо-сарматских племен в русский язык вошли отдельные слова, а в русскую языческую религию – некоторые мифологические образы.

О. Трубачевский, рассматривая аспекты славяно-иранских лексических отношений, пришел к заключению, что большинство иранских лексических заимствований в славянских языках является локальным – они охватывают не весь славянский мир, а либо только восточнославянские языки, а иногда лишь часть их, либо только южнославянские, либо только западнославянские. Естественно, что локальные лексические заимствования не отражают древнейшие праславяноиранские связи, а принадлежат в основном к относительно позднему периоду – к эпохе членения общеславянского языка на диалекты и ко времени формирования отдельных славянских языков.

Общеславянские лексические заимствования из иранского единичны. Таковы, *bog* – “бог”, *kotъ* – “загон, небольшой хлев”, *gun'a* – “шерстяная одежда” и *topoръ* – “топор”. Кроме первого, все эти иранизмы принадлежат к культурным терминам, обычно самостоятельно передвигающимся из языка в язык, независимо от миграций и соседства самого населения. Так, иранское *kata* достигло Скандинавии, а *карага* – западнофинского ареала [14, с. 25].

Академик Б.А. Рыбаков в своих работах акцентирует внимание на том, что новый и очень яркий период в истории славянства связан как с постепенным преодолением результатов сарматских наездов, так и с новыми событиями европейской истории в первые века нашей эры.

*Veni. Vidi. Vici.
Пришел. Увидел. Победил.
Ю. Цезарь*

РАЗДЕЛ 3. СЛАВЯНЕ И ИМПЕРСКИЙ РИМ: ЕВРОПЕЙСКИЙ ВЕКТОР ВЛИЯНИЯ

Геополитическая картина Евразии и особенно Европы значительно изменилась в связи с возрастающим могуществом Римской империи. Рим оказал сильное влияние на германские племена и на часть западнославянских, обитавших на Рейне, Эльбе и Одере. Римские легионы овладели греческими городами в Северном Причерноморье и использовали их как рынки закупки местного хлеба, рыбы и рабов.

Особенно усилились связи Рима с народами Восточной Европы, в том числе и со славянами, при императоре Марке Ульпии Траяне (98–117 гг. н.э.), когда римляне покорили всю Дакию и заставили ее население говорить на “ромейском”, латинском языке. Империя стала непосредственной соседкой славянских земель, где благодаря такому соседству вновь возродилось экспортное земледелие и притом в крупных масштабах.

З. Бжезинский, анализируя предпосылки возвышения и могущества Римской империи, ее влияние на развитие этносов и государств, отмечал: “Римская империя была создана в течение двух с половиной столетий путем постоянной территориальной экспансии вначале в северном, а затем в западном и юго-восточном направлениях, а также путем установления эффективного морского контроля над всей береговой линией Средиземного моря. В географическом отношении она достигла своего максимального развития приблизительно в 211 году н.э. Римская империя представляла собой централизованное государство с самостоятельной единой экономикой. Ее имперская власть осуществлялась осмотрительно и целенаправленно посредством сложной политической и экономической структуры” [1, с. 20]. Стратегически задуманная система дорог и морских путей, которые брали начало в столице, обеспечивала возможность быстрой перегруппировки и концентрации (в случае серьезной угрозы безопасности) римских легионов, базировавшихся в различных вассальных государствах и подчиненных провинциях [115, с. 656].

Во времена расцвета империи римские легионы, развернутые за границей, насчитывали не менее 300 тыс. человек: это была огромная сила, становившаяся еще более смертоносной благодаря превосходству римлян в тактике и вооружениях, а также благодаря способности центра обеспечить относительно быструю перегруппировку сил. (Удивительно, что в 1996 г. гораздо более густонаселенная сверхдержава Америка защищала внешние границы своих владений, разместив за границей 296 тыс. солдат-профессионалов) [1, с. 21].

Имперская власть Рима также опиралась на важную психологическую реальность. Слова “Civis Romanus sum” (“Я есть римский гражданин”) были наивысшей самооценкой, источником гордости и тем, к чему стремились многие. Высокий статус римского гражданина, в итоге

предоставлявшийся и лицам неримского происхождения, был выражением культурного превосходства, которое оправдывало чувство “особой миссии” империи. Эта реальность не только узаконивала римское правление, но и склоняла тех, кто подчинялся Риму, к ассимиляции и включению в имперскую структуру. Таким образом культурное превосходство, которое воспринималось правителями как нечто само собой разумеющееся и которое признавалось поработенными, укрепляло имперскую власть [1, с. 22].

Эта высшая и в значительной степени неоспаривавшаяся имперская власть просуществовала около трех столетий. За исключением вызова, брошенного на определенном этапе соседним Карфагеном и на восточных границах Парфянской империей, внешний мир, в основном варварский, плохо организованный и в культурном отношении явно уступающий Риму, большей частью был способен лишь к отдельным нападениям. До тех пор пока империя могла поддерживать внутреннюю жизнеспособность и единство, внешний мир не мог с ней конкурировать [1, с. 22–23].

*Столетия – фонарики!
О, сколько вас во тьме,
На прочной нити времени,
Протянутой в уме...
То яркие, то тусклые фонарики горят!*

В. Брюсов

3.1. ВОСТОЧНОЕ СЛАВЯНСТВО В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С РИМСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ

О связях восточного славянства с высокоразвитой как в экономическом, так и в культурном отношении римской, западной по своим основным координатам цивилизацией, можно судить по размаху славянского экспорта II–IV веков, по тому огромному количеству кладов римских монет в земледельческой славянской лесостепи. Приток римского серебра резко возрос именно при Траяне, и высокий уровень держался на протяжении нескольких веков [12, с. 29].

В “траяновы века” славяне Среднего Поднепровья (северная лесостепная половина так называемой “черняховской” археологической культуры) пережили новый и весьма ощутимый подъем. Развилось ремесло, появился гончарный круг, домницы для варки железа, ротационные жернова. Славянская знать широко пользовалась импортными предметами роскоши: лакированной столовой посудой, украшениями, различными предметами быта. Возрождались ситуация, близкая к той, которая существовала до сарматского нашествия, в эпоху расцвета скифско-славянской державы. Одним из торговых центров на Днепре были поселения, существовавшие на месте будущего Киева [12, с. 30].

В период “золотого” периода Траянова правления великую Римскую империю, вступившую в период своего наиболее яркого этапа развития, и восточное славянство связывали не только экономические контакты, но и значимое культурологическое и цивилизационное воздействие державы западной культуры на находившееся в процессе динамичного развития восточное славянство. О масштабе и параметрах воздействия говорят масштабы деятельности Траяна.

Марк Ульпий Траян родился 18 сентября 53 г. в небольшом римском городке Италика в Испании. Отец Траяна, которого тоже звали Марк Ульпий Траян, занимал высокие военные и гражданские должности при Веспасиане: участвовал в Иудейской войне, потом управлял Сирией.

Траян начинал свою деятельность предельно скромно – простым легионером. Под командованием отца он принимал участие в войнах с иудеями и парфянами. В 91 г. Траян стал консулом, а в последующие годы отличился, командуя войсками на Рейне, за что от Нервы получил похвалу и почетный титул “Германский” в 97 г.

Траян обладал огромной физической силой и невероятной выносливостью. Он любил продирается сквозь лесные дебри, выслеживать и ловить лесных зверей, взбираться на горы и утесы, плавать и грести, когда море беспокойно. Став императором, Траян не утратил выносливости простого воина; он великолепно владел оружием и стойко переносил все тяготы походной жизни; когда надо, мог обходиться немудреной пищей воина – салом, творогом и напитком, который назывался поска (смесь воды, уксуса и взбитых яиц). В походе Траян широким шагом всегда шел впереди войска.

Будучи императором, Траян продолжал ходить по Риму пешком, тогда как его предшественников обычно носили на носилках, ибо они, “как бы боясь равенства, теряли способность пользоваться своими ногами”. Траян был серьезен, справедлив, скромен и вместе с тем жизнерадостен; в обращении обходителен, прост и доступен. Ему было присуще редкое здравомыслие [24, с.198].

Придя к власти, он быстро избавил Рим от терзавших его доносчиков. Все дела по обвинению в оскорблении величия римского народа и особы императора были прекращены, а доносчиков Траян повелел утопить в море. Об этом беспримерном случае в римской истории Плиний Младший так говорил в своей похвальной речи (в панегирике) Траяну: “Мы видели суд над доносчиком такой же, как над бродягами и разбойниками. Ты выкорчевал это внутреннее зло и предусмотрительной строгостью обеспечил, чтобы государство, построенное на законности, не оказалось соvrащенным с пути законов. Все доносчики по твоему приказу были посажены на наскоро сколоченные корабли и отданы на волю волн: пусть, мол, отплывают, пусть бегут от земли, опустошенной через их доносы; а если штормы и грозы спасут кого-нибудь от скал, пусть поселятся на голых утесах негостеприимного берега, и пусть жизнь их будет сурова и полна страхов, и пусть скорбят они об утерянной безопасности, которая дорога всему роду человеческому” [24, с. 198].

Так расправился Траян с доносчиками явными. В Риме не было прокуратуры и государственных обвинителей, уголовные дела возбуждались частными лицами. Дела об оскорблении величия относились к разряду уголовных; лица, возбуждавшие такие дела, считались доносчиками явными.

Помимо явных, были в Риме и доносчики тайные. С ними Траян поступил не менее мудро: он просто парализовал их деятельность тем, что никак не реагировал на анонимные доносы. С удовлетворением констатировал Плиний Младший, что при Траяне “страх внушают не доносчики, а законы”.

Траян проявил себя дельным и многосторонним правителем. Он заботился об улучшении дорог и гаваней, чем способствовал развитию торговли. По его инициативе государство взяло на себя заботу о воспитании сирот и детей бедных родителей. Он сумел обеспечить Рим хлебом так, что тот перестал зависеть от Египта, откуда обычно везли хлеб; более того, когда в Египте случился неурожай, то Рим помог ему хлебом. С правителями провинций Траян вел регулярную переписку и держал в поле зрения всю Римскую империю.

Сенат, к которому Траян проявлял почтительность, наградил его титулом “наилучший император”. Известно, что сам Траян сказал однажды: “Я хочу быть таким императором, какого бы я сам желал, если бы был подданным”.

В 100 г. Плиний Младший в своем панегирике говорил такие слова: “Не будем ни в коем случае воздавать ему (Траяну) хвалу как какому-либо богу или кумиру, ибо мы говорим не о тиране, но о гражданине, не о властелине, но об отце. Ведь он из нашей среды, и ничто так не отличает и не возвышает его, как то, что он сам сознает себя одним из нас и не забывает, что он

человек и управляет людьми”. И далее, обращаясь непосредственно к Траяну: “Мы любим тебя настолько, насколько ты этого заслуживаешь, и любим тебя не из любви к тебе, а из любви к себе” [24, с. 198–199].

Траян развернул политику широкой военной агрессии, так как Рим нуждался в притоке рабов и материальных ресурсов. Кроме того, внешние враги иногда стали держать себя слишком независимо, и Рим хотел навести на них страх; об этом обстоятельстве с прискорбием говорит Плиний Младший: “Наши враги возгордились, сбросили с себя ярмо подчиненности и уже пытались бороться с нами не ради своего освобождения, а ради порабощения нас, не заключали с нами перемирия иначе, как на равных условиях, и вместо того, чтобы заимствовать наши законы, навязывали нам свои”.

Особенную силу приобрели даки (жившие на территории современной Румынии); более того, они попытались вступить в переговоры с парфянами (жившими в Месопотамии и в Персии), которые угрожали владениям Рима на Востоке.

В 101 г. Траян начал войну с даками, которая в 106 г. завершилась их полным разгромом и превращением Дакии в римскую провинцию. В честь побед над даками Траян в 102 г. был награжден почетным титулом “Дакийский”.

Победу над даками Траян отметил в Риме роскошными зрелищами, которые продолжались 123 дня подряд; на аренах цирков и амфитеатров сражалось 10 000 гладиаторов и было убито 11000 диких зверей.

В память об этой знаменательной победе римского оружия Траян повелел соорудить в Риме новую площадь, которая получила его имя – форум Траяна.

Это был самый величественный и самый роскошный из всех форумов Рима (так как старый республиканский Форум стал мал, то рядом с ним императоры начали строить свои форумы, которые получили их имена: Юлия Цезаря, Августа, Веспасиана, Нервы).

Для сооружения форума Траяна надо было срыть до основания часть Квиринального холма. Форум Траяна помимо площадей включал в себя целый комплекс роскошных зданий. В центре малой площади сохранилась мраморная колонна, которую спирально обвил скульптурный рельеф с изображением эпизодов войны с даками. Высота колонны вместе с цоколем – 39 м 83 см. Внутри колонны вьется лестница, сложенная из мраморных блоков; она имеет 185 ступеней и освещается 42-мя небольшими световыми отверстиями. На цоколе колонны торжественная надпись: “Сенат и народ римский (воздвигли эту колонну) императору Цезарю Нерве Траяну Августу, сыну божественного Нервы, Германскому, Дакийскому, великому понтифику, наделенному властью народного трибуна в 17-й раз, императору в 6-й раз, консулу в 6-й раз, отцу отечества, для того, чтобы было видно, какой высоты холм был срыт, чтобы освободить место для возведения этих столь значительных сооружений”. Открытие форума Траяна состоялось в январе 112 г. [106, с. 288–290].

В 114–115 гг. были присоединены к Риму в качестве провинций Месопотамия и Армения [24, с. 200]. На территории древнего Арташата, бывшей столицы Армении, в 1967 г. обнаружены фрагменты торжественной латинской надписи, свидетельствующей о строительной деятельности Траяна. Сейчас эта надпись экспонируется в Музее истории Армении в Ереване.

По титулу Траяна она датируется 116 г. Вот ее текст: “Император Цезарь Нерва Траян, сын божественного Нервы, Наилучший Август, Германский, Дакийский, Парфянский, великий понтифик, наделенный властью народного трибуна в 20-й раз, император в 13-й раз, консул в 6-й раз; при счастливых обстоятельствах Четвертый Скифский легион соорудил” [24, с. 201].

Особый интерес вызывает сообщение о Четвертом Скифском легионе, что, несомненно, связано с участием славян, именуемых так в Европе, в завоевательных походах Римской империи.

В связи с экспортным земледелием наладились вновь пути на юг, к Черному морю. Римские дорожные карты упоминают венедов в низовьях Дуная, а в середине III века часто упоминаются и военные морские походы, в которых наряду с готами (южная приморская часть черняховской культуры) участвуют и какие-то “скифы”, в которых, по всей вероятности, следует видеть юго-восточную часть славянства.

Человеческий век не вмещает и ста годов. Но содержит всегда он на тысячу лет забот и трудов.

Цюй-Юань

*Молодец все к молодцу,
Кудри золотые
Густо вьются по плечам,
Очи – голубые;
Словно все в одно лицо,
Та ж краса и сила
Словно всех-то их одна
Мать-Земля родила*

А. Майков

РАЗДЕЛ 4. СЛАВЯНЕ НА РУБЕЖЕ I–IV В. Н.Э.

Самые ранние сведения о славянах в античных письменных источниках относятся к сравнительно позднему времени – к первым векам нашей эры. Эти данные весьма отрывочны, а в географическом отношении не конкретны. Для исследования проблемы происхождения и этногенеза ранних славян они имеют вспомогательное значение, но тем не менее, нельзя преуменьшать их роль.

*Labor omnia vincit.
Вергилий*

4.1. СЛАВЯНЕ В АНТИЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Развернутое упоминание славян в античных письменных источниках относят к “Естественной истории” Гая Плиния Старшего (24–79 гг.). В данном труде говорится о некоем племени венедов, обитающем рядом с сарматами, скифами и хиррами: “Некоторые передают, что она (Энингия – мифический остров или полуостров, который комментаторы отождествляют с Висло-Одерским междуречьем) населена вплоть до реки Висулы сарматами, венедями, скифами и хиррами, что залив называется Килипен и остров в его устье Латрис, затем другой залив, Ланг, пограничный кимбрам”.

Своим именем славяне в античных источниках не называются. Античные авторы знают венедов, и имеются все основания считать, что под этим этнонимом скрываются славяне.

Для исследования проблемы этногенеза славян существенное значение имеет сочинение готского епископа Иордана, жившего в VI в. “Getica” была закончена в 551 г. Труд посвящен истории готов, начиная с того времени, когда они расселялись в устье Вислы, покинув

Скандинавию, и кончая серединой VI столетия. В процессе изложения автор делает ряд экскурсов в историю славян.

Данные Иордана позволяют установить связь между славянами и венедами античных писателей. По Иордану, венеда суть славяне. Он сообщает: “Между этими реками [Тисой, Олтом и Дунаем] лежит Дакия, которую наподобие короны, ограждают скалистые Альпы [Карпаты]. У левого их склона, спускающего к северу, начиная от места рождения реки Вистулы [Вислы], на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венедедов”. Эта информация как бы подчеркивает сведения античных авторов о том, что древнейшей областью венедедов был регион, связанный с бассейном Вислы.

Иордан прямо свидетельствует, что “многолюдное племя венедедов” (в его время оно было известно под разными названиями:) “...все же преимущественно они называются склавенами и антами” или “...ныне известны под тремя именами: венедедов, антов, склавенов”. Косвенным подтверждением служит и то, что вплоть до настоящего времени соседи славян – германцы и прибалтийско-финские народы – называют славян венедами.

Впервые этноним венеда встречается в “Естественной истории” Плиния, погибшего при извержении Везувия в 79 г. н.э. Автор называет венедедов в числе племен, соседящих на востоке с группой германских племен – ингевонами: “...земли до реки Вистулы обитаемы сарматами, венедами, скифами, гиррами” [14, с. 29].

Впервые мысль о том, что в данном контексте речь идет о славянах, высказал В. Суворецкий (1824). Сопоставив данные Плиния со сведениями Иордана (который, относит венедедов к славянам) и названиями славян в финских и германских языках, он посчитал венедедов Плиния древнейшим упоминанием собственно славян. Никакой аргументации, кроме фонетической близости этнонимов, В. Суворецкий не предложил. Тем не менее, его точку зрения приняли столь авторитетные ученые, как П. Шафарик и Л. Нидерле, и вскоре она стала весьма популярной в кругах славистов. Предлагались даже славянские этимологии этого этнонима. Одним из немногих усомнившихся в тождестве венедедов Плиния и древнейших славян был А.А. Шахматов.

К концу I в. н.э. относятся известия о венедах Тацита. Рассказывая о племенах, живших восточнее германцев, он называет певкинов, венедедов и финнов. “Венеда переняли многое от певкинов, ради грабежей рыщут по лесам и горам, какие только существуют между певкинами и финнами”. Певкины во времена Тацита занимали северную часть Нижнего Подунавья. Финны – финские племена, заселявшие в тот период обширнейшую территорию лесной полосы Восточной Европы от Прибалтики до Урала. Где между финнами и певкинами локализируются венеда, сказать невозможно.

Тацит колебался, относить ли венедедов к сарматам или к германцам. С одной стороны, венеда многое заимствовали из нравов и образа жизни певкинов, которые сильно перемешались с сарматами путем браков, с другой – они “сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, и притом с большой быстротой, все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне”.

Несколько конкретнее этногеографические сведения автора второй половины II в. н.э. Клавдия Птолемея, использовавшего не дошедшее до нас сочинение географа I в. н.э. Марина Тирского. Согласно Птолемею венеда – одно из крупнейших племен Европейской Сарматии, пределом которой на западе была р. Висла (Вистула). У ее истоков начиналась уже территория германских племен. С юга Сарматия ограничивалась Карпатские горы и северный берег Понта (Черного моря), а с севера – Венедский залив Сарматского океана (побережье Балтийского моря).

Клавдий Птолемей, в частности, писал о локализации венедедов следующее: “Европейская Сарматия окружена с севера Сарматским океаном вдоль Венедского залива... а занимают

Сарматия очень большие народы – венеды вдоль всего Венедского залива, выше Дакии – Певкины и Бастерны; по всему берегу Меотиды – Языги и Роксоланы; далее за ними внутрь страны – Амаксонии и Скифы-Аланы”.

Клавдий Птолемей уточняет географические данные о различных этносах: “И меньшие народы населяют Сарматия: по реке Вистуле ниже венедов питоны, затем финны, затем сулоны; ниже них фругудионы, затем аварины у истока реки Вистулы; ниже этих омбрионы, затем анартофрагты, затем бургионы, затем арсиэты, затем сабоки, затем пиенгиты и биессы возле горы Карпата. Восточнее названных, снова ниже венедов, суть галинды и судины и ставаны вплоть до аланов... И снова побережье Океана вдоль Венедского залива последовательно занимают вельты, выше них осии, затем еще севернее карбоны, восточное которых кареоты и салы, за ними и гелоны, и гипподы, и меланхлены; за ними агафирсы, затем аорсы и пагириты; за ними савары и боруски вплоть до Рипейских гор”.

И.Н. Данилевский, обобщая сообщения таких авторов, как Иордон, Плиний, Тацит и Птолемей по проблеме этногенеза славянства, сделал заключение, что “рассуждения, позволяющие связать приведенные тексты со славянами, логичны и потому кажутся убедительными, ибо:

- 1) Иордан прямо утверждал, что предками славян были венеды;
- 2) венеды, по упоминаниям Плиния, Тацита, Птолемея, жили в Повисленье;
- 3) бассейн Вислы – центр славянских земель в историческую эпоху; именно здесь концентрировались древнейшие бесспорно славянские археологические памятники, на это же указывает и языковой материал;
- 4) следовательно, можно принимать за аксиому, что венеды античных источников – славяне”.

Профессор Седов В.В. акцентирует внимание на том, что на Певтингеровой карте (конец III – начало IV в. н.э.) венеды обозначены в двух местах. Один раз венеды-сарматы локализованы южнее Балтийского моря и северо-западнее бастарнов, второй раз – рядом с гетами и даками, между Дунаем и Днестром. По-видимому, это не две отдельные венедские области, а скорее всего свидетельство об обширности территории расселения венедов.

Поскольку Певтингеровы таблицы отражают сведения о дорогах времени римского императора Августа, обозначение венедов в двух местах обусловлено пересечением их территории двумя путями, один из которых соединял земли венедов с областью бастарнов, а другой – с регионом даков.

В.В. Седов резюмирует, что информация о венедах в письменных источниках первой половины I тысячелетия н.э. этим и ограничивается. На основе данных Плиния, Тацита и Птолемея можно полагать, что в первых столетиях нашей эры славяне обитали между Балтийским морем и Карпатами, в бассейне Вислы, а может быть, и в более восточных районах. В III–IV вв. н.э. их территория расширяется, охватывая области Поднестровья.

По данному аспекту проблемы вызывает интерес точка зрения Ф.В. Шелова-Коведяева, который отмечает, что венеды упомянуты Плинием в контексте архаичных, неясных и полусказочных представлений. Их окружают племена, существование которых в бассейне Вислы весьма сомнительно. Поэтому и само присутствие этнонима венеды в “Естественной истории” не может, считает Ф.В. Шелов-Коведяев, рассматриваться в качестве бесспорного доказательства их реального обитания в Повисленье в середине I в. н.э. Ученый пишет: “Характерно, что Плиний поместил упоминание венедов в полусказочный контекст: он понимал, что венеды побережья Северного Океана – один из элементов древних легендарных представлений, а не живой, современной ему реальности. Прочных оснований для отождествления их со славянами текст Плиния не дает” [24, с. 29].

Н.М. Карамзин, рассматривая проблемы становления славянства и анализируя труды историков древности, отмечал: “Может быть, еще за несколько веков до Рождества Христова

под именем Венедовъ известные на восточныхъ берегахъ моря Балтійскаго, Славяне въ то же время обитали внутри Россіи; можетъ быть, Андрофаги, Меланхлены, Невры Геродотовы принадлежали къ ихъ племенамъ многочисленнымъ. Самые древніе жители Дакии, Геты, покоренные Траяномъ, могли быть нашими предками: сіе мнѣніе тѣмъ вѣроятнѣе, что въ Русскихъ сказкахъ XII столѣтія упоминается о счастливыхъ войнахъ Траяновыхъ въ Дакии, и что Славяне Россійскіе начинали, кажется, свое льтосчисленіе отъ временъ сего мужественнаго Императора. Замѣтимъ еще какое-то древнее преданіе народовъ Славянскихъ, что праотцы ихъ имѣли дѣло съ Александромъ Великимъ, побѣдителемъ Гетовъ. Но Историкъ не долженъ предлагать вѣроятностей за истину, доказываемую только ясными свидетельствами современниковъ” [11, т. I, гл. 1, с. 18–19].

И слово вѣщее – не ложно.

В. Соловьев

4.2. РАССЕЛЕНИЕ СЛАВЯНСТВА НА РУБЕЖЕ I–IV вв.

Говоря о расселении славян, летописец Нестор повествовал следующее: “Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где нынѣ земли Венгерская и Болгарская. И от тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели. Так, одни, придя, сели на реке именем Морава и прозвались морава, а другие назвались чехи. А вот еще те же славяне: белые хорваты и сербы, и хорутане. Когда волохи напали на славян на дунайских, и поселились среди них, и притесняли их, то славяне эти пришли и сели на Висле и прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки, другие ляхи – лутичи, иные – мазовшане, иные – поморяне” [25, с. 29].

В.О. Ключевский выдвинул свою, отличную от перечисленных выше концепцій этногенеза восточного славянства, теорію расселения славян с Дуная. Он отмечает, что составитель Начальной летописи не поможет нам в этом исканіи. У него другая точка зрѣнія: он панславист; исходя из своей идеи первобытнаго единства славянства, он прежде всего старается связать ранние судьбы родной Руси с общей исторіей славян. Начальная летопись не помнит времени прихода славян из Азии в Европу. В этнографическом очерке, поставленном во главе “Повести временных лет”, она застаёт славян уже на Дунае. Из этой придунайской страны, которую она называет землю Венгерской и Болгарской, славяне расселились в разные стороны. Оттуда же вышли и те славяне, которые поселились по Днепру, его притокам и далее к северу [100, с. 31–35].

Летопись рассказывает, что когда *волхи* напали на славян дунайских, сели среди них и начали их угнетать, одни славяне ушли и сели по Висле, прозавшись ляхами, другие пришли на Днепр и прозвались полянами, а поселившіеся в лесах – древліанами и т.д. Волхи или волохи – это, по мнѣнію исследователей, римляне. Речь идет о разрушеніи императором Траяном царства даков, которым его предшественник Домициан принужден был платить дань. Это указание на присутствие славян в составе Дакийскаго царства и о передвиженіи части их с Дуная на северо-восток от римскаго нашествія в начале II в. по р.х. – одно из самых ранних исторических воспоминаній славянства и отмечено, подчеркивает В.О. Ключевскій, только нашей летописью; трудно лишь догадаться, из какого источника оно заимствовано. Но его нельзя принять за начало нашей исторіи: оно касалось не одних восточных славян и притом говорит о разбродѣ славянства, а не о сформированіи среди него какого-либо союза” [23, с. 120–121].

Известный украинскій ученый и политическій деятель М.С. Грушевскій, рассматривая проблемы этногенеза славянства, отмечал: “Порогом исторических времен для украинскаго народа можно принять IV в., когда мы располагаем известіями, которые можем приложить к

нему специально. До этого времени мы можем говорить об украинских племенах лишь как о части славянской группы племен, а их эволюцию можем изучать не в ее развитии, а в результатах, до которых дошли они в момент окончательного обособления отдельных славянских групп. Сравнительное языковедение изучает эти результаты длинного ряда веков доисторической жизни по лингвистическим данным, а факты археологии и этнографии и более поздние исторические известия дают возможность контролировать и дополнять его выводы” [17, с. 16].

Ряд ученых акцентирует внимание на том, что своеобразным явлением в истории славянства было то, что оно практически перепрыгнуло из каменного века в железный век. Академик Б.А. Рыбаков, анализируя данный важнейший элемент прогресса, отмечал: “Если в бронзовом веке племена, не располагавшие залежами меди и олова, вынуждены были привозить металл издалека, то с открытием железа они необычайно обогатились, так как тогда использовалась болотная и озерная руда, имевшаяся в изобилии во всех славянских землях с их многочисленными болотами, речками и озерами. По существу, славяне перешли в железный век из каменного” [12, с. 25].

Переход к массовому изготовлению орудий производства и оружия из железа и стали (последнюю научились выделывать также в раннем железном веке) вызвал новые крупные изменения во всей хозяйственной деятельности человека. Более твердое, чем медь и бронза, железо позволило значительно расширить ассортимент изготавливаемых из металла орудий, улучшить их качество и вместе с тем резко повысить производительность труда. При помощи железных инструментов можно было гораздо лучше обрабатывать не только такие материалы, как дерево или кость, но даже камень. Широкое применение железа поднимало на более высокий уровень металлургическое производство и способствовало дальнейшему развитию других отраслей хозяйства.

Железо сделало возможным полеводство на крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из известных тогда металлов.

Одновременно хозяйственная деятельность человека все более усложнялась. Это приводило к тому, что в отдельных общинах стали выделяться специалисты-ремесленники, которые занимались лишь каким-либо одним видом производства, требующим особых знаний и навыков. Так зарождалось второе крупное общественное разделение труда, вследствие которого возникает производство непосредственно для обмена – товарное производство, а вместе с ним и торговля не только внутри племени и на его границах, но уже и за его границами [20, с. 134–135].

*Из сумерек Востока выявилось светлое,
свободное эллинистическое сознание.*

Ф. Энгельс

4.3. “ЦЕНТРЫ ПРИТЯЖЕНИЯ” И ЭТНОГЕНЕЗ СЛАВЯНСТВА

Интерес представляет концепция Б.А. Рыбакова о роли так называемых “центров притяжения” в этногенезе славянства, в частности, восточного. Академик Б.А. Рыбаков отмечает по этому поводу: “Применительно к массиву славянских племен (до колонизации на северо-восток) следует учесть образование двух центров притяжения: один из них соответствовал основной территории прежней “культуры шаровых амфор” и охватывал часть славянских, часть германских и часть кельтских племен, а другой находился вне славянской прародины, в скифском Причерноморье, и вовлекал в сферу своего влияния только юго-восточную часть славян, проживавших в плодородной лесостепи” [12, с. 24].

“Центры притяжения”, влияние западной цивилизации, в сочетании с влиянием сформировавшейся в основных параметрах восточной, их синкретное влияние на праславянство, обусловило особенности его развития, своеобразия протекания процесса этногенеза. При этом необходимо учитывать, что южно-балтийская группа славянских племен по своему географическому положению как новая разноплеменная общность отражена археологически в так называемой лужицкой культуре. Ее ядро составляли западные славянские племена (территории современной Польши), но в нее входили и соседние кельты, являвшиеся, очевидно, гегемонами в этом большом соединении племен, и какая-то часть германских племен по Эльбе.

Исходя из этих данных, считает Б.А. Рыбаков, вполне возможно, что именно эта общность получила в то время название “венеты”, или “венеды”, которое первоначально обозначало конгломерат разноразличных племен, живших интенсивной общей исторической жизнью, а в дальнейшем (примерно к рубежу нашей эры), когда кельтские и германские окраинные племена лужицкой культуры вошли в большой контакт со своими основными сородичами, наименование “венеты – венеды” сохранилось за западнославянскими племенами. У древних писателей (Плиния, Тацита) именем венедов называются славянские племена [12, с. 24].

Академик П.П. Толочко, рассматривая протекание этногенетических процессов у славянства в начале первого тысячелетия, констатировал, что, невзирая на все потрясения, войны и нашествия, значительная часть славян осталась на своих предковечных местах. Особенно это касается земледельцев лесостепной зоны Украины, где, собственно, и происходили процессы русского, а затем и украинского этногенеза.

Благодаря этому обеспечивалась непрерывность исторической памяти, органичность в наследовании культурно-мировоззренческих достижений, генофонда своих предшественников. Так постепенно, на протяжении тысячелетий разноэтнические народы образовывали на территории Украины определенные генетические единые традиции способа жизни, культуры, политической и государственной организации [16, с. 33].

*Все есть знание – и справедливость,
и рассудительность, и мужество.*

Сократ

4.4. ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ МИРА СЛАВЯНСТВОМ (“МУДРОСТЬ”)

Славянство, рассматриваемого периода характеризовалось значительными достижениями в области естественно-научного осмысления окружающего мира.

С древнейших времен человечество накапливало элементы знаний об окружающей его природе. Первые зачатки естественно-научных представлений стали складываться у восточных славян в глубокой древности, получив название “мудрость” как обобщенное знание о мире в целом.

Материальным воплощением данных знаний в древности являлись так называемые “аграрные календари”, представляющие собой керамические, деревянные, каменные, а также изготовленные из других материалов предметы, на которые в виде знаков, криптограмм, стилизованных изображений заносились сведения о ходе полевых работ и о природных условиях им сопутствовавших.

Большой интерес в данном отношении представляет расшифрованный академиком Б.А. Рыбаковым сельскохозяйственный календарь IV века, найденный на землях полян и

относящийся к черняховской культуре. Календарь представляет собой нанесенные на поверхность глиняного кувшина знаки – пиктограммы (серпы, крестцы, штрихи, символизирующие дождь, волнистые линии и т.д.), отличающие основные этапы роста, созревания и жатвы яровых культур, а также желательные для этих этапов периоды дождей.

Сам кувшин, очевидно, предназначался для “святой воды”, которой окропляли поля, и был предметом языческой литургии, связанной с аграрной магией.

Тот факт, что отмеченные на календаре благоприятные для урожая периоды дождей почти точно соответствуют агротехническим рекомендациям нашего времени для данного региона, свидетельствует об адекватных и достаточно точных представлениях о природе тех племен, которые жили на территории восточнославянского региона обитания [26, с. 29–30].

Таким образом, славянство в начале I тыс. н.э. получило благоприятные условия для своего развития. Давление кочевых народов (скифов, сарматов) в данный период перестало играть деструктивную роль в процессе этнического развития славянства, которое все более активно выходило на общеевропейскую арену, включалось в геополитическую орбиту влияния великой Римской империи, ведя с ней торговые отношения, участвуя в походах, приобретая передовые навыки ведения военных действий.

Данные факторы обусловили формирование предпосылок, становления зачаточных форм потестарной государственности как особой формы этнической самоорганизации славянства.

*Не в силе Бог, а в Правде.
Библия*

*Необходимо учитывать волнообразность движения славянской истории.
Нападают кочевники – уровень падает. Восстанавливаются связи с Грецией или Римом и культура поднимается выше.*

Б.А. Рыбаков

РАЗДЕЛ 5. ГОТЫ И ГУННЫ КАК ФАКТОРЫ СЛАВЯНСКОГО ЭТНОГЕНЕЗА

В.О. Ключевский, рассматривая влияние германских племен на развитие восточного славянства, акцентирует внимание на том, что в ходе взаимодействия готов и восточных славян образовались зачатки государственности Древней Руси.

В III в. славянство подверглось новому нашествию, но с необычной стороны, не с востока, из Азии, а из Европы, с Балтийского моря: это были отважные мореходы-готы, которые по рекам Восточно-Европейской равнины проникали в Черное море и громили Восточную империю.

Известный римский политический деятель и полководец Гай Юлий Цезарь, описывая быт древних германцев в I в. до н.э., отмечал, что у них “разбойничьи набеги – если только они ведутся вне территории данного племени – не считаются позором”. Живший в I в. н.э. римский историк Тацит так рассказывал о дружинах древнегерманских племен: “Если племя, в котором они родились, коснеет в долгом мире и праздности, то многие из знатных юношей по своему собственному почину отправляются к тем племенам, которые в то время ведут какую-нибудь войну, так как этому народу покой противен, да и легче отличиться среди опасностей и прокормить большую дружину можно только грабежом и войной. Дружинники же от щедрот своего вождя, отмечал Тацит, ждут себе и боевого коня, и обогрелую кровью победоносное

копье, а вместо жалования для них устраивают пиры, – правда, не изысканные, но обильные. Средства для такой щедрости доставляют грабеж и война”.

Невзирая на то, что от периода правления Ю. Цезаря, ведшего кровопролитные войны с германцами и благодаря этому достаточно хорошо изучившего данные племена, прошли века, но воинственный дух данного народа, его агрессивная устремленность осталась неизменной, усложняя этнические контакты славянства и германских племен [101, с. 159–179].

У. Экхард, рассматривая роль войны и насилия в развитии этносов и государств, отмечает: “Сутью цивилизации является эксплуатация, но эксплуатация не может осуществляться без вооруженного насилия. Вот почему на протяжении всей человеческой истории цивилизация и война неразрывно связаны друг с другом.

Диким собирателям и охотникам особенно не за что было воевать, они располагали по большей части примитивными луками и стрелами. У них не было ни излишнего населения, ни излишнего богатства для поддержки профессионального солдата. “Варвары” (земледельцы и скотоводы) имели больше причин воевать, но их арсенал мало отличался от арсенала их предшественников, не было у них и излишков населения и материальных средств для поддержки армий. Цивилизованные народы воюют за землю, трудовые ресурсы, возможности торговли и накопления капитала, а все это предполагает экспансию за чужой счет – часто за счет примитивных народов, не способных защитить себя против армий и вооружений народов цивилизованных. Как бы то ни было, процесс развития цивилизаций всегда нестабилен” [с. 195–197].

Незлюбивый народ. Мы верны небесам. Что мы служим лишь правде, увидишь ты сам.

Низами “Искандер – Наме”

5.1. СЛАВЯНЕ И ГОТЫ

Исторические факты свидетельствуют, что восточногерманские племена (готы, бургунды, вандалы) двинулись на юг, к границам Римской империи, и в Северном Причерноморье в конце III – в начале IV в. образовался сильный готский союз племен. Сколько-нибудь заметного воздействия на жизнь славян существование этого союза не оказало. Готский союз по своему характеру был объединением в первую очередь земледельческих племен западной части Северного Причерноморья (полуоседлые скотоводческие и кочевые племена степей Нижнего Поднепровья и Крыма входили в него только частично). Сами готы, занимавшие в союзе руководящее положение, составляли незначительную часть населения; по мнению П.Н. Третьякова, их появление в причерноморских степях не означало смены населения. В составе готского союза славяне оставались едиными земледельческими племенами, родственными им по общественному устройству и укладу хозяйства. Необходимо учитывать также, что даже в период наибольшего могущества готского союза (середина IV в.) под властью готских “королей” находилась только часть славянских племен, продвинувшихся на юг и юго-запад от области своего постоянного расселения. Пройдя коренные славянские земли, готы не покорили их. Столкновения славян “венедов” с готами, о которых сообщает готский историк Иордан, происходили, вероятно, на южных границах славянских земель. Обитавшие там славянские племена, “могучие многочисленностью”, воевали с готским королем Германарихом [28, с. 5].

В.О. Ключевский, рассматривая роль готов в истории славянства, отмечал, что в IV в. их вождь Германарих завоеваниями образовал из обитателей славянских земель обширное царство. Это было первое исторически известное государство, основанное при участии европейских народов в пределах нынешней Украины. В состав его входили различные племена Восточной

Европы, в названиях которых можно распознать эстов, мерю, мордву – будущих соседей восточных славян. Были покорены Германарихом и венеты или венеды, как называли западные латинские писатели славян с начала нашей эры. Историк готов Иордан, который сообщает эти известия о царстве Германариха, не указывает, где тогда жили эти венеты, собственное имя которых в византийских известиях появляется с конца V в. Зато этот писатель VI в., хорошо знакомый с миром задунайских варваров и сам варвар по происхождению, родом из Мизии, с нижнего Дуная, обстоятельно очерчивает современное ему географическое размещение славян [23, с. 121].

*Мир обозри, что плывет
под громадою выгнутой свода,
Земли, просторы морей обозри
и высокое небо.
Все вокруг обозри,
что веселится грядущему веку.*

Вергилий. Буколики

5.2. КОНФЕДЕРАТИВНАЯ СЛАВЯНО-ГОТСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Концепция В.О. Ключевского о формировании на территории этнического проживания славян государственности в период нашествия готов требует дополнительных научных исследований, хотя и является привлекательной, определяя место славянства как одного из этносов Европы с древними истоками государственности, при этом государственности особого, потестарного типа, базирующегося не на классовой, а на этнической основе. Таким образом, если мы и имеем основание говорить о наличии у славянства III–IV веков государственности, то она имела свой славянский “облик” и в отличие от классической европейской формы государства – державы-полицейского, регулирующего прежде всего классовые противоречия внутри данного общественного образования; потестарная форма славянской государственности являла из себя “государство-воина”, имевшей задачу прежде всего этнического выживания народа, что затем органично трансформировалось в принцип соборности, присущий славянству и на современном этапе развития.

По сообщениям Иордана, в конфедеративную империю Германариха входили мордва, меря, геремисы, герулы, частично гуннские и славянские племена. Готы первыми из варваров быстро и целеустремленно стали осваивать античную культуру, осуществляли контроль над важнейшими торговыми путями, проходившими через Причерноморье [100, с. 23–24]. Однако между племенами, входившими в данный союз, не было прочного единства, их состав постоянно обновлялся [29, с. 39–75].

Б.А. Рыбаков отмечает, что в данный период в социальном отношении приднепровские славянские племена вновь достигли того предгосударственного уровня, на котором они находились в скифское время. Не исключена возможность, что во II–IV веках, до нашествия гуннов (около 375 года), у южной части восточных славян, занимавшей те же самые плодородные лесостепные пространства, где были в свое время расположены “царства” скелотов-земледельцев, уже возникла государственность. В пользу этого говорит и богатство славянской знати, основывавшееся на экспортной земледелии, и появление “огнищ” – больших домов для челяди, и неукрепленность сел при наличии общегосударственной оборонительной линии, и начало дружинных походов далеко за пределы своей земли. Таким образом, задолго до

Киевской Руси в этой части славянского мира, наиболее близкой к мировым культурным центрам, уровень социального развития дважды достигал рубежа классового общества, а может быть, и переходил через этот рубеж. В первый раз дальнейшее развитие было прервано сарматским нашествием III века до нашей эры, а во второй – нашествием тюрков-гуннов в конце IV века нашей эры [12, с. 31]. Исследователи единодушны в том, что пребывание готов в Причерноморье не внесло особенных изменений в основы жизнеустройства славянства [30, с. 185].

*Лучше на Родине костями лечь,
чем на чужбине быть в почете.
Русская пословица*

5.3. СЛАВЯНЕ И ГУННЫ

В 375 г. на владения готского племенного союза напали гунны. Готы, занимавшие обширную полосу причерноморских степей от Дона до Дуная, были разгромлены. Готский король Германарих не мог противопоставить завоевателям сколько-нибудь значительных сил: при первых же ударах гуннов из-под его власти начали отпадать племена, составлявшие готский союз. Иордан сообщал, например, о выходе в это время из готского союза могущественного племени росомонов. Видя безнадежность сопротивления, Германарих покончил жизнь самоубийством.

Н.М. Карамзин, систематизируя сообщения древних авторов об взаимоотношении славян с готами и гуннами, отмечал: “Винитарь, наследник Эрманариха, Царя Готоскаго, былъ, уже данникомъ Гунновъ, но хотель еще повелевать другими народами: завоевалъ страну Антовъ, которые обитали на Съверь отъ Чорного моря (слѣдственно въ Россіи), и жестокимъ образомъ умертвилъ ихъ Князя, именемъ Бояна, съ семидесятью знатнейшими Боярами. Царь Гуннскій, Баламберъ, вступился за утѣсненныхъ, и побѣдивъ Винитара, освободилъ ихъ отъ ига Готовъ” [11, т. I, с. 10].

Значительное влияние на процесс этногенеза славян, на становление зачатков государственности на территории Восточной Европы оказало движение кочевых азиатских племен, в том числе и гуннов на запад, продолжавшееся несколько столетий. Причиной этого являлось давление избытка кочевого населения на производительные силы, что заставляло варваров с плоскогорий Азии вторгаться в государства Древнего мира. Это были племена, занимавшиеся скотоводством, охотой и войной, и их способ производства требовал обширного пространства для каждого отдельного члена племени. Рост численности у этих племен приводил к тому, что они сокращали друг другу территорию, необходимую для производства. Поэтому избыточное население было вынуждено совершать те полные опасностей великие переселения, которые положили начало значительным преобразованиям на геополитической и этнографической карте Европы.

Народы, жившие в рассматриваемый период в Европе, воспринимали вторжение гуннов как апокалипсическое явление кары божьей, ибо оно, по системе “падающего домино”, оказало многогранное влияние на исторические процессы и реалии Евразийского континента.

Кочевники сыграли известную роль в разгроме рабовладельческой Римской империи, однако их нашествие тяжело отразилось и на судьбах многих оседлых земледельческих народов Европы, в первую очередь славян, занимавших пограничные со степями области.

Это было столкновение двух хозяйственно различных укладов, цивилизаций, во многом исключавших друг друга, – оседлого земледелия и кочевого скотоводства. Стремление кочевников к безграничному расширению своих пастбищ, к уничтожению всего, что мешало

земле превратиться в пастбища, угрожало самому существованию оседлых земледельческих народов. Азиатские племена, кроме расширения территорий кочевий, преследовали цель порабощения и ограбления оседлых народов. Богатство соседей возбуждали жадность народов, у которых приобретение богатства оказывается уже одной из важнейших жизненных целей. Они варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем созидательный труд. Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападение, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом [22, с. 175–178].

Славянство и Восток, их взаимодействие, взаимозависимость и взаимовлияние составляют особую страницу истории славянства. Многие страницы истории взаимодействия восточных народов и славянства писались огнем разрушения, кровью.

Известный российский историк, богослов Г.П. Федотов, анализируя роль восточного фактора в становлении и развитии славянства, отмечал: “Восток обернулся своим хищным лицом: кочевники-тюрки, некультурные иранцы соседят с Русью, опустошают ее пределы, вызывают напряжение всех политических сил для обороны. Восток не соблазняет ни культурой, ни государственной организацией”.

Восток, о котором идет речь всегда, когда его противопоставляют Западу, есть преемство переднеазиатских культур, идущих непрерывно от Шумеро-Аккадской древности до современного ислама. Древние греки боролись с ним, как с Персией, побеждали его, но и отступали перед ним духовно, пока в эпоху Византии не подчинились ему. Западное средневековье сражалось с ним и училось у него в лице арабов. Русь имела дело сперва с иранскими, потом с (тюрскими) татарскими окраинами того же Востока, который в то же самое время не только влиял, но и прямо воспитывал ее в лице Византии. Русь знала Восток в двух обликах: “поганом” (языческом) и православном. Но Русь, по мнению Г.П. Федотова, создалась на периферии двух культурных миров: Востока и Запада. Ее отношения с ними складывались весьма сложно: в борьбе на оба фронта, против “латинства” и против “поганства”, она искала союзников то в том, то в другом. Если она утверждала свое своеобразие, то чаще подразумевая под ним свое православно-византийское наследие; но последнее тоже было сложным [31, с. 199].

Набеги на оседлые народы являлись для кочевников обычной нормой взаимоотношений с соседями. Упорная и кровопролитная борьба славянских племен с кочевниками длилась несколько столетий. В этой борьбе случались периоды временного затишья, но никогда не было прочного, устойчивого мира.

М.С. Грушевский отмечал, что гуннская орда была передовым полком смешанного турецко-финского потока, который двигался за нею. Медленно и долго, то задерживаясь и ослабевая, то прорываясь сразу, как извержение вулкана, изливался этот поток среди непрестанных войн с оседлым населением и ожесточенной борьбой среди самих этих орд, в которой некоторые из них исчезают бесследно.

В I тыс. до н.э. в Центральной Азии формируется племенной союз, контролировавший территорию от Забайкалья до Тибета, от Средней Азии до Хуанхэ. С приходом к власти в 209 г. до н.э. шаньюя Модэ хунны стали доминирующей силой в Центральной Азии. Признавая могущество хуннов, Китай пытался добиться благосклонности их правителей. Когда Модэ послал китайскому императору верблюда, двух верховых лошадей и две конские упряжки четверней, то в качестве ответного дара получил вышитый халат, парчовый халат, золотой венчик для волос, отделанный золотом пояс с пряжкой из кости носорога и десять кусков шелка. В 162 г. до н.э. император Сяо Вэнь-ди направил Лаошань-Гиюю, сыну Модэ, послание, в котором писал: “Хань и Хунну суть два смежных и равных государства”. Но хуннов это не удовлетворяло. Они хотели получать из Китая хлеб, ткани, изделия из металлов и предметы

роскоши в обмен на скот, лошадей, шерсть, шкуры, кожи, войлок. Войны не прекращались [99, с. 159–170].

Из-за непрестанных войн государство хуннов приходило в упадок, и в 57–55 гг. до н.э. распалось на две части. Во главе южных хуннов встал шаньюй Хуханье, признавший “покровительство” Китая, а северные хунны под началом его брата шаньюя Чжи-Чжи, вступив в союз со среднеазиатскими племенами, откочевали на запад. Они вели длительную кровопролитную борьбу с воинственными племенами ухуань и сяньби, а также с южными сородичами, за которыми стоял Китай. В 93 г. н.э. союз северных хуннов прекратил свое существование. Государство южных хуннов сумело себя сохранить до конца IV в. Уцелевшие от разгрома хунны покинули родину и постепенно двигались на запад, смешиваясь с местным населением [19, т. II, с. 211–212].

По свидетельствам античных авторов (Дионисий, Птолемей), на юго-восточных границах Европы, в прикаспийских степях и на Нижней Волге, гунны появились еще во II в. н.э. Но это были сравнительно небольшие племенные группы. Мощное движение кочевников, известных под общим именем “гуннов”, началось во второй половине IV в. В состав гуннов входили многочисленные монгольские и тюрские племена Центральной Азии, Сибири и Средней Азии, вовлеченные в общее движение кочевников на запад, а также финно-угорские и аланские племена Приуралья и Прикаспия.

В 70-х годах IV в. огромные массы гуннов-всадников перешли Волгу и обрушились на Северное Причерноморье. Это было опустошительное нашествие, сопровождавшееся разорением обширных областей и истреблением народов.

В описании современника гуннского нашествия – римского историка Аммиана Марцеллина, отмечается, что гунны – “подвижный и неукротимый народ, пылающий неудержимой страстью к похищению чужой собственности”, двигавшийся вперед “среди грабежей и резни соседних народов”. Неожиданность гуннского нашествия еще больше усиливала страх перед неведомым врагом. “Невиданный дотоле род людей, – писал Марцеллин, – поднявшийся как снег из укромного угла, потрясает и уничтожает все, что попадает навстречу, подобно вихрю, несущемуся с высоких гор”.

Гунны принесли с собой новые приемы боя, с которыми коренному населению Причерноморских степей было очень трудно бороться. “Иногда, угрожаемые нападением, они вступают в битвы клинообразным строем со свирепыми криками. Будучи чрезвычайно легкими на подъем, они иногда неожиданно и нарочно рассыпаются в разные стороны и рыщут нестройными толпами, разнося смерть на широкое пространство; вследствие их необычной быстроты нельзя и заметить, как они вторгаются за стену или грабят неприятельский лагерь. Их потому можно назвать самыми яростными воителями, что издали они сражаются метательными копьями, на которых вместо острия с удивительным искусством приделаны острые кости, а в рукопашную очертя голову мечами рубятся и на врагов, сами уклоняясь от ударов кинжалов, набрасывают крепко свитые арканы для того, чтобы, опутав члены противников, отнять у них возможность сидеть на коне, или уйти пешком” [32, с. 302–306].

По сообщению Аммиана Марцеллина, “племя гуннов ... превосходит всякую меру дикости, ...они питаются кореньями полусырых трав и полусырым мясом, ...у них никто не занимается хлебопашеством и никто не касается сохи, ...они не подчинены строгой власти царя, а довольствуются случайным предводительством знатнейших” [32, с. 307].

Анализируя свидетельства как западных, так и восточных авторов, посвященных нашествию гуннов, Н.М. Карамзин отмечал в “Истории Государства российского”: “Конец четвертаго вька ознаменовался важными происшествіями. Гунны, народъ кочующій, отъ полунощныхъ областей Китая, доходятъ чрезъ неизмьримыя степи до юго-восточной Россіи, нападаютъ – около 377 года – на Алань, Готоовъ, владьнія Римскія, истребляя все огнемъ и

мечемъ. Современные Историки не находятъ словъ для описанія лютой свирьпости и самого безобразія Гунновъ. Ужась быль ихъ предтечею, и столътний Герой Эрманарихъ не дерзнул даже вступить съ ними въ сраженіе, но произвольною смертію спъшилъ избавиться отъ рабства” [11, т. I, гл. I, с. 9]. Таким образом, высокие боевые качества, а также численное превосходство обеспечили гуннам победу над разрозненными племенами причерноморских степей.

Первой жертвой гуннского нашествия стали аланы, занимавшие прикаспийские степи до реки Дона. Гунны, вторгнувшись в земли алан, по сообщениям Аммиана Марцеллина, многих перебили и ограбили, а остальных присоединили к себе. Продвигаясь дальше на запад и юго-запад, гуннские орды разорили земли по Нижней Кубани и на Таманском полуострове. Затем, отмечал Марцеллин, на сторону гуннов перешли: германские народы – с круглыми щитами и короткими мечами; из них гепиды и готы составляли тяжелую пехоту, страшную для римлян. Вожди всех этих народов жадно ловили глазами всякое движение Аттилы и повиновались ему беспрекословно. Некоторых из них, подчеркнул Марцелин, Аттила отличал от прочих, призывая к себе на совет, как, например, Валамира, предводителя готов, и Ардарика, короля гепидов, а всех прочих держал как слуг. Историки насчитывают до 500 тысяч войск, которое под начальством Аттилы выступило в поход. Все попутные народы присоединялись к этому войску и еще более увеличивали и без того его страшную силу.

Иоанн Малала, византийский автор всемирной хроники, сообщает о данных событиях 459 г.: “В марте месяце седьмого индикта поднялись гунны и склавы на Фракию и, прийдя войною, многих убили, а некоторых взяли как добычу... Обнаружив к тому же обрушившиеся места в стене Константинополя (Длинные стены) и войдя здесь внутрь, они совершили набег вплоть до (церкви) Святого Стратоника” [22, с. 46–47].

Следуя вверх по Дунаю, гунны подошли к Рейну. На той стороне реки начинались владения римлян, их провинция, известная под именем Галлии. Она имела много городов, частью с христианским, частью с языческим населением; ее границы защищались крепостями, к которым были проведены хорошие дороги, мощенные камнем. Галлия, под властью римлян, считалась в то время страной образованной, тогда как по эту сторону Рейна жили германцы своим прежним старинным бытом.

По данным античных источников, Аттила приказал готовиться к переправе. Древние леса, где росли вековые дубы и ольхи, падали тысячами под ударами топоров; рубили плоты, вязали их и спускали на реку для устройства мостов. В одно и то же время войска перешли в разных местах Рейн и вступили в Галлию. Как тучи саранчи пожирают поля, так и полчища Аттилы истребляли дотла города и поселения, дома и церкви, людей, домашний скот, птицу. Многие цветущие города за Рейном, такие как Вормс, Майнц, Кельн, Трир, были обращены в пепел. Римские военачальники, не смея сопротивляться, отводили свои войска в глубь Галлии, за реку Луару [22, с. 47]. В Причерноморье гунны форсировали Керченский пролив и обрушились на Боспорское государство. Богатые боспорские города были разрушены: их стены не выдержали ударов стенобитных орудий гуннов.

Н.М. Карамзин отмечал, что в этой сложной геополитической ситуации происходили драматические изменения в судьбах славянства: “Исторія сего времени упоминаетъ, объ Антахъ, которые, по известію Иордана и Византійскихъ Летописцеві, принадлежали вмьсть съ Венедями къ народу Славянскому. Нетъ сомнѣнія, что Анты и Венеды признавали надъ собою власть Гунновъ: ибо сіи завоеватели во время Аттилы, грознаго Царя ихъ, повельвали всѣми странами отъ Волги до Рейна, отъ Македоніи до острововъ Балтійскаго моря” [11, т. I, с. 10–11].

По свидетельствам ряда как западных, так и восточных авторов, в походе Аттилы участвовали и восточные славяне. По свидетельствам очевидцев, никогда, со времен персидского царя Ксеркса, Европа не видела такого разноплеменного войска, какое собралось под началом Аттилы. Тут были народы Европы и Азии: черные гунны со своими длинными

стрелами; алане со страшными копьями и шлемами из роговых дощечек; невры, у которых вся кожа была раскрашена и исколота узорами, вместо убранства короткий кафтан из человеческой кожи, а вместо оружия – косы; славяне в полотняных рубахах, с длинными копьями.

Волна гуннского нашествия с Востока не только оказала воздействие на судьбу Римской империи, но кардинально изменила ситуацию в славянском мире: “Истребивъ безчисленное множество людей, разрушивъ города и крѣпости Дунайския, предавъ огню селения, окруживъ себя пустынями обширными, – отмечал Н.М. Карамзин, – Аттила царствовалъ въ Дакіи подъ наметомъ шатра, бралъ дань съ Константинополя, но славился презрѣніемъ золота и роскоши, ужасалъ міръ и гордился именемъ бича Небесного.– Съ смертью сего варвара, но великаго челоуька, прекратилось и владычество Гунновъ. Народы, поработенные Аттилою, свергнули съ себя иго несогласныхъ сыновей его” [11, т. I, с.10].

Центр гуннского союза находился в Паннонии: здесь располагались основные силы гуннов и ставка их вождя. Северное Причерноморье стало резервом и тылом державы Аттилы, но тылом беспокойным и непрочным. Завоеванные славянские народы неоднократно восставали, ослабляя натиск гуннов на запад, а порой и вообще срывая их завоевательные походы. Упорное сопротивление славян и других восточноевропейских племен явилось одной из причин распада гуннского союза, который наступил после смерти Аттилы. Часть гуннов во главе с сыновьями Аттилы вернулась с запада в степи северо-западного Причерноморья, но они уже не занимали прежнего господствующего положения среди других кочевых племен [28, с. 9].

Нашествие гуннов на Восточную и Западную Европу вызвало значительные геополитические изменения. Н.М. Карамзин, анализируя их последствия, отмечал: “Изгнанные Немцами-Гепидами изъ Панноніи или Венгріи, Гунны держались еще несколько времени между Днѣстромъ и Дунаемъ, гдѣ страна ихъ называлась Гунниваромъ; другіе разселялись по Дунайскимъ областямъ Имперіи – и скоро изгладились слѣды ужаснаго бытія Гунновъ. Такимъ образомъ сіи варвары отдаленной Азіи явились въ Европѣ, свирѣпствовали и какъ грозное приведѣніе исчезли!

Въ то время южная Россія, – отмечал Н.М. Карамзин, – могла представлять обширную пустыню, гдѣ скитались одни бѣдные остатки народовъ. Восточные Готты большею частію удалились въ Паннонію; о Роксоланахъ не находись уже ни слова въ летописяхъ; вѣроятно, что они смешались съ Гуннами, или, подъ общимъ названемъ Сарматові, вмѣстѣ Язигами были разселены Императоромъ Маркіаномъ въ Иллирикъ и въ другихъ Римскихъ провинціяхъ, гдѣ, составивъ одинъ народъ съ Готами, утратили имя свое: ибо въ концѣ V вѣка Исторія уже молчитъ о Сарматахъ” [11, т. I, гл. I, с. 10].

Особенно существенно положение о том, что после нашествия гуннов в летописных источниках более не встречаются упоминания о роксоланах и сарматах.

На смену гуннскому союзу пришли другие племенные объединения, однако ни одно из них не могло сравниться по могуществу с державой Аттилы. Племенные объединения, во главе которых становились различные кочевые племена, ранее входившие в состав гуннского союза, быстро возникали и так же быстро распадались, значительно усиливаясь во время удачных походов и исчезая бесследно в случае военных неудач. Это были временные, непрочные объединения, не оставившие заметных следов в истории Северного Причерноморья. Как правило, они даже не проводили самостоятельной внешней политики, являясь послушным орудием в руках византийской дипломатии. Об этом очень образно пишет византийский историк второй половины VI в. Агафий, характеризуя взаимную борьбу, вплоть до самоуничтожения, двух послегуннских племенных объединений – утургуров и кутургуров, которые в течение долгого времени были заняты взаимной борьбой, усиливая вражду между собой. Они то делали набеги и захватывали добычу, то вступали в открытые бои, пока почти совершенно не уничтожили друг друга, подорвав свои силы и разорив себя. Они даже потеряли

свое племенное имя. Гуннские племена дошли до такого бедствия, что если и сохранилась их часть, то будучи рассеянной, она была подчинена другими и называется их именами.

По отношению к земледельческим оседлым народам племенные объединения кочевников послегуннского времени проводили ту же политику, что и их могущественные предшественники: это были паразитические объединения, существовавшие за счет ограбления других народов, опустошительных набегов и “даров”, вымогаемых у Византии за участие в войнах против ее противников. Однако соотношение сил в это время уже изменилось. Славяне и другие оседлые племена Восточной Европы успешно отбивали набеги кочевников, о чем свидетельствует существование поселений в непосредственной близости от степей. В Северном Причерноморье шел процесс постепенной ассимиляции кочевников земледельческой средой, их оседание на землю. Ассимиляция облегчалась тем, что население Северного Причерноморья, по наблюдениям М.И. Артамонова, состояло главным образом из местных европеоидных племен, а не из пришлых монголоидов. Во всяком случае, азиатские кочевые племена тогда не составляли большинства, особенно по соседству с лесостепью.

Проникновение в причерноморские степи отдельных азиатских кочевых племен продолжалось и в V–VI вв. Так, во второй половине V в. в Каспийско-Азовском регионе появились савиры, вытесненные из Западной Сибири аварами. Следом за ними пришли племена сарагуров и оногуров.

Все эти группы кочевников в этническом отношении мало отличались от гуннов и быстро смешались с ними. Разрозненные и сравнительно немногочисленные группы азиатских кочевников послегуннского периода не создали сколько-нибудь прочных племенных объединений и мало изменили состав населения причерноморских степей. Наиболее значительными племенными объединениями кочевников были союзы утургуров (в Приазовье) и кутургуров (в Северном Причерноморье), состоявшие из тюркоязычных племен, пришедших вместе с гуннами или вслед за ними, а также из сохранившихся групп местного восточноевропейского населения [28, с. 9–10].

В исторической литературе были попытки представить нашествие гуннов как явление прогрессивного характера. А.Н. Бернштам, например, возражал против оценки гуннских походов как разбойничьих и грабительских, утверждал, что гунны были выше многих европейских народов того времени по социальному строю и культуре, несли в Европу новые, более совершенные по сравнению с рабством социальные отношения и восточную культуру, мобилизовали все “варварские племена” Европы для разгрома рабовладельческой Римской империи.

С этой оценкой гуннского нашествия, по мнению В.В. Каргалова, нельзя согласиться. Во-первых, роль гуннов в разгроме рабовладельческой Римской империи не стоит преувеличивать. Во-вторых, гуннское нашествие обрушилось прежде всего на оседлые земледельческие народы Восточной Европы, сыграв резко отрицательную роль в их истории. На долгие годы не только степная, но в определенной степени лесостепная зоны Восточной Европы оказались во власти кочевников, оседлое земледельческое хозяйство, с древности развивавшееся здесь, было разрушено. Нашествие затормозило процесс социально-экономического развития европейских народов. Пришельцам из азиатских степей не нужно было “спасать” славян и другие земледельческие племена Европы от рабовладельческой формации: рабство и так не получило у них сколько-нибудь заметного развития, а рабовладельческий Рим переживал период упадка. Поэтому говорить о каком-либо “положительном” плане было бы неверным, особенно, по отношению к славянам [28, с. 8–9].

В.В. Каргалов отмечает, что гунны не принесли с собой ничего значимого, кроме опустошений, массовых убийств, грабежей и тяжелой дани, наложенной на подвластные народы. В причерноморских степях завоеватели уничтожили древнюю земледельческую

культуру, стерли с лица земли те островки оседлости и земледелия, которые существовали в степной зоне северо-западного Причерноморья и на Нижнем Днепре. Сильно пострадали от гуннов и оседлые поселения лесостепи, особенно в ее южной части. Факт запустения многих земледельческих поселений во время гуннского нашествия подтверждается археологическими данными: в конце IV в. жизнь на многих из них прекращается почти одновременно. Раскопки дают яркие картины гибели поселений “черняховской культуры” в результате военной катастрофы: клады, поспешно зарытые жителями при приближении врага, следы массовых пожарищ, керамические печи, загруженные посудой (внезапное нападение помешало гончарам закончить работу) [28, с. 9].

Со значительной долей основания мы можем констатировать, что гуннское нашествие на территории, где проходил процесс этногенеза славянства, нарушил его естественно-эволюционный ход, уничтожил зачатки потестарной государственности, возникшие у славянства на догуннском этапе исторического развития.

Н.М. Карамзин акцентирует внимание на том, что при всей кровавой трагичности гуннского нашествия, оно активизировало “выход” славянства на европейскую “авансцену”: “Въроятно, что некоторые изъ Славянь, подвласныхъ Эрманариху и Аттиль, служили въ ихъ войськ; въроятно, что они, испытавъ подъ начальствомъ сихъ завоевателей храбрость свою и пріятность добычи въ богатыхъ областяхъ Имперіи, возбудили въ соотечественникахъ желаніе приблизиться къ Греціи и вообще распространить ихъ владніе. Обстоятельства времени имъ благоприятствовали” [11, т. I, с. 15].

Академик П.П. Толочко в своей фундаментальной работе “Кочевые народы степей и Киевская Русь”, исследуя основополагающие аспекты взаимоотношений славянства противостоящих им кочевых народов, отмечал: “Длительное противостояние кочевых народов степей и оседлых славяно-русов было исторически и географически обусловлено и не зависело от злой либо доброй воли его участников. Периодические выходы огромных масс кочевников из Азии в степи Восточной Европы обуславливались объективными факторами, главными из которых были: давление избытка населения на производительные силы, а также природные катаклизмы.

Палеоклиматологами установлена определенная цикличность теплых и засушливых, а также прохладных и влажных периодов в прикаспийско-причерноморских степях. Аналогичные процессы происходили и в азиатских степных регионах... Эти же факторы во многом объясняют и поведенческие стереотипы степного населения по отношению к оседлому.

Особенно агрессивными становились кочевники в засушливые периоды, когда от знойного солнца выгорали травы, пересыхали небольшие степные реки и озера. В такие периоды степь не могла прокормить своих насельников, и они устремлялись в лесостепные районы, занятые земледельцами. Столкновения, часто кровавые, становились неизбежностью” [16, с. 4].

Поэтическая формулировка А. Блока о том, что славяне на протяжении тысячелетий “Держали щит меж двух враждебных рас...” позволяет сделать вывод, что в ответ на нашествия кочевников степи (“Вызов” по терминологии Л.Н. Гумилева) следовал “Ответ” со стороны славянства, в ходе которого подрывалась мощь “степной волны” нашествия, а зачастую происходил процесс долговременной ассимиляции, когда часть кочевников интегрировалась в славянский этнос, оказывая влияние на его ментальность, укрепляя его жизнестойкость, механизмы адаптации к сложным евроазиатским факторам и реалиям.

Никому не дано вынести окончательный приговор человеку, вычислить, что является для него возможным и что невозможным.

К. Ясперс

Когда начала расти Русь, Степь стала высылать против нее рать за ратью полчища диких кочевников; и они “уравнивали”, то есть жгли, истребляли, резали. Все это наложило неизгладимый отпечаток, предопределив развитие славянских народов на многие столетия, обусловила их неповторимое своеобразие и, вместе с тем, общность истории.

Е.Н. Трубецкой

РАЗДЕЛ 6. АВАРО-БОЛГАРСКИЙ И ХАЗАРСКИЙ ФАКТОРЫ ЭТНОГЕНЕЗА СЛАВЯНСТВА

6.1. АНТЫ КАК ЭТАП СЛАВЯНСКОГО ЭТНОГЕНЕЗА

Нашествие гуннов не только изменило геополитическую карту Европы, но и оказало влияние на этногенные процессы славянства. Иордан, характеризуя славянство, отмечал, что они изменяются в зависимости от различных племен и местностей, однако главным образом они именуется славинами и антами. Славины живут от города Новиетуна и озера, которое именуется Мурсианским, до Данастра, а на севере – до Вислы. Место городов занимают у них болота и леса... Анты же, храбрейшие из них, живя на изгибе Понта, простираются от Данастра до Данапра. Реки эти отстоят друг друга на много дневных переходов [29, с. 99].

Академик П.П. Толочко, рассматривая проблемы этногенеза славянства данного периода, отмечал в своей фундаментальной монографии “Кочевые народы степей и Киевская Русь”: “Византийские источники называют большой союз антов как часть восточных славян, которые, согласно Иордану, жили между Днестром и Днепром. Анты же – сильнейшее из обоих (племен) – распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину”. Прокопий Кессарийский размещал неисчислимые племена антов на север от народов, обитавших в Северном Причерноморье и Приазовье.

Из информации византийских историков Прокопия и Маврикия явствует, что анты – оседлый народ, занимавшийся хлебопашеством и скотоводством, нередко подвергавшийся опустошительным набегам кочевников [100, с. 24–31]. По своему общественному устройству анты соответствовали стадии военной демократии, при которой ведущая роль в обществе принадлежала народному собранию, а также вождям и старейшинам [16, с. 9].

Академик В.В. Седов, рассматривая этнические преобразования в славянстве, связанные с нашествием гуннов, отмечал: “Известно и племенное название славянской группировки, сформировавшейся при активном участии иранского этнического компонента. Это – анты, упоминаемые византийскими историками и Иорданом в основном в связи с историческими событиями VI в. Иордан рассказывает об антах и в связи с событиями IV в.”

Этноним “анты” имеет, скорее всего, иранское происхождение. Предположение об этом было высказано учеными еще в конце прошлого столетия. Его разделял М. Фасмер и отстаивали многие исследователи. “Из всех существующих гипотез, более вероятной, – отмечает в этой связи Ф.П. Фи-лин, – является гипотеза об иранском происхождении слова “анты”: древнеиндийское *antas* означает “конец, край”, *antyas* “находящийся на краю”, осетинское *att’iua* “задний, позади”. Если бы это предположение оказалось правильным, то в таком случае значение слова “анты” было бы “живущие на Украине, пограничные жители”” [33, с. 60].

Антами, по-видимому, были названы ираноязычным населением Северного Причерноморья славянские племена, расселившиеся на юго-восточной окраине славянского мира и находившееся в тесном контакте со скифо-сарматами [14, с.100].

В ходе взаимодействия славян с гуннами произошел процесс их взаимовлияния, расширения диапазона этнического своеобразия. Так по сообщениям источников, вождь гуннов

Аттила угощал посла византийского императора напитком “медос”, очевидно, славянской медовухой, а на поминках Аттилы употреблялась “страва”.

Однако не только славянское влияние ощущалось на этническом уровне гуннов, но и последние “передали” славянам передовые навыки военного искусства. Авторы VI в. – Иоанн из Эфеса, Маврикий Стратегион и другие – сообщают про опустошительные войны, походы славян на Византию, их расселение на Балканах [100, с. 25–31]. Византийский историк Прокопий из Кессарии (VI в.) в работе “Про сооружения” сообщал про восстановление императором Юстинианом двух крепостей в Добрудже, длительное время находившихся под контролем и во владениях славян [3, с. 30]. В.В. Седов, анализируя различные версии о происхождении антов, их месте в славянском этносе, отмечал: “Попытки ответить на вопросы, какую часть славянства составляли анты и какова их роль в славянском этногенезе, предпринимались неоднократно. В историко-лингвистической литературе были высказаны самые различные мнения по этому поводу. Значительная группа исследователей (в том числе А.Л. Погодин, А.А. Шахматов, Ю.В. Готье и другие) склонны были видеть в антах восточных славян середины I тысячелетия н.э. Так, по А.А. Шахматову, анты составили первый этап в истории русского племени, а восточнославянские племена, названные в “Повести временных лет”, возникли в результате распада антского единства. Л. Нидерле, А.А. Спицын и многие другие историки считали, что анты охватывали только южную часть восточных славян. В западноевропейской литературе было распространено мнение, согласно которому славяне и анты отражали членение праславянского языка на западную и восточную ветви. Ныне все эти предположения имеют уже чисто историографический интерес, поскольку археология накопила значительные материалы, позволяющие конкретно решить эти вопросы.

Анты – это группа славян, расселившихся в междуречье Днестра и Днепра среди ираноязычного населения, которое было ими ассимилировано. Это была диалектно-племенная группировка славян VI–VII вв., имевшая свои этнографические особенности. Анты, считает В.В. Седов, не были ни восточными, ни южными славянами. Эта племенная группировка относится еще к праславянскому периоду. Широкое расселение антов и смешение их с другой диалектной группой славян свидетельствуют об участии их в этногенезе восточных, южных и западных славян. Распад праславянского языка был сложным процессом, заключавшимся не только в членении славянской территории, но и в значительной перегруппировке славянских племен. Диалектно-племенное членение славян ранневизантийской поры и существующее ныне трехчастное деление славянства (восточные, западные и южные славяне), являющееся продуктом более позднего исторического процесса, заключает В.В. Седов, не имеют прямой зависимости [14, с. 125].

Прокопий Кесарийский сообщает, что анты и славяне пользовались одним языком, у них одинаковый быт, общие обычаи и верования, и “некогда даже имя у славян и антов было одно и то же”. Однако из сведений византийских историков видно, что различия между с (к) лавенами и антами не были чисто территориальными. Анты называются наравне с такими этническими группировками того времени, как гунны, утигуры, мидяне и др. Византийцы различали славянина и анта даже тогда, когда они служили наемниками империи (например, Дабрагаст, родом ант). Анты и склавене были отдельными племенными группировками, имевшими своих вождей, свое войско и ведущими самостоятельную политическую деятельность [14, с. 25]. Анты, судя по известиям “Стратегикона”, приписываемого императору Маврикию, были умелыми воинами, легко переносившими трудности военного быта.

Исследования археологов последних лет позволили отождествить с антами так называемую пеньковскую археологическую культуру. Она охватывает значительную территорию лесостепного пограничья от Северского Донца на востоке до Нижнего Подунавья на западе.

Весь облик материальной культуры подтверждает сообщения византийских авторов о земледельческом укладе жизни антов.

На территории распространения пеньковских древностей обнаружено большое число кладов третьей четверти I тыс. н.э., близких между собой по вещевому комплексу. В свое время А.А. Спицин определил их как “древности антов”. В дальнейшем исследователи больше склонялись к мысли о связи этих кладов с кочевниками. Широкомасштабные археологические исследования этой культуры, осуществленные Д.Т. Березовцом, П.И. Хавлюком, О.М. Приходнюком и другими археологами, позволили убедиться в корректности этнического определения владельцев этих кладов, данного А.А. Спициным. Оказалось, что некоторые из кладов (в селе Вильховчик) были найдены в типичных пеньковских лепных горшках или на пеньковских поселениях. Не все вещи этих кладов имеют антское происхождение. Многие из них, как, например, пальчатые фибулы, браслеты с утолщенными концами, поясные наборы пластин, имели широкое евроазиатское распространение [16, с. 10].

Таким образом, сокрушительное гуннское нашествие, уничтожившее на своем пути ряд этносов, поставившее под угрозу существование великой Римской империи, не смогло уничтожить глубинных основ славянской цивилизации, базирующейся на соборной идеологии совместного этнического выживания. Непрерывающиеся выступления славянства в тылу гуннов, воевавших в Европе, снизило потенциал их натиска, спасло народы Европы от гибели.

В грозах и бурях уничтожений, на драматичных изломах созидался украинский народ, ставший таким, каким он есть ныне.

В.П. Петров

Как олово пропадает, когда его часто плавят. Так и человек – когда он много бедствует.

Даниил Заточник

6.2. АВАРСКИЙ ФАКТОР СЛАВЯНСКОГО ЭТНОГЕНЕЗА

Естественно-исторический ход развития славянства в VI в. опять был нарушен вторжением. В середине VI в. в причерноморские степи проникли авары. Об их происхождении историки высказывают различные мнения. Так, Н.Я. Мерпер считает, что в состав аварской орды входили тюркские, монгольские и финно-угорские племена Центральной и Средней Азии, причем основная роль принадлежала тюркам. М.И. Артамонов выводит происхождение авар из среды угорского населения Северного Казахстана, огуз-угров, вытесненных на запад тюркотами. Таким образом, по предположениям обоих исследователей, авары нашли в причерноморских степях родственную этническую среду (многие угорские племена пришли сюда ранее вместе с гуннами). Этим, а также слабостью местных племенных объединений, объясняются быстрые успехи новых пришельцев из Азии. Сама же аварская орда была сравнительно немногочисленной: по свидетельству византийского историка Менандра, она насчитывала всего 20 тысяч воинов. М.И. Артамонов определяет общую численность авар вместе с женщинами и детьми в 100 тысяч человек [28, с. 10].

И.Н. Данилевский, рассматривая проблему происхождения авар, их взаимоотношение со славянами, отмечал: “После ухода гуннских племен из степей, примыкавших к границам Небесной империи, в Восточной Монголии и Западной Маньчжурии сформировался союз кочевых племен, который китайские летописи называли терминами *сяньби* или *вэй*. Наиболее влиятельными в этом союзе были племенные объединения *жуань-жуаней* и *киданей*”.

В V в. жуань-жуани начали продвигаться по следам гуннских племен на запад. В середине VI в. они напали на Кавказскую Албанию, вторглись в пределы Азербайджана и Армении, а оттуда пошли на север. В европейских источниках их называют *аварами*.

К 50-м годам VI в. они вступили на земли Северного Причерноморья и Приазовья, которые в V–VI вв. были колонизованы славянами [24, с. 32–35].

Академик П.П. Толочко, рассматривая влияние аварского нашествия на процесс этногенеза славян, отмечал: “Будучи этнически родственны гуннам, авары со середины VI в. приняли активное участие в событиях на юго-востоке Европы. В 557–558 гг. они вышли к границам Византийской империи. По пути на Дунай авары покорили болгарские племена утигуров и кутригуров, а затем и антов. Как сообщает Менаандр, авары вторглись в земли антов и принялись их опустошать” [16, с. 12].

По мнению ряда исследователей, именно авары стали той силой, которая привела в движение славянские племена и вывела их на широкую историческую арену. Начиная с середины VI в., славяне попадают в поле зрения западноевропейских хронистов и восточных (арабоязычных) авторов [24, с. 35].

Л.Н. Гумилев с присущей ему образностью и парадоксальностью отмечал, рассматривая данное историческое событие: “Процесс славянского этногенеза был нарушен вторжением с востока. Хиониты, населявшие берега низовий Яксарта (Сырдарьи), спасаясь от тюркютов, бежали в Европу, где стали известны под именем авар, или обров. Это был древний этнос, наследие легендарного Турана, и юные восточные славяне стали жертвой старого хищника” [7, с. 34–35].

В.В. Каргалов в своей работе “Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси”, анализируя влияние нашествия аваров на этногенез славянства, отмечал: “Авары, вытесненные тюрками из районов своих прежних кочевий, не могли, конечно, в одиночку бороться против многочисленных племен причерноморских степей. Они искали союзников и быстро нашли их: сначала – алан, затем – кутургуров, которые старались использовать аварскую орду для войны с племенным объединением утургуров.

Играя на противоречиях между местными племенами, авары добились господствующего положения в степях Северного Причерноморья. Им удалось создать большой союз племен, западная граница которого доходила до владений Византии. Создание этого союза, известно под названием Аварского каганата, происходило в упорной борьбе с восточноевропейскими народами. Особенно упорное сопротивление аварам оказали славяне” [28, с. 10–11].

Ряд ученых, в том числе А.В. Гудзь-Марков в работе “История славян”, высказывает версию о том, что “...быть может, появление аваров в Европе в 560–568 гг. было оговорено с Византийской империей ранее, как средство борьбы со славянами. Во всяком случае, вскоре после 558 г. разразилась война авар с антами, то есть со славянами лесостепей и степей юга Восточной Европы. Об обстоятельствах войны нам известно из сочинения Менаандра Протектора, греческого автора VI века, в правление Маврикия писавшего историческое сочинение” [25, с. 32].

Данная версия находит подтверждение в труде Н.М. Карамзина “История государства Российского”: “Уже льть 30 Славяне свирепствовали въ Европъ, когда новый Азіатскій народъ побѣдами и завоеваніями открылъ себѣ путь къ Черному морю. Весь известный міръ былъ тогда театромъ чудеснаго волненія народовъ и непостоянства въ ихъ величїи” [11, т. I, гл. I, с. 12–13].

В.В. Седов, рассматривая влияние аварского фактора на этногенез славянства, отмечает: “Из глубины Азии в Европу продвигались авары. Пройдя северопричерноморские земли, они пришли в столкновение с антами, а к 562 г. достигли Доруджи и нижнего Дуная. В 567–568 гг. авары обосновались в Паннонии. Движение аваров привело к миграции других племен, среди

которых, вероятно, были анты, заселявшие и северопричерноморские земли и области Нижнего Подунавья” [14, с. 127].

Вариант использования Византией аварского фактора против славянства соответствует историческому вектору развития данного периода.

Восточная Римская империя – Византия – возникла в начале IV в. н.э. Анализируя причины упадка Римской империи, вызвавшие ее раздел на Западную и Восточную части, а затем – и гибель, З. Бжезинский отмечает: “Три основные причины привели, в конечном счете, к краху Римской империи. Во-первых, империя стала слишком большой для управления из единого центра, однако ее раздел на Западную и Восточную автоматически уничтожил монополистический характер ее власти. Во-вторых, продолжительный период имперского высокомерия породил культурный гедонизм, который постепенно подорвал стремление политической элиты к величию. В-третьих, длительная инфляция также подорвала способность системы поддерживать себя без принесения социальных жертв, к которым граждане больше не были готовы. Культурная деградация, политический раздел и финансовая инфляция в совокупности сделали Рим уязвимым даже для варваров из прилегающих к границам империи районов.

Римская империя была сама по себе целым миром, ее превосходящая политическая организация и культура сделали ее предшественницей более поздних имперских систем, еще более грандиозных по географическим масштабам” [1, с. 23].

Многие вековые традиции Римской империи были восприняты Византийской империей, адаптированы к своим геополитическим реалиям. Главным же в данном наследовании был принцип: “Разделяй и властвуй”.

Историю Византийской империи можно условно разделить на пять этапов. На первом этапе (IV в. – середина VII в.) империя – многонациональное государство, в котором рабовладельческий строй сменяют раннефеодальные отношения. Государственный строй – военно-бюрократическая монархия, вся полнота власти принадлежала императору, однако власть не была наследственной, императора провозглашала армия, сенат и народ (хотя это зачастую носило номинальный характер). Совещательным органом при императоре был сенат. Раннюю Византию называли “страной городов”, исчислявшихся тысячами. Такие центры, как Константинополь, Александрия, Антиохия, насчитывали по 200–300 тыс. жителей. В десятках средних городов (Дамаск, Никея, Эфес, Фессалоники, Эдесса, Бейрут и др.) жило по 30–80 тыс. человек. После завоевания при императоре Юстиниане Западного Средиземноморья Византия установила гегемонию на торговлю со странами Запада, превратив снова Средиземноморье в “Римское озеро”. По уровню развития ремесел Византия не имела себе равных среди западноевропейских стран.

В годы правления императора Юстиниана I (527–565 гг.) Византия достигает вершин своего расцвета. Второй этап (вторая половина VIII в. – первая половина IX в.) прошел в напряженной борьбе с арабами и славянскими нашествиями. Территория державы сократилась вдвое, империя стала намного однороднее по национальному составу: это было греко-славянское государство. Резко сокращается количество городов и численность горожан. Из крупных центров остается только Константинополь, население его сокращается до 30–40 тыс. Другие города империи насчитывают по 8–10 тыс. жителей, в малых же жизнь замирает. Упадок городов и “славянизация” населения (т.е. рост славян среди подданных базилиевска) привели к тому, что число образованных людей резко сократилось. Просвещение концентрируется в монастырях.

В 558 г. от аваров в Византию было отправлено посольство. Авары просили императора предоставить им земли для расселения, ибо в Восточном Приазовьи аваров теснили западные тюрки. Тогда же формально авары стали союзниками империи.

Н.М. Карамзин следующим образом трактовал данные исторические события: “Огоры перешли на западные берега Волги, назвались славнымъ именемъ Аваровъ, нькогда могущественныхъ, и предложили союзъ Императору Византійскому. Народъ Греческій съ любопытствомъ и съ ужасомъ смотрьль на ихъ Пословъ: одежда сихъ людей напоминала ему страшныхъ Гунновъ Аттилы, отъ коихъ мнимые Авары отличались единственно темъ, что не брили головы и заплетали волосы въ длинные косы, украшаемыя лентами. Главный Посоль сказалъ Юстиніану, что Авары, мужественные и непобедимые, хотять его дружбы, требуя даровъ, жалованья и выгодныхъ мсть для поселенія. Императоръ не дерзнулъ ни в чемъ отказать сему народу, который, бжавъ изъ Азіи, со всупленіемъ въ Европу приобрьль силу и храбрость. Угры, Болгары признали власть его” [11, т. I, гл. 1, с. 14].

Таким образом, имеющиеся исторические данные позволяют сделать заключение, что Византия, страдавшая от нашествия славян, решила использовать авар для того, чтобы обезопасить себя. Н.М. Карамзин следующим образом “реконструирует” эти события: “Уже Анты, Богемскіе Чехи, Моравы служили Хану; но собственно такъ называемые Дунайскіе Славяне хранили свою независимость, и еще въ 581 году многочисленное войско ихъ снова опустошило Фракію и другія владнія Имперскія до самой Эллады или Греціи. Тиверій царствовалъ въ Константинополь: озабоченный войною Персидскою, онъ не могъ отразить Славянъ и склонилъ Хана отомстить имъ нападеніемъ на страну ихъ. Баянъ назывался другомъ Тиверія, и хотьль даже быть Римскимъ Патриціемъ: онъ исполнилъ желаніе Императора тьмъ охотнѣ, что давно уже ненавидьль Славянъ за ихъ гордость. Сію причину злобы его описываютъ Византійскіе Историки слідующимъ образомъ: Смиривъ Антовь, Ханъ требоваль отъ Славянъ подданства; но Лавритасъ и другіе Вожди ихъ отвѣтствовали: “Кто можетъ лишить насъ вольности? Мы привыкли отнимать земли, а не свои уступать врагамъ. Такъ будетъ и впредь, доколь есть война и мечи въ свьтъ”. Посоль Ханскій раздражилъ ихъ своими надменными рьчами и заплатилъ за то жизнью. Баянъ помнилъ сіе жестокое оскорбленіе, и надьялся собрать великое богатство въ земель Славянъ, которые, больше пятидесяти льтъ громивъ Имперію, не были еще никьмъ тревожимы въ странъ своей” [11, т. I, гл. 1, с. 14].

В.В. Каргалов в своей работе “Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси”, анализируя влияние нашествия аваров на этногенез славянства, отмечал: “Авары, вытесненные тюрками из районов своих прежних кочевий, не могли, конечно, в одиночку бороться против многочисленных племен причерноморских степей. Они искали союзников и быстро нашли их: сначала – алан, затем – кутургуров, которые старались использовать аварскую орду для войны с племенным объединением утургуров.

Играя на противоречиях между местными племенами, авары добились господствующего положения в степях Северного Причерноморья. Им удалось создать большой союз племен, западная граница которого доходила до владений Византии. Создание этого союза, известного под названием Аварского каганата, происходило в упорной борьбе с восточноевропейскими народами. Особенно упорное сопротивление аварам оказали славяне” [28, с. 10–11].

Последствия аварского нашествия, инспирированного Византийской империей, явились для славянства трагичными. Аварский хан “съ шестидесятью тысячами отборныхъ конныхъ латниковъ, началъ грабить селенія, жечь поля, истреблять жителей, которые только въ бьгствѣ и въ густотѣ льсовъ искали спасенія. – Съ того времени ослабьло могущество Славянъ, и хотя Константинополь еще долго ужасался ихъ набьговъ, но скоро Ханъ Аварскій совершенно овладьль Дакією” [11, т. I, гл. 1, с. 15].

О результатах войны славян с аварами известно немного. Видимо, большинство славянских племен не были покорены аварами. Даже во второй половине VI столетия, в период наибольшего могущества Аварского каганата, славянские вожди вели себя достаточно независимо по отношению к аварам. Менандр сообщает, например, что в 578 г. “важнейшие

князя склавинского народа категорически отвергли требование аварского кагана о покорности и заявили: “Родился ли на свете и согревается ли лучами солнца тот человек, который бы подчинил себе силу нашу? Не другие нашею землею, а мы чужою привыкли обладать. И в этом мы уверены, пока будут на свете война и мечи!” [36, с. 6].

Аварское нашествие ознаменовалось для славянства не только огнем пожарищ, разорением селений, гибелью мирных жителей, но и насильственным привлечением части славянских воинов к аварскому войску: “Обязанные давать ему войско, они лили кровь свою и чуждую для пользы ихъ тирана; долженствовали первые гибнуть въ битвахъ, и когда Ханъ, нарушивъ миръ съ Грецією, въ 626 году осадилъ Константинополь, Славяне были жертвою сего дерзкаго предпріятія. Они взяли бы столицу Имперіи, если бы измяна не открыла ихъ тайнаго намьренія Грекамъ: окруженные непріятелемъ, бились отчаянно; немногіе спаслися, и въ знакъ благодарности были казнены Ханомъ” [11, т. I, гл. 1, с. 15].

А.В. Гудзь-Марков в своей работе “История славян” акцентировал внимание на том, что около 560 года произошли события, о которых Менандр сообщает: “Когда правители антов были поставлены в бедственное положение и против своих надежд впали в несчастье, авары сразу же стали опустошать (их) землю и грабить (их) страну.

И вот теснимые набегами врагов анты направили к ним посольство, избрав для посольства Мезамира, сына Идаризия, брата Келагаста, и просили выкупить некоторую часть пленных из их племени. Но посол Мезамир, пустослов и хвастун, прибыв к аварам, изрек слова высокомерные и в чем-то даже наглые. Поэтому-то кутригул (тюрки, подчеркнутые аварами), который был предан аварам, замыслил против антов весьма враждебное, после того как Мезамир говорил надменнее, нежели подобает послу, сказав Хагану следующее: “Этот человек приобрел величайшую силу у антов и может противостоять любым своим врагам. Следует поэтому убить его и потом безбоязненно напасть на враждебную (землю)”. Послушавшись его, авары, презрев почтение к послам и ни во что не поставив справедливость, убивают Мезамира. С того времени более, чем раньше, стали они разорять земли антов и не переставали поработать жителей, грабя и опустошая” [33, с. 32].

Академик П.П. Толочко следующим образом прокомментировал эти данные, сообщаемые Менандром: “Антские властители оказались в тяжелом положении. Они направили к аварам посольство во главе со знатным вождем Мезамиром. Однако, не считаясь с традиционной посольской неприкосновенностью, уважавшейся во все времена, авары убили Мезамира, полагая, что славянский вождь не оказал им должного уважения. После этого они с еще большим ожесточением продолжали грабить славянские селения, угонять в рабство жителей. Свидетелями пребывания аваров на территории Украины является, по-видимому, группа погребений, раскопанная у сел Виноградное Запорожской области: Костогрызово, Сивашовка, Сивашское Херсонской области, Портовое в Крыму. Они совершены по обряду трупоположения либо в широкой яме с конем на уступе, либо в узкой яме овальной формы с заплечниками и останками коня на деревянном перекрытии. Инвентарь погребений сравнительно богатый – поясные наборы, колчаны, удила, палаши” [35, с. 12–13].

Отдельные славянские племена, преимущественно занимавшие земли поблизости от основных аварских владений в западной части Северного Причерноморья, были покорены завоевателями и жестоко угнетались ими. Русский летописец сообщает о завоевании аварами (“обрами”) славян-дулебов: “Обри воеваша на Словены и примучиша Дулебы, сущая Словены, и насилье творяху женамъ Дулебьскимъ, аще поехати бяше обрину, не дадяше въпрячи коня, ни волу, но веляше въпрячи 3 или 4 или 5 женъ и телегу, и повести Обрина, и тако мучаху Дулебы” [25].

Об этих событиях Н.М. Карамзин повествует следующее: “Обры или Авары, въ VI–VII вькъ господствуя въ Дакіи, повельвали и Дульбами, обитавшими на Бугъ; нагло оскорбляли

цѣломудріе женъ Славянскихъ и впрягали ихъ, вместо воловъ и коней, въ свои колесницы; но сіи варвары, великіе тѣлом и гордые умом (пишетъ Несторъ), исчезли в нашемъ отечествѣ отъ моровой язвы, и гибель ихъ долго была пословицею въ земль Русской” [11, т. I, гл. I, с. 24].

Покоренные аварами народы были обложены тяжелой данью, величина которой достигала половины урожая. Очень обременительным было также содержание аварских отрядов, ежегодно приходивших зимовать в земледельческие поселения лесостепи; возможно, этот факт и нашел отражение в записи русского летописца о насилиях “обров”. По свидетельству Фредегара, “авары каждый год шли к славянам, чтобы зимовать у них; тогда они брали женщин и детей славян и пользовались ими. В завершение насилия славяне обязаны были платить аварам дань” [36, с. 324–327].

Ответом на грабежи и насилия была непрекращающаяся борьба славянских племен с угнетателями, которая то выливалась в открытые восстания, то временно затухала, чтобы снова вспыхнуть при первом же удобном случае. Сопротивление покоренных народов подтачивало изнутри державу аварских каганов и послужило одной из основных причин ее гибели.

В.О. Ключевский, анализируя “Повесть временных лет” и рассматривая имеющиеся там данные о взаимоотношениях славян с аварами, отмечал: “Те же обры воевали со славянами и покорили дулебов, тоже славян, и притесняли женщин дулебских: собираясь ехать, обрин не давал запрягать ни коня, ни вола, а приказывал заложить в телегу 3, 4, 5 женщин, и они везли его; так мучили они дулебов. Были обры телом велики, а умом горды, и истребил их бог, перемерли все, не осталось ни единого обрина, и есть поговорка на Руси до сего дня: погибоша аки обре” [23, с. 122–123].

Вероятно, благодаря этой исторической поговорке и попало в “Повесть” предание об обрах, которое носит на себе черты былины, исторической песни, составляющей, может быть, отдаленный отголосок целого цикла славянских сказаний об аварах, сложившегося на карпатских склонах.

Возникает закономерная проблема – где были во время этого нашествия поляне и почему одним дулебам, пришлось так страдать от обров? В сороковых годах X в., за сто лет до составления “Повести временных лет”, о восточных славянах писал следующее араб Масуди в своем географическом сочинении “Золотые луга”: “Одно из славянских племен, коренное между ними, некогда господствовало над прочими, верховный царь был у него, и этому царю повиновались все прочие цари; но потом пошли раздоры между их племенами, союз их разрушился, они разделились на отдельные колена, и каждое племя выбрало себе отдельного царя”. Это господствовавшее некогда славянское племя Масуди называет валинана (волынские), а из “Повести” известно, что волыняне – те же дулебы и жили по Западному Бугу. В.О. Ключевский, анализируя данное сообщение арабского географа, заключал: “Можно догадываться, почему киевское предание запомнило одних дулебов из времен аварского нашествия. Тогда дулебы господствовали над восточными славянами и обозначали их своим именем” [23, с. 123].

21 ноября 565 г. в столицу Византийской империи прибыли послы аваров. Юстин II принял послов и среди прочего услышал от аваров следующее: “Ведь из ваших соседей мы разом истребили варваров, постоянно грабивших Фракию, и никого из них не осталось для набегов на Фракийские пределы. Ибо боятся они силы аваров, дружественно относящихся к державе ромеев” (Менандр Протектор). По версии Гудзь-Маркова, империя одаривала аваров, но по большому счету просчиталась. Авары воевали с восточными славянами-антами для того, чтобы прорваться в центр Европы и приняться за грабеж самой империи [33, с. 32].

В 60-е годы VI ст., покорив часть славянских племен, авары на землях бывшей римской провинции Паннонии создали свое государство во главе с каганом Баяном. Оно

просуществовало до 30-х годов VII ст., пребывая в постоянной борьбе с Византией и славянами [35, с.13].

Война славянских племен с аварами была очень тяжелой, так как военная организация авар, объединившая под своей властью многие кочевые племена причерноморских степей (прежде всего кутугуров, постоянных врагов славян), обладала значительными силами. Немаловажную роль сыграло и совершенное по тем временам вооружение кочевников-авар, обеспечившее им определенное военное превосходство над земледельческими племенами лесостепи. Археологические раскопки аварских могильников в Среднем Подунавье показывают, что пришельцы из азиатских степей были вооружены большими луками, более дальнобойными, чем обычные луки кочевников, тяжелыми копьями, слабоизогнутыми саблями – в то время новинкой военной техники. Употребление стремян давало аварским всадникам более устойчивое положение в рукопашном бою.

Некоторые подробности войны аваров с союзом славянских племен – антами сообщает византийский историк VI в. Менандр Протектор. Неожиданное нападение кочевников на славянские земли сразу поставило антов в тяжелое положение: “Владетели антские приведены были в бедственное положение и утратили свои надежды. Авары грабили и опустошали их землю”. Попытки антов установить мирные отношения с аварами не удались: их посольство было перебито. “С тех пор, – пишет Менандр, – пуще прежнего стали авары разорять землю антов, не переставая грабить ее и поработать жителей” [36, с. 324].

В.В. Каргалов высказал точку зрения, что наиболее тяжелым периодом войны славянских племен с аварами были, по-видимому, 50-е годы VI в., когда племена аварского союза двигались на запад по обычной дороге кочевников, занимали степи Северного Причерноморья. В следующем десятилетии, после образования Аварского каганата, основная масса авар обосновалась западнее, поблизости от границ Византии, в Паннонии, и владения византийских императоров стали главным объектом их многочисленных грабительских походов [28, с. 11].

Часть славянских племен была вовлечена аварами в походы против Византийской империи, выступая в роли скорее союзников (хотя и не совсем равноправных), чем покоренных. Не случайно при заключении мира византийские дипломаты обычно требовали в качестве заложников детей “скифских” (т.е. славянских) вождей, не без основания видя в этом залог устойчивого мира – без согласия славян походы аварского кагана на Византию были попросту невозможны, ибо славяне составляли большинство в аварском войске. По свидетельству Феофилакта Симокатты, среди пленных, захваченных византийскими войсками во время похода на авар в 601 г., последние составляли только 1/5, около половины были славянами, а остальные происходили “из других народов” [37, с. 178].

Н.М. Карамзин, рассматривая данные исторические события, отмечал, что “...чрезвычайная отважность Славянъ была столь известна, что Ханъ Аварскій всегда ставилъ ихъ впереди своего многочисленнаго войска, и сїи люди неустрашимые, видя иногда измъну хитрыхъ Аваровъ, гибли съ отчаяніемъ” [11, т. I, гл. 3, с. 34].

Н.М. Карамзин следующим образом характеризовал аварскую экспансию в Европе: “Скоро Баянъ завоевалъ Моравію, Богемію, гдѣ обитали Чехи и другіе Славяне; побѣдилъ Сигеберта, Короля Франковъ, и возвратился на Дунай, гдѣ Лонгбарды вели кровопролитную войну съ Гепидами. Баянъ соединился съ первыми, разрушилъ Державу Гепидовъ, овладѣлъ большею частію Дакіи, а скоро и Панноніею или Венгріею, которую Лонгбарды уступили ему добровольно, желая искать завоеваній въ Италіи. Область Аваровъ въ 568 году простиралась от Волги до Эльбы. Въ началъ седьмаго вѣка завладели они и Далмаціею, кромѣ приморскихъ городовъ ея” [11, т. I, гл. I, с. 14]. Хан Баян, возглавлявший аварский каганат, учеными часто сопоставляется, как талантливый полководец, с Атиллою и Чингиз-ханом.

Однако не все славяне подчинились аварам, что нашло отражение в ряде византийских источников: “Между тѣмъ не всѣ народы Славянскіе повиновались сему Хану: обитавшіе за Вислою, и далье къ Сѣверу, спаслись отъ рабства. Такъ въ исходѣ шестаго вѣка на берегахъ моря Балтійскаго жили мирные и счастливые Славяне, коихъ онъ напрасно хотель вооружить противъ Грековъ, и которые отказались помогать ему войскомъ. Сей случай, описанный Византійскими Историками, достоинъ любопытства и примѣчанія. Греки (повѣствуютъ они) взяли въ плѣнь трехъ чужеземцевъ, имѣвшихъ, вмѣсто оружія, кифары или гусли. Императоръ спросилъ, кто они? Мы славяне, ответствовали чужеземцы, и живемъ на отдаленнѣйшемъ концѣ Западнаго Океана (моря Балтійскаго). Ханъ Аварскій, приславъ дары къ нашимъ старѣйшинамъ, требовалъ войска, чтобы дѣйствовать противъ Грековъ. Старѣйшины взяли дары, но отправили насъ къ Хану съ извиненіемъ, что не могутъ за великою отдаленностію дать ему помощи. Мы сами были 15 мѣсяцевъ въ дорогъ. Ханъ, не взира, на святость Посольскаго званія, не отпустилъ насъ въ отечество. Слыша о богатствѣ и дружелюбіи Грековъ, мы воспользовались случаемъ уйти въ Фракію. Съ оружіемъ обходиться не умѣемъ и только играемъ на гусяхъ. Нѣтъ желѣза въ странѣ нашей: не зная войны и любя музыку, мы ведемъ жизнь мирную и спокойную. – Императоръ дивился тихому нраву сихъ людей, великому росту и крѣпости ихъ; угостилъ Пословъ, и доставилъ имъ способъ возвратиться въ отечество” [11, т. I, гл. I, с. 16].

Идиллический тон этого сообщения наглядно свидетельствует об изменении позиции великой империи того времени – Византийской – по отношению к славянам, в которых она видела в сложившихся исторических условиях спасителей от аварской экспансии. В соответствии со своей политикой “сдержек” и “противовесов”, направленной для поддержания своей мощи Византийская империя, использовавшая аваров для уничтожения мощи славян, прекращения их походов на подвластные ей территории, колонизации Балканского полуострова, допустила при этом значительные стратегические просчеты и вскоре сама оказалась в центре аварской экспансии. В этих условиях произошла переориентация политической линии, стратегии и тактики Византийской империи, появилось стремление опереться на мощь славянства в борьбе с окрепшим аварским хищником: “Императоры охотно дозволяли имъ (славянам) селиться въ Греческихъ владѣніяхъ, надеясь, что они, по известной храбрости своей, могли быть лучшею ихъ защитою отъ нападѣній другихъ варваровъ. Въ седьмомъ вѣкѣ находимъ Славянъ на рѣкѣ Стримонъ во Фракіи, въ окрестностяхъ Фессалоники и въ Мизіи или въ нынѣшней Болгаріи. Даже весь Пелопоннесъ былъ несколько времени въ ихъ власти: они воспользовались ужасами моровой язвы, которая свирѣпствовала въ Греціи, и завоевали і древнее отечество Наукъ и славы. – Многіе изъ нихъ поселились въ Вифиніи, Фригіи, Дарданіи, Сиріи.

Но между тѣмъ, когда Чехи и другіе Славяне пользовались уже совершенною вольностію отчасти въ прежнихъ, отчасти въ новыхъ своихъ владѣніяхъ, Дунайскіе находились еще, кажется, подъ игомъ Аваровъ, хотя могущество сего достопамятнаго Азіатскаго народа ослабѣло въ вѣкѣ” [11, т. I, гл. I, с. 16].

Характерно, что аварская экспансия на территории расселения славянства, пришлась на период значительных трансформаций славянского этноса. В VI в. в жизни славянских племен произошли существенные изменения. Именно в это время складываются славянские племенные объединения, игравшие самостоятельную роль в войнах с Византией. Византийские авторы начинают выделять из общего собирательного имени “венеды” отдельные племенные союзы славян. Одним из таких союзов, как полагает Б.А. Рыбаков, был союз народа Рос (Русь), объединивший лесостепные племена между Днестром и Доном (или Донцом). Поселения этого союза прослеживаются археологически по распространению так называемой культуры пальчатых фибул. Область распространения этой культуры была в VI–VII вв. ограничена на западе Киевщиной и бассейном Роси, на севере – захватывала теперишние Чернигов. Стародуб,

Курск, а юго-восточная граница совпадала с границей славянского населения. Возросшая опасность со стороны кочевников в связи с появлением в степях аваров способствовала возникновению и других союзов славянских племен. По мнению Б.А. Рыбакова, именно в это время складываются такие прочные племенные союзы, как Поляне, Северяне, Воляняне, Дулебы, Хорваты, занимавшие лесостепную полосу вдоль степной границы [28, с. 10–11].

Рассматривая влияние войн, завоеваний на развитие этносов, цивилизаций, У. Экхард отмечал: “История свидетельствует о том, что цивилизации, империи и войны развиваются совместно; войны служили при этом как повивальными бабками, так и гробовщиками цивилизаций в процессе их исторических взлетов и падений.

Цивилизации, империи и войны обладают определенным сходством: в них, как правило, превалировало стремление к господству, к эксплуатации других человеческих сообществ, стремление к выигрышу за счет других. Все три были чрезмерно озабочены собственной выгодой за счет других. Все три, похоже, несли в себе причины подрыва своего собственного прогресса. Короче говоря, все они представляли собою саморазрушительный исторический процесс, природа которого кроется в той или иной идеологии как форме самообмана” [2].

Во второй четверти VII в. в Аварском каганате, на среднем Дунае, начались распри, и власть кочевников в центре Европы стала слабеть год от года все больше.

Влияние аварского нашествия на славянство по-разному трактуют различные исследователи. И.Н. Данилевский следующим образом оценивает данное событие для процесса развития славянского этноса: “Вместе с аварами славянские племена прошли по всему Балканскому полуострову. Они были преобладающим этническим элементом в Греции на протяжении почти трех с половиной столетий, вплоть до первых десятилетий X в. Неизвестно, подчинялись славяне в этих походах аварам или действовали по собственной инициативе. После того, как в 795–796 гг. аварский каганат пал под ударами франков, во главе которых стоял король Карл (буквально через несколько лет после этого он получил прозвище Великого), славяне стали самостоятельным этносом, осознавшим свое положение в мире” [24, с. 34].

Л.Н. Гумилев, характеризуя воздействия аварского фактора на развитие славянства, отмечал: “В 602 г. авары напали на антов – восточных славян, бывших союзников Византии. Именно тогда имя антов исчезает из исторических источников. С тех пор исчезло славянское единство, потому что обры отделили южных, балканских славян от северных, или прибалтийских, – венедов. Остатки антов, по-славянски полян, объединились с этносом русов, которых немецкие хронисты X в. считали ответвлением ругов. Слияние полян и русов в единый этнос осуществилось лишь в X веке” [7].

В.В. Седов отмечает, что большое внимание изучению славяно-аварских древностей уделяли ученые Балкан, которые показали, что широкое славянское расселение относилось здесь ко времени первого аварского каганата (конец VI – начало VII в. н.э.), и славяне пришли сюда вместе с аварами. В некоторых регионах распространения славяно-аварской культуры славяне, по-видимому, составляли основное ядро населения. З. Вински замечает, что, судя по византийским источникам, историки раннего средневековья иногда под аварами подразумевали славян.

Так, Константин Багрянородный, касаясь Далмации, писал: “...славянские племена, которые зовутся аварами”, “славяне, называемые и аварами” или “славяне или авары” [14, с.126].

Однозначно негативно оценивает воздействие аварского нашествия на славянский этнос В.В. Каргалов: “Аварский каганат сыграл отрицательную роль в истории славянских племен. Аварское господство тормозило развитие производительных сил славянских племен, систематически подрывая их данями и поборами, искусственно ограничивая распространение передового по тому времени хозяйственного уклада – оседлого земледелия. В борьбе с кочевниками-аварами славяне несли тяжелые потери.

Однако преувеличивать влияние Аварского каганата на историческое развитие славянских племен не следует. Включение некоторых племенных союзов славян в состав каганата не изменило их общественно-политического строя. К тому же авары недолго оставались в степях Северного Причерноморья, поблизости от основных районов расселения славянских племен. Занятые бесконечными войнами с Византией, аварские каганаты почти не вмешивались в дела Северного Причерноморья. Их взаимоотношения со славянами ограничивались сбором дани с некоторых славянских племен, ограблением пограничных со степью земледельческих поселений (преимущественно в Западном Причерноморье) и вовлечением части славян в походы на Балканский полуостров. Существование Аварского каганата даже не помешало продвижению славянского населения из лесостепной зоны на юго-восток, на плодородные черноземные земли. С VIII в. это продвижение становится массовым и охватывает обширные области между Днестром и Доном” [28, с. 12].

Во второй четверти VII в. у западных славян центра Европы сложился мощный военно-политический союз, призванный организовать отпор на западе германцам, а на юге и востоке – аварам. Невзирая на жестокий террор, направленный аварами против славян, западное славянство консолидировалось и нанесло поражение своим врагам. Н.М. Карамзин так комментировал эти исторические события: “Наконец Богемские Славяне, возбужденные отчаянием, дерзнули обнажить мечь, смирили гордость Аваровъ и возвратили древнюю свою независимость.

Летописцы повествуют, что некто, именем Само, был тогда смельцом Вождем их: благодарные и вольные Славяне избрали его въ Цари. Онъ сражался съ Дагобертом, Королемъ Франковъ, и разбилъ его многочисленное войско.

Скоро владения Славян умножились новыми приобретениями еще въ шестомъ вѣкѣ, какъ вѣроятно, многіе изъ нихъ поселились въ Венгрію; другіе въ началъ седьмого столѣтія, заключивъ союзъ съ Константинополемъ, вошли въ Иллирію, изгнали оттуда Аваровъ и основали новыя области, подъ именемъ Кроаціи, Славоніи, Сербіи, Босніи и Далмаціи” [11, т. I, гл. I, с. 16].

Латинский источник, именуемый “Хроники Фредегара”, написанный в VII веке, повествует: “В год 40-й царствования Хлотаря (623–624 гг.) человек по имени Само, по рождению франк, из округа Санского, увлек с собой многих купцов против аваров, прозываемых гуннами, и царя их хагана. Виниды уже издавна были “бефульками” (волопасами) гуннов, ибо, когда гунны шли в поход против какого-либо народа, гунны, собрав свое войско, стояли перед лагерем, виниды же сражались. Если они оказывались в состоянии победить, тогда гунны подходили, чтобы захватить добычу. Если же винидов одолевали, то поддержанные гуннами они вновь обретали силы. “Бефульками” потому называли их гунны, что они шли впереди гуннов, образуя в сражении боевую двойную линию. Гунны каждый год приходили зимовать к славянам, брали жен славян и дочерей их к себе в ложе; сверх других притеснений славяне платили гуннам дань. Сыновья гуннов, рожденные (ими) от жен и дочерей винидов, не выдержав, наконец, злобы и притеснения и отвергнув господство гуннов, начали восставать. Когда виниды пошли в поход, Само отправился с ними, и огромное множество (аваров) было уничтожено мечом винидов. Узнав доблесть Само, виниды избрали его над собой королем; и там он и царствовал благополучно 30 и 5 лет. Во многие битвы вступали против гуннов виниды в его царствование; благодаря его совету и доблести виниды всегда одерживали над гуннами верх. Было у Само 12 жен из рода славян; от них он имел 22 сына и 15 дочерей” [34, с. 44]. (Под гуннами подразумевают аваров).

Свидетельства данного источника являются важными потому, что дают наглядное представление о том, как происходил процесс взаимодействия славянства с воинственными кочевыми племенами, обладавшими зачастую превосходящим вооружением, имеющих

передовую военную стратегию и тактику ведения боевых действий: славяне вовлекались в боевые походы, предпринимаемые кочевниками, перенимали их воинский опыт, зачастую превосходя впоследствии своих “учителей”, затем же наносили им сокрушительные удары.

В ходе ассимиляционных процессов между пришельцами и славянами в среде последних формировались воины более доблестные и владевшие тем же арсеналом воинского искусства, как и кочевники. Из столкновений между пришельцами и “бастардо-славянами”, последние зачастую выходили победителями, сокрушая, а впоследствии и ассимилируя своих притеснителей, с регулярностью накатывающихся из бескрайних просторов Востока.

*Человеческому уму время – учитель.
Русская поговорка*

6.3. СЛАВЯНЕ И БОЛГАРЫ: АСПЕКТЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Еще одним кочевым народом, судьба которого в VII–VIII вв. тесно переплелась со славянами, были болгары. В письменных источниках VI в. упоминаний этнонима “болгары”, по существу, нет. Прокопий Кессарийский, Иордан и другие авторы наследниками гуннов на юге Восточной Европы считали оногуров и кутригуров, обитавших по обоим берегам Дона. В период 60-х годов VI в. – 30-х годов VII в. приазовские и причерноморские кочевые племена создают государственное образование, так называемую Великую Болгарию. Это было разноэтническое образование, в состав которого входили кроме болгарских, также и венгерские племена. Как полагают исследователи, связь болгар с уграми отражена уже в самом этнониме “булгары”, где первая часть “булга” является тюркской, а вторая восходит к уграм.

Академик П.П. Толочко, анализируя историю этногенеза древних болгар, отмечал, что до своего ухода на новые земли болгары занимали значительные территории Нижнего Подонья и Приазовья, Северного Кавказа и Крыма, где проживали совместно с хазарами и аланами. Общей была и их культура, известная в археологии как салтово-маяцкая. Исследователи этих древностей – В.А. Бабенко, В.А. Городцов, Д.Т. Березовец, С.А. Плетнева, В.А. Михеев, Ю.И. Красильников и другие – выявили различные типы памятников: открытые поселения, городища, катакомбные и ямные могильники, следы кочевий, города. При этом, отмечает П.П. Толочко, городища – остатки некогда значительных укрепленных центров – находятся преимущественно в лесостепных районах Подонья, Северского Донца, Оскола. Все они размещены на высоких плато береговых террас и сохранили до наших дней остатки невысоких валов, иногда каменных стен, а также ровов с внешней стороны. Размеры их укрепленных частей достигают 15–20 га [35, с. 18].

Значительные поселения болгар были расположены в бассейне Северского Донца в районе нынешних сел Луганской области Украины – Нещеретово, Лиман, Старый Айдар, Петровка. Все они относятся к салтаковской культуре [40, с. 11].

После разгрома Великой Болгарии хазарами в 60–70-х годах VII в. часть болгар во главе с ханом Аспарухом откочевала через восточноевропейские степи на Дунай. Вот что об этом пишет “Повесть временных лет”: “Когда же славяне, как мы уже говорили, жили на Дунае, пришли от скифов, то есть от хазар, так называемые болгары, и сели по Дунаю, и были насильниками славянам” [25].

Академик П.П. Толочко, анализируя процесс взаимодействия славян с болгарами, его влияние на этногенез, как первых, так и вторых, выделил важнейшую тенденцию, доминировавшую и в предшествовавших контактах с кочевыми народами: “Истории было угодно, чтобы тюрко-болгары превратились в славяно-болгар. Византийский церковный деятель и хронист Феофан Исповедник (760–818) и патриарх Никифор (758–829) сообщали, что болгары во главе с ханом Аспарухом, придя на Балканы в 680 г., обнаружили здесь много славян, с

которыми и образовали болгаро-славянское государство. Не исключено, что процесс славянизации болгар начался еще в Подонье, где их северными соседями были славяне, а также во время прохождения их через славянские земли на Дунай. Можно предположить также, что и переселенческая волна болгар втянула какую-то часть славянского населения, которое уже с VI в. проложило дорогу в Балкано-Дунайские земли Византии” [35, с. 23–24].

*Блажен лишь тот, кто, суеты не ведая,
Не пробуждается от сигналов воинских,
Не опасается бурь морских.*

Гораций “Эноды”

6.4. ХАЗАРИЯ И РУСЬ

Хазары в Восточной Европе появились вскоре после гуннского нашествия. На территории Западно-Прикаспийской степи – вплоть до северных отрогов Большого Кавказа – они длительное время занимались кочевым скотоводством, одновременно совершая набеги на закавказские владения враждовавших между собой Византии и Ирана.

Когда в 650 году был умерщвлен хан Западно-Тюркского каганата и это государство распалось, входившие в его состав хазары провозгласили наследника убитого хана своим каганом. В результате возник Хазарский каганат, который явился прямым продолжением Западного каганата тюрков. Это стало результатом, своего рода итогом длительного процесса экономического и социального развития хазарского общества. Хазария превратилась в самостоятельное государство со своей правящей династией.

Столицей возникшего государства до начала VIII века был город Семендер в Дагестане, а затем Итиль на Нижней Волге, где находилась зимняя ставка кагана. Найти этот город археологам пока не удалось, причиной чему, как считают ученые, является трансгрессия – наступление моря на сушу в результате опускания земной коры в районе Каспийского моря [7, с. 149].

Позднее у хазар возникли и другие города. Арабоязычные географы сообщают не менее восьми их названий, это: Байда, Беленджер, Лки, Масмада, Савгар, Сур, Хамлидж, Хтлг. Это были довольно большие укрепленные поселения, которые современники называли городами.

Молодой Хазарский каганат настолько усилился, что сумел разгромить государственное объединение приазовских болгар – так называемую Великую Болгарию. После этого часть болгар ушла на Среднюю Волгу, где затем образовалась Волжско-Камская Болгария. Другая часть откочевала за Днепр, к Дунаю, а остальные болгары были подчинены хазарами и вошли в их государство. Затем каганат подчинил царство гуннов-савилов в прибрежном Дагестане, а Кавказскую Албанию превратил в свою данницу.

В результате процесса феодализации, проходившем в каганате, значительные изменения происходили в военном деле – народное ополчение уже не могло выполнять те функции, которые требовались теперь от армии, в частности, полицейские. В связи с этим основу вооруженных сил каганата начинают составлять феодальные дружины аристократии, которые выходили на войну по первому зову сеньора, выставляя определенное число воинов в соответствии с имущественным достатком вассала.

Поражение хазарского войска в борьбе с арабами привело к тому, что каган и его приближенные оказались вынужденными принять ислам, и таким образом оказались в фактическом подчинении у арабов. Однако вскоре каган и его окружение отказались от мусульманства [7, с. 61–65]. Конец VIII века ознаменовался настойчивым поиском со стороны правящей элиты каганата новой религии, способной интегрировать в единое государственное

образование различные племена и народы, входившие в каганат. Для этого они попытались возвести в ранг единой государственной религии культ бога Тенгрихана, но общество переросло рамки первобытно-общинного строя, и встала необходимость принятия одной из существовавших мировых религий.

Фактическая власть в государстве сосредоточивается в руках хазарских и болгарских феодалов, а каган еще более превращается в почитаемого, но безвластного владыку.

В то же время в течение VIII века продолжают развиваться торговые отношения каганата с Византией. Это способствовало распространению в каганате христианства. Даже на его территории была создана христианская церковная организация в ранге митрополии, куда входило семь епархий, в том числе в Итиле, что обеспечивало значительное влияние Константинополя на каганат.

В связи с большой международной ролью, которую играл Хазарский каганат в период раннего средневековья, вопрос о его государственной религии имел важное политическое значение. Арабы безуспешно пытались утвердить там ислам, а греки – христианство. Хазары же старались не связывать себя церковным союзом ни с Халифатом, ни с Византией. Решение религиозного вопроса в Хазарии, как это то бывало в истории не раз, получилось сложным и многоплановым.

В Северном Дагестане, входившем в каганат, поселились евреи – как изгнанные из Ирана, так и позднее из Византии. Под их влиянием в начале 30-х годов VIII века часть живших там хазар приняла иудаизм, в их числе князь Булан. В конце VIII – в начале IX вв. один из его потомков – Обадия – стал во главе каганата. Чтобы противопоставить свое государство соседним державам, избавиться от тяготивших его пут язычества и получить возможность более активно участвовать в управлении государством, он объявил иудаизм государственной религией. Однако принятие иудаизма каганом, царем и другой итильской знатью оторвало их от остальной хазарской аристократии, жившей вдалеке от столицы, мало с ней связанной и пользующейся значительным влиянием в своих кочевьях и аулах, где она играла роль родовых старейшин [7, с. 62].

Взаимоотношение восточного славянства с Хазарией не исчерпывалось опосредованным влиянием последней через разгром Великой Болгарии, что вызвало миграционное перемещение болгар, затронувшее славянство.

Не только этнические процессы, но и становление государственности Киевской Руси происходили в сфере определенного влияния Хазарии, представлявшей восточное начало, в то время как влияние Византии – западное.

Не взирая на волны нашествий, со стабильной периодичностью накатывавшимися на славянские земли, здесь на протяжении VI –IX вв. росли производительные силы, видоизменялись родоплеменные институты, шел процесс классового образования. В качестве важнейших явлений в жизни восточного славянства на протяжении VI–IX вв. следует отметить развитие пашенного земледелия и выделение ремесла; распад родовой общины как трудового коллектива и выделение из нее индивидуальных крестьянских хозяйств, образующих соседскую общину; рост частной земельной собственности и формирование классов; превращение племенного войска с его оборонительными функциями в дружину, господствующую над соплеменниками; захват князьями и знатью племенной земли в личную наследственную собственность и использование ими родоплеменных органов управления в целях упрочения своей власти над рядовыми общинниками, уже утратившими родовую сплоченность [19, с. 245–246].

Рассматривая особенности развития славянства, в том числе их взаимоотношения с кочевниками, Б.А.Рыбаков акцентировал внимание на том, что необходимо учитывать волнообразность движения истории. Нападают кочевники – уровень падает. Порываются связи с

высокой цивилизацией – снова уровень падает. Восстанавливаются связи с Грецией или Римом, и культура поднимается выше. Вот такое движение – постепенное, сложное, географически неравномерное. Неравномерность во всем: в пространстве, в интенсивности, в скорости движения [38, с. 43–44].

Систематизация практического материала по рассматриваемой проблеме позволяет сделать вывод, что этногенез славянства проходил в условиях непрекращающихся волн нашествий, накатывавшихся как с Европы, так и из Азии. Жестокие насилия, притеснения, творимые пришельцами над славянскими племенами, неоднократно ставили проблему их выживания, дальнейшего существования.

В рамках исторического процесса “Вызов – Ответ” славянский этнос оказывал, в зависимости от ситуации, активное либо пассивное сопротивление и, обладая более значительным людским и культурным потенциалом, чем пришельцы, подрывал их мощь, ассимилировал или изгонял их с территории своего обитания.

Становление и развитие славянской этнической общности происходило на основе синтеза автохтонных традиций, обычаев, нравов и внешних привнесений, в обстановке непрерывной борьбы с внешними врагами, самыми опасными из которых были кочевники южных степей. Влияние внешнеполитических факторов на развитие славянства трудно переоценить. Именно эти факторы вызвали к жизни некоторые явления, не свойственные другим европейским народам, наложили заметный отпечаток на развитие исторического процесса, этнического своеобразия славянства, его ментальности.

*Молчат гробницы, мумии и кости,
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.*

И. Бунин

*История, не позади нас, как принято думать, она впереди, она с нами, она в нас.
И это не парадокс, ибо каждый из нас – это Храм, где обитают наши Предки,
где кристаллизуется настоящее, содержатся ростки Будущего, и ключ к
этому лежит в загадочно-волшебном ларце Прошлого.*

Ю.М. Теплицкий

РАЗДЕЛ 7. ФОРМИРОВАНИЕ МЕНТАЛЬНОСТИ СЛАВЯН В ХОДЕ ЭТНОГЕНЕЗА

Суровые климатические условия, постоянное противоборство с могущественными пришельцами, зачастую возникавший вопрос дальнейшего существования славянского этноса, оказали значительное влияние на формирование основ ментальности славянства, заложили основу его этнохарактера, отличительные черты, обычаи, нравы, внешний облик.

Ибн-Фадлан, характеризуя русов, отмечал в своем труде: “Я не видел (людей) с более совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, румяны, красны... С каждым из них секира и меч и нож, и он не расстается с ними, о чем мы упомянули. Мечи их плоские с бородками, франкские... Они прибывают из своей страны и причаливают свои корабли на Атиле, а это большая река, и строят на ее берегу большие дома из дерева, и собирается их в

одном доме десять и двадцать – меньше и больше, и у каждого скамья, на которой он сидит...” [39, с. 136–140].

Н.М. Карамзин, анализируя труды известных историков древности, посвященные славянству, вывел собирательный образ славян древности: “Житель полуночныхъ земель любить движеніе, согрѣвая имъ кровь свою; любить дѣятельность; привыкаетъ сносить частыя перьмены воздуха, и терпѣниемъ укрепляется. Таковы были древніе Славяне по описанию современныхъ Историковъ, которые согласно изображаютъ ихъ бодрыми, сильными, неутомимыми. Презирая непогоды, свойственныя климату сѣверному, они сносили голодь и всякую нужду; питались самою грубою, сырою пищею; удивляли Грековъ своею быстротою; съ чрезвычайною легкостію всходили на крутизны, спускались въ разсылины; смѣло бросались въ опасныя болота и въ глубокія рѣки” [11, т. I, гл. I, с. 35].

В 582–602 гг. Византией правил император Маврикий. Неизвестный нам его современник, условно называемый Псевдо-Маврикий, написал трактат о военном искусстве – “Стратегикон”. Поскольку в то время Византия часто воевала со славянами, в трактате содержалось много сведений о военном деле у славян и их образе жизни, навыках, обычаях. Так, данный трактат повествует: “Племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе; их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране. Они многочисленны, выносливы, легко переносят жар, холод, дождь, наготу, недостаток в пище” [39, с. 100].

Значимый интерес представляет аналогия, проводимая Псевдо-Маврикием между славянами и антами. Далее автор акцентировал внимание на образе жизни древних славян: “Они селятся в лесах, у неудобопроходимых рек, болот и озер; устраивают в своих жилищах много выходов вследствие случающихся с ними, что и естественно, опасностей. Необходимые для них вещи они зарывают в тайниках, ничем лишним открыто не владеют и ведут жизнь бродячую” [39, с. 100].

*Тут кровавого вина не достало;
Тут пир закончили храбрые Русичи:
сватов напоили, а сами полегли
на Землю Русскую.
Никнет трава от жалости,
а древо к Земле приклонилось.*

“Слово о полку Игореве”

7.1. ВОИНСКОЕ ИСКУССТВО СЛАВЯН

Псевдо-Маврикий дает детальнейшее описание воинского искусства, присущего славянству: “Сражаться со своими врагами они любят в местах, поросших густым лесом, в теснинах, на обрывах; с выгодой для себя пользуются (засадами), внезапными атаками, хитростями, и днем и ночью изобретая много (разнообразных способов). Опытны они также и в переправе через реки, превосходя в этом отношении всех людей. Мужественно выдерживают они пребывание в воде, так что часто некоторые из числа остающихся дома, будучи застигнуты внезапным нападением, погружаются в пучину вод. При этом они держат во рту специально изготовленные большие, выдолбленные внутри камыши, доходящие до поверхности воды, а сами, лежа навзничь на дне (реки), дышат с помощью их; и это они могут проделывать в течение многих часов, так что совершенно нельзя догадаться об их (присутствии). А если

случится, что камыши бывают, видимы снаружи, неопытные люди считают их растущими в воде, лица же, знакомые (с этой уловкою) и распознающие камыш по его обрезу и (занимаемому им) положению, пронзают камышами глотки (лежащих) или вырывают камыши и тем самым заставляют (лежащих) вынырнуть из воды, так как они не в состоянии дольше оставаться в воде” [39, с. 100].

Интерес представляет описание вооружения славян, приводимое в “Стратегиконе”: “Каждый вооружен двумя небольшими копьями, некоторые имеют также щиты, прочные, но трудно переносимые (с места на место). Они пользуются также деревянными луками и небольшими стрелами, намоченными особым для стрел ядом, сильно действующим, если раненый не примет раньше противоядия или (не воспользуется) другими вспомогательными средствами, известными опытным врачам, или тотчас же не обрежет кругом место ранения, чтобы яд не распространился по остальной части” [39, с. 100–101].

В сочинении Ибн Русте “ал-А’лак ан-нафиса” дается развернутая характеристика славян и русов, которые, что характерно, разделяются и противопоставляются: “У них есть царь, называемый хайкан русов... Когда у них рождается сын, то отец дарит новорожденному обнаженный меч, кладет его под ребенком и говорит: “Я не оставлю тебе в наследство никакого имущества, и нет у тебя ничего, кроме того, что приобретешь этим мечом”. Мечи у них сулеймановы. И если какое-либо их племя поднимается, то вступаются они все. И нет между ними розни, но выступают единодушно на врага, пока его не победят” [34, с. 136–138].

Прокопий Кесарийский, касаясь вопросов верований, быта, воинского искусства славян, отмечал в работе “Война с готами”: “Судьбы они не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую-либо силу, и когда им вот-вот грозит смерть, охваченным ли болезнью или на войне попавшим в опасное положение, то они дают обещание, если спасутся, тотчас же принести богу жертву за свою душу; избегнув смерти, они приносят в жертву то, что обещали, и думают, что спасение ими куплено ценой этой жертвы. Они почитают реки и нимф, и всякие другие божества, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят и гадания [100, с. 24–25]. Живут они в жалких хижинах, на большом расстоянии друг от друга, и все они часто меняют места жительства. Вступая в битву, большинство из них идет на врагов со щитами и дротиками в руках, панцирей же они никогда не надевают; иные не носят ни рубашек (хитонов), ни плащей, а одни только штаны, стянутые широким поясом на бедрах, и в таком виде идут на сражение с врагами. Язык их достаточно варварский. Они очень высокого роста и огромной силы. Цвет кожи и волос у них очень белый или золотистый и не совсем черный, но все они темно-красные” [39, с. 100–101].

Н.М. Карамзин в “Истории государства Российского”, обобщая исторические характеристики древних славян, писал: “Думая безъ сомнѣнія, что главная красота мужа есть крѣпость въ тѣль, сила въ рукахъ и легкость въ движенияхъ, Славяне мало пеклися о своей наружности. Греки хвалять ихъ стройность, высокій ростъ и мужественную пріятность лица. Загарая отъ жаркихъ лучей солнца, они казались смуглыми, и всь безъ исключенія были русые, подобно другимъ кореннымъ Европейцамъ. – Сіе изображеніе Славянъ и Антовъ основано на свидѣльствѣ Прокопія и Маврікія, которые знали ихъ въ VI вѣкъ” [11, т. I, гл. I, с. 33].

*Избрали равнину под радостным небом,
Обильную солнцем, плодами и хлебом.*

Махабхарата

7.2. ЖИЗНЕННЫЙ УКЛАД, БЫТ, ОБЫЧАИ И ПРАВЫ СЛАВЯН

Оставивший сведения о древних славянах историк востока Гардизи в работе использовал утраченный труд ал-Джайхани (ок. 922 г.). Был знаком Гардизи и с трудом Ибн Хордадбега, родившегося около 820 г. и впоследствии правившего Табаристаном, провинцией к югу от Каспия, а также заведывавшего почтой на северо-западе Ирана.

Ибн Русте-Гардизи, описывая жизненный уклад славян, писал: “В их стране холод до того силен, что каждый из них выкапывает себе в земле род погреба, к которому приделывают деревянную остроконечную крышу, и на крышу накладывают землю. В такие погреба переселяются со всем семейством, и взяв дров и камней, разжигают огонь и раскаляют камни на огне докрасна. Когда же камни раскалятся до высшей степени, их обливают водой, отчего распространяется пар, нагревающий жильё до того, что снимают одежду. В таком жильё остаются они до весны” [34, с.135–138].

Н.М. Карамзин, предприняв источниковедческий анализ работ историков древности по вопросу нравов и обычаев древних славян, писал: “Современный Историкъ говоритъ, что они не знали ни лукавства, ни злости; хранили древнюю простоту нравовъ, неизвѣстную тогдашнимъ Грекамъ” [11, т. I, гл. I, с. 35].

Прокопий Кесарийский – советник византийского полководца Велисария и автор “Истории войн”, в своей работе приводит данные об общественном устройстве современных ему славянах: “Ведь племена эти, склавины и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народовластии, и оттого у них выгодные дела всегда ведутся сообща...” [34, с. 136–138].

Одним из составляющих этнохарактер древних славян компонентов являлось возведенное в своеобразный культ гостеприимство. По сообщениям Псевдо-Маврикия: “К прибывающим к ним иноземцам относятся они ласково и, оказывая им знаки своего расположения (при переходе их) из одного места в другое, охраняют их в случае надобности, так, что, если бы оказалось, что, по нерадению того, кто принимает у себя иноземца, последний претерпел (какой-либо) ущерб, принимавший его раньше начинает войну (против виновного), считая долгом чести отомстить за чужеземца” [39, с. 100].

Н.М. Карамзин, рассматривая аспекты взаимодействия славян с чужеземцами, отмечал, что: “Славянинъ, выходя изъ дому, оставлялъ дверь отворенную и пищу готовую для странника. Купцы, ремесленники охотно посѣщали Славянъ, между которыми не было для нихъ ни воровъ, ни разбойниковъ” [11, т. I, гл. III, с. 36].

Ибн Русте в работе “ал-А’лак ан-нафиса”, анализируя аспекты этнохарактера славян, отмечал: “Гостям оказывают почет, и с чужеземцами, которые ищут их покровительства, обращаются хорошо, так же как и с теми, кто часто у них бывает, не позволяя никому из своих обижать или притеснять таких людей. Если же кто из них обидит или притеснит чужеземца, то помогают и защищают последнего” [34, с. 135–138].

Гостеприимство древних славян базировалось как на сложившихся морально-нравственных нормах, так и на экономической заинтересованности в бесперебойной торговле с окружающими племенами. Ибн Русте в работе “ал- А’лак ан-нафиса”, характеризуя древних славян, акцентировал внимание на том, что: “Единственное их занятие торговля соболями, белками и прочими мехами, которые они продают покупателям. Получают они назначенную цену деньгами и завязывают их в свои пояса” [34, с.135–138].

Подводя итог свидетельствам как западных, так и восточных авторов о нравах гостеприимства славян, Н.М. Карамзин писал: “Всякой путешественникъ былъ для нихъ какъ бы священнымъ: встрѣчали его съ ласкою, угощали съ радостію, провожали съ благословениемъ и сдавали другъ другу на руки. Хозяинъ отвѣтствовалъ народу за безопасность чужеземца, и кто не умѣлъ сберечь гостя отъ бѣды или непрятности, тому мстили сосѣды за сіе оскорбленіе какъ за собственное” [11, т. I, гл. III, с. 36].

При этом Н.М. Карамзин отмечал, что в рассматриваемый период столь великое радушие и гостеприимство было характерно отнюдь не для всех племен, народов: “Столь же единогласно хвалять летописи общее гостеприимство Славянъ, рѣдкое въ другихъ земляхъ и доннынъ весьма обыкновенное во всѣхъ Славянскихъ: такъ слѣды древнихъ обычаевъ сохраняются въ теченіе многихъ вѣковъ, и самое отдаленное потомство наслѣдуетъ нравы своихъ предковъ” [11, т. I, гл. III, с. 36].

Для древних славян были присущи высокие морально-нравственные качества. Так, Псевдо-Маврикий, характеризуя древних славян, особо отмечал в своих трудах: “Скромность их женщин превышает всякую человеческую природу, так что большинство их считают смерть своего мужа своей смертью и добровольно удушают себя, не считая пребывание во вдовстве за жизнь” [39, с. 100–101].

Н.М. Карамзин, обобщая свидетельства западных и восточных историков, подчеркивал: “Славянки не хотѣли переживать мужей, и добровольно сожигались на кострь съ ихъ трупами. Вдова живая безчестила семейство. Думаютъ, что сіе варварское обыкновеніе, истребленное только благодѣтельнымъ ученіемъ Христіанской вѣры, введено было Славянами (равно какъ и въ Индіи) для отвращенія тайныхъ мужеубійствъ: осторожность ужасная не меньше самого злодѣянія, которое предупреждалось ею!” [11, т. I, гл. III, с. 36–37].

В сочинении Ибн Русте “ал-А’лак ан-нафиса” сообщается о следующих обычаях у древних славян: “Когда умирает у них кто-либо, труп его сжигают. Женщины же, когда случится у них покойник, царапают себе ножом руки и лица. На другой день после сожжения покойника они идут на место, где это происходило, собирают с того места пепел и кладут его на холм. И по прошествии года после смерти покойника берут они бочонков двадцать (больше или меньше) меда, отправляются на тот холм, где собирается семья покойного, едят там и пьют и затем расходятся. И если у покойника было три жены и одна из них утверждает, что она особенно любила его, то она приносит к его трупу два столба, их вбивают стоймя в землю, потом кладут третий столб поперек, привязывают посреди этой перекладки веревку, она становится на скамейку и конец завязывает вокруг своей шеи. После того как она так сделает, скамью убирают из-под нее, и она остается повисшей, пока не задохнется и не умрет, после чего ее бросают в огонь, где она и сгорает” [34, с. 137–138].

Женщина-славянка являлась своеобразной берегиней древнеславянского общества: “Удаленный отъ дѣль народныхъ, Славянки ходили иногда на войну съ отцами и супругами, не боясь смерти: такъ при осадѣ Константинополя въ 626 году Греки нашли между убитыми Славянами многіе женскіе трупы. Мать, воспитывая дѣтей, готовила ихъ быть воинами и непримиримыми врагами тѣхъ людей, которые оскорбили ея ближнихъ: ибо Славяне, подобно другимъ народамъ языческимъ, стыдились забывать обиду” [11, т. I, гл. III, с. 37].

Источниковедческие изыскания Н.М. Карамзина позволили ему сделать следующие обобщения относительно славянских женщин: “Древние писатели хвалятъ цѣломудріе не только женъ, но и мужей Славянскихъ. Требуя отъ невестъ доказательства ихъ дѣвственной непорочности, они считали за святую для себя обязанность быть вѣрными супругамъ” [11, т. I, гл. III, с. 36].

Гардизи в труде “Зайн ал-ахбар”, характеризуя положение женщины в древнеславянском обществе, отмечал: “И между ними распространены прелюбодеянія, и если женщина полюбит мужчину, то сближается с ним, и если она окажется девственницей, то он делает ее женой, если же нет, то продает и говорит: “Если бы в тебе был прок, то сохранила бы себя... Если же, став женой, предается прелюбодеянію, то (муж) убивает ее, не принимая извинений” [34, с. 137].

Некоторые обычаи древних славян, восходя к периоду первобытнообщинного строя отличались архаичностью. Н.М. Карамзин, обобщая свидетельства историков древности, писал: “Говоря о жестокихъ обычаяхъ Славянъ языческихъ, скажемъ еще, что всякая мать имѣла у

нихъ право умертвить новорожденную дочь, когда семейство было уже слишкомъ многочисленно, но обязывалась хранить жизнь сына, рожденного служить отечеству. Сему обыкновенію не уступало въ жестокости другое: право дѣтей умерщвлять родителей, обремененныхъ старостію и бользнями, тягостныхъ для семейства и бесполезныхъ согражданамъ” [11, т. I, гл. III, с. 37].

Н.М. Карамзин объяснял эти архаичные нравы язычеством славян: “Такъ народы самыя добродушныя, безъ правилъ ума образованнаго и вѣры истинной, съ спокойною совѣстію могутъ ужасать природу своими дѣлами, и превосходить звѣрей въ лютоści! Сіи дѣти, слѣдуя общему примѣру какъ закону древнему, не считали себя извергами: они, напротивъ того, славились почтеніемъ къ родителямъ, и всегда пеклись объ ихъ благосостояніи” [11, т. I, гл. III, с. 37].

Восточный мыслитель Шараф аз-Заман Тахир ал-Марвази в труде “Таба и алхайаван”, характеризую славян древности, отмечал: “Храбрость их и мужество хорошо известны, так что один из них равноценен многим из других народов. Если бы у них были лошади и они были наездниками, то они были бы страшнейшим бичом для человечества” [34, с. 138].

Псевдо-Маврикий, характеризую общественное устройство древних славян, отмечал: “Находящихся у них в плену они не держат в рабстве, как прочие племена, в течение неограниченного времени, но, ограничивая (срок рабства) определенным временем, предполагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси или остаться там (где они находятся), на положении свободных и друзей” [39, с. 101].

Ибн Русте, рассматривая положение рабов в славянском сообществе, констатировал: “С рабами они обращаются хорошо и заботятся об их одежде, потому что торгуют. У них много городов и живут они правильно”. Гардизи в труде “Зайн ал-ахбар” так характеризовал один из источников рабства у славян: “У них много рабов. Если схватят вора, забирают его имущество, а его самого затем отсылают на окраину страны и там наказывают” [34, с. 137].

К архаичным обычаям относился обычай кровной мести, практикуемый славянами в древности: “Страхъ неумолимой мести отвращалъ иногда злодѣянія: въ случаѣ убійства не только самъ преступникъ, но и весь родъ его безпрестанно ожидалъ своей гибели отъ дѣтей убитаго, которыя требовали крови за кровь” [11, т. I, гл. III, с. 37].

Ибн Русте в своем труде “ал-А’лак ан-нафиса” следующим образом характеризует обычаи и нравы славян, их общественное устройство: “И если один из них возбудит дело против другого, то зовет его на суд к царю, перед которым и препираются. Когда же царь произносит приговор, исполняет то, что он велит. Если же обе стороны недовольны приговором царя, то по его приказанию дело решается оружием, и чей из мечей острее, тот и побеждает. На этот поединок родственники приходят вооруженные и становятся. Затем соперники вступают в бой, и кто одолеет противника, выигрывает дело” [34, с. 137].

Значительный интерес представляют данные о роли жречества в древнеславянском обществе: “Есть у них знахари, из которых иные повелевают царем как будто бы они их начальники. Случается, что они приказывают принести жертву творцу их тем, чем они пожелают: женщинами, мужчинами, лошадьми. И если знахари приказывают, то не исполнить их приказания никак невозможно. Взяв человека или животное, знахарь накидывает ему на шею петлю, вешает на бревно и ждет, пока жертва не задохнется, и говорит, что эта жертва богу” [34, с. 137].

Фатализм смелости, отмечается в арабских источниках, был характерен для славян древности: “Они храбры и мужественны, и если нападают на другой народ, то не отстают, пока не уничтожат его полностью. Победенных истребляют и обращают в рабство. Они высокого роста, статные и смелые при нападениях. Но на коне смелости не проявляют, и все свои набеги и походы совершают на кораблях” [34, с. 137–138].

Ибн Русте приводит данные о значительной имущественной дифференциации у славян: “Когда у них умирает кто-либо из знатных, ему выкапывают могилу в виде большого дома, кладут его туда, и вместе с ним кладут в ту могилу его одежду и золотые браслеты, которые он носил. Затем опускают туда множество съестных припасов, сосуды с напитками и чеканную монету. Наконец, в могилу кладут живую любимую жену покойника. После этого отверстие могилы закладывают, и жена умирает в заключении” [39, с. 137–138].

Материалы сравнительного языкознания свидетельствуют, что земледелие издавна было основой хозяйства славян. Археологические данные подтверждают господство земледелия в экономике восточных славян и знакомят нас с формами земледельческих орудий и видами сельскохозяйственных культур (рожь, пшеница, ячмень, овес, горох и др.). Первое письменное свидетельство об озимых посевах относится к середине X в. Арабский писатель Ибрахим ибн Якуб сообщает: “...они (славяне) сеют в два времени года – летом и весною – и пожинают две жатвы”. Общие для славянских языков слова “яр”, “ярина” и “озимь”, “озимина” позволяют предполагать, что чередование озимых и яровых посевов в сельском хозяйстве славян применялось значительно раньше.

Псевдо-Маврикий в труде “Стратегикон” отмечал: “У них большое количество разнообразного скота и плодов земных, лежащие в кучах, в особенности проса и пшеницы” [39, с. 100–101].

Далее Ибн Русте отмечал, повествуя о древних славянах: “Большая часть их посевов из проса. Во время жатвы они берут ковш с просяными зернами, поднимают к небу и говорят: “Господи, ты, который снабжал нас пищей, снабди и теперь нас ею в изобилии”.

Гардизи особо подчеркивает значение производства меда у славян. Бортни устраивались на деревьях. Владелец дерева поднимался по стволу, закреплял себя на нем сыромятными ремнями и принимался выдалбливать в стволе полость, призванную служить ульем или бортью. В одном стволе могло быть несколько бортей. В колоде выдалбливали полость и устанавливали ее среди сучьев дерева, подальше от поедающих мед “хозяев леса” – медведей. Индоевропейское название медведя таково: *eisber* (нем.) – *ursus* (лат.) – *gksas* (санскр.). Славяне же постоянно сталкивались с медовым пиратством бурого (*biorn* (шв.) – медведь) великана и характеризовали его через главную его слабость – мед.

Н.М. Карамзин отмечал: “Медъ былъ ихъ любимымъ питіемъ вѣроятно, что они сначала дѣлали его изъ меду льсныхъ, дикихъ пчель; а наконец и сами разводили ихъ” [11, т. I, гл. III, с. 39]. Ибн Русте в труде “ал-А’лак ан-нафиса” писал следующее о добыче меда: “И есть у них нечто вроде бочонков, сделанных из дерева, в которых находятся ульи и мед. Называется это у них улишдж, и из одного бочонка добывается до 10 кувшинов меду” [31, с. 137–138]. Арабские источники сообщали: “Есть у них разного рода лютни, гусли и свирели. Их свирели длиной в два локтя, лютня же их восьмиструнная. Их хмельной напиток из меда. При сожжении покойника они предаются шумному веселию, выражая радость по поводу милости, оказанной ему богом” [34, с. 137–138].

Обычаи, нравы, славянская ментальность вызывали интерес, порой и удивление у представителей западной цивилизации. Ярко и образно передал это летописец “Повести временных лет”, описывая впечатление святого Андрея Первозванного от соприкосновения со славянским миром: “И поведал о том, как учил и что видел, и рассказал: “Удивительное видел я в Славянской земле на пути своем сюда. Видел бани деревянные, и разожгут их докрасна, и разденутся, и будут наги, и обольются квасом кожевненным, и поднимут на себя прутья гибкие, и бьют себя сами, и до того себя добьют, что едва слезут, еле живые, обольются водою студеною, и тогда только оживут. И творят так всякий день, никем не мучимые, но сами себя мучат и этим совершают омовенье себе, а не мученье”. Те, услышав об этом, удивлялись; Андрей же, побывав в Риме, пришел в Синоп” [25].

Данные Первокрестителя Руси характеризуют, в какой глубине веков зарождались современные нравы и обычаи.

Характеризуя процесс формирования ментальности древних славян, становление их этнохарактера, истоков многих обычаев, нравов, необходимо отметить, что в условиях экспансии как с Запада, так и с Востока на ареал обитания древних славян, ставившей под вопрос само существование данного этноса, последний не только выстоял под натиском, но и частично ассимилировал представителей как западной, так и восточной цивилизации, впитав многие навыки, обычаи, достижения, которые частично легли в основу славянской ментальности, этнохарактера.

В славянском этносе, испытывавшем воздействие как западного фактора развития, так и восточного, наблюдался органичный сплав этих начал, обеспечивавший высокую жизнестойкость данного этноса, повышенную адаптацию к изменяющимся условиям существования. Все это обусловило, что славянский мир – значительный фактор в развитии как западной, так и восточной этнокультур. Особенности становления ментальности славян в ходе этногенеза – важный фактор прошлого, вектор осмысления настоящего и будущего.

Славянское общество дважды подступало к стадии формирования государственности, превращения в общество классовое: в VI–IV веках до н.э. и в III–IV веках н.э.

Высокая точка почти государственного периода появилась за полторы тысячи лет до общепризнанного периода Киевской Руси.

Б.А. Рыбаков

РАЗДЕЛ 8. ФЕНОМЕН СТАНОВЛЕНИЯ СОБОРНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ВОСТОЧНОГО СЛАВЯНСТВА. ДИНАСТИЯ КИЕВИЧЕЙ

Становление государственности Древней Руси, особенности данного процесса, своеобразие ее модели является не только одной из актуальнейших проблем отечественной историографии, важнейшим фактором постижения многотысячелетней трагичной и величественной истории славянства, но во многом определяет настоящее славянства, координаты его будущего.

Анализируя древнейшие властные протогосударственные структуры, необходимо обратить внимание на то, что догосударственное общество, которое можно рассматривать как множество локальных миров, испытывало возрастающее дискомфортное состояние из-за усложнения жизни, внешних конфликтов, роста междоусобиц. Это рождало поиск выхода из сложившихся ситуаций на основе исторически сложившейся культуры. Рациональным решением являлось поглощения факторов, вызывающих или казавшихся вызывающими дискомфортное состояние, т.е. превращение внешних, негативных явлений во внутренние и, следовательно, подконтрольные.

Арнольд Тойнби (1889–1975), видный британский историк в 1925–1955 гг. научный директор Королевского института международных отношений, профессор Лондонской школы экономики, в своих фундаментальных работах “Постижение истории” и “Цивилизация перед судом истории” уделял значительное внимание становлению и развитию государственности как важного фактора цивилизационного процесса, этнического самосохранения.

Рассматривая предназначение государства в цивилизационном процессе А. Тойнби в работе “Человек и мать-земля” пришел к выводу, что “уже на самой заре цивилизации государство есть

главный инструмент человечества” [2, с. 151–152]. При этом А. Тойнби отмечал, что государство, изначально вовлечено в строительство, чтобы тем самым обеспечить самосохранение. Но хотя этот импульс может быть исходным, он не является преобладающим. Рассматривая аспекты становления и развития государственности, А. Тойнби поставил важнейшую проблему – “Государство – цель или средство?” [2, с. 152].

При рассмотрении проблематики становления и развития государственности как общественного явления, негативную роль сыграла догматическая марксистская концепция сведения всего многообразия общественных отношений сугубо к классовым противоречиям, что во многом схематизировало, обедняло и примитивировало гамму человеческих взаимоотношений.

В.И. Ленин в лекции “О государстве”, прочитанной в Свердловском университете, рассматривая вопрос становления и развития государства, отмечал: “По этому вопросу, прежде всего надо обратить внимание на то, что государство не всегда существовало. Было время, когда государства не было. Оно появляется там и тогда, где и когда появляется деление общества на классы, когда появляются эксплуататоры и эксплуатируемые...”

В первобытном обществе, когда люди жили небольшими родами, еще находясь на самых низших ступенях развития, в состоянии, близком к дикости; в эпоху, от которой современное цивилизованное человечество отделяют несколько тысячелетий, – в то время не видно еще признаков существования государства. Мы видим господство обычаев, авторитет, уважение, власть, которой пользовались старейшины рода, видим, что эта власть признавалась иногда за женщинами, – положение женщин тогда не было похоже на теперешнее бесправное, угнетенное положение, – но нигде не видим особого разряда людей, которые выделяются, чтобы управлять другими и чтобы в интересах, в целях управления систематически, постоянно владеть известным аппаратом принуждения, аппаратом насилия, каковым являются в настоящее время, как вы все понимаете, вооруженные отряды войск, тюрьмы и прочие средства подчинения чужой воли насилию, – то, что составляет сущность государства” [43, с. 64–68].

Ш. Эйзенштадт рассматривая возникновение этносов, государств, цивилизаций, выводил побудительные мотивы из того, что всем обществам и культурам присуще стремление к преодолению факторов неопределенности бытия через конструирование социального и культурного порядка, основанного на метаотношениях, на символическом воплощении личной и коллективной идентичности, на членстве в различных формах коллективности, через участие в которых обеспечиваются универсальные изначальные измерения и потребности, связанные с возрастом, поколением, территориальной привязанностью [2, с. 100].

В отличие от вышеприведенной концепции государственности, марксистская теория в вопросе об образовании государственности сводится к ленинскому постулату о том, что: “История показывает, что государство, как особый аппарат принуждения людей, возникало только там и тогда, где и когда появлялось разделение общества на классы – значит, распределение на такие группы людей, из которых одни постоянно могут присваивать труд других, где один эксплуатирует другого”. В заключении своего постулата В.И. Ленин резюмирует: “И это деление общества на классы в истории должно стоять перед нами ясно всегда, как основной факт” [43, с. 69–70].

Элман Сервис – английский историк – в своих работах подвергает критике теорию происхождения государства как продукта классовых конфликтов. Аспектом государственности, по мнению Э. Сервиса, является, то, что важнейший ее элемент – власть, возникает постепенно, в ходе длительного процесса эволюции (дружина, племя, вождь, примитивное государство), и этот процесс связан, прежде всего, с управлением совокупными делами общества. Обращение же к насилию со стороны государства выступало, прежде всего, как монополизация этого фактора и подавление насилия более низкого уровня.

Рассматривая происхождения государства и цивилизации, Э. Сервис отмечал: “Я исходил из обычного подхода, уравнивающего подъем цивилизации с возникновением государств, которое в свою очередь определяется как орган репрессивного контроля с использованием физической силы. Я продолжаю считать, что это определение государства может оказаться полезным при рассмотрении некоторых современных примитивных обществ. Однако я обнаружил, что эти характеристики не являются типичными для большинства древних цивилизаций, хотя спорадически и появились в них. Концепция государства, как репрессивной силы не дает объяснения возникновению цивилизаций или критерии ее выделения” [2, с. 155]. Марксистская теория государственности, разработанная К. Марксом, Ф. Энгельсом, В.И. Лениным, исходила из доминанты классовообразующих факторов в процессе возникновения государства.

Ф. Энгельс, рассматривая аспекты возникновения государственности, отмечал в работе “О происхождении семьи, частной собственности и государства”: “Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречиями экономических интересов не пожрали друг друга в общество в бесплодной борьбе, для этого стало необходимой силой, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умирляла столкновение, держала его в границах “порядка”. И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство” [2, с. 150].

На основании анализа феномена государственности Ф. Энгельс пришел к заключению, что так как государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов; так как оно в тоже время возникло в самих столкновениях этих классов, то оно по общему правилу является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает, таким образом, новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса [2, с. 150–151].

Развивая марксистскую концепцию государственности в эпоху империализма. В.И. Ленин в работе “Государство и революция”. “Государство – это есть машина для поддержания господства одного класса над другим. Когда в обществе не было классов, когда люди до рабской эпохи существования трудились в первобытных условиях большего равенства, в условиях еще самой низкой производительности труда, когда первобытный человек с трудом добывал себе средства, необходимые для самого грубого первобытного существования, тогда не возникало и не могло возникнуть и особой группы людей, специально выделенных для управления и господствующих над всем остальным обществом. Лишь когда появилась первая форма деления общества на классы, когда появилось рабство, когда можно было известному классу людей, сосредоточившись на самых грубых формах земледельческого труда, производить некоторый излишек, тогда этот излишек не абсолютно был необходим для самого нищенского существования раба и попадал в руки рабовладельца, когда, таким образом, упрочилось существование этого класса рабовладельцев, чтобы оно упрочилось, необходимо было, чтобы явилось государство”. Резюмируя свои положения о государственности В.И. Ленин заключал: “И оно явилось – государство рабовладельческое, – аппарат, который давал в руки рабовладельцев власть, возможность управлять всеми рабами. И общество, и государство тогда были гораздо мельче, чем теперь, располагали несравненно более слабым аппаратом связи – тогда не было теперешних средств сообщения” [43, с. 723].

Анализируя марксистскую концепцию государственности Э. Сервис обращает внимание на то, что знаменитая работа Ленина “Государство и революция” была написана для того, чтобы напомнить умеренным социалистам, полагавшим возможным реформировать существующие

правительство, о “подлинной исторической роли и смысле государства”. С самого начала государство возникло, по утверждению В.И. Ленина (а также Л.Г. Моргана, К. Маркса, Ф. Энгельса), как орган насильственного подавления большинства населения для защиты интересов представляющего собой меньшинство класса собственников.

Позиция Э. Сервиса заключается в том, что исходная и основная причина возникновения и основная функция государства состояли не в том, чтобы защищать господствующие классы против угнетенных, а в том, чтобы вести и организовывать хозяйство и это была “распределительная, а не стяжательная система” [2, с. 156].

В работах Ф. Энгельса, В.И. Ленина сформулированы взгляды на государство, в том или ином виде распространенные в западной науке. Это относится, прежде всего, к пониманию государства как органа, в той или иной степени стоящего над обществом и способного прибегать к насилию при утверждении своей власти, необходимого в силах неспособности самого общества справиться иначе с присущими ему внутренними противоречиями. Для Ф. Энгельса и последующей марксистской школы эти противоречия были, прежде всего, классовыми, а отнюдь не этническими: то есть государственность как форма общности для выживания того или иного народа.

Э. Сервис, критикуя классовообразующую основу возникновения государства, доминирующую в марксизме, отмечал: “Устойчивое положение, касающееся репрессивного характера государственности институтов, сводится к тому, что их возникновение имело какое-то отношение к сохранению или регуляции частной собственности”. Начиная от Платона и Аристотеля, стоиков и эпикурейцев, включая таких различных теоретиков социального контракта, как Ж.-Ж. Руссо и Т. Гоббс, и до влиятельной современной теории марксизма, видные политические мыслители подкрепляли свои общие концепции человеческой природы и власти ссылками на природу первобытного общества и основные причины, порождающие государство. Почти всегда аргументы сводились к установлению соотношения между собственностью и политикой, и тем, какое их этих начал является (или должно быть) доминирующей” [2, с. 155].

Ш. Эйзенштадт, исследуя аспекты становления государственности, отмечал, что ограничения и исключения, связанные с институционализацией харизматического начала неизбежно ассоциируются с распределением власти и богатства (хотя и не обязательно совпадает с таким распределением), с ограничением участия различных групп в функционировании центральных символических сфер и доступа к осмыслению социального и культурного порядка, а следовательно, с контролем над распределением ресурсов. В этих условиях обостряется сознание производительности данного социального порядка и амбивалентное отношение к нему, к проявлению протеста [2, с. 104].

Макс Вебер (1864–1920) – немецкий социолог, философ и историк, основоположник “понимающей социологии” – уделял значительное внимание феномену государства. Заслугой М. Вебера уже в начале XX века стало выявление механизма соединения власти и общества. Не отрицая роли насилия в средствах, к которым прибегало государство он все же подробно рассматривает принцип “обратной связи”, соединивший государство с обществом и придавший ему цивилизованный облик. Рассмотренный М. Вебером механизм легитимизации власти выявил существенные факторы, определявшие деятельность государства в цивилизационной системе.

При рассмотрении феномена государства М. Вебер исходил из того, что государство, равно как и политические союзы, исторические ему предшествующие, есть отношение господства людей над людьми, опирающиеся на легитимное насилие как средство. Таким образом, чтобы оно существовало, люди, находящиеся под господством должны подчиняться авторитету, на который претендуют те, кто теперь господствует. Когда и почему они так поступают? Какие

внутренние основания для оправдания господства, и какие внешние средства служат ему опорой?

В принципе имеется три вида внутренних оправданий, т.е. оснований легитимности. Во-первых, это авторитет “вечно вчерашнего”: авторитет нравов, освященных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение, – “традиционное” господство, как его осуществляли патриарх и патримониальный князь старого типа. Далее авторитет необыденного личного дара (харизмы), полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием качеств вождя у какого-то человека: откровении, героизма и других, – харизматическое господство, как его осуществляют пророк или (в области политической) избранный князь – военачальник, или плебисцитарный властитель, выдающийся демагог и политический партийный вождь. Наконец, господство в силу “легальности”, в силу веры в обязательность легального установления деловой “компетентности”, обоснованной рационально созданными правилами [2, с. 154].

Ф. Энгельс, излагая марксистскую концепцию перехода общества от родоплеменного строя к государственности, акцентировал внимание на то, что по сравнению со старой родовой организацией государство отличается, во-первых, разделением подданных государств по территориальным подразделениям. Старые родовые объединения, возникшие и державшиеся в силу кровных уз, сделались, как мы видели, недостаточными большей частью потому, что их предпосылка, связь членов рода с определенной территорией, давно перестала существовать. Территория осталась, но люди сделались подвижными. Поэтому исходным пунктом было принято территориальное деление, и гражданам предоставили осуществлять свои общественные права и обязанности там, где они поселялись, безотносительно к роду и племени. Такая организация граждан по месту жительства общепринята во всех государствах. Она поэтому нам кажется естественной; но мы видели, какая потребовалась упорная и длительная борьба, пока она могла утвердиться в Афинах и Риме на место старой организации по родам [2, с.150–151].

В.И. Ленин, рассматривая процесс перехода от родо-племенных отношений к государственности, отмечал, что необходимо исходить из того исторического факта, что было время, когда государства не было, когда держалась общая связь, самое общество, дисциплина, распорядок труда силой привычки, традиций, авторитетом или уважением, которым пользовались старейшины рода или женщины, в то время часто занимавшие не только равноправное положение с мужчинами, но даже нередко и более высокое, и когда особого разряда людей – специалистов, чтобы управлять, не было [43, с. 71].

Ш. Эйзенштадт, анализируя этапы становления государственности, отмечал, что важным критерием становления новых органов регуляции становится ослабление прежних аскриптивных связей, привязывавших население к локально-территориальным группам, и формирование новых социальных групп на основе критериев умения, богатства, достижений или политической лояльности правителям.

Эти процессы происходят как в политической, так и в религиозной сфере, при рассмотрении религиозной сферы Ш. Эйзенштадт подчеркивает в ней как наличие гораздо более широких, зачастую универсальных, оснований для утверждения аскриптивных связей, так и возможность соединения религиозных связей с локальными вариантами (в рамках “малой” традиции). Именно утверждение такого рода ценностной санкционированной духовной связи создавало предпосылки для условного поддержания власти или даже противостояния ей. В обществе возникали сложные, а подчас напряженные отношения между разными сферами и структурами [2, с. 161].

Подводя итог многовековым дискуссиям о природе возникновения феномена государственности, А. Тойнби подчеркивал, что государство возникает в период “надлома”, когда нарастающие внутренние и внешние противоречия не могут быть решены на основе

творческого “ответа” и участия массы населения в общем, деле, а выливаются в борьбу за власть над обществом и приводит к возникновению, как вынужденного решения, государства [2, с. 153].

Точка зрения А. Тойнби представляет значительный интерес потому, что в своей фундаментальной работе “Постижение истории”, содержащей огромный фактологический материал, значительные теоретические обобщения, анализируется развитие цивилизации, этносов, их государственности начиная с IV в. до н.э. и до 30-х годов XX столетия.

*Лучше малое имущество, добытое Правдой,
чем много богатства – подлостью.*

Русская пословица

8.1. СОБОРНАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ ВОСТОЧНОГО СЛАВЯНСТВА

Особенности развития соборной государственности восточного славянства в значительной степени определялись положением данного этноса между двумя полюсами цивилизационного развития – Востоком и Западом, на пересечении двух различных ментальностей и начал – европейского и азиатского.

На протяжении многих столетий славянство выполняло важнейшую всемирно-историческую миссию – служило как разделительным барьером, так и связующим звеном различных, развивающихся по своим имманентным закономерностям начал – европейского и азиатского. Взаимодействуя с каждым из них, испытывая перманентные потрясения, как от первого так и от второго, что зачастую ставило вопрос о дальнейшем существовании славянства, оно вынуждено было в целях этнического самосохранения, при еще не развитых до классического (в понимании западной исторической науки) уровня классовых отношениях, создать свою соборную потестарную форму государственности.

В отличие от западной модели государственности с доминантой классорегулирующих функций (государство-полицейский) славянское соборное потестарное государство можно уподобить государству-воину, главная задача которого состоит не только и не столько в регуляции классовых антагонистических отношений, сколько в коллективном этническом выживании на тектоническом пересечении западной и восточной линии развития, приходящихся на славянскую цивилизацию.

Академик П.П. Толочко, рассматривая проблему развития государствообразующих процессов восточного славянства, отмечал, что государственность является движущим фактором этнического и культурного прогресса народа, предпосылкой сохранения его ментальности, самобытности.

В историографии на протяжении столетий превалировала точка зрения, инициированная преимущественно западными историками, про неспособность восточного славянства к государственно-политическому развитию. Не преодолена данная точка зрения и у ряда отечественных историков, хотя она ими тактируется и не в столь одиозной форме.

Высказываются точки зрения, что восточное славянство – это общество вековечных хлеборобов, не имеющих устойчивых государствообразующих традиций, пассивный людской материал, возглавляемый чужеродными элитами с привнесением чуждых славянству моделей государственности [16, с. 36].

Исторические факты наглядно свидетельствуют, что восточное славянство является этносом, имеющим государственность, уходящую своими истоками в седую даль тысячелетий.

Характерно, что государственность восточного славянства вследствие ряда исторических причин не была непрерывной, однако эта особенность развития государственности не только славянского этноса, но и ряда народов Европы, Азии, других регионов мира.

Традиции государственности на славянских землях относятся к VIII–III в. до н.э. и связаны с греческими городами-государствами. Греция, испытывая жизненную необходимость в поставке зерновых, производимых славянами-земледельцами, обосновала на территории Северного Причерноморья свои колонии – форпосты античной государственности в славянском мире.

Торговля славянских племен с греческими городами-колониями приводила к углублению классовой дифференциации среди славянства, обуславливала рост потребностей племенной верхушки в предметах роскоши, поступавших как из Греции, так и производимых в ее причерноморских колониях. В ходе торговых отношений славянской элитой воспринимались традиции греческой государственности, был переброшен мостик от наиболее передовой государственности Европы того периода к находящемуся в процессе динамичного развития славянству.

Такова была первая попытка евроинтеграции славянства, характерной особенностью которого было то, что античная Европа в лице Греции, ее городов-колоний принесла на славянские земли Причерноморья свою культуру, обычаи, традиции государственности, соответствовавшие западной цивилизационной модели развития.

Наличие развитой государственности скифского периода в границах украинской лесостепи наглядно подтверждаются гигантскими городищами, некоторые из которых (как Бельское на Полтавщине) занимали несколько тысяч гектаров [16, с. 35].

Разнятся точки зрения ученых по поводу степени интеграции славянских племен в составе скифской державы.

Академик П.П. Толочко обоснованно выдвигает гипотезу, что многочисленные укрепления на Правобережье и Левобережье лесостепной Украины появились как эффективный ответ славянских племен на чрезмерное засилье скифов-кочевников. При этом, какими бы не были формы данных политических взаимоотношений, бесспорным является его государственно-политическая организационная структура, ибо возведение славянам целой системы столь исполинских сооружений, величина валов которой достигала 30 км, немыслима при условиях родовых отношений [16, с. 35].

Столь же гигантские сооружения существовали у славян в доскифский период и под названием “Змеевый вал” служили сдерживающим фактором киммерийского засилья.

Исторические факты, имеющиеся в настоящее время, позволяют выдвинуть гипотезу, что в составе скифской империи славяне занимали место некоего конфедеративного, довольно независимого образования, связанного с центром номинальными узами.

Рассматривая подобный феномен, присущий образованию государств древности, Никколо Макиавелли в произведении “Государь” отмечал: “Когда завоеванные страны до своего покорения управлялись собственными законами, пользовались свободными учреждениями, то завоеватель может удержать их за собой тремя способами. Первый способ – разорить и обессилить их, второй – лично в них поселиться, и третий – оставить неприкосновенными существующие в них учреждения, обложив только жителей данью и учредив у них управление с ограниченным личным составом” [45, с. 34]. Во взаимоотношениях восточного славянства со скифами, сарматами, аварами и другими кочевыми народами в силу специфичности их ментальности доминировала третья модель взаимоотношений.

Характерно, что и скифская государственность не соответствует общепринятым классическим стереотипам государственности, принятой за эталон западноевропейскими учеными, так как классовые антагонизмы скифской державы не достигла того классического

уровня, при котором, по меркам европейских ученых, с неизбежностью возникает государственность как классорегулирующий фактор. Исходя из этого, скифская, как и славянская государственность, являлись потестарными образованиями, своеобразными государствами-воинами, главная задача которых заключалась в сохранении и развитии своего этноса, колониационном освоении новых земель и лишь затем выступала классорегулирующая функция.

По существенному замечанию И.Н. Данилевского, становление древнерусского государства было теснейшим образом связано с процессом преобразования, освоения мира непроходимых чащоб, болот и бескрайних степей, окружавшего человека в Восточной Европе.

Славянский земледелец, селившийся на просторах причерноморских степей, был носителем экономического прогресса: с ним в области, занятые ранее кочевым скотоводством, пришел передовой по тому времени хозяйственный уклад – пашенное земледелие. Колонизация способствовала и социальному развитию славянских племен. В процессе длительной борьбы с кочевниками выделялись и усиливались дружинные элементы, укреплялась родоплеменная знать, что сыграло известную роль в переходе славян к новым, феодальным отношениям. Однако овладение плодородными черноземами землями степной полосы стоило славянам немалых усилий и жертв, ибо колониационное движение производилось на земли, занятые воинственными племенами.

Славянская колонизация не была, подобно движению кочевых народов, перемещением всей массы населения в новые районы. Основное славянское население оставалось на прежних местах, составляя постоянный и устойчивый резерв переселенческого движения. Этим в немалой степени объясняется стабильность славянской колонизации: земледельческие поселения на Дону, Донце и Тамани существовали длительное время, несмотря на наличие поблизости от этих районов довольно сильных объединений кочевников-болгар (внутренних) и венгров [24, с. 14–15].

Античная и скифская государственности составляли по отношению к славянству явления генетично внешние, однако они органично входили в его социально-политическую сферу развития, стимулируя по принципу подобия и аналогии становления и развития славянской государственности.

Рассматривая особенности данного явления, И.Н. Данилевский отмечал, что налицо важнейший механизм, обеспечивающий господство комфортного идеала, партиципации к нему личности, препятствии роста социкультурного противоречия между социальными отношениями и культурой. Этот механизм заложен в большом законе семантизации, по которому такие понятия как “раб” или “царь” существовали до рабства и до царской власти. Эта логическая форма открывала возможность эксплуатировать ценности локального мира на значительно большую сферу социальной реальности [24, с. 80–81].

В последующий период политические формы жизни в границах современной территории Украины периодически возрождались сарматами, готами, гуннами, в состав образования которых входили и славяне, составлявшие подавляющие по численному составу населения данных государств [16, с. 35].

Учитывая тот факт, что античные авторы под собирательным названием “скифы”, “сарматы”, “авары”, “готы” зачастую подразумевали многочисленные славянские племена, входившие в состав данных полиэтничных образований, существование славянской соборной потестарной государственности, в соответствии с имеющимися фактическими данными, может скрываться под собирательными наименованиями скифской, сарматской, аварской и прочими полиэтничными державными образованиями.

Кочевники, прибывшие с далеких азиатских просторов, воинственные, поражавшие европейцев своим внешним видом, обычаями, нравами, хотя и уступавшее количественно многочисленному славянству, на земли которых они приходили, попадали, благодаря своей экзотичности в анналы античных авторов, давая наименование полиэтничным конгломератам

народов, где они являлись меньшенством, хотя и творчески-агрессивным. И.Н. Данилевский отмечал: “В связи с возможностью подобного переноса прежних имен на новые явления в общественной жизни существует опасность неверного понимания значения слов, опирающегося на их этимологию. Между тем, с помощью этих слов могли обозначаться принципиально иные реалии, имеющие лишь некоторое внешнее сходство с тем, что эти слова обозначали искони, тем не менее, когда речь идет о наиболее ранней стадии развития, применение данных этимологического анализа для описания явлений, обозначаемых теми или иными словами, представляется достаточно корректным” [24, с. 80–81].

О наличии соборной протестарной государственности восточного славянства свидетельствует и то, что Иордан сообщал о “короле” антов Боже, Масуди – про “царя волынян” Мджаке, Феофиласт Симоната повествовал про славянского вождя Ардагоста.

Византийские авторы кроме Антского межплеменного союза называют также и славянский союз склавинов. В условиях же военного противостояния с готами в IV веке, по заключению Д.Н. Козак, в Поднестровье сформировалось межплеменное объединение известное по письменным источникам как дулебы [16, с. 36].

*Людей свободой снова одарил,
Силу с правдой сочетав, сравняв
Перед лицом закона добрых и худых,
Тех и других заветам Правды подчинив...*

Солон

8.2. СТРУКТУРА ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ВОСТОЧНОГО СЛАВЯНСТВА

Анализируя данный этап развития восточного славянства, Н.М. Карамзин акцентировал внимание на том, что не только классовые предпосылки, но и военные задачи – проблемы обороны населения, обеспечения колонизационного расширения территории обитания славянского этноса, обуславливали становление властных структур и, тем самым, возникновения протестарных форм государственности: “Вожди, избираемые общою доверенностью, отличие искусствомъ и мужествомъ, были первыми властелинами въ своемъ отечествѣ. Дѣла славы требовали благодарности отъ народа; къ тому же, будучи ослѣпленъ счастьемъ Героевъ, онъ искалъ въ нихъ и разума отъмъннаго” [11, т. I, гл. III, с. 44].

На основе вышеизложенного Н.М. Карамзин делает важный методологический вывод: “Наконецъ обыкновеніе сдѣлалось для однихъ правомъ начальствовать, а для иныхъ обязанностью повиноваться. Если сынъ Героя, славнаго и богатаго, имѣлъ великія свойства отца, то онъ еще болѣе утверждалъ власть своего рода.

Сія власть означалась у Славянъ именами Боярина, Воеводы, Князя, Пана, Жупана, Короля или Краля и другими. Первое безъ сомнѣнія происходитъ отъ боя, и въ началѣ своемъ могло знаменоватъ война отличной храбрости, а послѣ обратилось въ народное достоинство” [11, т. I, гл. III, с. 44–45].

Значительный интерес представляет рассмотрение Н. М. Карамзиным этимологии возникновения слова “Князь”: “Слово Князь родилось едва ли не отъ коня, хотя многіе Ученые производятъ его отъ Восточнаго имени Каганъ и немецкаго König. Въ славянскихъ земляхъ кони были драгоцѣннѣшею собственностію У Поморянъ въ среднихъ вѣкахъ 30 лошадей составляли

великое богатство, и всякой хозяинъ коня назывался Княземъ, nobilis capitaneus et Princeps” [11, т. I, гл III, с. 45].

По мнению И.Я. Фроянова, в период зарождения древнерусской государственности военная сила и общественная власть еще не оторвались друг от друга, составляя единое целое. Власть принадлежала тому, кто представлял собой военную мощь. Видимо, в рассматриваемый момент существовало более или менее устойчивое равновесие сил между властью князя, опиравшегося на силу дружины, и властью веча, за которым стояла военная организация горожан [24, с. 80].

Роль дружины как ядра военной мощи славянства, при этом зачастую выполняющее некоторые управленческие функции предгосударственных образований, исключительно велика.

Значительный интерес представляет исследование Н.М. Карамзиным своеобразия властных институтов восточного славянства, соотносимых с западноевропейскими властными структурами (в том числе и в терминологии): “Избраніе Герцога, то есть, Воеводы въ славянской Каринтіи соединено было съ обрядомъ весьма любопытнымъ. Избираемый въ самой бѣдной одеждѣ являлся среди народнаго собранія, где земледелецъ сидѣлъ на престолѣ, или на большомъ дикомъ камнѣ. Новый Властитель клялся быть защитникомъ Вѣры, сиротъ, вдовъ, справедливости: тогда земледелецъ уступалъ ему камень, и всѣ граждане присягали въ вѣрности. Между тѣмъ два рода знаменитѣйшіе имѣли право вездѣ косить хлѣбъ и жечь селенія, въ знакъ и въ память того, что древніе Славяне выбрали перваго Властелина для защиты ихъ отъ насилія и злодѣйства” [11, т. I, гл. III, с. 47].

Н.М. Карамзин обращает внимание на индивидуально-своеобразное построение властных институтов славянства: “Главный Начальникъ или Правитель судилъ народныя дѣла торжественно, въ собраніи старѣйшин, и часто во мракѣ лѣса: ибо Славяне воображали, что Богъ суда, Прове, живетъ въ тѣни древнихъ, густыхъ дубов. Сіи мѣста и дома Княжескіе были священны: никто не дерзалъ войти въ нихъ съ оружіемъ, и самыя преступники могли тамъ безопасно укрываться”.

Ибн Русте в труде “ал-А’лак ан-нафиса” характеризует структуру власти у древних славян, отмечал: глава их коронуется, они ему повинуются и от слов его не отступают. Местопребывания его находится в середине страны славян. И упомянутый Глава, которого они называют “главой-глав” (“ра’ис ар-руаса”), зовется у них свиег-малик, и он выше супанеджа (жупан), а супанедж является его заместителем. Царь этот имеет верховых лошадей и не имеет иной пищи, кроме кобыльего молока. Есть у него прекрасные, прочные и драгоценные кольчуги. Город, в котором он живет, называется Джарваб, и в этом городе ежемесячно в продолжении трех дней проводится торг, покупают и продают.

Далее Ибн Русте, конкретизируя свои сообщения о правлении на землях древних славян, писал: “Царь ежегодно объезжает их. И если у кого из них есть дочь, то царь берет себе по одному из платьев в год, а если сын, то также берет по одному из платьев в год. У кого же нет ни сына, ни дочери, тот дает по одному из платьев жены или рабыни в год. И если поймает царь в стране своего вора, то либо отдает под надзор одного из правителей на окраинах своих владений”.

Н.М. Карамзин следующим образом трактует факты, приводимые Ибн Русте: “О Славянахъ Россійскихъ Нестонъ пишетъ, что они, какъ и другіе, не знали Единовластія, наблюдая законъ отцевъ своихъ, древніе обычаи и преданія, о коихъ еще въ VI вѣкѣ упоминаетъ Греческій Историкъ, и которые имѣли для нихъ силу законовъ писанныхъ: ибо гражданскія общества не могутъ образоваться безъ установъ и догоровъ, основанныхъ на справедливости. Но какъ сія условія треуютъ блюстителей и власти наказывать преступника, то и самыя дикіе народы избираютъ посредниковъ между людьми и закономъ. Хотя Летописецъ нашъ не говоритъ о томъ, но Россійскіе Славяне конечно имѣли Властителей, съ правами ограниченными народною и дръвними обыкновениями вольности”.

В ходе военных походов, колониционного движения восточного славянства, в их общественном устройстве происходили значительные изменения. Так, до интенсивных военных походов и колониционного движения, восточному славянству было характерно, по замечанию Н.М. Карамзина, то, что “Сей народъ подобно всьмъ инымъ, въ началъ гражданскаго бытія своего не знали выгодъ правленія благоустроеннаго, не терпѣль ни властелиновъ, ни рабовъ въ земль своей, и думалъ, что свобода дикая, неограниченная, есть главное добро челоука. Хозяинъ господствовалъ въ домъ: отецъ надъ дѣтьми, мужъ надъ женою, братъ надъ сестрами; всякой строилъ себѣ хижину особенную, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ прочихъ, чтобы жить спокойнѣе и безопаснѣе. Лѣсъ, ручей, поле, составляли его область, въ которую страшились зайти слабые и невооруженные. Каждое семейство было маленькою, независимою Республикою; но общіе древніе обычаи служили между ими нѣкоторою гражданскою связію”.

При этом важную роль в жизни древних славян играли и общественные формы жизнеустройства: “Въ случаяхъ важныхъ единоплеменные сходились вмѣстѣ совѣтоваться о благу народномъ, уважая приговорі старцевъ, сихъ живыхъ книгъ опытности и благоразумія для народовъ дикихъ; вмѣстѣ также, предпринимая воинскіе походы, избирали Вождей, хотя, любя своевольство и боясь всякаго принужденія, весьма ограничивали власть ихъ, и часто не повиновались имъ въ самыхъ битвахъ. Совершивъ общее дѣло и возвратясь домой, всякой опять считалъ себя большимъ и главою въ своей хижинѣ” [11, т. I, гл. III, с. 43].

Имущественная дифференциация “взорвала” патриархальность уклада бытия восточного славянства: “Въ теченіе временъ сія дикая простота нравовъ должна была измениться. Славяне, грабя Имперію, гдѣ царствовала роскошь, узнали новыя удовольствія и потребности, которыя, ограничивъ ихъ независимость, укрепили между ними связь гражданскую. Они почувствовали больше нужды другъ въ другъ, сблизились жилищами и завели селенія; другіе, видя в чужихъ земляхъ граді великокопныя и веси цвѣтуція, разлюбили мрачныя лѣса свои, нѣкогда украшаемыя для нихъ одною свободою; перешли въ Греческія владѣнія и согласились зависть отъ Императоровъ” [11, т. I, гл. III, с. 43].

Описывая время, когда происходил переход от родоплеменных отношений к государству, Нестор отмечал, что в различных восточнославянских областях были “свои княжения”. Это подтверждается данными археологии. По особенностям погребального обряда можно судить о границах территорий, которые занимали как небольшие племена, так и обширные племенные союзы.

А. Тойнби, развивая теоретические разработки Н. Данилевского и О. Шпенглера о факторах государственности, на широком историческом материале показал, что рождение цивилизации, в том числе и государств, происходит при наличии двух специфических условий: присутствие в данном обществе творческого меньшинства и наличие среды, которая не является ни слишком неблагоприятной, ни слишком благоприятной.

Механизм зарождения цивилизаций (что, естественно, включает в свой контекст и государственность), в таких условиях представляет собой взаимодействие вызова и ответа на вызов: окружающая среда непрерывно бросает вызов обществу, и общество через творческое меньшинство успешно отвечает на вызов и находит решение проблемы. Затем следует новый вызов и новый успешный ответ – покою места нет, общество находится в движении, которое рождает цивилизацию, включая и феномен государственности [2, с. 44–45].

В аспекте проблематики становления потестарной формы государственности Древней Руси при еще неразвитых формах классового образования, значительный интерес в этом плане представляет концепция Герберта Спенсера о факторах, способствующих становлению структуры государства. Спенсер отмечал, что конфликты и войны сыграли решающую роль в становлении классовой структуры общества, так как война и труд, по его мнению, создали государство, причем, подчеркивает он, на начальных этапах роль насилия над человеком была

доминирующей. При этом, потребность обороны и завоевания более всего спланивала общество, структурировала его.

В дальнейшем, отмечал Г. Спенсер, в ходе развития общественного прогресса, насилие теряет свою доминирующую функцию, уступая место “внутреннему самоограничению”.

Данная теория во многом объясняет феномен образования государственности, позволяет осмыслить этапы становления потестарной соборной державности восточного славянства.

*Лишь бы твои прославить
дела мне достало дыханья.*

Вергилий “Буколики”

8.3. СЛАВЯНСТВО НА ЕВРОПЕЙСКОЙ АВАНСЦЕНЕ В VI В.

Грозной поступью, освещаемое заревом взятых штурмом городов и селений, вызывая трепет ужаса и невольное уважение народов своей доблестью, презрением к смерти, вышло славянство на авансцену как европейской, так и мировой истории, бросив вызов крупнейшей в этот период евразийской державе.

Нашествие славян на Византию в VI в. произошло в тот период, когда власть императора Юстиниана I и империи достигла апогея, когда, казалось, сбылись планы восстановления Римской империи. В 533 г. Юстиниан отправил 16-тысячную армию под руководством полководца Велизария к африканским берегам. Последний разгромил основные силы вандальского королевства, захватил его столицу – Карфаген, присоединил африканскую провинцию к Византии. В кратчайший период здесь было построено 150 городов. Вслед за присоединением Африки, началась война за обладание историческим ядром западной части империи – Италии. Осенью 539 г. армия Велизария осадила столицу остготов Равенну и, через несколько месяцев, заняла ее без боя.

Однако в этот период персы нарушили подписанный ими 10 лет назад “Вечный мир” с империей, вторглись в Сирию, захватили и разграбили ее столицу Антиохию. Велизарий срочно был переброшен на восток, ему удалось остановить нашествие персов. Пользуясь тем, что границы империи остались почти без гарнизонов – войска были в Италии и на Востоке, – славяне дошли до самой столицы, прорвались через Длинные стены, протяженностью от Черного моря до Мраморного, ворвались в предместья Константинополя.

Вековым римским и византийским военным традициям они противопоставили новую стратегию, проистекавшую из племенной славянской ментальности: “Несколько времени славяне избегали сражений в открытых полях и боялись крепостей, но, узнав, как ряды легионов римских могут быть разрываемы нападением быстрым и смелым, уже никогда не отказывались от битвы и скоро научились брать места укрепленные: сражались не стеною, не рядами сомкнутыми, и всегда пешие, следуя не общему велению, не единой мысли начальника, а внушению своей особенной, личной смелости и мужества; не зная благоразумной осторожности, которая предвидит опасности и бережет людей, но бросает прямо в середину врага. Византийские историки пишут, что славяне, сверх их откровенной храбрости, имели особенное искусство биться в ущельях, скрываться в траве, изумляя неприятелей мгновенным нападением, брали их в плен. Они умели еще долгое время таиться в реках и дышать свободно посредством сквозных тростей, вставляя конец их на поверхность воды. Древнее оружие славянское состояло в мечах, дротиках, стрелах, намазанных ядом и в больших, весьма тяжелых щитах” [39, с. 101–102].

Весомым признанием воинского искусства славян являлось привлечение ряда славянских князей византийцами и назначение их полководцами, начальниками эскадр, пограничных областей. В царствование Юстиниана I огромные массы славян переходили рубежи империи, переправлялись через Дунай, преодолевали линии пограничных укреплений и отвоевывали у империи плодородные балканские земли. Успехи славян в борьбе с могущественной Византией свидетельствуют о сравнительно высоком для того времени уровне развития славянского общества: уже появились материальные предпосылки для снаряжения значительных военных экспедиций, а строй военной демократии позволял объединить крупные массы славян.

Академик Б. Рыбаков, рассматривая аспекты становления государственности Древней Руси, акцентировал внимание на том, что в конце V – первой половине VI века нашей эры происходит три взаимосвязанных события, которые непосредственно предшествуют образованию Киевской Руси и являются ответами на вопросы летописца Нестора, поставленные им в заголовке “Повести временных лет”: “Откуда есть пошла Русьская земля? Кто в Кыеве нача първее княжити? И откуда Русьская земля стала есть?” [25].

Рыбаков Б.А. важнейшим событием конца V – середины VI веков считает начало великого расселения славян на юг – на Дунай, на Балканский полуостров, когда славянские дружины отвоевали и заселили почти половину Византийской империи. Потоки колонистов шли как от западной половины славянства (“славены”, искаженно “склавины”), так и от восточной (“анты”, наименование, данное соседями; очевидно – “окраинные”). Грандиозное по своим масштабам движение славян на Дунай и за Дунай перекроило всю этническую и политическую карту раннесредневековой Европы и, кроме того, подчеркивает Б.А. Рыбаков, существенно видоизменило исторический процесс и на основной славянской территории (прародина плюс зона ранней северной колонизации) [12, с. 31–32].

Колонизационное движение славян в ходе, которого произошло их расселение на Балканском полуострове, на половине территории Византийской империи в конце V – в середине VI века н.э. свидетельствовало о наличии в славянстве элементов государственной организации, так как ведение боевых действий против великой державы того периода и закрепления на территории могущественной Византийской империи требовало уже не родоплеменной организации, а государственной либо предгосударственной.

Аргументом к существованию перманентного потестарного государства на территории Древней Руси является сенсационное заявление И.Я. Фроянова: “Изучение зависимого населения в Древней Руси показывает, что наиболее архаической формой эксплуатации у восточных славян было рабство, прослеживающееся еще со времени антов. С возникновением в X столетии крупного (княжеского) землевладения рабский труд стал применяться и в вотчине. Сперва челядь (рабы-пленники), а затем холопы (рабы местного происхождения) составляли рабочий люд древнерусской вотчины. Следовательно, первоначально она имела рабовладельческий характер, и так продолжалось примерно до середины XI века, когда появился контингент феодально-зависимых и полусвободных эволюционировавших в сторону феодальной неволи (крепостничества). С этой поры феодальные элементы (отдельные группы смердов, изгоев) постепенно проникают в вотчину, под оболочкой которой скрывается теперь рабские феодальные ингредиенты. Вотчина превращается в сложный социальный организм: она и рабовладельческая и феодальная одновременно. Но все же рабов и полусвободных в ней было больше, чем феодально-зависимых. При этом надо решительно подчеркнуть, что древнерусские вотчины на протяжении XI–XII веков выглядели подобно островкам, затерянным в море свободного крестьянского землевладения и хозяйства, господствующего в экономике Киевской Руси” [29, с. 169].

Для нас значимый интерес представляет констатация И.Я. Фрояновым фактов существования рабства “еще со времен антов”, что вполне укладывается в формулу

существования у восточных славян потестарной государственности, принимавшей в период “великого переселения народов” различную этническую окраску.

Рассматривая влияние великого переселения народов на этногенез восточного славянства, В.О. Ключевский отмечал: “Мы застаем у восточных славян на Карпатах VI в. большой военный союз под предводительством князя Дулебова. Продолжительная борьба с Византией завязала этот союз, сомкнула восточное славянство как нечто целое. На Руси во времена Игоря еще хорошо помнили об этой первой попытке восточных славян сплотиться, соединить свои силы для общего дела, так что арабский географ того времени успел записать довольно полное известие об этом. Сто лет спустя, во времена Ярослава I, русский повествователь отметил только поэтический обрывок этого исторического воспоминания. Этот “военный союз” и есть факт, который можно поставить в самом начале нашей истории: она началась в VI в. на самом краю, в юго-западном углу нашей равнины, на северо-восточных склонах и предгорьях Карпат” [23, с.124].

Характеризуя “Повесть временных лет” как исторический документ, необходимо отметить, что киевский летописец уловил очень важный рубеж в истории восточного славянства, отметив складывание союзов племен, появление князей, повелевавших значительными массами соплеменников, строительство крепостей-градов, из которых впоследствии развились феодальные замки или города.

Ту же картину рисуют византийские писатели VI в. Они отмечают, во-первых, изменение славянских имен, отражавшее перегруппировки племен в период создания их союзов. Во-вторых византийские авторы говорят о появлении среди антов предводителей вроде Мезамира, сына Идарисия, опасных для Византии тем, что они могли объединить и возглавить “бесчисленные племена” антов. Известен ряд славянских князей, которых византийцы привлекали на свою службу и назначали полководцами, начальниками эскадр и пограничных областей [19, т. II, с. 244].

На основании этого есть полное основание считать, что формирование политически структурированного потестарного государства у восточных славян свершилось почти одновременно с аналогичными процессами, которые происходили у их западных и восточных соседей.

*В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир – в зерне песка,
В единой горсти – бесконечность,
И небо – в чашечке цветка.*

Вильям Блейк

8.4. ПРОЦЕССЫ ГОСУДАРСТВООБРАЗОВАНИЯ ЗАПАДНОГО СЛАВЯНСТВА

Значительный интерес представляют процессы государствообразования у западного славянства. Держава Само объединила славян Богемии, Чехии, Моравии, Лузации. То была предтеча Великой Моравии – мощного столба славянской государственности центра Европы IX в. Победы, одержанные в 627–662 гг. славянами центра Европы над аварами и франками, были весьма убедительными, и новый натиск на земли славян был предпринят уже Карлом Великим в конце VIII в.

Структура державы Само представляла собой объединение ряда союзов славян. Это значит, что в VII в. в центре Европы знать нескольких союзов слилась воедино, при этом найдя взаимные компромиссы [34, с. 44].

Необходимо акцентировать внимание на том, что такие раннегосударственные образования западноевропейских славян как государство Само, Великия Моравия, являлись государствами потестарного типа, каковые образовывались и у восточных славян в данный период, однако под ударами нашествий приходившие в упадок, либо “обволакиваемые” инородными этническими элементами в верхушечных структурах.

Рабство – несчастье.

Г. Бабёф “Манифест равных”

8.5. ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ПОТЕСТАРНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ВОСТОЧНОГО СЛАВЯНСТВА

Контакты с высокоразвитыми государствами в ходе колонизационного движения славян, в частности, с Византийской империей, сословные различия, дифференциация, складывавшаяся в ходе военных походов, захваты, значительных материальных ценностей, рабов, способствовали формированию в VI–VIII веках н.э. у славян потестарных форм государственности, т.е. доклассовой формы государственности, что не является неким историческим анахронизмом. Она основывалась на выделении трех “главных отличительных” признаков, сочетание которых признается в потестарно-политической этнографии показателем завершения политогенеза и формирования государства:

- 1) размещение населения по территориальному принципу, а не на основе кровных уз, как это было при старой родовой организации;
- 2) наличие публичной власти, отделенной от основной массы народа;
- 3) взимание налогов для содержания публичной власти [24, с. 168].

Механистическим является сведения возникновения государственности в марксистской концепции лишь к последствиям классовобразования.

Великое переселение народов, волнами прокатывавшееся по территории обитания восточного славянства, обрушивало удар за ударом на ростки данных самобытных форм государственного устройства, разрушая и отбрасывая вспять, либо придавая государственной надстройке восточного славянства другой этнический оттенок. Из летописных источников, повествующих о приглашении Рюрика с братьями на княжение, следует, что славяне были знакомы с функциями властных структур и пригласили Рюрика, Синеуса и Трувора лишь с целью совершенствования функционирования властных институтов, действовавших у них, как они считали, недостаточно эффективно. Об их наличии свидетельствует то, что на конец VIII – начало IX в. относится деятельность славянского князя Бравлина, который осуществлял походы в Крым. Татищев на основании летописных данных сообщает про деятельность князей новгородского и изборского Гостомысла и Вадима [42, с. 98].

Таким образом, княжеская власть на территории древней Руси зародилась за столетия до норманнского периода и была давним местным институтом.

По мнению Н.М. Гумилева, славянская этническая целостность, образовавшаяся в эпоху Великого переселения народов, до IX века развивалась почти беспрепятственно. Германцы ушли на запад, Византия горела внутренним огнем борьбы различных исповеданий. Арабский халифат был далеко. Досаждали только авары, но их успехи были парализованы конфронтацией со славянами державы Само. Большой урон принесли западным славянам венгры, но они, как и авары, стали барьером, отделявшим славянские земли от Западной Европы [7].

8.6. КИЕВИЧИ В ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОЙ ДЕРЖАВНОСТИ

Значительный исторический материал, посвященный становлению государственности Древней Руси, проникнутый идеей автохтонности, естественно-исторической основы данного процесса, содержится в фундаментальной работе Н.М. Карамзина “История государства Российского”, в которой отмечалось: летописец относил начало Киева, рассказывая следующие обстоятельства: “Братья Кий, Щек, Хорив с сестрою Лыбидью жили между полянами на трех горах, из коих две слывут, по имени двух меньших братьев, Щековицей и Хоревичей; а старший жил там, где ныне (в Несторово время) Зборичев взвод. ...Но Кий начальствовал в роде своем: ходил, как сказывают, в Константинополь, и принял великую честь от царя греческого; на возвратном пути, увидев берега Дуная, полюбил их, срубил городок и хотел обитать в нем; но жители дунайские не дали ему там утвердиться, и донныне именуют сие место городище Киевцом...” Н.М. Карамзин акцентирует внимание на том, что “два обстоятельства в сем Несторовом известии достойны особенного замечания: первое, что славяне киевские издревле имели сообщение с Цареградом, и второе, что они построили городок на берегах Дуная еще задолго до походов россиян в Грецию. Дулебы, поляне днепровские, лутичи и тиверцы могли участвовать в описанных войнах славян дунайских, столь ужасных для империи. И заимствовать там разные благодетельные изобретения для жизни гражданской” [11, т. I, гл. III, с.19].

Применительно ко времени своего проживания, Нестор делает блестяще аргументированное исследование происхождения топонима “Киев”: “Яко же бысть древле цесарь Рим и прозвался в имя его град Рим. И паки Антиох – и бысть Антиохия ...и паки Александр и бысть и имя его Александрия. И много места тако прозвани быша грады в имена цесарь тех и князь тех. Тако же и в нашей стране прозван бысть град великий Киев в имя Кия”, – так автор “Повести временных лет” объясняет происхождение топонима “Киев”. Показательно, что топоним “Киев” олицетворяет связь восточного и западного славянства, славянской цивилизации с Западноевропейской. Так известно, что у стольного града Киева много “тезок” в западославянских землях [25].

Вот, что сообщает по этому аспекту М.Ю. Брайчевский: “...село Киево имеется в земле Хелмской, в Средском уезде их – два. В Иновроцлавском уезде кроме Киево имеется также населенный пункт Киевица и село Киевская Воля. На территории Пенчовского уезда имеются села Кияны и Кии. Села с названием Киев есть в Ново-Радомском уезде и в Силезии. В Мазовше есть село Киевицы. Села Кияны имеются в Западной Волыни и в южных районах Литвы. Села с названием Киевец – в уездах Слуцком и Бяльском. Город Киев есть и в Маравии, село Киев – в Венгрии. Село Кий есть в сербской Лужице”. Научные данные не дают основания заключать, что у каждого из них был свой Кий – основатель, или считать, что все они названы так в честь столицы Киевской Руси. Ряд авторов, рассматривая происхождение топонима “Киев”, связывает его с “переправой”, с перевозом людей. Так, В. Янович подчеркивает: “Остается предположить, что топоним “Киев” отражал какую-то специфическую особенность или функцию соответствующих поселений. Вероятнее всего, следующую. Известен способ переправы через реку на лодках и плотах, когда вместо весел используют жердь – кий, которым отталкиваются от дна. Таким образом можно перевозить груженные телеги, скот. В некоторых местах Украины и сегодня занятие этим перевозом являются промыслом, и называется “киюванням”. Так могли получить свои названия многочисленные “тезки” нашей столицы” [46, с. 19–20].

Версия о происхождении города Киев от “киева перевоза” имеет серьезное подтверждение и в “Повести временных лет”: “Ини же несведуще, реша, яко Кый есть перевозник. У Києва бо быше перевоз тьгда с оной strony Днепра – тень глаголаху: “на перевоз на киев”. Нестор не возражает против того, что назывался он “киев перевоз”, но не соглашается с тем, что Кий был простым перевозчиком по следующей причине: “Аще бы Кый перевозник был, то не бы ходил Цесарюграду. Но се Кый княжане в роде своем и приходившу ему к цесарю, которого не свемы, но тъкмо о сем вемы, якоже сказають, яко велику честь принял, есть от цесая, при котором ходив, цесари. Идущо же ему вспять,приде к Дунаеви и взлюби место сруби градък мал и хотяше сести с родъм своим и не даша ему ту близь живущий. Еже и донине наречють дунайити “городыще Киевець”. Києви же пришедшу свой град Киев, ту живот свой сконьча” [25].

Выдвигается версия о том, что благодаря перевозу Киев стал центром торговых отношений Азии и Европы. Значение Киева не только для близживущих, но и для далеких народов трудно переоценить. Благодаря перевозу Киев становится центром контроля торговых путей, связывавших север и юг, восток и запад, сосредоточием торговли товарами с четырех сторон света. Обмениваться товарами здесь было удобней, чем отправляться с ними за тридевять земель при непредсказуемом результате. В связи с этим появились фактории иноземных купцов, склады, торги, крепости, военная дружина для защиты всего этого от грабительских набегов и для взимания мыта с не желающих его платить.

О начале Киева “Повесть временных лет” говорит: “И быша 3 братья: единому имя Кий, а другому Щек, а третьему Хорив и сестра Лыбедь. Седяще Кий на горе, где же ныне увоз Боричев, а Щек седяше на горе, где же ныне зовется Щекавица, а Хорив на третьей горе, от него же прозвися Хоревница. И створиша град во имя брата своего старейшего, и нарекоша имя ему Киев. Быше около града лес и бор велик, и бяху ловаще зверь, бяху мужи мудри и смыслени, нарицахуся поляне, от них же есть поляне в Києве и до сегодне” [25].

Нет сомнений, что Кий попал в Константинополь морем – спускался на ладьях Днепром, выходил в Черное море и, двигаясь вдоль западного берега, попадал в бухту Золотого Рога. При этом нельзя с уверенностью утверждать – воевал он с императором или нет [46, с. 20].

Византийские, а также один грузинский источник свидетельствуют, что в 626 году восточные славяне (русы) как союзники аваров, очевидно подневольные, принимали участие в нападении на Константинополь. Этот поход был разгромлен греческим флотом.

Византийские хроники с уважением отзывались про военное мастерство и навыки славян на море. Боевые ладьи однодеревки русичей вмещали до сорока человек, хорошо управляли, шли под парусами или на веслах. Казаки-запорожцы использовали подобные корабли до XVI–XVII вв. [46, с. 20].

Автор Никоновской летописи утверждает, что Кий ходил в Константинополь “с силой ратной”, и эти слова русский историк В.М. Татищев считал свидетельством военного похода Кия на столицу великой империи.

Три с половиной столетия между периодами, когда жили Кий и Аскольд, заполнить достоверными фактами не представляется возможным, однако с византийских источников известно, что в период княжения Кия – в первой половине VI столетия – славяне, в том числе и восточные, особенно часто угрожали южным рубежам империи. Как воевал Кий – неизвестно ибо этих данных в источниках нет [46, с. 12].

Характерно, что анты были чрезвычайно многочисленным народом. Маврикий считал, что победить их можно лишь тогда, когда эти племена разъединены. “Разделяй и властвуй!” – был принцип Византийской империи по отношению к восточным славянам.

Сын своего времени – Маврикий был убежден “Поскольку у них много князей, и они между собой не имеют согласия, то выгодно некоторых из них привлекать на свою сторону, чтобы они не сплотились вместе и не выступили под одним руководством” [46, с. 19].

Таким образом, наряду с нескончаемыми ордами, выплескиваемыми из глубин Азии и огнем разрушения опаливавшими восточных славян, с Запада, от великой державы того времени – Византии – шли перманентные попытки разобщения, стравливания славян, направления против азиатских орд.

Благодаря исследованиям историков, археологов, филологов и фольклористов возникла научная гипотеза, в соответствии с которой Кий жил и действовал в конце V – первой половине VI веков. По одной из версий Кий выведен в работе византийского писателя VI столетия Прокопия Кесарийского “Война с готами” под именем Хильбудия и, возможно, слово “Кий” означает палицу, дубину, молот и прочее распространенное в древности оружие, что было прозвищем удачливого славянского полководца. По аналогии непобедимый король франков Карл был прозван Мартеллом – т.е. Молотобойцем [46, с. 11].

“Повесть временных лет” говорит, что Кий шел на Балканы с “родом своим”. Отсюда поясняется природа балканских названий славянских объединений (северян, дреговичей, возможно вольнян). Нельзя не напомнить и о славянах, союз которых именовался смоляне.

Нахождение славянства в эпицентре противостояния западной и восточной линии развития мирового цивилизационного процесса, постоянные волны нашествий, войн и разорений, неоднократно ставившие этнос на грань ассимиляции, гибели, исчезновения, обусловили особую форму государственного устройства славян, имеющая ряд характерных особенностей.

Неразвитость классовообразующих факторов в экспериментальных условиях перманентной борьбы славянства за этническое выживание, обусловили особый, соборный тип потестарной государственности славянских народов. Образно характеризуя славянский тип соборной потестарной государственности, можно определить его как государство-воин, главная задача которого – коллективное выживание народа, этноса. Доминирование же классовообразующих факторов при образовании государственности европейских народов при аналогичном сопоставлении можно охарактеризовать как государство-полицейский, главная задача которого состоит в недопущении конфронтации, доходящей до возможности уничтожения этноса классами-антагонистами. Лишь в случаях крайней необходимости, когда над обществом нависает угроза гибели, европейская государственность меняет свой мундир полицейского на облачения воина.

Славянская государственность в случае классовых потрясений внутри общества также порой брала в свои натруженные мечом ратные руки жезл полицейского, однако функция обороны, защиты этноса превалировала над регулятивными классовыми функциями.

При этом славянская потестарная государственность, возникнув в глубине тысячелетий, в случае необходимости принимала черты конфедеративного устройства в «империях» скифов, аваров, зачастую именуемая названиями данных этносов, которые были в перспективе ассимилированы славянством, включены как составляющие элементы в гамму этнической мозаики.

На протяжении тысячелетий славянская государственность, подобно речке в пустынной местности, то, усыхая до маловодного ручейка, то, разливаясь полноводной рекой, служила гарантом этнической самобытности, его выживания как народа.

Государственность восточного славянства в своем развитии прошла ряд этапов перманентного становления, прерываемых волнами нашествий, накатывавшихся как с Запада, так и с Востока и уничтожавших цвет самобытной державности славян, отбрасывая огнем пожаров войн и разорений славянскую цивилизацию, государственность на предшествовавшие этапы развития, заставляя вновь и вновь проходить ранее пройденные этапы развития процессов государствообразования.

*Время человеческой жизни – миг;
ее сущность – вечное течение;
ощущение – смутно; строение тела –
бренно; душа – неустойчива; судьба –
загадочна; слава – недостоверна.
Жизнь – борьба и странствие по чужбине,
посмертная слава – забвение.*

Марк Аврелий

*И они народ сильный и могучий. Храбрость их и мужество хорошо известны,
так что один из них равноценен многим из других народов.*

Шараф аз-Замана аз-Марвази

РАЗДЕЛ 9. ВОЙНА И КЛАССОВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СЛАВЯНСТВА В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВООБРАЗОВАНИЯ

В истории средневековой Европы до X в. было два момента, когда судьбы славян вошли в особенно тесное соприкосновение с судьбами других европейских народов и государств. Первый раз это произошло в VI в. н.э., в ту бурную эпоху, когда молодые народы Европы обрушились на Восточную Римскую империю, ускоряя там процесс развития феодализма.

В.Ф. Малиновский (1765–1814 гг.) – русский просветитель, первый директор Царскосельского лицея в сочинении “Рассуждение о войне и мире” (1803) подчеркивал, что государственность этносов, ее своеобразие во многом зависели от такого негативного фактора человеческого бытия как война: “Война предшествовала учреждению обществ и составляла их случайно, как мороз внезапно останавливает быструю воду. Люди, прежде всего, повинуются природным нуждам и страстям. Внушения разума начинаются гораздо позже” [2, с. 292].

В период с 454 по 527 г. славяне руслами рек Сирет и Прут вышли к нижнему Дунаю и продвинулись к западу, вплоть до устья реки Олт. Таким образом, к началу правления Юстиниана I Великого русло нижнего Дуная на протяжении пятисот километров оказалось естественным рубежом, разделявшим славян и земли империи на Балканах.

В царствование Юстиниана I огромные массы славян продвинулись к северным рубежам Византийской империи. Они переходили Дунай, преодолевали линии пограничных укреплений и отвоевывали у империи плодородные балканские земли. Византийские историки красочно описывают вторжение в пределы империи славянских войск, уводивших пленных и увозивших богатую добычу, заселение империи славянскими колонистами. Появление на территории Византии славян, у которых господствовали общинные отношения, содействовало изживанию здесь рабовладельческих порядков и развитию Византии по пути от рабовладельческого строя к феодализму.

Успехи славян в борьбе с могущественной Византией свидетельствуют о сравнительно высоком для того времени уровне развития славянского общества: уже появились, очевидно, материальные предпосылки для снаряжения значительных военных экспедиций, строй же военной демократии позволял объединять крупные массы славян. Далекie походы содействовали усилению власти князей и в коренных славянских землях, где создавались племенные княжения [19, т. I, гл. III, с. 244].

*Наши государственный строй не подражает
чужим учреждениям – мы служим образцом
для всеобщего подражания.*

Перикл

9.1. ЕВРОПЕЙСКИЙ ВЕКТОР УСТРЕМЛЕНИЙ ВОСТОЧНОГО СЛАВЯНСТВА VI–VII вв.

Проникновенно повествует об этом периоде “бури и натиска” в истории славянства Карамзин: “С другой стороны, выходят на театр истории славяне, под сим именем, достойным людей воинственных и храбрых, ибо его можно производить от славы, – народ с шестого века занимает великую часть Европы, от моря Балтийского до реки Эльбы, Тисы и Черного моря. Уже в конце V века летописи Византийские упоминают о славянах, но только со времени Юстиниановых, с 527 года, утвердись в северной Дакии, начинают они действовать против империи, вместе с угорскими племенами и братьями своими антами, которые в окрестностях Черного моря граничили с болгарами. Ни сарматы, ни готы, ни самые гунны не были для Империи ужаснее славян: Фракия, Греция, Херсонес – все страны от залива Ионического до Константинополя были их жертвою; только Хильвуд, смелый вождь Юстинианов, мог еще с успехом им противоборствовать; но славяне, убив его в сражении за Дунаем, возобновили свои лютые нападения на греческие области, и всякое из оных стоило жизни или свободы бесчисленному множеству людей, так что южные берега Дунайские, облитые кровью несчастных жителей, осыпанные пеплом городов и сел, совершенно опустели. Ни легионы римские, почти всегда обращаемые в бегство, ни великая стена Анастасиева, сооруженная для защиты Царьграда от варваров не могли удерживать славян, храбрых и жестоких. Империя с трепетным стыдом видела знамя Константиново в руках их. Сам Юстиниан, Совет Верховный и знатнейшие вельможи должны были с оружием стоять на последней ограде столицы, стене Феодосиевой, с ужасом ожидая приступа славян и болгар ко вратам ее. Славяне спокойно жительствовавали в Империи, как бы в собственной земле своей, уверенные в безопасности переправ через Дунай” [11, т. 1, гл. III, с. 18].

Из греческих источников следует, что у славян в VI–VII вв., двигавшихся на Балканы, были прекрасно организованные вооруженные силы. Отряды славян делились по родам войск и имели иерархическую систему управления. Среди славян были тяжеловооруженные воины, закаленные во многих сражениях. На морях действовали славянские флотилии, угрожавшие не только Фессалоникам, но и Византии. Кроме того, славяне имели навыки в строительстве осадных орудий и во взятии мощных крепостей.

Описывая экспансию восточного славянства на Запад, античные авторы отмечали: “...одни бросали камни из приготовленных камнеметов, другие тащили лестницы к стене, пытались ее захватить, третьи подносили огонь к воротам, четвертые посылали на стены стрелы, подобно снежным облакам” [34, с. 40].

*Нет никакого имущества дороже друга.
Русская пословица*

9.2. СЛАВЯНЕ И ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

Н.М. Карамзин подчеркивал, что для Византийской империи нашествия славян, повторяющиеся с закономерной постоянностью, представляли не меньшую опасность, чем нападения готов и гуннов: “Не желаніе славы, а желаніе добычи, которою пользовались Готы, Гунны и другіе народы: ей жертвовали Славяне своею жизнію, и никакимъ другимъ варварамъ не уступали въ хищности. Поселяне Римскіе, слыша о переходъ войска ихъ за Дунай, оставляли дома и спасались бѣгствомъ въ Константинополь со всѣмъ имѣніемъ; туда же спышили и Священники съ драгоценною утварію церковною” [11, т. I, гл. III, с. 35].

В годы правления императора Юстиниана I (527–565 гг.) Византия достигает вершин своего расцвета, став, по сути, региональной великой державой Евразийского субконтинента, сконцентрировав до 23% всего европейского совокупного богатства, имела могучую армию, флот. Невзирая на это, экспансия славян на Византийские владения оказалась для нее столь же значительной проблемой, как и нашествие готов, гуннов. Н.М. Карамзин, обобщая сообщения античных историков, отмечал: “Уже въ концъ пятого вѣка льтописи Византійскія упоминають о Славянахъ, которые въ 495 году дружелюбно пропустили черезъ свои земли Нѣмцевъ-Геруловъ, разбитыхъ Лонгобардами въ нынѣшней Венгріи и бѣжавшихъ къ морю Балтійскому; но только со временъ Юстиніановыхъ, съ 527 году, утвердись въ сѣверной Дакии, начинаютъ они дѣйствовать противъ Имперіи, вмѣстѣ съ Угорскими племенами и братьями своими Антами, которые въ окрестностяхъ Чернаго моря граничили съ Болгарами. Ни Сарматы, ни Готы, ни самыя Гунны не были для Имперіи ужаснѣе Славянъ” [11, т. I, гл. III, с. 11–12].

Шараф аз-Замана Тахира ал-Марвази в труде “Табаи ал-хайаван”, характеризуя славянство, описывая их воинское мастерство, писал: “И они народ сильный и могучий и ходят в дальние места с целью набегов, а также плавают они на кораблях в Хазарское море, нападают на корабли и захватывают товары. Храбрость их и мужество хорошо известны, так что один из них равноценен многим из других народов. Если бы у них были лошади, и они были наездниками, то они были бы страшнейшим бичом для человечества” [39, с. 111–112].

В V–VI вв. между славянами и Византийской империей наблюдалась не только конфронтация, но происходило и активное сотрудничество. Восточное славянство, высоко ценимое за воинскую доблесть и мастерство, активно привлекалось данной великой державой для защиты своих рубежей, для чего из них формировались целые воинские подразделения.

В 536 г. византийский император Юстиниан начал войну против королевства остготов в Италии. Армию империи возглавил Велисарий. В 540 г. столица остготов город Равенна пала, и король Витигис был пленен. Значимый вклад внесли в это и славянские отряды, воевавшие в составе византийской армии.

Прокопий свидетельствует: “...подошли Мартин и Велисарий, ведя 1600 конных воинов. И среди них больше всего было гуннов, и склавинов, и антов, которые обретаются за рекой Истром (Дунаем), недалеко от тамошнего берега. Велисарий же обрадовался их появлению и подумал, что им, наконец, следует сразиться с врагом”. Оборонял же Велисарий от готов Рим. Отряд гуннов и славян пришел на помощь Велисариию около середины апреля 537 г. [34, с. 29]. Их помощь была весьма существенна в решении тактических и стратегических задач империи.

От Прокопия узнаем то, что анты “искуснее всех умеют сражаться в труднодоступных местностях”. Именно поэтому 300 антов в 542–547 гг. охраняли ущелье, ведущее в итальянскую провинцию Лукания.

Из приведенных выше данных можно сделать вывод о том, что в VI в. между Византией и антами существовал военный союз. Но едва ли он распространялся на “склавинов”, ибо в 548 г., согласно Прокопию, “войско склавинов, перейдя реку Истр, сотворило ужасное зло по всему Иллирику вплоть до Эпидамна (совр. г. Дуррес в Албании), убивая и поработывая всех взрослых людей, которые им попадались, и грабя имущество. Также удалось им овладеть там и многими крепостями, считавшимися раньше надежными, причем ни одна не оказала сопротивления; они

рыскали в поисках (добычи) везде, где хотели. А архонты Иллирика следовали (за ними), имея пятнадцатитысячное войско, и тем не менее не осмеливались приблизиться к противнику” [39, с. 100].

Прокопий Кесарийский, характеризуя воинское искусство славян, подчеркивал: “Вступая в битву, большинство из них идет на врагов со щитами и дротиками в руках, панцирей же они никогда не надевают; иные не носят ни рубашек (хитонов), ни плащей, а одни только штаны, стянутые широким поясом на бедрах, и в таком виде идут на сражение с врагами. У тех и других один и тот же язык, достаточно варварский” [39, с.100–101].

Н.М. Карамзин, анализируя и обобщая труды античных историков, посвященные воинскому искусству восточных славян, акцентировал внимание на том, что: “Византійські Історики пишуть, що Славяне, сверхъ ихъ обыкновенной храбрости, имѣли особенное искусство биться въ ущельяхъ, скрываться въ травѣ, изумлять непріятелей мгновеннымъ нападеніемъ и брать ихъ въ плѣнь. Такъ знаменитый Велисарій, при осадѣ Авксима, избралъ въ войскъ своемъ Славянина, чтобы схватить и представить ему одного Гота живаго. Они умѣли еще долгое время таиться въ рѣкахъ и дышать свободно посредствомъ сквозныхъ тростей, выставляя конецъ ихъ на поверхность воды. – Древнее оружіе Славянское состояло въ мечахъ, дротикахъ, стрѣлахъ, намазанныхъ ядомъ, и въ большихъ, весьма тяжелыхъ щитахъ” [11, т. I, гл. III, с. 34].

В “Стратегионе” значительное внимание уделялось стратегии ведения боевых действий славянами: “Каждый вооружен двумя небольшими копьями, некоторые имеют также щиты, прочные, но трудно переносимые (с места на место). Они пользуются также деревянными луками и небольшими стрелами, намоченными особым для стрел ядом, сильнодействующим, если раненый не примет раньше противоядия или (не воспользуется) другими вспомогательными средствами, известными опытным врачам, или тотчас же не обрежет кругом место ранения, чтобы яд не распространился по остальной части тела” [39, с. 101].

Весной 550 г. три тысячи славян перешли Дунай (Истр) и реку Марицу (Тибр) и разделились на два отряда. Архонты Иллирика и Фракии, имея численное превосходство, вступили в сражение со славянами и потерпели поражение. Вскоре со славянами вступил в сражение телохранитель императора Юстиниана Асвад, командовавший отборной конницей. “И их склавины опрокинули безо всякого труда”. Асвада пленили, “а потом сожгли его, бросив в пламя костра, предварительно из спины этого человека нарезав ремней” [39, с. 30].

Отряд славян, одолевший Асвада, дошел до моря и штурмом взял город Топир (совр. г. Ксанти). Прокопий рассказывает о том, как славяне расправлялись с горожанами: “Очень крепко вбив в землю колья и сделав их весьма острыми, с большой силой насаживали на них несчастных, направляя острие кола между ягодицами и вгоняя вплоть до внутренностей человека... Кроме того, вкопав в землю на значительную глубину четыре толстых столба, привязывая к ним руки и ноги пленных, а потом, непрерывно колотя их дубинами по голове, варвары эти убивали (людей) наподобие собак, змей или другого, какого животного. А иных они, запирая в сараях вместе с быками и овцами, которых не могли угнать в родные места, безо всякой жалости сжигали”. Однако в этот раз славяне убили не всех попавшихся им на пути. Возвращаясь к Дунаю, славяне гнали с собой “бессчетные тысячи пленных” [39, с. 30].

В.Ф. Малиновский, определяя причины войн, отмечал: “В варварском своем состоянии находились народы в беспрестанном страхе друг от друга. Храбрость и все военные достоинства почитались превыше всех прочих” [2, с. 292]. На основании этого В.Ф. Малиновский заключал: “Если война есть неизбежное зло, то по крайней мере должно ограничить ее свирепость... Вначале люди против зверей, а после люди против людей соединились...” [2, с. 292].

Боевые навыки славян, их поведение на войне определялась их сакральными языческими воззрениями, мифологическими представлениями: “Поревит – бог войны, изображался с пятью лицами. Многоликость обозначала силу и непобедимость. Оборониться от него трудно – всяк

брешь найдет; одолеть невозможно, с какой стороны не подойди, все видит. Умиротворен этот бог лишь тогда, когда меч обогрен кровью врага. Да и то ненадолго; проходит время, и снова Поревит требует жертву, и снова племя идет на племя, восхваляя своего бога” [44, с.153].

Руевит (Ругевит) – бог войны у балтийских славян (о. Рюген). Изображался семиликим с семью мечами на бедре и с восьмым в руке. Деревянные куколки этого бога войны брали с собой, когда отправлялись в поход. А большой деревянный идол стоял на возвышенности, угрожая врагам и защищая от всякой напасти. Руевиту жертвовали перед походом и после, особенно если поход был удачным. Многоликость бога у древних обозначала его всемогущество и неуязвимость [44, с. 167].

В ходе походов славянства на земли Византии, они осуществляли процесс колонизации части ее земель и при этом привлекались на службу империей. Н.М. Карамзин отмечал: “Они спокойно жительствовавши в Имперіи, какъ бы въ собственной землѣ своей, увѣренные въ безопасной переправѣ черезъ Дунай: ибо Гепиды, владѣвшіе большею частію съверныхъ береговъ его, всегда имѣли для нихъ суда въ готовности. Между тѣмъ Юстиніанъ съ гордістю величалъ себя Антическимъ или Славянскимъ, хотя сіе имя напоминало болѣе стыдъ, нежели славу его оружія противъ нашихъ дикихъ предковъ, которые безпрестанно опустошали Имперію или, заключая иногда дружественные съ нею союзы, нанимались служить въ ея войскахъ и способствовали ихъ побѣдамъ. Такъ во второе лѣто славной войны Готской (въ 536 году) Валеріанъ привелъ въ Италію 1600 конныхъ Славянъ, и Римскій Полководецъ Туллианъ ввѣрилъ Антамъ защиту Луканіи, гдѣ они въ 547 году разбили Готскаго Короля Тотилу” [11, т. I, гл. I, с. 12].

В середине лета 550 г., согласно Прокопию, полчище склавинов, какого еще не бывало, вступило в ромейскую землю. И перейдя реку Истр, они появились в окрестностях Наисса (совр. г. Ниш).

В это время в городе Сардике (совр. г. София) вновь назначенный командующий войсками империи Герман собирал силы для похода в Италию. Прокопий повествует, что “имя Германа снискало великую славу как раз среди этих варваров, и вот почему: когда царствовал Юстин, дядя Германа, анты, живущие поблизости от склавинов, перейдя реку Истр, огромным войском вторглись в землю ромеев”. Герман антов разбил. Славяне, узнав, что перед ними Герман, отказались от первоначального плана похода на Фессалонику и, пройдя горами Иллирии, оказались в Далмации.

Зиму 550–551 гг. славяне впервые провели в пределах империи, не отступив за Дунай. Селиться отдельные группы славян к югу от Дуная начали с начала VI в. О зимовке 550–551 гг. Прокопий сообщает, что славяне, “разделившись на три части, сотворили ужасное зло по всей Европе, не в набегах грабя тамошние области, но зимую, будто в собственной стране, и не боясь никакой опасности”.

Император Юстиниан послал на славян армию. “Склавины стояли лагерем на горе, которая возвышается там, а ромеи – на равнине, неподалеку”. В произошедшем сражении византийцы потерпели сокрушительное поражение [34, с. 30]. Прокопий свидетельствует: “Там гибнут многие лучшие воины, а полководцы, едва не попав в руки неприятеля, насилу спаслись с остатками (войска), бежав, куда кто мог”.

Опустошив лежащую между городами Андрианоподем и Филиппоподем область Астику, славяне подступили к Длинным стенам. То был внешний рубеж обороны столицы, отстоящий от Византии в 50 км. Длинные стены брали начало на берегу Черного моря у Деркоса и тянулись до побережья Мраморного моря к Силимври. Выстроены стены были в 512 году.

Осенью 551 г. и весной 552 г. славяне продолжали разорять Иллирию. Император Юстиниан послал войско, но оно не решалось вступить в сражение со славянами. Переправлялись на левый берег Дуная славяне при помощи германского народа гепидов.

Гепиды “приняли их и преправили за огромные деньги: за каждую голову плата была – по золотому статире”.

Прокопий пишет: “Думаю, что при каждом вторжении оказывалось более чем по 200000 погубленных и поработанных там ромеев, скифская пустыня впрямь стала повсюду в этой земле...” [34, с. 30–31].

В.Ф. Малиновский, анализируя превратности, жестокости и ужасы войны как социальной аномалии, отмечал: “Привычка делает нас ко всему равнодушными. Ослепленные оною, мы не чувствуем всей лютоги войны. Война заключает в себе все бедствия, которым человек по природе своей может подвергаться, соединяя всю свирепость зверей с искусством человеческого разума, устремленного на пагубу людей. Она есть адское чудовище, которому везде следует отчаяние, ужас, скорбь, болезни, бедность и смерть... Войны не соответствуют ни человеколюбию, ни просвещению”. На основании этого В.Ф. Малиновский заключает: “Войны могут быть извинительны для наших предков, когда они были погружены в варварство и не знали другой славы кроме той, чтобы разорять и убивать” [2, с. 291].

Таким образом, “вписать” себя в геополитическую реальность рассматриваемого периода как этнос, обретающий зачатки государственности, можно было лишь путем военной экспансии, силы и могущества. В начале VII в. монахом из Солуни (современные Салоники) было написано “Сказание о чудесах св. Дмитрия”, где отмечалось: “Поднялся народ славянский, бесчисленное множество из дрогудитов, сагудатов, велегезитов, веунитов, верзитов и прочих племен. Научившись делать лодки из одного дерева и снарядив их для плавания по морю, они опустошили всю Фессалию и расположенные кругом нее и Эллады острова, еще же и Кикладские острова и всю Ахею, Эпир и большую часть Иллирика и часть Азии и сделали необитаемыми многие города и области. Составив общее решение идти на христоролюбивый сей город, чтобы и его разорять, как и другие города, они пригнали в приморское место выдолбленные из цельного дерева лодки, которых было бесчисленное количество, прочие же в неизмеримом числе окружили богохранимый сей город с востока, севера и запада и со всех сторон, имея при себе свои семьи с хозяйством в том намерении, чтобы по взятии города поселиться в нем... Всему славянскому народу условлено было сразу и неожиданно напасть на стену. Находившиеся на судах славяне позаботились защитить их сверху досками и покрыть так называемыми вирсами (кожами), дабы, когда лодки подойдут к стене, сделать неуязвимыми гребцов со стороны тех, которые будут со стен бросать камни или пускать стрелы” [39, с. 111].

Известный византийский историк, военный чиновник и придворный в Константинополе Прокопий Кессарийский (VI в.), рассматривая вопросы славянской колонизации Балкан, отмечал в работе “Война с готами”: “Приблизительно в это время войско славян, перейдя реку Истр, произвело ужасающее опустошение всей Иллирии вплоть до Эпидамна, убивая и обращая в рабство всех попадавшихся навстречу, не разбирая пола и возраста и грабя ценности. Даже многие укрепления, бывшие тут и в прежнее время, казавшиеся сильными, так как их никто не защищал, славянам удалось взять; они разбрелись по всем окрестным местам, совершенно свободно производя опустошения. Начальники Иллирии с пятнадцатитысячным войском следовали за ними, но подойти к неприятелю близко они нигде не решались.

Позднее император послал против них отборное войско. Это войско захватило часть варваров около Адрианополя, города, который лежит посреди Фракии, на расстоянии пяти дней пути от Византии. Дальше уже варвары двинуться не могли: ведь они имели с собой бесчисленную добычу из людей, всякого скота и ценностей. Оставаясь там, они решили вступить с врагами в открытый бой, но собирались сделать это так, чтобы те даже и не предчувствовали, что они этого хотят. Славяне стояли лагерем на горе, которая тут возвышалась, римляне – на равнине, немного поодаль. Так как уже прошло много времени, как они стояли так друг против друга, то римские воины стали выражать нетерпение и позволять

себе недопустимые поступки, упрекая вождей, что вот они, как начальники римского войска, имеют для себя продовольствие в изобилии, а не обращают внимания на солдат, мучимых недостатком в предметах первой необходимости, и не хотят вступить с врагами в бой. Под их давлением военачальники начали сражение. Произошел сильный бой, и римляне были разбиты наголову. Здесь погибло много прекрасных воинов; военачальники, которым грозила близкая опасность попасть в руки врагов, с остатками армии, с трудом спаслись бегством, кто куда мог. Варвары захватили знамя Константина и, не обращая внимания на римское войско, двинулись дальше. Они получили возможность ограбить местность, так называемую Астику, с древнейших времен не подвергавшуюся разграблению, и поэтому им удалось получить отсюда большую добычу. Таким образом, опустошив большую область, варвары подошли к “Длинным стенам”, которые отстоят от Византии немногим больше одного дня пути” [39, с. 109–110].

Ожесточенность славян в период их нашествий в Византию Н.М. Карамзин объяснял тем, что “...греки, озлобленные ихъ частыми нападеніями, безжалостно терзали Славянь, которые попадались имъ въ руки, и которые сносили всякое истязаніе съ удивительною твердстію, безъ вопля и стона; умирали въ мукахъ и не отвѣтствовали ни слова на распросы врага о числѣ и замыслахъ войска ихъ. Такимъ образомъ, славяне свирѣпствовали въ Имперіи и не щадили собственной крови для пріобрѣтенія драгоценностей, имъ ненужныхъ: ибо они – вмѣсто того, чтобы пользоваться ими, – обыкновенно зарывали ихъ въ землю” [11, т. I, гл. III, с. 36].

Решительность, храбрость и жестокость были визитной карточкой древних славян в их взаимоотношениях с великой Византийской империей, что свидетельствует о переходе от родоплеменных отношений к классовым, характерным признаком которых является формирование профессиональных воинов и их предводителей, аккумулирующих в ходе военных походов значительные материальные ценности, что, в свою очередь, стимулировало дальнейшее классовое расслоение славян: “Иногда гонимые сильнейшими Легіонами Имперіи, и не имѣя надежды спасти добычу, Славяне бросали ее въ пламя, и врагамъ своимъ оставляли на пути однѣ кучи пепла. Многіе изъ нихъ, не боясь поиска Римлянъ, жили на полуденныхъ берегахъ Дуная въ пустыхъ замкахъ или пещерахъ, грабили селенія, ужасали земледельцевъ и путешественниковъ. – Лѣтописи VI вѣка изображаютъ самыми черными красками жестокость Славянь въ разсужденіи Грековъ; но сія жестокость, свойственная впрочемъ народу необразованному и воинственному, была также и дѣйствіемъ мести” [11, т. I, гл. III, с. 35]. Н.М. Карамзин особо отмечает, что жестокость не являлась природным свойством древних славян: “Сіи люди, на войнѣ жестокіе, оставляя въ Греческихъ владѣніяхъ долговременную память ужасовъ ея, возвращались домой съ однимъ своимъ природнымъ добродушіемъ” [11, т. I, гл. III, с. 35].

После гибели императора Маврикия 27 ноября 602 г. дунайский рубеж обороны империи рухнул. Это было эпохальное событие, ибо рубеж по Дунаю более шести столетий задерживал полчища скифов, сарматов, германцев, гуннов, славян, авар и болгар. Причиной ряда поражений было то, что империя начала погружаться в смуту. То была извечная болезнь всех великих государств, подчас оказывавшаяся смертельной. Сотник Фока стал императором, и при нем вновь началась война с Персией.

Балканы, как минимум на полстолетия, оказались, по сообщениям византийских источников, едва ли не в безраздельной власти славян и авар. Переправы на Дунае были полны телег, лошадей, челнов и человеческого нетерпения. Балканы были буквально наводнены славянскими переселенцами и ордами тюркских всадников. Первая половина VII в. на Балканах походила на весенний паводок. Только вместо воды пошла бесконечная череда людей. Славяне переходили Дунай не просто родами, но целыми союзами. Ромейское население придунайских городов в панике бежало на юг, под защиту стен Фессалоник и Византии. Сил у ромеев хватало на оборону этих городов, но не более [34].

В 582–610 гг. славяне несколько раз предпринимали и устраивали долговременные осады города Фессалоники (Солунь). После 602 г. нападения на город участились и приняли угрожающий характер.

Феодор Синкел в “Слове на перенесение честной ризы Богородицы во Влахернах” описал события 617 г. и штурм славянами Константинополя: 7 августа 617 года начался штурм столицы империи: “На море были снаряжены славянские монаксилы, чтобы в бою в одно время и в один час против города началась одновременно и сухопутная и морская война. (Хагану) удалось превратить в сушу весь залив (Золотой) Рог, (заполнив) его моноксилами, везущими разноплеменные народы. Он считал, что именно это место подходит для нападения на город... И по всей стене и по всему морю раздавался неистовый вопль и боевые кличи”.

Феодор Синкел далее повествует: “Такое множество убитых врагов (пало) на каждом участке стены и столько повсюду погибло неприятелей, что варвары даже не смогли собрать и предать огню павших. А в состоявшемся на море сражении Богородица потопила их моноксилы вместе с командами перед собственным ее божьим храмом во Влахернах...”

Славяне шли по земле Балкан старыми дорогами империи либо долинами рек. Крупные города-порты, расположенные по побережью Адриатического, Средиземного, Эгейского, Черного морей, оставались в руках ромеев. Занятые славянами в VII в. земли на Балканах именовались авторами средних веков *Sclovenia*, а их население – *Scloveni*. Славянские земли на Балканах делились на жупы. Это были территориальные округа, занимавшие долины рек и управлявшиеся жупанами [34, с. 40].

Описывая последствия славянских походов на земли Византийской империи, Н.М. Карамзин, суммируя свидетельство византийских хроник, отмечал: “Ослыпленные безразуднымъ корыстолюбиемъ, они искали мнимыхъ сокровищъ въ Греціи, имья въ странъ своей, въ Дакіи и въ окрестностяхъ ея, истинное богатство людей: тучные луга для скотоводства и земли плодоносныя для хлѣбопашества, въ коемъ они издревле упражнялись, и которое вывело ихъ – может быть, еще за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова – изъ дикаго, кочевого состоянія: ибо сіе благодѣтельное искусство было вездѣ первымъ шагомъ челоуѣка къ жизни гражданской, вселило въ него привязанность къ одному мѣсту и къ домашнему крову, дружество къ сосѣду и наконецъ самую любовь къ отечеству” [т. I, гл. III, с. 38].

Славяне сыграли ту же роль в становлении и развитии феодальных отношений в Византии, какую германцы – в Западной Европе. Славяне, поселившиеся на территории Византийской империи, внесли большой вклад в разрушение рабовладельческой системы в Византии, так же как германцы – в крушение рабовладельческого Рима. При этом, соприкасаясь с государственностью великой державы, восточные славяне воспринимали элементы державности Византии, у них интенсифицировались процессы классовобразования, славянство вписало себя в геополитическую карту Европы и Азии. Николло Макиавелли в произведении “Государь”, рассматривая аспекты взаимовлияния различных форм государственности друг на друга, писал: “Говоря о вновь возникающих государствах, привожу примеры знаменитейших государств древности. Люди в своих делах почти всегда идут по проторенной дороге и действуют, подражая кому-либо или чему-либо, хотя им не удастся никогда не сравниться в добродетелях с теми, кому они подражают, ни совершенно точно следовать по избранному пути...” [45, с. 36].

Таким образом, в ходе военно-колониационного продвижения восточного славянства на земли великой державы того периода – Византийской империи – происходили динамичные процессы классовой дифференциации в среде славян, шло творческое освоение опыта функционирования европейской модели государственности в соответствии с ментальностью, обычаями и нравами славянского этноса, произошло конституирование молодой славянской державности на евроазиатском геополитическом пространстве.

Мудрость состоит в пристальном наблюдении за тем, как “растут” люди и государства.

Конфуций

К началу IX века образовалась Киевская Русь – великая держава, собиравшая дань как со славянских, так и неславянских племен и торговавшая с размахом, от Франции до волжских булгар, до Тегерана и Багдада. Киевские князья говорили на равных с византийскими императорами.

Б.А. Рыбаков

РАЗДЕЛ 10. ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ КИЕВСКОЙ РУСИ. АСКОЛЬД И ДИР

В ходе военных походов, колониционного движения восточного славянства, в их общественном устройстве происходили значительные изменения. Так, до интенсивных военных предприятий и колониционного движения, восточному славянству было характерно, по замечанию Н.М. Карамзина то, что: “Сей народъ, подобно всъмь инымъ, въ началъ гражданскаго бытія своего не зналъ выгодъ правленія благоустроеннаго, не терпѣлъ ни властелиновъ, ни рабовъ въ земль своей, и думалъ, что свобода дикая, неограниченная, есть главное добро челоувка. Хозяинъ господствовалъ въ домъ: отецъ надъ дѣтьми, мужъ надъ женою, братъ надъ сестрами; всякой строилъ себѣ хижину особенную, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ прочихъ, чтобы жить спокойнѣе и безопаснѣе. Лѣсъ, ручей, поле, составляли его область, въ которую страшились зайти слабые и невооруженные. Каждое семейство было маленькою, независимою Республикою; но общіе древніе обычаи служили между ими нѣкоторою гражданскою связію” [11, т. I, гл. III, с. 43].

Военные походы, колонизация восточным славянством обширных территорий Византийской империи, вызвала ускоренные процессы классовой дифференциации в его среде, “взорвала” патриархальность уклада бытия восточного славянства: “Въ теченіе временъ сія дикая простота нравовъ должна была измениться. Славяне, грабя Имперію, гдѣ царствовала роскошь, узнали новыя удовольствія и потребности, которыя, ограничивъ ихъ независимость, укрепили между ними связь гражданскую. Они почувствовали больше нужды другі въ другъ, сблизились жилищами и завели селенія; другіе, видя въ чужихъ земляхъ грады великолѣпныя и веси цвѣтушія, разлюбили мрачныя лѣса свои, нѣкогда украшаемые для нихъ одною свободою; перешли въ Греческія владѣнія и согласились, зависѣть отъ Императоровъ” [11, т. I, гл. III, с. 43].

Описывая время, когда происходил переход от родоплеменных отношений к государству, Нестор отмечает, что в различных восточнославянских областях были “свои княжения”. Это подтверждается данными археологии. По особенностям погребального обряда можно судить о границах территорий, которые занимали как небольшие племена, так и обширные племенные союзы.

Б.А. Рыбаков, рассматривая проблему становления и развития славянской государственности отмечал, что “Киевское государство рождалось не сразу, но высокая точка почти государственного уровня появилась за полторы тысячи лет до общепризнанного периода Киевской Руси” [38, с. 44].

В.В. Седов акцентирует внимание на том, что VI–VII веками завершается последний период праславянской истории. Расселение славян на обширнейших пространствах, их активное взаимодействие с иноэтническими племенами привели к культурной дифференциации славянского мира и членению единого языка на отдельные славянские языки. С VIII в.

наступает новый этап славянской истории, когда в результате сложных миграционных пертурбаций и ассимиляционных процессов формируются средневековые племенные объединения славян, известные по письменным источникам, а на отдельных славянских землях складываются первые государственные образования [14, с. 142].

О сдвигах в социально-экономических отношениях к IX–X вв. свидетельствуют изменения в характере погребальных обрядов, форм поселений, наблюдаемые почти во всех славянских землях. Там, где были коллективные родовые усыпальницы, появляются индивидуальные или парные погребения под небольшой курганной насыпью. Это означает, что отдельные семьи повсеместно выделились как производственные единицы, разорвав древние родовые связи. Данный общий процесс являлся отражением новых явлений во внутренней жизни славян – возникновения сельских соседских общин и постепенного перехода к феодализму. Среди археологических памятников IX в. встречаются городища со многими сотнями изб. Это поселения широко разросшихся сельских общин [19, т. II, с. 246].

Тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить.

Ф. Достоевский “Братья Карамазовы”

10.1. АСКОЛЬД И ДИР – ПРЕДСТАВИТЕЛИ СЛАВЯНСКОЙ ДИНАСТИИ КИЕВИЧЕЙ

Важнейший период в истории славянской государственности и цивилизации связан с именами славянских князей – Аскольда и Дира – преемников и продолжателей славянской династии Кия.

В некоторых поздних русских летописях (например, в Никоновском своде XVI в.) сохранился текст, возможно, представляющий собой утраченную часть труда Нестора и посвященный Руси IX столетия, до того времени, когда туда проникли варяги. В этом интересном отрывке рассказывается о киевском князе Оскольде (Аскольде) или о двух князьях – Аскольде и Дире, которые, как можно предполагать, исходя из текста, не были варягами. Славянский князь Дир известен и арабскому автору X в. Масуди.

Когда норманны после некоторой борьбы проникли в Новгород (где захватил власть варяжский конунг Рюрик) и стали собирать дань с полочан и кривичей, киевский князь Аскольд (происходивший из династии Кия) организовал два похода – в Полоцкую и Кривичскую земли [19, т. II, с. 248].

О том, что данное древнеславянское государство еще в донорманнский период проводило активную внешнюю политику свидетельствует то, что о ранних контактах русов с Византией сохранились следующие сообщения: в конце VIII – первой четверти IX в. русы напали на Сурож – византийскую колонию в Крыму; между 825 и 842 гг. флот русов опустошил Амастриду – город в византийской провинции Пафлагонии, на северо-западе полуострова Малая Азия; в 838–839 гг. послы русов, возвращавшиеся из Константинополя, оказались проездом в Ингельгейме – резиденции императора Людовика Благочестивого [41, с. 6].

В начале IX в. русское войско воевало в Крыму “от Сурожа до Корчева” (от Судака до Керчи). Примерно в это же время русы совершили поход на южное побережье Черного моря. В середине IX в., по сообщению арабского писателя Ибн Хордадбега, русы (“племя из славян”) плавали через Керченский пролив в Азовское море, поднимались Доном до его сближения с Волгой и спускались в Каспийское море, доходя сухим путем до Багдада. Другие восточные авторы различают для этого времени русов и славян, подразумевая, очевидно, под русами дружины государства Руси, а под славянами – другие славянские племена, еще не вошедшие в

состав этого государства. Первым городом Русской державы они называют Куябе-Киев [19, т. II, с. 249].

Рассматривая вопросы становления государственности Древней Руси, Л.Н. Гумилев отмечал: “Меньше известно о Русском каганате. При нехватке сведений принято искать их у авторов (главным образом географов) соседних народов. Такие сведения есть, но тоже очень скудные. В 839 г. послы “кагана Руси” были опознаны в Ингельгейме при дворе Людовика Благочестивого. Они попали туда окружным путем из Константинополя, так как прямой путь был закрыт какими-то врагами, возможно мадьярами, а может быть, уличами и тиверцами, противниками мадьяр. Эти послы были приняты за шведов, с которыми франкский император в это время вел войну. Дальнейшая судьба послов неизвестна. Надо учитывать, что Русский каганат был изолирован от стран, имевших письменную географию: Хазарский каганат отделял его от мусульманского Востока, Болгарский – от Византии, Аварский – от Германии. Вот почему сведения о русах IX в. были столь неполны и отрывочны. И вот почему немецкие авторы IX в. могли спутать забытых россомонов со шведами: те и другие были скандинавы, хотя предки россомонов еще в I–II вв. покинули родину. Россомоны упоминаются готским историком Иорданом (IV в.) как противники готов и союзники гуннов. В VIII в. греческие и арабские авторы называют их россы или русы” [7, с. 155–156].

Важным этапом развития Древнерусской державы были VIII–IX века. Именно тогда, по Нестору, в Среднем Подднепровье сформировалось государственное объединение полян, древлян и северян – Русская земля.

П.П. Толочко, рассматривая этапы становления государственности Руси, отмечал: “Под 862 годом киевскими князьями в “Повести временных лет” названы Аскольд и Дир, которые якобы вначале были боярами Рюрика, но, отпросившись у него в поход на Константинополь, попутно овладели Киевом. Эта версия, распространенная в зарубежной литературе, была убедительно опровергнута еще А.А. Шахматовым. Анализ летописных сообщений привел его к выводу, что эти князья были потомками Кия, последними представителями местной Киевской династии. В последствии к аналогичным выводам пришли Б.А. Рыбаков, М.Н. Тихомиров и другие ученые” [42, с. 98].

Эти данные подтверждают свидетельства хрониста Яна Длугуша, который писал, что после смерти Кия, Щека и Хорива, наследовавшие их по прямой линии дети и племянники много лет правили у русских, пока власть по наследственности не перешла к двоим родным братьям – Аскольду и Диру [42, с. 98].

По сообщениям Масуди, Дир был наиболее известным правителем из славянской династии, владел многими городами, огромными территориями, а в столицу славянского государства – Киев – приезжали не только европейские, но и восточные купцы.

Л.Н. Гумилев, анализируя данные “Повести временных лет” о становлении русской государственности, привлекая для этого значительный исторический материал, отмечал: “Потомки антов IV в., победившие совместно с россомонами и гуннами готов, к началу IX в. имеют свой “каганат”, т.е. суверенное государство с центром в Киеве, и царя по имени Дир. Слово *dir* во всех кельтских языках означает “знатный”, “сильный”, “верный”, “крепкий”.

Значительно больше данных сохранилось про Аскольда. Личность князя полян Аскольда вполне исторична. Возможно, именно Аскольд стал последним правителем из династии полянских князей, родоначальником которой был Кий. Весьма показательно, что Н.М. Карамзин приводит весомый довод существования славянской династии в дорюриковский период развития Киевской Руси, акцентируя внимание на том, что “Самое имя Князя, данное нашими предками Рюрику, не могло быть новым, но без сомненья и прежде означало у них знаменитый санъ гражданскій или воинскій” [11, т. I, гл. III, с. 47–48].

Отрывочные сведения Никоновской летописи, заимствованные из неких древних, не дошедших до нашего времени источников, представляют Аскольда выдающимся государственным деятелем, который не только занимался внутренними делами Руси, но и достойно представлял ее на международной арене. Про это свидетельствуют его походы на Константинополь, на печенегов, на волжских болгар.

Н.М. Карамзин, анализируя данные “Повести временных лет” о славянских князях Аскольде и Дире, отмечает: “Хотя Летописец молчит о воинских дѣлахъ Аскольда и Дира въ странахъ Днѣпровскихъ: оружіе безъ сомнѣнія решило, кому начальствовать надъ миролюбивыми Полянами...” [11, т. I, гл. IV, с. 72–73].

М.Ф. Котляр, рассматривая закономерности государствообразующих процессов у восточного славянства, подчеркнул, что государства не рождаются мгновенно, а те, которые создаются таким способом при помощи меча, оказываются недолговечными, рассыпаются, как крепости из песка, после смерти их создателя. Классический пример этого – империя Александра Македонского.

Государственность – это закономерный результат развития общества, достижения такого уровня общественно-экономической эволюции, когда державность становится исторической необходимостью. Характерно, что еще до IX века – до периода формирования восточнославянской державы – на необозримых просторах Восточной Европы то в одном, то в другом месте формировались зародыши будущего славянского единства [46, с. 7].

По мнению А. Тойнби, развитие цивилизации, в том числе и государственности, – это постоянный и кумулятивный процесс внутреннего самоопределения и самовыражения, так называемая этерализация ценностей (возвышение) и усложнение ее аппарата и технологий [2, с. 45].

И.Н. Данилевский акцентирует внимание на том, что “благодаря тесной связи между образованием государства и образованием народности в сознании людей раннего Средневековья смешивалось сознание принадлежности к определенной народности и сознание связи с определенным государством, этническое самосознание и государственный патриотизм тесно переплетались между собой. Это и неудивительно, так как в условиях раннего Средневековья именно наличие особого “своего” государства, прежде всего, отделяло ту или иную народность от иных частей славянского мира. В некоторых случаях возникновение государственного патриотизма предшествовало возникновению сознания принадлежности к особой народности. Так, термин “Русь” в IX–X вв. обозначал особое государство – “Русскую землю” и лишь к XII в. стал обозначать всех восточных славян, живущих на территории этого государства” [24, с. 169].

Исторические факты свидетельствуют, что еще в донорманнский период существовала славянская государственность Киевской Руси, наглядно заявлявшая о себе походами против великой державы того исторического периода – Византии.

Взаимоотношения Византийской империи и Древней Руси первой половины IX века (т.е. доваряжского периода) были противоречивы, драматичны, но при этом стабильны. В данный исторический период восточнославянский фактор занимал значительное место в военных, дипломатических и стратегических планах великой державы – Византии [100, с. 35–38].

П.П. Толочко обращает внимание на то, что находки византийских предметов импорта V–VIII вв., в том числе и монет, свидетельствуют о наличии торговых связей между Византией и восточнославянскими межплеменными союзами.

С конца VIII – в начале IX в. интерес Руси к черноморским рынкам усиливается. Отчуждаемый посредством “полюдь” прибавочный продукт подвластных племен становился важнейшим источником русского экспорта. Реализация его на черноморских рынках вызывала определенное противодействие со стороны Византии. Видимо, именно в этом кроется причина походов русских дружин в конце VIII – начале IX в. в Крым и Амастриду. Экономический

интерес, вероятно, составлял и главную цель русского посольства 838–839 годов в Константинополь [16, с. 57–58].

Рассматривая данный период развития Древней Руси, М.Ф. Котляр обращал внимание на то, что время правления Аскольда было периодом становления феодальных отношений на Руси. Это привело к постепенному формированию государственного образования – наиболее значимого в восточнославянском сообществе, занимавшем значительную территорию в Среднем Поднепровье. Условное название этого образования – Киевское или Полянское княжество [46, с. 12].

Характерно, что в соответствии с духом времени рождение государственных образований у восточных славян знаменовалось и первыми крупными военными предприятиями, целью которых было как объединение славянских и других окрестных племен, так и защита внешнеполитических интересов феодализирующейся знати и растущего купечества. Первыми жертвами оказались богатые крымские и малоазиатские города Византийской империи. В источниках отложились не только факты самих нападений, но и ход последовавших за конфликтами переговоров, а также условия мирных договоров, заключенных русами с местными византийскими властями под стенами Суружа и Амастриды.

В византийских церковных источниках IX в. отразились факты нападения русских воинов на крымские владения Византии: на города Херсонес, Керчь и Суруж. В том же IX в. русы атаковали и малоазиатские владения Византии, пройдя огнем и мечом от Пропонтиды (Босфора) до города Амастриды. Это было время, когда Русь, освободившись от ига хазар, выходила на самостоятельный государственный путь, когда вокруг Киева и Новгорода формировались крупные конфедерации племен “военно-демократического типа”.

Известный российский историк М.Н. Тихомиров акцентировал внимание на том, что византийские государственные деятели (как это ощущалось в ходе визита русского посольства в 838 г.) уже принимали в расчет военную мощь Руси в политических перипетиях Северного Причерноморья, однако они относились к ней как к одному из “варварских” народов, которые в течение предшествующих веков в великом множестве вырастали и исчезали на границах империи [48, с. 41].

Коренным образом изменило взаимоотношения Византии и Киевской Руси нападение русского войска на Константинополь в 860 году. Н.М. Карамзин, обобщая свидетельства о походе Аскольда и Дира на Константинополь, отмечал: “Прежде шли они въ Константинополь, вѣроятно, для того, чтобы служить Императору: тогда, ободренные своимъ успѣхомъ и многочисленностію войска, дерзнули объявить себя врагами Греціи. Судходный Днѣпръ благоприятствовалъ ихъ намъренію, вооруживъ 200 судовъ, сіи витязи Съвера, издревле опытные въ кораблеплаваниі, открыли себѣ путь въ Черное море и въ самый Боспоръ Фракіійскій, опустошили огнемъ и мечемъ берега его и скоро осадили Константинополь съ моря. Столица Восточной Имперіи въ первый разъ увидѣла сихъ грозныхъ непріятелей; въ первый разъ съ ужасомъ произнесла имя Россіянь. Молва народная возвьстила ихъ Скифами, жителями баснословной горы Тавра, уже побѣдителями многихъ народовъ окрестныхъ [11, с. 7].

В работе А.Н. Сахарова “Дипломатическое признание Древней Руси (860 год)” обращается внимание на то, что поход Аскольда и Дира на Константинополь в 860 году воспринимался как значимое всеевропейское событие: “В 860 г. в истории Восточной Европы произошло примечательное событие, взволновавшее современников от Константинополя до Рима и оставившее заметный след в византийских хрониках, церковных источниках, правительственной переписке. Отмечено оно позднее и в “Повести временных лет”. Ранним утром 18 июня 860 г. Константинополь подвергся неожиданной яростной атаке русского войска. Русы подошли со стороны моря, высадились около самых стен византийской столицы и осадили город” [49, с. 34–35].

П.П. Толочко, обобщая исторические сообщения о данном периоде развития славянства, отмечает, что время дуумвирата Аскольда и Дира было отмечено целой серией знаменательных событий. Особое значение приобрел поход русских дружин под руководством Аскольда на Константинополь в 860 году.

Невзирая на относительную неудачу, этот поход сыграл выдающуюся роль в утверждении международных позиций Киевской Руси. Осада Царьграда явилась своеобразным пунктом отсчета русской истории в греческих хрониках: со ссылкой на “летописание греческое” “Повесть временных лет” отмечает, что с этого периода “начася прозывати Руска земля” [42, с. 98–99].

Анализируя данные византийской хроники, церковных источников, “Повести временных лет”, необходимо подчеркнуть, что поход отразил более высокую, чем прежде, степень оборонительно-наступательных тенденций среди славянских племен, иной, чем ранее уровень их социально-экономического и политического развития, результатом чего и явился выход древнерусского государства на европейскую арену [50, с. 8–52].

Значимый интерес представляют византийские источники, непредвзято оценивавшие развитие государственности Киевской Руси доваряжского периода. Известия о нападении русов на Константинополь в 860 году мы встречаем в двух проповедях патриарха Фотия, непосредственного участника данных событий [100, с. 36–38].

Е.Н. Голубинский в работе “История русской церкви” отмечает: “Выступив в храме св. Софии по случаю нашествия русов, Фотий в первой проповеди обрушился на греховный Константинополь, который поразила божья кара – нашествие иноплеменников. Патриарх подробно рассказывает о том ужасе, который охватил город перед лицом врага, отмечает всю серьезность положения осажденных, дает описание нападавшего народа, поставившего столицу империи на грань катастрофы. Во второй проповеди, произнесенной тут же вслед за уходом русских войск, Фотий еще раз возвращается к ужасам нашествия, вновь дает характеристику нападавших, рассказывает об их внезапном отступлении и благодарит божественные силы, спасшие город от гибели. Позднее, в 867 г. в “окружном послании” восточным архиепископам Фотий еще раз вернулся к “страшным событиям 860 г.” и упомянул, что недавние враги империи – русы – ныне примирились с Византией и приняли христианство” [51, с. 32].

Данные свидетельства нашли и другие исторические подтверждения. Конкретную картину нашествия нарисовал в своих сочинениях другой греческий современник данных событий – Никита Пафлагонский, биограф смещенного Михаилом III патриарха Игнатия. В момент нашествия последний находился на одном из Принцевых островов в Мраморном море – Теринфе. Там его и застала “русская гроза”. В “Жизни святого Игнатия патриарха”, написанной около 880 г., Никита Пафлагонский, повествуя о нападении русских войск в 860 г. на острова, скупно, но выразительно развертывает конкретный ход событий [59, с. 594].

Прежде всего, русы напали на Константинополь в весьма трудное для Византийской империи время. Уже несколько лет она вела очередную тяжелую военную кампанию против арабов. Летом 858 г. византийский флот был разгромлен ими у берегов Апулии. В начале 859 г. арабы взяли штурмом византийскую крепость Кастроджованни в Сицилии и захватили огромную добычу и множество пленных. Греческий флот, посланный на выручку сицилийским грекам, был также разбит; по сведениям арабских писателей, греки потеряли 100 кораблей. 860 год не принес облегчения империи: греки вновь потерпели поражение в боях за сицилийские владения, на сей раз у города Чефалу. Весной 860 г. новая беда обрушилась на Византию: арабы начали наступление на ее владения со стороны Малой Азии. Император Михаил III повел из Константинополя 40-тысячное войско навстречу врагу. В то же время греческий флот ушел к Криту на борьбу с пиратами. Таким образом, столица оказалась практически беззащитной, в городе не было ни достаточного для обороны количества войск, ни флота, который мог бы

воспрепятствовать высадке неприятеля с моря. Оставшиеся в столице адмирал флота Никита Орифа, видный военачальник и государственный деятель, принимавший активное участие в войнах с арабами, и патриарх Фотий в случае вражеского нашествия могли надеяться лишь на мощь константинопольских стен, неоднократно защищавших город от “варваров”.

Именно этот момент и выбрали русские для нападения. Византийские источники дружно отмечают внезапность атаки и поэтому особенно впечатляющую ее силу. “Где теперь царь христоролюбивый? Где воинство? Где оружие, – машины, военные советы и припасы? Не других ли варваров нашествие удалило и привлекло к себе все это?” [53, с. 425] – вопрошал Фотий. Он откровенно говорил о полной неготовности греков к отражению нашествия: “Мы услышали весть о них, или лучше увидели грозный вид их” [53, с. 421]. Итак, первой вестью о русских явилось само их появление. “Неожиданное нашествие варваров, – продолжал он, – не дало времени молве возвестить о нем, дабы можно было придумать что-нибудь для безопасности” [43, с. 424] . “Ни на какое приготовление не надеялись,” – отмечается в “Слове” Георгия Хартофилакса [50, т. VI, с. 595].

В хронике продолжателя Георгия Амартола говорится, что греки узнали о нашествии лишь тогда, когда русские были уже у Мавропатама, близ Константинополя. Ни у царя, ушедшего с войском в Каппадию, ни у его сановников, отмечает автор, и в уме не было, что предстоит нападение русов “иже не у цареви, ни от их же поучавашаеся и в уме имеаша твориму безбожныхъ Русь взъвести нашьствие...” [50, т. 1, с. 242].

Удачность выбора момента для нападения вслед за византийскими источниками отразили и русские летописи. В “Повести временных лет” в разделе о нападении Руси на Константинополь (летопись датирует его 866 г.) содержится упоминание о том, что поход начался тогда, когда Михаил III увел войско из города против арабов “отшедшу на огаряны”. Никоновская летопись, связывая этот поход с именами Аскольда и Дира, утверждает, что эти князья знали о трудностях, возникших в ту пору на границах империи. В тексте, озаглавленном “О пришествии агарян на Царьград”, летописец сообщает, что “множество съвкупившееся агарян прихожу на Царьград и сия множицею творяще. Слышавше же киевстии князя Аскольдъ и Дирь, идоша на Царьград и много зла сътворивша”. В этом позднем тексте важна интерпретация событий летописцем, его убежденность, что в Киеве располагали определенными сведениями насчет трудного тогда внешнеполитического положения Византии [54, с. 229].

М.Ф. Котляр в работе, посвященной полководцам Древней Руси, отмечал, что данные про информированность князя Аскольда о положении в Константинополе в период похода императора Михаила III на войну с арабами, угрожавшим владениям Византии на Востоке и отплытием греческого флота на борьбу с пиратами, сохранились в Никоновской летописи, в которой указывается, что Аскольд “слышал” про выход императора с войском из столицы, потому и совершил поход [46, с. 13].

Князь Аскольд использовал фактор неожиданности: послал эскадру из 200 легких суден – однодеревок, которые на рассвете 18 июня 860 года проникли в Константинопольскую бухту. С них высадили десант, который молниеносно начал осаду гигантских стен столицы Византийской империи. Тем временем через несколько дней подошли сухопутные войска русов [46, с. 13].

Д.И. Иловайский высказал предположение, что русы знали об уходе греческой армии во главе с Михаилом III в Малую Азию. В.И. Ламанский отмечал, что неожиданностью нападения и совпадения русской атаки и наступления арабов в Малой Азии может говорить о взаимообусловленности этих событий. М.Д. Приселков, продолжая мысль В.И. Ламанского, решительно настаивал на возможности союза Руси и арабов, на закономерной синхронности их военных действий.

Все это позволяет сделать заключение о развитой донорманнской государственности Киевской Руси, так как взаимообусловленность, координация их действий с наступлением арабов в Малой Азии на владения Византийской империи с нападением русов в этот же период на ее столицу говорит о значимой дипломатической и разведывательной сферах деятельности древнерусского государства, о наличии разветвленного государственного аппарата.

По сообщениям источников, русы подходили к Константинополю одновременно и с моря, со стороны бухты Золотой Рог – суда, и с суши – со стороны крепости Иерон. Они обложили столицу со всех сторон. Ликующие их отряды проходили перед городскими стенами, а на вытянутых руках шагавших русов, как говорил патриарх Фотий, стояли их товарищи – с обнаженными мечами, “как бы угрожая городу смерти” [55, с. 19]. Пораженные, смотрели греки на демонстрацию могущества и дерзости своих противников. В тот же день по городу пополз слух, что русские уже преодолели стену и вошли внутрь Константинополя. А в это время гонец епарха Орифы скакал в Каппадакию, спеша сообщить страшную весть императору.

По сообщениям очевидцев, разом изменилась вся жизнь столицы. Страх и неуверенность овладели людьми. Затихли песни и танцы на улицах, прекратился пьяный разгул, который так обличал в своих проповедях патриарх Фотий. Греховодники молились, прося милости у Бога. Константинополь оцепенел. Именно в этот день Фотий обратился к своей пастве с проповедью, в которой ярко обрисовал впечатление, произведенное нашествием русов на жителей столицы. “Что это? Что за удар и гнев, столь тяжелый и поразительный? – вопрошал он. – Откуда нашла на нас эта северная и страшная угроза? Какие сгущенные облака наших страстей и каких судеб мощные столкновения воспламенили против нас эту невыносимую молнию?” [53, с. 419]. Фотий говорил о грозной силе русов, об их жестокости: “Народ вышел из страны северной, устремляясь как бы на другой Иерусалим, и племена поднялись от краев земли, держа лук и копье: они жестоки и немилосердны: голос их шумит как море. Мы услышали весть о них, или лучше, увидели грозный вид их, и руки у нас опустились... Не выходите в поле и не ходите по дороге, ибо меч со всех сторон” [53, с. 421].

Войска Аскольда взяли в кольцо Константинополь, овладели многими византийскими городами и селениями даже на побережье Мраморного моря. Жители столицы империи могли надеяться лишь на мощь городских стен, которые возводились и совершенствовались на протяжении столетий. Император Михаил, рискуя жизнью, сумел с небольшим количеством воинов пробраться в окруженный Константинополь. С минуты на минуту ожидали штурм и неизбежную гибель [46, с. 13–14].

Деятель такого государственного масштаба как Фотий не мог пойти на гротескное преувеличение масштаба нашествия на империю некоего племенного конгломерата – речь шла о славянской державе, владевшей мощной организацией, разветвленной системой государственности.

Данные Фотия подкрепляются и действиями императора Византийской империи Михаила III, который с большим трудом, бросив войска в Малой Азии, сумел пробраться в осажденный город и встал во главе обороны вместе с патриархом, как об этом сообщает группа хроник, примыкающая к сочинению Симеона Логофета, а также и “Повесть временных лет” [55, с. 511].

Картину потрясения империи рисует в “Слове на положение ризы богородицы во Влахернах” и хартофилакс Георгий. Вернувшийся в Константинополь император первую ночь провел в молениях. Покинув дворец и переодевшись в одежду простолюдина, он распростерся ниц на каменных плитах Влахернского храма, испрашивая помощи у бога. Вместе с императором усердно молился и патриарх. По всему городу проходили “лития и оплакивания” [52, с. 595]. А в это время русы опустошили пригороды Константинополя и близлежащие острова, как повествует “Слово” [52, с. 596]. О разорении русами пригородов Константинополя вплоть до самых его стен напоминал в письме Михаилу III и римский папа Николай I. Очевидцы

свидетельствуют, что опасность нарастала с каждым часом. “Город едва ...не был поднят на копьё”, – говорил во второй проповеди патриарх Фотий.

Таким образом, удачно спланированный момент похода русов во главе с Аскольдом и Диром на Константинополь вполне мог привести к взятию “с ходу” столицы великой империи. Координация действий такого масштаба была под силу лишь разветвленной и мощной государственной машине.

Но Аскольд не отдал приказ “трубить в трубы”, призывая войско к атаке. Через неделю после осады русы стали отходить от крепостных стен Константинополя. В ходе тайных переговоров был заключен мир, выгодный для русов.

Таким образом, вся картина нашествия, как она рисуется в византийских источниках, указывает на его тщательную подготовку: масштабы, стремительность, широкий территориальный охват. Это было действительно крупное военное предприятие, которое поставило столицу империи на грань катастрофы. Город был окружен, константинопольская округа опустошена, русы захватили огромные церковные ценности в храмах, монастырях и селениях, всякие попытки сопротивления были жестоко подавлены. В столице была паника, и отражением этого явились такие акты, как ночные моления императора и патриарха, вынос ризы богородицы к народу. Не часто Константинополь переживал подобные потрясения и унижения.

Поход 860 г. был исполнен глубочайшего значения и для Руси. Впервые русское войско осадило столицу Византии, этот вожделенный для “варваров” город, где находились огромные богатства.

Во время столкновения Византии и Руси в 860 г. Византии в данном случае противостояла держава, утвердившая свою силу и свой престиж нападением на одно из сильнейших и богатейших государств тогдашнего мира.

Таким образом, существование развитой древнерусской государственности в доваряжский период подтверждается зарубежными, в частности, византийскими источниками, которые можно было бы заподозрить в преуменьшении, а не в преувеличении масштаба опасности для великой державы того периода – Византии – в ходе столкновения со славянским государством.

Поход 860 г., судя по его подготовке, масштабам и резонансу, был первым столь крупным военным предприятием Древней Руси, направленным против Византийской империи. Как отмечают историки, одолеть русов силой не было никакой возможности: город не имел ни армии, ни флота, оставалось надеяться лишь на прочность крепостных стен и мирные переговоры. Но мир был получен: 25 июня русы внезапно стали отходить. Византийский патриарх Фотий подчеркнул, что “руссы сняли осаду, как только ризу богородицы обнесли по стенам города” [49, с. 44].

Не вызывает сомнений, что обнесение ризы богородицы вдоль стен не могло опрокинуть столь масштабный и тщательно подготовленный поход. Истинной причиной отступления русских были либо какие-то события военного характера, либо заключение перемирия, одним из условий которого и явилось снятие осады Константинополя. Что касается военной стороны дела, то ни в одном из источников нет сведений о поражении русов. Напротив, римский папа Николай I даже упрекал Михаила III в том, что враги ушли неотомщенными [53, с. 431]. Да и сам Фотий говорил, что возмездие варварам не было воздано [56, с. 99].

В этой связи целесообразно еще раз вернуться к сведениям, содержащимся в “Слове на положении ризы богородицы во Влахернах” и проповедях Фотия. “Слово” сообщает, что “начальник стольких тех народов для утверждения мирных договоров лично желал его (императора) увидеть” [57, с. 83]. Здесь налицо категорический тон относительно мирного договора: он состоялся, и автор “Слова” делает упор на том, что “город не взят по их русов милости”. Вырисовывается совершенно реальная картина: семидневная осада русскими Константинополя, опустошение ими пригородов столицы, невозможность преодолеть ее

мощные стены, стремление греков к миру и как результат этого – мирные переговоры под стенами города. Для утверждения выработанных мирных условий вождь русов стремился лично встретиться с императором. Затем последовало внезапное для массы населения византийской столицы прекращение осады и отход русских от Константинополя. Таким образом, византийские источники сообщают о переговорном процессе между высшими представителями византийской и славянской государственности.

Естественно, что тенденция к личной встрече с императором великой державы могла декларироваться отнюдь не племенным вождем, не военачальником наемных дружин, что было несопоставимо в “табели о рангах”, а представителями развитой государственности, – в данном случае восточнославянской в лице Аскольда и Дира, которых интересовала не военная добыча, не примитивный грабеж по праву сильного, а конституирование своей державности, установление долгосрочных, равноправных и взаимовыгодных отношений с великой державой – Византией.

Важным аргументом в пользу заключения перемирия у стен Константинополя, является упоминание Фотием факта ухода русов с огромными богатствами. В проповеди, произнесенной после снятия ими осады, он говорил о них как о народе, получившем после отхода “значение”, “достигшем блистательной высоты и несметного богатства” [53, с. 432]. Если слова о “значении” и “высоте” характеризуют в основном возросший международный авторитет Руси, то упоминание о несметных богатствах, приобретенных русами в Византии, говорят о материальных результатах похода. Двумя способами могли русы приобрести это богатство: первый – сохранение за собой всего, что было ими захвачено в Византии (товаров, церковных ценностей, другого имущества); второй – получение от осажденных огромного выкупа, что имел в виду Фотий, но и в том и другом случае военный конфликт между Русью и Византией должен был закончиться перемирием. Если имеется в виду сохранение русами богатств, захваченных в ходе нашествия, то значит ни о каком поражении их, ни о каком потоплении русских судов разыгравшейся бурей (версия Симеона Лагофета) не может быть и речи, а сообщение Юрьюседьской хроники и Симеона Лагофета о неудаче русов (повторенное русскими летописями) говорит лишь об общей оценке похода, который не достиг своей цели – взятие Константинополя.

Однако “неудача” такого масштаба – “не взятие на копье” столицы великой империи и не сокрушение, таким образом, Византийской государственности – лишь свидетельствуют о масштабе развития государственности Киевской Руси в донорманский период, ибо государственность, ставящая перед собой такие грандиозные по общеевропейским масштабам задачи – не может находиться в зачаточном, “младенческом” состоянии, должна достигнуть довольно высокого уровня развития своей государственности.

Переговоры при этом должны были состояться не только потому, что зафиксировали почетный отход русов от города, но и потому, что именно здесь мог решиться вопрос о последующем русском посольстве в Константинополь для заключения договора о “мире и любви”, сведения о котором содержатся у Феофана и Константина Багрянородного. Сами собой такие посольства после серьезных межгосударственных конфликтов не являлись автоматическими. Факт переговоров станет тем более реальным, если учесть, что русы увезли с собой огромный выкуп.

Характерно, что современники похода русов 860 года – не только Фотий, а также историк Георгий и неизвестный продолжатель хроники Феофана – единогласно свидетельствуют, что русы вернулись домой с победой и добычей – император Михаил заплатил Аскольду немалую контрибуцию [46, с. 14–15].

Обмен посольствами с великой державой – Византийской империей – мог наглядно свидетельствовать о развитой государственности восточных славян во главе с Аскольдом и

Диром, что и было засвидетельствовано данным актом. При этом, события 860 года не исчерпали, а лишь открыли начало новому этапу межгосударственных связей Руси и Византии и последующая история это подтвердила.

IX век был ознаменован тем, что восточнославянская держава, возглавляемая славянской династией, ярко возвестила про свой выход на авансцену европейской и мировой политики.

Поход русов 860 г. на Константинополь – столицу великой Евразийской державы – конституировал Киевскую Русь как важную составляющую европейского геополитического пространства, возвестил об образовании могучей славянской державности.

Цивилизованные ныне европейцы стары и потому чванливы. Они гордятся накопленной культурой, как все этносы в старости. А ведь всего тысячу лет назад франки и норманны только начали учиться у византийцев и арабов богословию и мытью в бане.

Л.Н. Гумилев

Запад есть Запад, Восток есть Восток и вместе им не сойтись.

Р. Киплинг

Процветание славянства, доминирование его на мировой геополитической арене, реализация им своей уникальной исторической миссии в мировом цивилизационном процессе начнется с возрождения его души, этнической ментальности, что невозможно без обращения к своему великому прошлому.

Ю.М. Теплицкий

РАЗДЕЛ 11. ЕВРОИНТЕГРАЦИОННЫЕ УСТРЕМЛЕНИЯ АСКОЛЬДА И ДИРА. СЛАВЯНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ НА ЕВРАЗИЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ АРЕНЕ

Процесс становления и развития государственности восточного славянства сопровождался значительными общественными трансформационными процессами. Рассматривая различия родоплеменного и государственного устройства восточного славянства, необходимо выделить такую отличительную черту, как учреждение публичной власти, которая уже не совпадает непосредственно с населением, организующим самое себя как вооруженная сила. Эта особая публичная власть необходима потому, что “самодействующая” вооруженная организация населения сделалась невозможной со времени раскола общества на классы [2, с. 151].

По мнению И.Н. Данилевского, слово “князь” заимствовано праславянами из прагерманского или готского языков и родственно словам конунг, Konig, king (“король”). Судя по значениям, которые это слово приобрело в западнославянских языках (словацк. knaz, польск. ksiadz – “священник”), первоначально князья выполняли функции не только светского, но и духовного правителя. О том же говорят и некоторые косвенные данные, связанные с правом князя на проведение религиозных преобразований, а также погребением умерших князей-язычников в курганных насыпях. Князь руководил войском и был верховным жрецом, что и обеспечивало его высокое положение в обществе [24, с. 79].

Анализируя этапы развития государственности восточного славянства, Н.М. Карамзин акцентировал внимание на том, что “Первая власть, которая родилась въ отечестве нашихъ

диких, независимых предковъ, была воинская. Сраженія требуютъ одного намъренія и согласнаго дѣйствія частныхъ силъ: для того избрали Полководцевъ” [11, т. I, гл. III, с. 46].

Н.М. Карамзин делаетъ важный выводъ о том, что не только классовые предпосылки, но и военные задачи – проблемы обороны населенія, обеспечение колонизационнаго расширения территории обитанія славянскаго этноса, обусловили становленіе властныхъ структуръ и, тем самым, возникновеніе потестарныхъ формъ славянскаго государственности: “Вожди, избираемые общемою довѣренностію, отличные искусствомъ и мужествомъ, были первыми властелинами въ своемъ отечествѣ. Дѣла славы требовали благодарности отъ народа; къ тому же, будучи ослѣплены счастіемъ Героевъ, онъ искалъ въ нихъ и разума отмыннаго” [11, т. I, гл. III, с. 44].

*Истлевшимъ Цезаремъ отъ стужи
Задѣлываютъ домъ снаружи.
Предъ кемъ весь миръ лежалъ въ пыли,
Торчитъ затычкою въ щели.*

В. Шекспир

11.1. СЛАВЯНСКИЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В IX ВЕКЕ

После ухода русовъ из-подъ Константинополя внешнеполитическое положеніе имперіи отнюдь не улучшилось. Арабы продолжали теснить повсюду византійскіе войска. В том же 860 г. милетинскій эмиръ нанесъ новое пораженіе войскамъ Михаила в Малой Азии. Отношенія с Русью оставались неустойчивыми. Древній опытъ Византіи подсказывалъ, что для прочнаго замиренія этого новаго “варварскаго” государства следовало применить те же методы, что и в отношеніи другихъ “варварскихъ” державъ, связанныхъ с Византіей договорами “мира и любви”. Со временъ Древняго Египта и до IX в. такой договоръ оформлялъ обычные мирные договорные связи между государствами. Они могли оставаться какъ мирно нейтральными, но могли быть и союзными.

Византійскіе и русскіе источники говорятъ о том, что по истеченіи небольшого срока, прошедшаго после ухода русовъ из-подъ Константинополя в городъ явилось русское посольство.

Данное посольство знаменовало собойъ некій этапъ в развитіи экономическихъ, дипломатическихъ, военныхъ и межгосударственныхъ отношеній, было отмечено попыткой введенія христіанства в Киевской Руси.

В “Окружномъ посланіи” восточнымъ архіепископамъ патриархъ Фотій писалъ: “Русы, которые, поработивъ находящееся кругомъ себя и отсюда помысливъ о себе высокое, подняли руки и противъ Римской державы, – в настоящее время даже и они променяли эллинское и нечестивое ученіе, которое содержали прежде, на чистую и неподдельную веру христіанскую, с любовью поставивъ себя в чинѣ подданныхъ и друзей (нашихъ), вместо ограбленія насъ и великой противъ насъ дерзости, которую имели незадолго” [58, с. 196].

Подробно исторію посольства и “крещенія” Руси изложилъ Н.М. Карамзинъ. Онъ первымъ обратилъ вниманіе на то, что между сообщеніемъ Фотія о “крещеніи” Руси и свидѣтельствомъ Константина Багрянороднаго есть известное противоречіе: послѣдній приписываетъ “крещеніе” русовъ своему дядѣ Василию I и патриарху Игнатію, который сменилъ на патриаршемъ тронѣ

Фотия. В “Окружном послании” Фотия определенно говорится, что крещение Руси произошло при нем, Фотии. Н.М. Карамзин объясняет это следующим: “Сии два известия, – пишет он, – противоречат одно другому. Фотий в 866 году мог отправить церковных учителей в Киев; Игнатий тоже” [11, т. I, с. 52–53]. В трудах С.М. Соловьева, К.Н. Бестужева-Рюмина, Д.И. Иловайского, М.П. Погодина, С.А. Геденова и других историков XIX в. при всей несхожести их концепций по данному пункту нет особых расхождений. Они повторяют без подробного анализа сведения византийских источников. Это же наблюдается и в более поздних работах Д.Я. Самоквасова, В.Н. Сергеевича и в других историко-правовых трудах.

Ряд историков выдвигает и обосновывает версию о том, что договор 860 года – это лишь развитие и продолжение ряда ранее существовавших договорных отношений Руси с Византией. Американский историк Д. Рондал считал, что поход 860 г. – это санкция за нарушение Византией договора о дружбе и торговле, заключенного между Киевом и Константинополем еще во время миссии 838 г. Автор отмечал, что русские сняли осаду после переговоров, благодаря которым они получили большой выкуп, а формальный договор был заключен позднее и подтвердил прежнее соглашение. Обещание принять христианство русы дали под стенами Константинополя, и Фотий сыграл важную роль в приобщении Руси в христианство.

Связи между переговорами и “крещением” Руси А.А. Васильев не усматривает. В то же время он, одним из немногих, попытался выяснить содержание русско-византийского договора 60-х годов IX века. Разбирая договор Олега с греками 911 г., он обратил внимание на статью, разрешающую русским служить в византийской армии. Если же учесть, что Константин Багрянородный в своем сочинении “О церемониях” сообщил о действиях русского отряда в 700 воинов в составе войск Гимерия, отправившихся на Крит в 902 г., то становится очевидным, пишет А.А. Васильев, что это разрешение восходит к договору 60-х годов IX века. Первым на это указал английский историк Д. Бари в 1912 г., отнесший это разрешение не только к русам, но и к варягам и англичанам. Отношения “политической дружбы”, считает А.А. Васильев, прослеживаются в “Окружном послании” Фотия, где говорится, что русы, стали “друзьями” империи. К 60-м годам IX в., по мнению А.А. Васильева, восходит и разрешение русскими торговать в Константинополе и селиться подле монастыря св. Мамы, что отмечено позднее и в договоре Олега с греками под 907 годом. Христианство стало для Византии средством, с помощью которого она превращала бывших противников в союзников и даже вассалов. Христианизация окрестных народов являлась определенной государственной линией империи и проводилась как Михаилом III, так и Василем I.

При чтении византийских авторов во всех сообщениях говорится о заключении между Византией и Русью дипломатического соглашения и о “крещении” как неотъемлемом условии именно этого соглашения. Дипломатический опыт сыграл в этом свою роль.

Сообщение Константина Багрянородного, повторяя общую канву событий, вводит новые детали. Автор совершенно определенно упоминает о заключении мирного договора Византии с Русью, указывает на преподнесение русам дорогих подарков (золота, серебра, дорогих тканей), которыми Василий Македонянин склонил их к миру. Одновременно повторяется и версия о принятии Русью христианства как об одном из условий мирного договора: именно во время переговоров император убедил русское посольство согласиться на крещение Руси и принять архиепископа.

Источники совершенно определенно и единодушно отмечают, что после ухода русов от Константинополя между Византией и Русью был заключен мирный договор. Смысл его раскрывается в изложении Фотия и Константина Багрянородного. Это было заключение типичного договора “мира и любви” со всеми характерными для такого случая аксессуарами. “Варварское” в данном случае русское посольство является в Константинополь; происходят переговоры между русами и греками, что завершается преподнесением русам дорогих подарков.

Сам договор свидетельствует о превращении бывших противников империи в ее друзей. “Мир и любовь” – вот та формула, на основе которой декларируются отношения между Русью и Византией.

Нельзя сказать, что формула “Мир и любовь” означала абсолютно равноправные межгосударственные взаимоотношения между великой империей и молодой славянской государственностью, что являлось бы невозможным в той исторической реальности. Однако данная дипломатическая формула свидетельствовала о попытках включения Киевской Руси в орбиту влияния великой христианской державы – Византии и, с другой стороны, стремлением славян взять за образец государственного устройства модель апробированной временем Византийской державности.

Если бога нет, то все дозволено.

М.Ф. Достоевский

11.2. ВИЗАНТИЙСКАЯ МОДЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ДЕРЖАВНОСТЬ РУСИ

Ш. Эйзенштадт, рассматривая своеобразие византийской модели государственности, акцентировал внимание на ее культурологических аспектах: “Разнообразие культурных ориентаций способствовало формированию в европейской цивилизации весьма специфического типа структурно-организационного плюрализма, который значительно отличался от плюрализма, развивавшегося, например, в Византии, где многие черты культурной модели этой империи были общими с западноевропейскими. Однако в Византии этот плюрализм проявлялся в относительно высокой степени структурной дифференциации в довольно однородном социально-политическом контексте, в котором различные социальные функции были распределены между разными социальными группами. Напротив, для Европы было характерно сочетание более низкого, чем в Византии, уровня социальной дифференциации с постоянным изменением границ между различными общностями и группами” [2, с. 329].

Влияние византийской модели государственности на развитие и функционирование восточнославянской державности имело импульс протяженностью более тысячелетия. Исходя из этого, значительный интерес представляет своеобразие культурологической модели византийской государственности, адаптировавшей в себе как европейское, так и азиатское начала.

Академик РАН Н.И. Балашов подчеркивает, что вопрос о сходных с происходившими в культуре Византии явлениях в Азии может возникнуть по отношению к отдаленным от эпохи Возрождения на Западе периодами, чуть ли не по отношению к поэтам и драматургам V в. в гуптской Индии [2, с. 266].

Все многообразие европейского и азиатского компонента государственности Византии было воспринято и адаптировано сквозь призму своей этничности восточнославянской державностью, составляя элементы ее могущества и слабости, величия и уязвимости.

*Закон законом, а Нерон – Нероном.
Ю. Белаш*

11.3. ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ПРИЗНАНИЕ ВИЗАНТИЕЙ ДЕРЖАВЫ КИЕВСКАЯ РУСЬ

В результате напряженных переговоров 60-х годах IX в. состоялось заключение русско-византийского договора, который явился договором “мира и любви” между двумя странами и открывал новую страницу в отношении между двумя государственными образованиями: великой державой того исторического периода – Византией и уверенно выходящей на европейскую авансцену Киевской Русью. Историческими вехами на пути достижения этих значимых результатов были локальные перемирия с византийскими властями в первой половине IX в., затем посольство рекогносцировочного характера 838–839 гг., перемирие под стенами Константинополя и, наконец, первый межгосударственный договор – таковы этапы развития дипломатических отношений между Русью и Византией в IX в. Договор 60-х годов IX в. включал как важное политическое положение “мира и любви”, характерное для такого типа соглашений, так и конкретные условия о крещении Руси, возможно, о выплате русам ежегодной дани, разрешении им вступать в византийскую армию, торговать на территории империи, посылать в Византию дипломатические миссии.

Если заключение договора “мира и любви” с империей и соглашение о “крещении”, а точнее сказать о допуске на русскую территорию православной миссии, имело для Руси огромное политическое значение, небывало подняло престиж Древнерусского государства и означало своеобразное “дипломатическое признание Древней Руси” (как добились его в свое время болгары, авары, хазары), то конкретные статьи договора представляли собою уже первые реальные плоды этого признания. Русь все более четко формулировала свои внешнеполитические и экономические интересы в отношении империи, вступая на тернистый путь тогдашней причерноморской политики, предпринимала активные евроинтеграционные шаги.

Интерес правящих кругов Руси к обращению в христианство являлся естественным в связи с закономерным ростом в результате этого международного авторитета христианизирующейся страны, выгод внешнеторгового и внутривластного порядка. Несомненно, традиции русско-византийских отношений шли именно в этом направлении. Во всех случаях частичной христианизации Руси на протяжении IX–X вв. она была связана либо с ее победоносными походами, либо достигалась ее политиками иным путем, но всегда именно Русь стремилась продиктовать свои условия Византии. Так было во время похода на Амастриду в 30-х годах IX в. когда русы добились того, что их крестил сам архиепископ Филарет, преемник святого Георгия Амастридского. Несомненно, что акт крещения безвестных русов видным византийским церковным иерархом может восприниматься как определенное политическое достижение Руси. Тем более, что источник – “Житие святого Георгия Амастридского” – рассказывает о победоносном русском походе на Амастриду. В 860 г. победоносный поход на Константинополь вновь вызвал к жизни сюжет крещения Руси.

П.П. Толочко, обобщая имеющиеся данные по рассматриваемой проблематике, отмечает, что в ходе событий 860 г. произошло, по сути, дипломатическое признание Византией восточнославянской государственности. Эти два государства заключили между собой договор “мира и дружбы”, важнейшей статьёй которого являлось крещение Руси и де-юре признание ее государственности.

Таким образом, с походом войска Киевской Руси в 860 году на Константинополь, с дипломатическими переговорами Аскольда и Дира с высшими представителями правящей элиты Византийской империи, с дальнейшим заключением договора о “мире и любви”, было связано международное признание государственности восточных славян, что нашло отражение в ряде как славянских, так и зарубежных источников.

Возникает существенная научная проблема – почему столь значимые для истории Киевской Руси события, связанные с правлением славянских князей Аскольда и Дира, с выходом

восточнославянского государства на европейскую арену, с попытками христианизации Руси, проводившимися славянскими князьями-реформаторами, прямыми продолжателями династии Кия, не нашли должного отражения в такой энциклопедии истории Древней Руси как “Повесть временных лет”, где мы встречаем лишь позднейшие реминисценции данных эпохальных по значению событий на Руси?

Н.М. Карамзин так обобщенно формулирует трактовку Нестором-летописцем (либо позднейшими его корректорами) данных исторических событий: “Къ сему времени Летописецъ относитъ слѣдующее важное происшествіе. Двое изъ единоплеменниковъ Рюриковыхъ, именованъ Аскольдъ и Диръ, можете быть недовольные симъ Княземъ, отправились съ товарищами изъ Новгорода въ Константинополь искать счастья; увидѣли на высокомъ берегу Днѣпра маленькой городокъ, и спросили: чей он? Имъ отвѣтствовали, что строители его, три брата, давно скончались, и что миролюбивые жители платятъ дань Козарам. Сей городокъ былъ Кіевъ: Аскольдъ и Диръ завладѣли имъ; присоединили къ себѣ многихъ Варяговъ изъ Новгорода; начали подъ именемъ Россіянъ властвовать какъ Государи въ Кіевъ и помышлять о важнѣйшемъ предпріятіи, достойномъ Норманской смѣлости” [11, т. IV, с. 70–71].

П.П. Толочко, проанализировав исторический материал по проблеме развития государственности Киевской Руси в период правления Аскольда и Дири, отмечал, что такие важнейшие события Киевской Руси как поход 860 года на Константинополь, крещение Руси при Аскольде, нашли отражение в Никоновской летописи, в той части списка, который был составлен, по гипотезе Б.А. Рыбакова, на основе “Летописи Аскольда”, пропавшей или изъятой из летописных сводов в период Рюриковичей.

Можно предположить, что захват Константинополя не являлся единственной альтернативой военной акции, предпринятой Аскольдом и Дири.

В соответствии с обычаями и нравами соответствующего исторического периода данный поход на столицу великой державы конституировал славянскую державность, позволил ей войти, интегрироваться в европейское сообщество.

Обобщение всего комплекса фактов по данной исторической проблеме позволяет с объективной достоверностью определить реальный, лишенный позднейших дополнений, реминисценций, ход событий, связанный с периодом становления и развития государственности Киевской Руси, с первой, закончившейся гибелью славянской династии, попыткой христианизации Древней Руси: ко времени правления представителей славянской династии князей Аскольда и Дири, восточнославянская государственность достигла такого развития, что встала задача конституирования ее в общеевропейское сообщество, о признании ее на равных ведущих европейскими державами того периода.

Решение данного исторического комплекса проблем было связано с заявлением о себе как о мощной военной силе, а также с приобщением славянства к христианским ценностям, что являлось своеобразным “пропуском” в семью прогрессивных европейских держав.

Поход Аскольда и Дири в 860 году на Константинополь был связан не столько с задачей сокрушения великой европейской державы того периода – Византийской империи, сколько с вхождением при ее помощи и поддержке в семью европейских народов, адаптацией, восприятием Русью общеевропейских ценностей, восходящих к античному периоду развития.

В ходе похода Аскольда и Дири на Константинополь в 860 году, когда существование великой державы – Византии – определялось волей правителей Руси и завершилось получением славянами огромной дани, заключением договора о “мире и любви”, произошло конституирование, признание державности Киевской Руси в общеевропейском масштабе.

Дж. Тейнтер – современный английский историк – рассматривая различные модели общественного устройства различных народов, таким образом характеризовал их государственность: “Модель скоростного экспресса” подразумевает движение общества по пути

нарастания сложности и, соответственно, неспособности к изменению направления, отступлению или сохранению статики. При возникновении препятствий оно может продолжать движение только в прежнем направлении, что и ведет к конечной катастрофе.

“Модель карточного домика” предполагает, что для сложного общества вообще или же в особых условиях характерна хрупкость, вызываемая недостаточностью ресурсов, что и делает его коллапс неизбежным [2, с. 220].

В отличие от моделей государственности “скоростной экспресс” и “карточный домик” с доминантой классорегулирующих функций, славянская государственность характеризовалась моделью, сформированной условиями перманентных нашествий, с регулярностью обрушивавшихся на восточных славян, как с востока, так и с запада и обусловивших первостепенную задачу этнического самосохранения, что и обусловило возникновения модели “соборной державности-воина”, ставшей отличительной особенностью данного этноса на тысячелетия. Попытки выхода от этой модели развития, ее кардинальная ломка с неизбежностью приводили к катастрофам, ставя под вопрос само существование восточного славянства.

*О Русь! В предвиденье высокою
Ты мыслью гордой занята:
Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса или Христа?*

В. Соловьев

РАЗДЕЛ 12. ПОПЫТКА ХРИСТИАНИЗАЦИИ РУСИ АСКОЛЬДОМ И ДИРОМ. ЯЗЫЧЕСКАЯ КОНТРЕФОРМАЦИЯ.

Через семь лет после похода руссов на Константинополь – в 867 году, в столице Византийской империи был подписан первый известный из письменных источников договор Руси с иностранной державой, при этом весьма благоприятный для Руси.

Византия обязывалась выплачивать ежегодную дань, а Русь – предоставлять военную помощь императору. Соглашение обеспечивало льготы русским купцам в Византии, а византийским – на Руси. Император Михаил уплатил Аскольду весьма значительную контрибуцию [46, с. 14].

Статьи договора имели весьма существенную значимость, так как в рассматриваемый период воин и купец зачастую были идентичными, взаимодополняемыми понятиями, война и торговля зачастую шли рука об руку.

М.С. Грушевский отмечал по этому поводу: “Несомненно, военные походы Руси на Черном море, известные нам с начала IX в., имели большое значение в этом смысле, расширив торговые сношения, проторив дороги русским купцам и доставив им выгодные условия торговли.

При тогдашних условиях купец, держа одной рукой кошелек, в другой должен был держать меч для обороны его; торговля требовала вооруженной охраны, купеческие караваны отправлялись в путь с оружием в руках, как военные экспедиции, и в каждую минуту караван таких купцов-воинов был одинаково готов открыть торг или завязать битву, вступить в выгодную сделку или поискать добычу, взять контрибуцию, наловить невольников.

Этот киевский патрициат, сословие богатых купцов-воинов, расширяя район своих торговых сношений, закладывая свои фактории и поселения на главнейших торговых путях, должен был в своих видах стремиться к образованию военных сил, к созданию политической организации для охраны торговых интересов. Затем охрана дорог и сношений переходила сама собою в покорение племен, расположенных по этим торговым дорогам [17, с. 36–39].

М.С. Грушевский акцентирует внимание на том, что в IX–X вв. Русь господствовала на Черном море. Арабский географ Масуди, писавший во второй четверти X в., поясняет, что Черное море называется морем Русским “потому, что, кроме Руси, никто на нем не плавает”. Конечно, здесь есть преувеличение, но несомненно, имя Русского моря для Черного было действительно весьма популярно в X–XI и даже XII веках.

В начале века заморская торговля с Константинополем была уже очень значительна. Купцов из Руси там бывало по несколько сот, считая со слугами. Они приходили, очевидно, с весенними караванами и оставались в Константинополе месяцами: оставаться на более продолжительное время не позволяло им византийское правительство, вообще очень тяготившееся русскою колонию и окружавшее ее всяческими стеснениями полицейского характера, опасаясь, чтобы под именем купцов не проникали в Константинополь разные военные авантюристы [17, с. 37–39].

Товары из Византии, поступавшие на Русь, были довольно многообразны. М.С. Грушевский, определяя их перечень, отмечал: “Предметы южной торговли можно установить довольно точно: из греческих городов шли фабрикаты – “паволоки” (шелковые узорчатые ткани), парча и другие дорогие материи, произведения греческого ювелирного искусства (“всяко узорочье”), стеклянные изделия, пряности, вино и южные фрукты” [17, с. 36].

Необходимо отметить, что важнейшей непреложной статьёй договора о “мире и дружбе”, заключаемым империей со своими соседями, являлось крещение, в данном случае – Руси.

*Есть Бог, есть мир, они живут вовек,
А жизнь людей – мгновенна и убога.
Но все в себе вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога.*

Н. Гумилёв

12.1. ХРИСТИАНСТВО И РУСЬ. ПРОЛОГ

Вхождение Руси в общеевропейскую семью народов было связано с восприятием христианской религии, что являлось своеобразным Рубиконом, отделявшим мир варварства, регресса, тупиковой ветви цивилизации от прогрессивно-европейского развития [109, с. 362–382].

Вопрос о приобщении славянства к христианству, “обретение” религии Христа – один из важнейших в истории славянского мира. Фаза “перехода” от язычества к христианству приобретает особую актуальность для постижения процессов настоящего времени, связанных с адаптацией к западному сообществу, так как данные события вполне сопоставимы по их долговременному влиянию на дальнейший ход развития славянства [104, с. 59–60].

Принятие христианства на Руси – событие величайшего значения, предопределившее историю восточного славянства на многие столетия. Л.Н. Гумилев отмечал следующее: “Смена религии и для одного человечка – грандиозная ломка психики, но она неизмеримо больше, когда речь идет о целом народе (этноте) с устоявшимися традициями культуры и быта. И, тем не

менее, смена языческих культов мировыми религиями повсеместна, хотя детали этого процесса различны. На Руси процесс христианизации был особенно длительным, потому что проповедь православия встречала сопротивление не столько местных славянских представлений о духах леса, воды, дома и об упырях – неуспокоенных душах мертвых, сколько соседних религиозных доктрин, претендующих на преобладающее место в мировой культуре. Это соперничество проявлялось не только в религиозных диспутах и соревнованиях в учености о подвижничестве, но и в прямых военных столкновениях, ибо в человеке дух тесно сплетен с плотью” [7, с. 243].

*Религия, не проповедующая братскую любовь и всепрощение, есть обман и мрак.
Ж. Бордон*

12.2. ЯЗЫЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СЛАВЯНСКОГО ВЕРОВАНИЯ

Славяне не выделяли себя из окружающей среды и наивно очеловечивали всю природу, приписывая природным явлениям ум, силу, хитрость, коварство, злобу – черты, присущие людям и животным. Облик божеств и духов трансформировался в зависимости от приписываемых свойств и способностей, они становились многоликими, многорукими, одноглазыми, козлоногими. Тогда мифические персонажи составляли семейно-родовые ряды. По представлениям древних славян на небе жили высшие боги, на земле – духи природы, под землей обитали злые демоны [44, с. 3].

Ибн Русте-Гардизи в труде “ал-А’лак ан-нафиса” повествуя о верованиях древних русов, писал: “И все они поклоняются огню. Большая часть их посевов из проса. Во время жатвы они берут ковш с просяными зернами, поднимают к небу и говорят: “Господи, ты, который снабжал нас пищей. Снабди и теперь нас ею в изобилии”.

Прокопий Кессарийский характеризуя верования древних славян, отмечал: “Ибо они считают, что один из богов – создатель молнии – именно он есть единый владыка всего, и ему приносят в жертву быков и всяких жертвенных животных. Предопределения же они не знают и вообще не признают, что оно имеет какое-то значение, по крайней мере, в отношении людей, но когда смерть уже у них в ногах, охвачены ли они болезнью или выступают на войну, они дают обет, если избегнут ее, сейчас же совершить богу жертву за свою жизнь; а, избежав (смерти), жертвуют, что обещали, и думают, что этой-то жертвой купили себе спасение. Однако почитают они и реки, и нимф, и некоторые иные божества и приносят жертвы также и им всем, и при этих-то жертвах совершают гадания [34, с. 29–30].

Н.М. Карамзин, повествуя о языческом веровании славян, отмечал: “Анты и Славяне, какъ замъчаетъ Прокопій, не върили Судьбъ, но думали, что всь случаи зависятъ отъ Міроправителя: на поль ратномъ, въ опасностяхъ, въ бользни, старались Его умилостивить обътами; приносили Ему въ жертву воловъ и другихъ животныхъ, надясь спасти тьмъ жизнь свою; обожали еще рьки, Нимфъ, Демоновъ, и гадали будущее. – Въ новыишя времена Славяне поклонялись разнымъ идоламъ, думая, что многочисленность кумировъ утверждаетъ безопасность смертнаго, и что мудрость челоувъческая состоить въ знаніи именъ и свойства сихъ мнимыхъ покровителей. Истуканы считались не образомъ, но теломъ боговъ, ими одушевляемымъ, и народъ падаль ниць предъ кускомъ дерева или слиткомъ руды, ожидая отъ нихъ спасенія и благоденствія”[11, т. I, гл. III, с. 48–49].

Однакожь Славяне, въ самомъ безрасудномъ суевъріи, имъли еще понятіе о Богъ единственномъ и вышнемъ, Коему, по ихъ мнънію, горнія небеса, украшенныя свътилами лучезарными, служатъ достойнымъ храмомъ, Который печется только о небесномъ, избравъ другихъ нижнихъ боговъ, чадъ Своихъ, управлять землею. Его-то, кажется, именовали они

преимущественно Бьлымь Богомь, и не строили Ему храмовь, воображая, что смертные не могут имьть съ Нимь сообщенія и должны относиться въ нуждахъ своихъ къ богамь второстепеннымь, помогающимь всякому, кто добрь въ мирь и мужественъ на войнь, съ удовольствіемь отворяетъ хижину для странниковъ и съ радушіемь питаетъ гладныхъ” [11, т. I, гл. III, с. 49].

Н.М. Карамзин акцентирует внимание на том, что “славяне въ VI вѣкъ поклонялися Творцу молніи, Богу вселенныя. Величественное зрѣлище грозы, когда небо пылаетъ и невидимая рука бросаетъ, кажется, съ его свода быстрые огни на землю, долженствовало сильно поразить умъ челоуька естественнаго, живо представить ему образъ Существа вышняго, и вселить въ его сердце благоговѣніе или ужасъ священный, который былъ главнымъ чувствомъ Вьрь языческихъ” [11, т. I, гл. III, с. 48].

Гром Гремучий Великий – божество, которое каждую весну садится на своих коней и скачет по небу. Громкоголосый, всегда сердитый, мчится колесницей по облакам, копьем протыкает небо, поливая дождем Мать Сыру-Землю, хлещет ее золотой плеткой (молнией) [44, с. 49].

Одно из центральных мест в славянском пантеоне языческих божеств занимал Хорс – бог солнечного диска, око неба. Ласковый и добрый бог, который всем отдает свое тепло. Победить его никто не может, потому что подступиться к нему нельзя; поднимается он выше всех на небе. Представляется молодым красивым юношей. На идолах бога Хорса были изображены солнечные знаки [44, с. 200].

В славянской мифологии светлым, положительным божествам противостояли темные: “Славяне Балтійскіе приписывали зло существу особенному, всегдашнему врагу людей; именовали его Чернобогомь, старались умиловить жертвами и въ собраніяхъ народныхъ пили изъ чаши, посвященной ему и добрымъ богамъ. Онъ изображался въ видъ льва, и для того нькоторые думаютъ, что Славяне заимствовали мысль о Чернобогъ отъ Христіанъ, уподоблявшихъ Діавола так же сему звѣрю; но вьроятно, что ненависть къ Саксонцамъ, которые были самыми опасными врагами сьверныхъ Венедовъ и на знаменахъ своихъ представляли льва, подала имь мысль къ такому изображенію существа злобнаго” [11, т. I, гл. III, с. 49].

Чернобог – злое божество, противник Белобога. Бог зимы, темных туч, ужасов ночи. Чернобог управляет эпидемиями, голодом, имеет облик льва. Ему приносили кровавые жертвы и при этом произносили ужасные заклинания, чтобы отвратить его гнев. Местом жительства Чернобога есть ад. Вечно сражаются Чернобог и Белобог, победить друг друга не могут, сменяют друг друга день и ночь – олицетворение этих божеств. Гнев Чернобога могут укротить только волхвы [44, с. 201].

В представлении древних славян-язычников существовало представление, что между божествами и людьми должны быть посредники: “Гньвь Чернобога могут укротить волхвы или кудесники, хотя ненавистные народу, но уважаемые за ихъ мнимую науку. Сіи волхвы, о коихъ и Несторъ говоритъ въ своей льтописи, подобно Сибирскимъ Шаманамъ старались музыкаю дьйствовать на воображеніе легковьрныхъ, играли на гусяхъ и для того именовались въ нькоторыхъ земляхъ Славянскихъ Гусярами” [11, т. I, гл. III, с. 49].

О развитии земледелия у древних славян говорит пантеон языческих божеств, олицетворявших те или иные периоды земледельческого цикла; культ Земли. Видное место в пантеоне славян-язычников занимал Дажьбог (Даждьбог) – бог солнца, жатвы, сын Сварога, муж богини Луны. В мифах – один из первых царей и законодателей, положил начало летоисчислению по солнечному календарю. Красивый, сильный юноша, молодой князь, попечитель пахарей и сеятелей. Наделяет человека физической силой, здоровьем, мудростью, мастерством. В летописях его называют предком русичей. Еще Дажьбог – хранитель ключей земных. Бог солнца закрывает землю на зиму и отдает ключи птицам, которые уносят их в

вырей – летнее царство, страну ушедших душ. Весной птицы возвращают ключи и Дажьбог открывает землю [44, с. 51].

Н.М. Карамзин, анализируя роль языческих верований в системе хозяйствования восточных славян, отмечал: “Будучи въ съверномъ своемъ отечествѣ сосѣдами народовъ Германскихъ, Скифскихъ и Сарматскихъ, богатыхъ скотоводствомъ, Венеды или Славяне долженствовали издревле въдѣть се важное изобрѣтеніе челоѵческаго хозяйства, едва ли не вездѣ предупредившее науку земледѣлія. Пользуясь уже тѣмъ и другимъ, они имѣли все нужное для челоѵка; не боялись ни голода, ни свирѣпостей зимы: поля и животныя давали имъ пищу и одежду” [11, т. I, гл. III, с. 39].

Кульٹ Земли у древних славян олицетворял Зибог – Бог земли, наделенный огромной силой. Он – Зиждатель-творец, созидатель. Он поднял землю в одном месте, и встали горные хребты, кряжи, холмы; опустил другом – полилась вода, образовались моря и океаны; провел борозды могучими пальцами – потекли реки. А где мизинчиком коснулся – озера малые заплескались. Хранит землю Зибог, а рассердят его люди – земля трясется, вулканы извергает, волны огромные поднимает. Могуч Зибог, брови косматые, борода развеивается – лучше его не злить [44, с. 70].

Значительное место в славянской мифологии занимал Купала. Купала – бог земных плодов. Ему жертвовали перед сбором хлеба. Молодые люди украшались венками, раскладывали огонь, плясали вокруг него и воспевали Купалу. Игрища продолжались всю ночь.

Славяне, сплетая венки, вешали их на кровли домов и на хлевах, чтобы удалить злых духов от жилища [44, с. 100].

Развитие земледелия у древних славян нашло отражение в мифологии, обрядности.

Каравай (Коровай) – в восточнославянской мифологии обрядовый круглый хлеб с украшениями и мифологическое существо, символ плодородия. Приготовление каравая было связано с ритуальными действиями, длившимися несколько дней, с участием жрецов. Пекущие использовали архаические орудия, просили Бога спуститься с неба, помочь им месить и печь. В свадебных обрядах каравай с фаллическими символами воплощал жениха, два каравая – жениха и невесту [44, с. 82].

Роль скотоводства в жизни древних славян отражена в языческой мифологии. Велес (Волос) – бог скотоводства и богатства, покровитель животного мира. Он породил человека и животное, учил людей не убивать животных, а использовать их в хозяйстве. Велес – опекун волхвов, творцов, пастухов, торговцев; наделяет человека талантом, физическими данными: высоким ростом, хорошим голосом, слухом. Он – отец великанов; вол – могучий, большой. Волос – один из богов пантеона князя Владимира, его день – понедельник.

У древних славян существовал жатвенный обычай – “завивать бороду”. Последние колосья не сжинали, а сплетали в бороду, как подарок богу Волосу. Трава и лес – волосы земли [44, с. 35].

Язычество, не будучи религией, в современном смысле слова, представляя собой хаотичную совокупность различных верований, культов, но отнюдь не единое целое, цельное учение, не могло решить важную задачу – сплотить, “сцементировать” державу, включавшую в свой состав различные племена и народы. Эту задачу могла решить лишь одна из “мировых” религий [102, 103].

В первом тысячелетии н.э. христианская вера была проповедана по многим странам – от Атлантики до Тихого океана. Но семена религии, павшие на разную землю, возрастали неодинаково, как и было сказано в притче о сеятеле (Лука 8, 5–15): упавшие около дороги были растоптаны, некоторые расклеваны птицами, упавшие на камень засохли, попавшие в тернии были задушены сорняками, лишь некоторые принесли плод историчный [113].

В IV в. христианами стали готы, бургунды, севы, вандалы в Европе, армяне и грузины в Азии, абиссинцы в Африке. Эти этносы никогда не знали римской власти, римской культуры,

римской дисциплины. Поэтому они не составили единого с римлянами этноса, а остались сами собой. И тут сыграло решающую роль дробление христианства на два течения: никейское и арианское. Германцы приняли христианство с учением Ария, а в империи победило учение Афанасия, т.е. никейское. Восторжествовав на Константинопольском соборе 381 г., оно объединило своих сторонников в этническую целостность, которую мы и называем византийской [7, с. 101].

*Кто чем согрешает, тем и наказуется.
Премудрости Соломона, гл. 11, ст. 1*

12.3. ПРАВОСЛАВИЕ ИЛИ КАТОЛИЦИЗМ: КРИТЕРИИ ВЫБОРА ВЕРОВАНИЯ РУСЬЮ

Чем же так очаровали византийцы киевлян, подвигли на принятие православия? – Византия поддерживала свой международный престиж не только военными действиями, дипломатией, но и импозантным величием своей культуры. Византийское искусство – один из важнейших очагов средневековой художественной культуры Европы и Ближнего Востока.

Термин “культура” ныне имеет более пятисот значений, но нужное нам формируется просто и точно: “Специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленной в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе”. Таким образом, тип той или иной культуры определяется двумя параметрами: ландшафтным, кормящим людей и темпоральным, в котором техника меняется, иногда совершенствуется, иногда приходит в упадок, что всегда происходит из-за смены этногенеза.

Эстетический момент играл особенную важную роль в византийском возрождении IX–XI веков, то есть как раз в то время, когда Русь принимала крещение. Патриарх константинопольский Фотий в IX веке в обращении к болгарскому князю Борису настойчиво высказывает мысль, что красота, гармоническое единство и гармония в целом отличают христианскую веру, которая именно этим разнится от ереси.

Неотразимое действие внушительного облика Константинополя, его могучего флота, великолепных архитектурных сооружений, ослепительной пышности придворного церемониала производил неизгладимое впечатление на современников. По сути Византия на заре средневековья являлась единственной хранительницей эллинистических культурных традиций. Материальная красота в Византии стала рассматриваться как символ, отблеск иной, сверхземной красоты. Византийская церковь в представлении современников являла собой “бестелесный и духовный театр”. До некоторой степени, особенностью христианства являлось то, что оно не отвергало плоть, допуская ее “одухотворение”, переход в нетленное состояние, признавала воскрешение тел, как бы они не разложились. Догмат воплощения Христа в облик человека есть утверждение “божественной” символики земного тела [107, с. 22–23].

Храм св. Софии был построен в VI в. малоазиатскими зодчими Анфилием и Исидором. Византия не стремилась уничтожать “языческие” памятники, хотя ее собственные идеалы и творческие устремления были иными. В качестве исходного пункта ею использовались традиции позднеантичной живописи – стиль иногда условно называют “античным импрессионизмом” [107, с. 24–27].

Образование в Восточной Европе Древнерусского государства имело важные последствия и для Византийской империи. Взаимоотношения с Русью играли во внешней политике Византии

первостепенную роль. Влияние Византии на Киевскую Русь и славянский фактор в имперской политике Византии в IX–X вв. трудно переоценить. В то же время влияние византийской культуры, которая достигает в данный период своего расцвета, на Русь нельзя недооценивать. В IX в. в Византии появились такие ученые как крупнейший византийский мыслитель Лев Математик – специалист в механике и математике, открывший в середине IX в. высшую школу в Константинополе и преподававший там философию. В IX в. византийским врачом Никитой было составлено руководство по хирургии, имевшее большое практическое значение для врачевания больных. Многие представители церковной иерархии, правители империй были крупными учеными. Патриарх Фотий – крупнейший политик и богослов, идеолог византийской феодальной знати, оставил немало сочинений, в том числе и светского характера. Особое место занимает сборник “Мириобиблион” – анализ содержания 280 произведений античных авторов с выписками из них. В X в. составляется ряд сборников и энциклопедий по различным отраслям знаний. Лично императору Константину Багрянородному приписывалось составление трактатов “Об управлении государством”, “О фемах и народах”, содержащих разного рода данные о византийском обществе и о соседних народах, в частности сведения о русских землях [59, т. III, с. 220–222]. В Византии сохранились традиции эпохи Великих соборов V–VI вв. и церковная служба проводилась на общепринятом греческом языке, основой культурного единства было убеждение, для которого необходимо понимание. Поэтому в греческих городах шли постоянные споры на темы догматики, этики, апологетики и прочих теологических дисциплин. Духовенство практически не отделяло себя от паствы, поэтому светские образованные люди иногда становились патриархами: Тарасий, Никифор, Фотий.

Исповедание веры всегда отражает мироощущение этноса, исторически сложившееся в течении веков на основе определенных запретов и разрешений, причем те и другие воспринимаются как нечто естественное, само собой подразумевающееся и не подлежащее перепроверке. Это стереотип поведения: у каждого этноса он свой, не похожий на все иные стереотипы. Смена религий и для одного человека – сложнейшая морально-нравственная проблема, грандиозная ломка психики – ведь по своей сути человек “меняет душу,” – но она неизмеримо сложнее, когда речь идет о целом народе, этносе с устоявшимися традициями культуры и быта. И, тем не менее, смена языческих культов мировыми религиями была повсеместной, хотя детали этого процесса различны. На Руси (в отличие от общепринятой точки зрения) процесс христианизации был особенно длителен, а не неким единовременным волевым актом, потому что проповедь православия встречала сопротивление не только местных славянских представлений о духах леса, воды, дома и об упырях – неуспокоенных душах мертвых, – но и соседних религиозных доктрин, претендующих на преобладающее место в мировой культуре [7, с. 243].

У истоков христианизации Руси стояли представители славянской династии Киевичей Аскольд (возможно, и Дир), которым было необходимо преодолеть инерцию многовековых традиций язычества, стереотипы привычного и традиционного.

Э. Шилз, рассматривая содержание термина “традиция” отмечал: “Традиционность традиционных обществ” только постулируется. ...Она принимается через ссылку на ее присутствие в прошлом: “Мы поступаем так, как мы поступали раньше или потому, что так поступал основатель”. Принятие в настоящем не является функцией биологической структуры или генетического достояния, оно должно осуществляться через восприятие прошлого, имеющего причинную и необходимую связь с настоящим.

Некоторые представления поколения за поколением воспроизводят в силу необходимости решать проблемы, возникающие в повседневной жизни [2, с. 240–242].

Традиция утверждается через межвременную преемственность представлений. Преемственность означает передачу наследия. Передаче подлежат не действия, а только их

образцы, нормы и принципы легитимности. Однако преемственность подразумевает не только передачу, но и восприятие этого наследия [2, с. 242].

В заключении, Э. Шилдз, резюмировал: “Минувшее” как таковое представляется источником авторитета, не зависимым от мнения современников” [2, с. 243].

*Молчи, прошу, не смей меня будить!
О, в этот век преступный и постыдный
Не жить, не чувствовать – удел завидный...
Отрадно спать, отрадней камнем быть.*

Микеланджело

12.4. ЯЗЫЧЕСКАЯ КОНТРЕФОРМАЦИЯ НА РУСИ

Л.Н. Гумилев, анализируя норманнскую теорию, акцентировал внимание на том, что в период появления варягов на авансцене Древней Руси, там правила славянская династия во главе с Аскольдом и Диром, ведущая свою родословную от Кия: “В IX в. Русской землей именовалась Южное Поднепровье, где два этноса – россомоны и славяне – еще в IV в. воевали с готами на стороне гуннов. История их до IX в. неизвестна. Ясно лишь, что Киевский каганат был сильным и независимым государством наряду с каганатами Венгерским, Болгарским, Хазарским. В 860 г. русы совершили победоносный поход на Константинополь (неверно датированный Нестором 866 г.), принудили Византию заключить выгодный для них мир и частично приняли православие” [30, с. 172].

Для аргументации существования государственности восточных славян в доваряжский период Л.Н.Гумилев приводит следующие исторические факты: “В 864 г. русы воевали с болгарам, в 865 г. – с полочанами, в 867 г. – с печенегами, в 869 г. – с кривичами. Однако при столь активной внешней политике столкновений с хазарами не было: миссия св. Кирилла в Хазарию в 860 г. проходила в мирной обстановке. Это говорит не о миролюбии правительства Хазарии, а о могуществе Киева, союзе русов с мадьярами и сложности обстановки на Каспии. В 860–880 гг. киевское правительство Аскольда и Дира было настолько крепким, что могло не страшиться хазарской агрессии. Более того, киевляне расширили зону своего влияния на север, не опасаясь конфликта со шведами.

На территории Швеции около 859 г. было несколько королей: Бьерн Прихольмный, его соправители Эмунд и Олаф. Сын Эмунда, Эрик, в 854 г. совершил поход на восток, обложив данью куров, эстов и финнов. Но его интересовали только берега Балтийского моря, а кривичи, меря (черемисы) и весь (вепсы) жили на заселенных водоразделах Восточной Европы” [30, с. 172].

Военные походы русов на Византию, дипломатические и торговые контакты двух держав, привели к тому, что византийский император направил на Русь епископа, который в период правления Аскольда и Дира крестил часть русов. Степень христианизации в IX в. не следует преувеличивать, ибо еще были сильны позиции язычества и только небольшая часть правящей элиты русов, дружинников приняла религию Христа [11, т. II, с. 249].

Но, тем не менее, это были те всходы мировой прогрессивной религии, которые обещали дать на славянской земле как итог приобщение на равных к европейскому сообществу, в ведущих государствах которого уже господствовало христианство, являвшееся в тот период евроинтеграционным началом.

Важнейшей закономерностью развития общественных систем является то, что перемены, сколь бы они не были прогрессивны и желанны, должны “созреть” во всех основных социальных ячейках общества, оно должно быть “беременным” новациями, проистекающими из объективной зрелости ее социально-экономических структур.

Языческая оппозиция попыткам христианизации Киевской Руси, предпринятой Аскольдом и Диром, встала на путь государственного переворота, устранения славянских князей-реформаторов, с привлечением к решению данных задач иноземных язычников-наемников, надеясь их затем нейтрализовать в силу их оторванности от массива наследия Киевской Руси.

Л.Н. Гумилев, рассматривая данную историческую ситуацию, отмечал: “Вспомним, что Рюрик был варяг (это профессия) из этноса “руси” (россомонов). Не ужившись дома, он принял предложение “Гостомысла” (или партии “гостомыслов”) и укрепился в Новгороде. Согласно Начальной летописи – “Повести временных лет”, под его контролем была небольшая и редконаселенная территория: Ладога, Белоозеро и Изборск. Полоцк и Смоленск в 864–869 гг. были подчинены русам, т.е. Киеву, где сидели враги Рюрика – Аскольд и Дир. Пополнять свое войско Рюрик мог только одним способом – наймом варягов из заморья. Они-то и захватили Киев для его сына, называемого в летописи Игорь Старый.

И тут возникает новая неясность: почему хитрый захватчик, убив только двух правителей города, не встретил сопротивления в народных массах? Очевидно, у варягов была столь мощная поддержка, что славяно-русы не рискнули повторить попытку Вадима Храброго, пытавшегося в 864 г. выгнать Рюрика из Новгорода. Летопись об этом молчит” [7, с. 275].

Дружина Аскольда и Диры, по обычаям рассматриваемого периода, включала в свои ряды не только представителей славянства, но и наемников-профессионалов, наиболее боеспособными из которых были варяги. Последние в данный период были воинствующими язычниками, в период своих набегов-походов на европейские страны безжалостно грабившими церкви и монастыри, вырезавшие их служителей.

Роль дружины в период становления и развития славянской государственности была исключительно значима. По трактовке И.Н. Данилевского, дружина буквально означает “отряд воинов” и происходит от слова “друг”, которое первоначально было очень близко по значению словам товарищ, соратник. Видимо, князя и дружинников когда-то действительно связывали дружеские узы, которые подкреплялись взаимными личными обязательствами, действовавшими на уровне неписанных морально-нравственных норм, строжайше соблюдаемых.

В частности, князь брал на себя обязанность справедливого распределения средств, добытых им совместно с дружиной. Дружина, в свою очередь, должна была поддерживать и защищать своего князя. Нарушение одной из сторон условий такого договора (который на Руси основывался на нормах традиции, обычного права) влекло за собой его расторжение: князь снимал с себя обязательства выделять часть полученной дани и защищать своего бывшего дружинника, а тот, соответственно, прекращал служить прежнему государю.

Дружина являлась гарантом реализации решений князя и соблюдения при его участии договоренностей. Она могла выполнять как полицейские (внутренние), так и “внешнеполитические” функции по защите племен, пригласивших данного князя, от насилия со стороны соседей. Кроме того, князь при ее поддержке мог осуществлять контроль над важнейшими путями транзитной международной торговли (взимать налоги и защищать купцов на подвластной ему территории) [28, с. 79]. При этом дружина служила гарантом сохранения статуса князя в социальной иерархии, степени значимости в рамках существовавшего геополитического пространства.

Личная преданность древнерусских дружинников не закреплялась временными земельными владениями (ленами), что было характерно для западноевропейского средневековья. Древнерусский дружинник не получал за свою службу (и на время) земельного надела, который

мог бы обеспечить его всем необходимым [24, с. 79]. В этом заключалась и сила и слабость дружинной системы восточного славянства, так как дружинники, не отвлекаясь на хозяйственные нужды своих ленов, владений, уделяли значительное внимание доскональному овладению воинским искусством, выполнению разнообразных функций в аппарате княжеской власти.

Дружина находилась вне общинной структуры – как социально, так и территориально. Дружинники жили обособленно, на княжеском “дворе” (в княжеской резиденции). Вместе с тем их отношения с князем в какой-то степени воспроизводили общинные порядки в своем внутреннем устройстве. В частности, в дружинной среде князь считался первым среди равных.

Значение дружины не исчерпывалось ее ролью как ядра военной мощи славянства, так как она выполняла некоторые управленческие функции.

Характерной особенностью является и то, что военная сила и общественная власть еще не оторвались друг от друга, составляя некое диалектическое единство. При этом власть принадлежала тому, кто представлял собой военную мощь, которую олицетворяла собой дружина, ее боевая мощь.

Трансформация славянского общества от родоплеменных отношений к государственным было связано со значительным изменением функций правителей. Ф. Энгельс акцентировал внимание на том, что самый жалкий полицейский служащий цивилизованного государства имеет больше “авторитета”, чем все органы родового общества, вместе взятые; но самый могущественный монарх и крупнейший государственный деятель или полководец эпохи цивилизации мог бы позавидовать тому не из-под палки приобретенному и бесспорному уважению, которое оказывают самому незначительному родовому старейшине. Последний стоит внутри общества, тогда как первые вынуждены пытаться представлять собой нечто вне его и над ним [2, с. 151].

Конфликтом между христианской частью властной элиты, дружины и убежденными, воинствующими язычниками из их числа воспользовались кондотьеры-наемники во главе с непосредственно претворявшим план захвата Киева Олегом, который вступил в сговор с киевской языческой реакцией.

Н.Ф. Котляр, анализируя летописные данные о захвате Олегом Киева, пришел к заключению, что Олег вовсе не был “княжеского рода”, чем хвастался перед Аскольдом и Диром. Наоборот, последние были потомками первых киевских князей Кия, Щека и Хорива, о чем прямо говорится в Древнейшем своде 1039 г. Таким образом, удачливый кондотьер, предводитель лихой дружины устранил наследственных киевских князей Аскольда и Дира (возможно, одного из них) и принялся самовластно править в Киеве. Это бесспорный исторический факт. Но сам способ овладения Киевом носит легендарную окраску. Реальное в своей основе предание могло содержать легендарные, сказочные мотивы [60, с. 61].

Е.А. Рыдзевская, анализируя данные об Олеге, содержащиеся в летописях, приходит к заключению, что легенда в том виде, в каком нам ее дает летопись, слагается из нескольких элементов, а именно: из преданий о походе Олега на Смоленск, Любеч и Киев, о хитрости, которую он пустил в ход против Аскольда и Дира, и из той совершенно явно выраженной династической тенденции, которой руководствовался летописец при обработке своего материала. Согласно этой тенденции он, во-первых, связал южнорусских князей, Аскольда и Дира, с призванными на севере князьями, сделав их дружинниками Рюрика; во-вторых, стремясь согласовать между собой многочисленные устные предания древнейшего периода и подчинить их определенному династическому принципу, выдвигающему первенство рода Рюриковичей, он изобразил Олега родичем Рюрика и чем-то вроде регента при Игоре. Походы, о которых говорит здесь летопись, ведутся Олегом от имени рода Рюриковичей и в его

интересах; Аскольд и Дир оказываются самозванцами, узурпаторами, которых и устраняет тот же Олег [47, с. 173].

При завоевании Киева Олег имел в рядах своих воинов как варяжских, так и чудь, словенов, меря, весь, кривичей. Захватив Смоленск и Любеч, и посадив там наместников, Олег подступил к Киеву. Версия Нестора о захвате Киева Олегом, по мнению большинства ученых, в том числе М.Ф. Котляра, имеет явно выраженный фольклорный характер и в ее основе лежит, очевидно, войсковая (дружинная) песня, которую сложил кто-то из ближайшего окружения Олега, восхищенный его хитростью и сообразительностью [46, с. 44].

А.А. Шахматов полагает, что имена Аскольда и Дира были соединены в местном киевском предании, а гибель их в связи с нападением Олега на Киев – комбинация составителя Древнейшего свода. Он сомневается, чтобы в устном предании Олег имел дело с Аскольдом и Диром, и считает возможным, что оно приписывало Олегу убийство Кия с братьями, о чем и говорится в позднейших летописных сборниках. Почему в некоторых из них устранены Аскольд и Дир и проведена прямая линия от Кия к Олегу – один из тех вопросов, для которых требуется особое исследование о преданиях древнейшей летописи в составе московских сводов. Пока можно лишь выразить сомнение в предполагаемом Шахматовым фольклорном происхождении этого, в частности, варианта, основанного, может быть, на том, что в глазах сводчика Кий как эпоним был ярче и выразительнее Аскольда и Дира; это и побудило его непосредственно перекинуть мостик от Кия к знаменитому Олегу [46, с. 175].

В основу еще одной версии захвата Олегом Киева, положен фольклорный источник, помещенный в одном из поздних, XVII столетия, российских летописаний: “Вначале Олег притворился больным, лег в ладье и послал к Аскольду и Диру со словами: “Я гость подугорский и иду к грекам от Олега князя и от Игоря княжича, а ныне я больной и имею при себе много ценного бисера и всякого узорочья, и еще кое что я имею вам сказать из уст в уста”. Аскольда и Дира, которые доверчиво откликнулись на этот призыв, убивают просто в ладье. При этом эпизод с переодеванием в купцов и засадой воинов, отсутствует.

Характерно, что мотив взятия города или крепости переодетыми и закованными воинами – пример троянского коня – принадлежит к наиболее распространенным в народном творчестве различных народов мира [46, с. 45].

На основании данных исторических фактов можно прийти к заключению, что попытка использования пришлого воинского контингента – боеспособных, обладавших передовым вооружением, имевшим совершенные по тем временам стратегические навыки варяжских наемных дружин в качестве третьей силы в борьбе прогрессивно-новаторских тенденций славянских князей Аскольда и Дира, вступивших на путь христианизации Киевской Руси и их консервативно-языческой оппозицией, привело к тому, что, воспользовавшись благоприятной исторической ситуацией, предводители варяжских дружин уничтожили правящую славянскую династию киевских князей в лице Аскольда и Дира, подчинили себе языческую верхушку Киевской Руси и в целях закрепления своего господствующего положения в правящей элите восточнославянского государства пошли на “подчистку”, “реконструкцию” истории, внедрения мифа о “добровольном” призвании варяжской династии Рюриковичей на княжение, а не в качестве наемной дружины для службы в интересах державности Киевской Руси.

Таким образом, после введения христианства Аскольдом и Диром в Киеве, охватившем верхушку славянской элиты, но не проникшем в глубинные пласты этноса, часть дружины, представленная наемниками – скандинавами, венграми и др., славянские жрецы – волхвы, их тайные сторонники в окружении династии Киевичей (Аскольда и Дира), составили заговор с привлечением внешней силы наемников-варягов для уничтожения первокрестителей Руси.

При поддержке и попустительстве заговорщиков в Киеве, варяги-наемники, представившись купцами, убивали христианнейших Киевичей и, воспользовавшись смятением, захватили власть на Руси.

Затем происходит корректирование истории, ее подчистки, чтобы обосновать их прогрессивное значение в истории славянства данного кровавого эпизода. Таким образом, вполне вероятно, что первокрестителями Руси и первыми святыми христианскими мучениками являются Аскольд и Дир

В грозе и молнии кует народ русский славянскую судьбу свою. Обозрите всю историю русскую. Каждое разорение оказывалось обновлением. И пожар, и разор лишь способствовали величю земли русской.

Н.К. Рерих

Кто же мы такие есть – крестились и крестимся по-византийски, азбуку выучили болгарскую, книжки читаем немецкие и английские?

Г. Шпет

РАЗДЕЛ 13. РЮРИКИ В ИСТОРИИ КИЕВСКОЙ РУСИ

Н.М. Карамзин солидаризируясь с аргументами Нестора-летописца о мотивах “призвания” варягов на княжение на Руси, пытается усилить весомость данных аргументов следующими доводами: “Несторъ пишетъ, что Славяне Новгородскіе, Кривичи, Весь и Чудь отправили посольство за море къ Варягамъ-Руси, сказать имъ: “Земли наша велика и обильна, а порядка въ ней нтъ: идите княжить и владеть нами. Слова простыя, краткія и сильныя!” [11, т. I, гл. IV, с. 69].

Н.М. Карамзин, ощущая некое логическое несоответствие приводимых аргументов в подтверждение версии “призвания” варягов замечает: “Не знаемъ, благословиль ли народъ перемьну своихъ гражданскихъ уставовъ? Насладился ли счастливою тишиною, рѣдкою въ обществахъ народныхъ? Или пожалель о древней вольности? Хотя новѣйшіе Лѣтописцы говорятъ, что Славяне скоро вознегодовали на рабство, и какой-то Вадимъ, именуемый Храбрымъ, палъ отъ руки сильнаго Рюрика вмьсть со многими изъ своихъ единомышленниковъ въ Новьгородъ – случай вѣроятный: люди, привыкшіе къ вольности, отъ ужасовъ безначалія могли пожелать Властителей, но могли и раскаяться, ежели Варяги, единоземцы и друзья Рюриковы, утсняли ихъ – однакожь сіе извьстіе, не будучи основано на древнихъ, сказаніяхъ Нестора, кажется одною догадкою и вымысломъ” [11, т. I, гл. IV, с. 69–70].

*Что значит знать?
Вот, друг мой, в чем вопрос.*

Гёте

13.2. НОРМАННСКАЯ ТЕОРИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ КИЕВСКОЙ РУСИ

Л.Н. Гумилев, анализируя основные аспекты норманнской теории, высказывал по рассматриваемой проблеме следующую точку зрения: “История варяжского проникновения в славянские земли темна, потому что детали этих событий сознательно затушеваны летописцами XII в. Общеизвестно, что в 862 г. варяжский конунг Рюрик появился в Новгороде и, сломав сопротивление антиваряжской партии, возглавленной неким Вадимом Храбрым, обложил данью северных славян. Но от вторжения в Русскую землю Рюрик воздержался” [7, с. 172].

Б.А. Рыбаков подчеркивает, что, к сожалению, “Повесть временных лет” крайне скупо сообщает о Рюрике и его братьях. Но, несмотря на всю эпичность летописных сведений, отрицать некое рациональное зерно нет оснований. Был ли он Рюриком Фрисландским, Рюриком Ютландским или “ререк” означает: “с его домом и верной дружиной?” Существовали ли братья Рюрика Синеус и Трувор или их имена это перевод шведских слов? [61, с. 298].

Таким образом, летописные сообщения о “призвании варягов” вызывают более противоречивые суждения, чем предание о Кие. Одни ученые считают их в основе своей исторически достоверными, другие полагают, что летописный рассказ – легенда, сочиненная много позже описываемых в ней событий [100, с. 36–40].

Ряд ученых, в том числе Л.Н. Гумилев, весьма скептически оценивают “Повесть временных лет” как исторический документ: “Нестор, подобно М.Н. Покровскому, понимал историю как “политику, обращенную в прошлое” и защищал интересы своего монастыря и своего князя, ради чего грешил против истины”.

Д.С. Лихачев охарактеризовал “Повесть временных лет” как блестящее литературное произведение, в котором исторические сведения либо преобразованы творческим воображением автора, как, например, легенда о призвании варягов, либо подменены вставными новеллами, некоторые из коих восходят к бродячим сюжетам. Он весьма критично разбирает соображения А.А. Шахматова, и это дает возможность на основе обеих работ установить последовательность и связь событий древнерусской истории, пусть не в деталях, но в том приближении, которое необходимо и достаточно” [7, с. 156–157].

При рассмотрении аспектов формирования государственности Древней Руси наиболее дискуссионной является норманнская проблема. Н.М. Карамзин, анализируя источниковую базу норманнской проблемы, обобщенно называемой “призванием варягов”, отмечал: “Сіе происшествіе важное, служащее основаніем Исторіи величія Россіи, требуетъ отъ насъ особеннаго вниманія и разсмотрѣнія всѣхъ обстоятельствъ” [2, т. I, гл. I, с. 26].

Нестор, излагая версию о призвании варягов отмечал: “В год 6370 (862 г. по новому летосчислению) изгнали варяг за море и не дали им дани, и начали сами собою владеть. И не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица и стали воевать сами с собою. И сказали они себе: “Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву”. И пошли за море к варягам, к Руси. Те варяги назывались русью подобно тому, как другие называют свеи (шведы), и иные норманны и англв, а еще иные лотландцы, – вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”. И избрались трое братьев со своими родами и взяли с собою всю Русь, и пришли к славянам, и сел старший Рюрик в Новгороде, а другой – Синеус – на Белоозере, а третий – Трувор – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля” [25, с. 34–35].

Н.М. Карамзин следующим образом комментирует данный значимый для рассмотрения становления державности Руси этап ее истории: “Бояре Славянскіе, недовольные властію завоевателей, которая уничтожала ихъ собственную, возмутили, можетъ быть, сей народъ легкомысленный, обольстили его именемъ прежней независимости, вооружили противъ Нормановъ и выгнали ихъ” [11, т. I, гл. IV, с. 68].

Анализируя сообщения Нестора-летописца, академик Б.А. Рыбаков акцентирует внимание на том, что согласно “Повести временных лет” в 862 г. Рюрик был “призван” в Новгород, где захватил власть при помощи некоего Гостомысла, имя которого, вероятно, было нарицательным. Утвердившись в Новгороде, Изборске и Белоозере, он, подчинив окрестные племена, создал свою державу. Вскоре в Новгороде вспыхнуло восстание против Рюрика, которое возглавлял Вадим Храбрый, но восстание было быстро подавлено [61, с. 298].

Наиболее весомым аргументом “призвания” варягов Н.М. Карамзин считает аргумент о том, что славяне были “людьми, которые, умевъ сражаться за вольность, не умели ею пользоваться” [11, т. I, гл. IV, с. 69].

Никоновская летопись повествует о сопротивлении, оказанном восточными славянами варягам: “Оскорбишася новгородци, глаголюще, яко быти нам рабом и многа зла всяческа пострадати от Рюрика и ради его... Того же лета уби Рюрик, Вадима Храброго и иных многих изби новгородцев съветников его”.

С.М. Соловьев, анализируя летописную версию “призвания” варягов, отмечал: “Призвание первых князей имеет великое значение в нашей истории, есть событие всероссийское, и с него справедливо начинают русскую историю. Главное, начальное явление в основании государства – это соединение разрозненных племен через появление среди них сосредоточивающего начала, власти. Северные племена, славянские и финские, соединились и призвали к себе это сосредоточивающее начало, эту власть. Здесь, в сосредоточении нескольких северных племен, положено начало сосредоточению и всех остальных племен, потому что призванное начало пользуется силою первых сосредоточившихся племен, чтоб посредством их сосредоточивать и другие; соединенные впервые силы начинают действовать” [62, с. 91].

И.Н. Данилевский, анализируя этапы “формирования” норманнской теории в аспекте не только как исторической концепции, сколько как позднейшей политико-конъюнктурной ее интерпретации, отвечавшей устремлениям различных властных институтов, отмечал: “Норманнская проблема? Именно так было воспринято сообщение “Повести временных лет” Иоганном Готфридом Байером и Герардом Фридрихом Миллером, двумя немецкими историками, приглашенными Петром I для работы в Санкт-Петербург в 1724 г. В частности, опираясь на приведенный текст, они утверждали, что свое имя Россия – вместе с государственностью – получила от скандинавов. Ответом на это стал “репорт” М.В. Ломоносова на высочайшее имя от 16 сентября 1749 г. по поводу труда Г.Ф. Миллера “О происхождении имени и народа Российского”. В нем, в частности, утверждалось, что “если бы г. Миллер умел изобразить живым штилем, то он Россию сделал бы столь бедным народом, каким еще ни один и самый подлый народ ни от какого писателя не представлен” [24, с. 45].

И.Н. Данилевский на основании изложенных данных приходит к заключению о том, что “химии адьюнкту Ломоносову” принадлежит сомнительная честь придания научной дискуссии о происхождении названия “русь” и этнической принадлежности первых русских князей вполне определенного политического оттенка. Спор между “норманистами” и “антинорманистами”, то затихая, то вновь обостряясь, продолжается уже свыше двух веков [24, с. 45].

Историографическая традиция, идущая от И. Байера, отождествляет варягов с германоязычными норманнами, исходя из факта совпадения некоторых варяжских имен, а также имен русских послов и купцов из договоров Олега и Игоря с греками со скандинавскими именами. Это отождествление является основой “норманизма”. Крайние норманисты связывают с норманнами все основные черты древнерусской цивилизации, умеренные настаивают лишь на принадлежности к норманнам княжеской династии и социальной верхушки возникшего в IX в. государства.

Традиционный антинорманизм, у основания, которого стоял М.В. Ломоносов, признавал варягов за балтийских славян или этнически разнородное прибалтийское население.

Сторонники этого направления обращали внимание на то, что летописец указывает не на скандинавское, а на северогерманское “заморье”, заселенное в тот период славянами. Полемизируя с единственным серьезным аргументом норманистов – совпадением ряда варяжских и скандинавских имен, М.В. Ломоносов указывал, что “на скандинавском языке не имеют сии имена никакого знаменования” [63, т. VI, с. 30–31]. Столетия спустя С. Геденов высказывал точку зрения, что “при догмате скандинавского начала Русского государства научная разработка древнейшей истории Руси немыслима”. Такой вывод неизбежно вытекал из факта отсутствия в древнерусском языке и культуре (в том числе в древнерусском язычестве) бесспорных германизмов.

Значительная часть ученых, начиная с М.В. Ломоносова, объявила теорию норманнского происхождения первых русских князей антиисторичной. Разве могли норманны основать единое Русское государство, почему славяне не могли это сделать без их помощи? [110, с. 99–107].

Негативное отношение к версии о “призвании” варягов присуща концепции Д.И. Иловайского, отмечавшего, что “известные летописные рассказы долгое время принимались за исторические события. Различным образом решали вопрос: кто были Руссы и откуда призваны князья? Большинство ученых выводили князей и всю Русь из Скандинавии (вслед за петербургскими академиками прошлого столетия Байером и Шлецером). Иные ученые выводили Русь из других мест, и преимущественно от Балтийских Славян из Померании. Но в настоящее время более тщательные исследования показывают, что упомянутые рассказы должны быть отнесены к области баснословия. Летописное предание первоначально говорило только о призыве Русью и другими племенами князей из Варяг, а потом подверглось искажению от переписчиков, так что смешало пришлых Варягов или Норманнов с туземным народом Русь. Варяги только в X веке появляются на Руси как наемное войско, и только в следующем XI веке они, в качестве наемников, встречаются и в службе Византийских императоров под именем Варангов. Русь является племенем не только туземным, но и Славянским, на что ясно указывают ее поклонение Перуну и другим славянским божествам, а также ее славянский язык, памятником которого служат дошедшие до нас договоры с Греками” [64, с. 22–23].

Анализируя летописную версию “призвания” варягов, Б.А. Рыбаков отмечает: “Историки давно обратили внимание на анекдотичность “братьев” Рюрика, который сам, впрочем, является историческим лицом, а “братья” оказались русским переводом шведских слов. О Рюрике сказано, что он пришел “с роды своими” (“sine use” – “своими родичами”) и верной дружиной (“dru war” – “верной дружиной”).

Было ли призвание князей или, точнее, князя Рюрика? Ответы могут быть только предположительными. Норманнские набеги на северные земли в конце IX и в X в. не подлежат сомнению. Самолюбивый новгородский патриот мог изобразить реальные набеги “находников” как добровольное призвание варягов северными жителями для установления порядка. Такое освещение варяжских походов за данью было менее обидно для самолюбия новгородцев, чем признание своей беспомощности.

Могло быть и иначе: желая защитить себя от ничем не регламентированных варяжских поборов, население северных земель могло пригласить одного из конунгов на правах князя с тем, чтобы он охранял его от других варяжских отрядов [61, с. 298].

Интересные изыскания, посвященные Рюрику, провел А.А. Шайкин в работе “Се повести временных лет”: “От Кия до Мономаха”. В частности, А.А. Шайкин акцентирует внимание на том, что “О Рюрике рассказывается ровно столько, сколько донесла молва или какие-нибудь иные источники. Что же делал Рюрик в Русской земле? “Повесть временных лет” говорит об этом крайне скупо: он раздавал русские города своим мужам да отпустил Аскольда и Дира на Царьград. В 879 году он умер, передав княжение родственнику Олегу, поскольку его собственный сын Игорь был еще очень мал. Поэтому Рюрик выглядит в “Повести” фигурой

местного, областного значения. Семнадцать лет он утверждался на севере Руси, но что он делал, прославился ли чем-нибудь – об этом ничего не говорится. Киевским князем он не стал” [65, с. 28].

С исторической объективностью можно констатировать, что в “Повести временных лет”, первоначальный текст которой, составленный Нестором, был искажен последующими авторами, среди известий, принадлежащих Нестору, уцелел один отрывок, в котором описывается Русь до появления там варягов. “Вот те славянские области, – пишет Нестор, – которые входят в состав Руси: поляне, древляне, полчане, новгородские словене, северяне...” Этот список включает только половину восточнославянских областей. В состав Руси, следовательно, в то время еще не входили кривичи, радимичи, вятичи, хорваты, уличи и тиверцы. Датировать известия, содержащиеся в этом исключительно ценном отрывке, можно временем не позднее середины IX в., так как в конце IX и в X в. географические очертания Руси были, согласно той же летописи, уже иными [111, с. 348–357].

Таким образом, имеются основания говорить о нескольких этапах роста территории Руси: в VI в. земля полян-руси была ограничена рамками Среднего Приднепровья, а к середине IX в. она включила целый ряд областей, в которых имелись “свои княжения”. В состав Руси вошла широкая полоса славянских земель от реки Роси на юге до озера Ильмень на севере. Нестор упомянул и ряд финно-угорских и балтийских племен, подвластных Руси и обязанных уплачивать ей дань [19, т. II, с. 248–249].

Показательно, что кроме “Повести временных лет” ни одно другое литературное произведение XI–XIII вв. не знает Рюрика как основателя княжеского рода. В легенде этой отразились новгородские порядки, где князья “призывались” вечею, вплоть до 1470 г.

Со значительной долей исторической достоверности можно сделать заключение, что предание о Рюрике – новгородское, оно связано с местностью под Новгородом, называемом “Рюриково городище”. Предание о Синеусе – Белозерское, где даже в XIX в. показывали “могилу царя Синеуса”. Предание о Труворе связано с местными легендами Изборска.

В связи с тем, что Новгород являлся центром племени новгородских славян, Изборск – кривичей. Белоозеро было расположено в районе проживания мери, вполне возможно, что Рюрик, Синеус и Трувор были князьями этих трех племен и не были связаны между собою узами родства. Соединить этих князей узами братства по законам эпического творчества и создать легенду об их призвании, исходя из обычной в Новгороде практики призваний князей, могли летописцы, жившие в более поздний исторический период и преследовавшие присущие своему времени политические интересы.

Образно ставит проблему призвания варягов В.В. Мавродин: “...был ли реальной исторической личностью летописный Рюрик или его следует считать персонажем легенды; можно ли полагать, что Рюрик Фрисландский, современник Людовика Благочестивого, действовавший в середине и во второй половине IX в., и летописный Рюрик – одно и то же лицо, что весьма вероятно; считать ли Синеуса и Трувора реальными историческими личностями, то ли героями легенд или видеть в их именах лишь превращение в таковые непонятных славянину скандинавских слов (Снеус – “со своими родичами”, “со своим домом”, Трувор – “верный”, “верная дружина”)?

Далее В.В. Мавродин конкретизирует свою точку зрения: “Следует отметить, что легенда о трех братьях – основателях поселений, городов-государств – очень распространенный эпический мотив. Поэтому так называемое “призвание” в его классической летописной форме, связанное с 862 г., следует признать конструктивной выдумкой летописца, рукой которого управляли мирские страсти и политические интересы. В его распоряжении был знаменитый летописный рассказ об основании Киева тремя братьями, рассказ западноевропейского хрониста Видукинда о призвании бриттами братьев англосаксов Генгисты и Горзы, к которым послы

бриттов обращаются с той же речью, с которой якобы обратились русские посланцы к братьям-варягам (приглашают в “землю великую и пространную, множеством благ обильную...”) [66, с. 124–125].

А.А. Шайкин, анализируя норманнскую теорию, делает оригинальные выводы о том, что для летописцев эта легенда могла быть привлекательной во многих отношениях: она давала ту точку в прошлом, с которой можно было начинать уже не вообще славянскую, а собственно русскую историю, историю Русского государства; легенда эта утверждала самостоятельность славянских и связанных с ними финских племен в их стремлении к “порядку”, то есть к государственности, ибо государство – это прежде всего “порядок”. Инициатива здесь исходит не от варягов: их сперва прогнали за море и не дали им дани, а затем сами их и пригласили, поскольку осознали бесплодность вражды друг с другом и необходимость порядка. И, наконец, и это, может быть, самое главное, легенда о Рюрике позволяла найти единого предка всем русским князьям, провозгласить их кровное единство. А это уже теснейшим образом сопрягалось с главной политической доктриной летописцев о необходимости единства и дружбы между князьями как основе благополучия государства – доктрина эта тем самым находила дополнительное основание в кровнородственной связи всех русских князей, произошедших от единого предка.

Будучи фольклорной по происхождению, легенда о Рюрике и его братьях имеет, тем не менее, информационный по преимуществу характер. В фольклоре не все жанры обладают художественной природой. Легенда о начале власти, государственности, династическая легенда по самому своему назначению должна была иметь вид точного исторического свидетельства, и надо сказать, что летописец явно достиг этого эффекта: воздвигаемая буржуазными историками на основе этой легенды “норманнская” теория происхождения русской государственности только в последнее время может считаться окончательно списанной в архив безосновательных историко-политических гипотез [65, с. 27].

Е.А. Рыдзевская, анализируя версию “призвания” варягов следующим образом трактует ее: “Происхождение летописной легенды о призвании, таким образом, довольно сложно: в ней соединяются и предания исторического характера, и тенденциозное сочинительство летописца. Анализ можно еще продолжить в отношении ее третьей части, расчленив ее, в свою очередь, на две: 1) сказание о трех братьях происшедших из-за моря, и 2) само призвание.

По мнению Тиандера, это мотив, известный под названием “переселенческое сказание”; он подробно исследован этим автором у германских племен (саксов, лангобардов и др.). Но мотив трех братьев, стоящих во главе рода и племени, распространен далеко не у одних германцев и не всегда связывается с переселением. Тиандер не отделяет его от мотива призвания, которое, как уже сказано выше, является результатом искусственной комбинации некоторых подлинных исторических условий (если уж говорить, вслед за Тиандером, о германцах, то условий эпохи переселения народов и эпохи викингов) с определенной тенденцией автора того или иного письменного памятника. Касаясь нашей летописной легенды, Тиандер усматривает в летописи два варианта переселенческого сказания: один приурочен к Новгороду, а другой – к Киеву; первый представлен летописной легендой о Рюрике, Синеусе и Труворе, второй – сказанием о Кие, Щеке и Хориве, и, в свою очередь, имеет вариант в повествовании летописи об Аскольде и Дире” [47, с. 168–169].

Оригинальную трактовку норманнской теории дает Л.Н. Гумилев: “Легенда о Рюрике, вожде “варягов-руси”, призванном в Новгороде неким Гостомыслом для успокоения смут, ныне получила кое-какие подтверждения. Предполагается, что под выражением летописи: “Вста град на град” – надо понимать изгнание варягов из Ладоги около 850 г., а сам Рюрик отождествляется с Рюриком Ютландским, владевшим княжеством, граничившим с землями фризов, скандинавов, немцев и славян. По этой версии Рюрик в 870–873 гг. вернулся из

Новгорода на Запад, где вел переговоры с Карлом Лысым и Людовиком Немецким. Видимо, переговоры не увенчались успехом, потому что в 875–879 гг. Рюрик опять княжил в Новгороде до самой смерти. Несомненно только последний факт”. Л.Н. Гумилев отмечает: “Хотелось бы, чтобы эта гипотеза подтвердилась. Жаль расставаться с воззрениями, воспринятыми с детства. Но если она правильна, то подтверждаются определения средневековых авторов, считавших Рюрика и его династию не шведами и не немцами, а потомками древнего народа ругов, противника готов и, видимо, представителя того витка этногенеза, который предшествовал Великому переселению народов (в III в. этот народ уже стал реликтом-персистентом). Может быть, грядущие исследования подтвердят приведенную гипотезу, которую мы не имеем ни оснований, ни желания отвергнуть” [7, с. 160].

Е.А. Рыдзевская, рассматривая побудительные мотивы создания легенды о “призвании” варягов отмечает, что: “Все эти западные легенды о призвании? аналогично нашей, объясняющей появление Рюриковичей на Руси и пытающейся исторически оправдать их княжескую власть, имеют целью благовидное разъяснение и обоснование владычества завоевателей. Возможно, что сходство между этими искусственными книжно-литературными комбинациями объясняется более или менее сходными политическими условиями, при которых авторы ставили себе аналогичные политические цели.

Дошедшая до нас достаточно богатая литература скандинавского Севера не содержит ни одного хотя бы отдаленного намека на что-нибудь подобное. Замечательно, что и в ранней русской литературе легенда о призвании Рюрика с братьями и о Рюрике как о родоначальнике русских князей ограничена только летописью. В других памятниках есть указания на варяжское происхождение князей и части господствующего класса, бояр, но легенда о призвании так и не получила никакого распространения и развития в древнейшей русской письменности. Даже и летопись, т.е. наиболее ранние ее списки, с которыми мы здесь имеем дело и из которых эта легенда перешла в позднейшее летописание, после упоминания об Игоре как о сыне Рюрика под 882 г. больше не возвращается к этому последнему, не говоря уже о Синеусе и Труворе. Самое имя Рюрик среди русских князей XI–XIII вв. встречается сравнительно редко” [47, с. 166–167].

Значимый вклад в рассмотрение норманнской теории внесла работа польского историка Х. Ловмянского “Русь и норманны”. По широте подхода, охвату источников по своему значению итогового труда, определившего дальнейшее направления исследований она сопоставима с “Началом русского государства” В. Томсена (перевод на рус. яз. 1891 г.). Но в отличие от последнего – азбуки норманизма – работа Х. Ловмянского – энциклопедия антинорманизма.

Большое внимание Х. Ловмянского уделяется вопросу о происхождении названия “Русь”. По мнению автора, “серьезная ошибка старых антинорманистов заключалась в том, что они искали славянские корни в скандинавских названиях, известных по источникам, касающимся Руси, и таким образом компрометировали свои другие, иногда справедливые положения, перемежая их с ненаучными, диалектскими” [67, с. 204].

Х. Ловмянский проникновение норманнов в Польшу и на Русь рассматривал не как самостоятельное явление, а как один из факторов в истории стран, где следы норманнов заметны более всего. Х. Ловмянский считал образование раннесредневековых государств итогом социально-экономического развития общества, следствием зарождения и становления феодализма. При такой позиции в истории образования государств не остается места для определяющего влияния пришельцев.

Рассматривая ретроспективу взаимоотношений варягов с восточными славянами в сопоставлении с взаимоотношениями варягов с другими европейскими народами, Л.Н. Гумилев отмечал: “На Руси в IX в. шел надлом, переход от акматической к инерционной фазе. В это тяжелое время варяги и проникли на Русь, как бактерии в открытую рану. Но “белые кровяные шарики” – местные пассионарии – ликвидировали инфекцию, следом которой осталось только

название династии князей-воинов – Рюриковичи. Это были метисы, инкорпорированные славяно-росским этносом. Концом этого процесса этнического выздоровления следует считать не политический переворот Ольги, а культурный сдвиг – возвращение к старой готско-россомонской традиции контакта с Византией – крещение Руси Владимиром Святославичем” [7, с. 217].

Таким образом, варяги не смогли укрепиться на значительный исторический период на Руси, что являлось отнюдь не случайностью, а исторической закономерностью. Варяги не укрепились в Киеве не вследствие своих “благородных качеств”, которых у них не было, а потому, что не смогли, как не смогли укрепиться в Ирландии. Только в выжженной Нормандии и обескровленном Нортумберленде колонии норманнов, викингов, но не варягов поселились на пустошах или руинах и выжили, имея с аборигенами минимальные контакты. Зато они перестали быть норвежцами, а стали субэтносами французов и англичан” [7, с. 216–217].

При анализе аспектов норманнской теории значимый интерес представляет этимология термина “варяги”. В.Я. Петрухин, анализируя происхождение термина “варяг”, отмечал: “Первоначальное значение слова варяг – “наемник, принеший клятву верности”: это название отличало наемников от термина Руси – княжеской дружины – и распространилось в русской традиции с XI в. на всех заморских скандинавов.

Историческая ономастика, безусловно, свидетельствует о том, что Русь – более древнее слово, чем варяги: первое отражено в источниках IX в., второе встречается впервые в византийской хронике под 1034 г.” [52, с. 78].

Н.М. Карамзин рассматривая этимологию термина “варяг”, отмечал: “Слово Vaere, Vara, есть древнее Готфское и значить союзъ: толпы Скандинавскихъ витязей, отправляясь въ Россію и въ Грецію искать счастья, могли именовать себя Варягами въ смыслъ союзников” или товарищей. Сіе нарицательное имя обратилось въ собственное” [11, т. I, гл. IV, с. 28].

Историческим фактом является то, что Рюрик по “профессии” был варягом, то есть наемным воином, цели и устремления которого в целом мало чем отличались от устремлений таких кондотьеров как Кортес и Писарро и которые формулируются следующим образом: власть, слава, богатство.

Не исключено, что варяги представляли собой не один некий этнос, а являлись интернациональным собранием представителей различных народов, не желавших подчиняться жесткой сословной иерархии феодального строя, и в их состав входили и представители славянства, что объясняет факт не столь жесткой их конфронтации как с новгородцами, так затем и с киевлянами.

Анализируя влияние норманнов (северо-западный вектор европейского воздействия на восточное славянство), А.Н. Гумилев отмечал: “Наиболее показательна в этом отношении Скандинавия, страна бедная, долго пребывавшая в безопасности. В VIII в. там внезапно началось и в IX в. развилось новое явление – движение “викингов”. Необходимо отметить логическую и этимологическую связь терминов “викинг” и “варяг”, по сути, обобщающие явления одного социального порядка.

Характерно, что большая часть викингов оставалась на чужбине, ибо вернуться домой с добычей было тоже нельзя: юноша, ушедший в “вик” – укрепленный поселок викингов, разрывал все связи с семьей и родом окончательно и бесповоротно. Его забывали сильнее, чем мертвого, и пути домой ему не было.

Характерно, что викингами называли тех людей, которые не желали жить в племени и подчиняться его законам. Слово “викинг” носило тогда оскорбительный оттенок, вроде современного “пират, бандит”. Когда юноша покидал семью и уходил в дружину викингов, его оплакивали как погибшего. И действительно, уцелеть в далеких походах и постоянных боях было нелегко. При этом викинги не обладали большей храбростью, чем оставшиеся дома. Смелость южных народов часто превышает мужество народов северных, но это не

пассионарность, а другой поведенческий признак, не агрессивность, а способность к адекватной реакции, обычно проявляющейся при самозащите. Викинги боялись смерти, как все люди, но скрывали этот страх друг от друга, наедаясь перед битвой опьяняющими мухоморами. Современные им арабы бросались в атаку трезвыми, но неукротимые в опьянении викинги сминали и арабов, и франков, и кельтов” [7, с. 78–82].

Н.М. Карамзин строит следующую модель “призвания варягов”, в том числе значительных сил варяжских дружинников: “Въсть о счастливомъ успѣхъ Рюрика и братьевъ его, желаніе участвовать въ ихъ завоеваніяхъ, и надежда обогатиться, безъ сомнѣнія привлекли многихъ Варяговъ въ Россію. Князья рады были соотечественникамъ, которые усиливали ихъ вѣрную, смѣлую дружину” [11, т. I, гл. VI, с. 73].

Варяги не обладали некими особыми качествами, выделявшими их из окружения народов того времени. Так, до IX в. скандинавы еле-еле отстояли свою землю от натиска лопарей, пока не загнали их на Крайний Север, в тундру [7, с. 78].

Однако за короткий исторический период комбинаторика объективных и субъективных факторов развития Скандинавии привели к тому, что варяги, по меткому замечанию Л.Н. Гумилева, стали кошмаром для всех прибрежных областей Европы, используя реки для проникновения внутрь стран, манивших их накопленными богатствами. И не только Европа, но и Америка были жертвами “ярости норманнов”, но нигде они не могли закрепиться, кроме Северной Франции, ныне именуемой Нормандия. Значит, не так уж велика была их сила: скорее сопротивление им в IX в. было слишком слабым.

Л.Н. Гумилев отмечал, что причина внезапного и кратковременного – всего 300 лет – свирепствования норманнов была неясна еще их современникам. Первая гипотеза объясняла этот феномен как кару Божию за грехи людей. Однако до IX в. и после XI в. люди также заслуживали кары, но норманны не принимали в этом участия. По другой теории суровый климат Скандинавии вызвал выселение людей, не имевших возможности прокормить себя. Эта мальтузианская теория сразу наталкивается на непреодолимые трудности. Климат Скандинавии благодаря Гольфстриму мягок. Заселена она и ныне слабо, а 1 тыс. лет назад вопроса о перенаселении не могло и возникнуть. И, наконец, почему крестьяне, стремившиеся обрабатывать землю, вдруг сделали своей профессией грабеж, связанный со смертельным риском? Нет, что-то не то!

По третьей теории на севере Европы дом и землю получал старший сын, а младшим предоставлялось море. Так, но в Северном море шли миграции сельди, ловить которую было легче, безопаснее и выгоднее, чем класть головы во Франции, Англии и Ирландии [7, с. 78–79].

Российский историк В.О. Ключевский называл варяжскую “проблему” патологией общественного сознания, акцентируя внимание на том, что национальности и государственные порядки завязываются не от этнографического состава крови того или другого князя и не от того, на балтийском или азовском поморье зазвучало впервые известное племенное название... Итак, – отмечал он, – я совсем не против вопроса о происхождении имени Русь и первых русских князей, совсем не против пользы исследований подобных вопросов, а только против того положения, что в этом вопросе ключ к разъяснению начала русской национальной и государственной жизни [24, с. 45–46].

И.Н. Данилевский, анализируя точку зрения В.О. Ключевского, отмечал: “Несомненно, следует согласиться с великим историком и разделить фиктивную – в научном плане – “норманнскую проблему” на ряд более “мелких”, но гораздо более реальных и существенных для понимания ранней истории Руси вопросов. В частности, следует особо рассмотреть проблемы:

- происхождение и значение самого имени “Русь”;
- этнической принадлежности первых русских князей;

- роли “варяжского элемента” в ранних государственных структурах Древней Руси и, наконец, происхождения государства у восточных славян” [28, с. 45–46].

Характерно, что в настоящее время данная проблематика является не только научной, но и имеет также большое политическое значение для развития славянских государств, предопределяя самобытность модели их государственного устройства, путь дальнейшего развития.

Объективные исторические факты позволяют с достоверностью констатировать, что легенда о “добровольном призвании варягов” является недостоверным извращением реальных событий, которые неопровержимо свидетельствуют о жесточайшем противоборстве славянской правящей династии с предводителями варяжских дружин, вставших на путь захвата и узурпации власти на славянских землях [19, т. II, с. 249].

В ходе этой бескомпромиссной борьбы, славянская династия Киевичей, вставших на путь христианизации Руси, была уничтожена силами языческой контрреформации, привлекавшей для этого варяжские наемные дружины, вожди которых в дальнейшем узурпировали власть на Киевской Руси, образовав династию Рюриковичей. Для обоснования незыблемости их власти была произведена фальсификация летописных произведений Руси, исходя из концепции, что история – это политика, обращенная в прошлое.

Только имея под ногами почву родной земли, можно твердо идти вперед по неуклонному пути развития и совершенствования. Вдыхаешь воздух древности и тех зиждательных сил, которые создали наше государство и только тогда постигаешь настоящее.

П.С. Шереметьев

13.2. ОЛЕГ – СОЗИДАТЕЛЬ ВЕЛИКОЙ ВОСТОЧНОЙ СЛАВЯНСКОЙ ИМПЕРИИ

Олег – едва ли не наиболее таинственная фигура древнерусской истории. Наука не знает про него много чего: ни года рождения и смерти; ни его родителей, ни того, принадлежал ли он к правившей на Руси династии Рюриковичей [46, с. 42]. При этом период правления Олега совпадает с важнейшим этапом развития государственности Киевской Руси [108, с. 17–20].

Б.А. Рыбаков в своей книге “Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи” при рассмотрении феномена Олега в древнерусской истории отмечал: “Первое летописное упоминание об Олеге относится к 879 г. После смерти Рюрика власть переходит к воеводе Олегу, так как сын Рюрика Игорь еще мал. Когда родился Олег, кем он был по происхождению – определенно сказать нельзя, но размах его политической деятельности был поистине княжеский.

Он покорил земли древлян, северян, радимичей, оградив их от набегов хазар, и соединил Киев с Новгородом. Завоевав Север, князь обратил свое оружие к Югу, на берега Днестра и Буга. И там счастье сопутствовало Олегу. В 882 г. князь провозгласил Киев “матерью городам русским” [68].

Многие историки XIX и начала XX в. не сомневались в реальности Олега. Н.М. Карамзин полностью доверяет “Повести временных лет”. Не считает нужным подвергать сомнению сведения летописца и С.М. Соловьев. Он еще больше подчеркивает значение Олега как собирателя племен. Практически повторяют мнение своих предшественников В.О. Ключевский, Д.И. Иловайский, В.Д. Сиповский.

В “Повести временных лет” эпизод перехода власти от Рюрика к Олегу описывается следующим образом: “Въ льто 6387. Умершю Рюрикови предасть княженъе свое Олгови, от рода ему суца, въдавъ ему сынъ свои на руць Игоря, бь бо дьтескъ велми” [25, с. 34].

В данном трактуемом в “Повести временных лет” событии содержится одна из наиболее интригующих исторических загадок славянской истории, каким путем произошла передача власти от Рюрика к Олегу – путем захвата власти или заранее оговоренного регентства Олега над малолетним Игорем и почему Олег правил почти до сорокалетия своего подопечного и были ли Игорь сыном Рюрика или... сыном Олега, что объясняет 33-летний период ожидания власти Игорем?

Н.М. Карамзин следующим образом трактует обретение Олегом власти: “Рюрикъ, по словамъ летописи, вручилъ Олегу правленіе за малолѣтствомъ сына. Сей опекунъ Игоревъ скоро прославился великою своею отважностію, побѣдами, благородіемъ, любовію подданныхъ” [11, т. I, гл. V, с. 73].

Первая русская летопись – 1039 года – так называемая Древнейшая, отмечает, что Олег не принадлежал к Рюриковой династии, а был лишь воеводой, приставленным Рюриком воспитателем к малолетнему сыну.

Чтобы объяснить непонятное и невозможное в условиях феодального права самозванное княжение обычного воеводы, Нестор и объявил Игоря малым ребенком, при котором Олег играл роль правителя – регента. Но летописец не объясняет удивительное дело: шли годы, Игорь подрос, но так и не стал князем до смерти Олега. Последний же проседел на киевском престоле 30, а по другим данным – 40 лет [46, с. 43].

Н.М. Карамзин, анализируя причину нахождения князя Олега столь долгий период на Киевском престоле, отмечал: “Далее не находим никаких известий о предприятиях деятельного Олега до самого 906 года, знаем только, что он правил еще Государством и в то время, когда уже питомец его возмужал летами. Приученный из детства к повиновению, Игорь не дерзал требовать своего наследия от Правителя властолюбивого, окруженного блеском побед, славою завоеваний и храбрыми товарищами, которые считали его власть законною, ибо он умел ею возвеличить Государство” [11, т. I, гл. V, с. 95].

Позднее, так называемое Раскольническое летописание называет Олега “вум”, то есть дядькой Игоря с материнской стороны. Один из памятников XVIII столетия нарекает Олега племянником Рюрика [46, с. 43].

Историк В.Л. Татищев, которому были известны несколько летописей, которые не дошли до наших дней, называет Олега братом Рюрика [46, с. 43–44].

О.В. Творогов в работе “Древняя Русь: События и люди”, анализируя аспекты преемственности власти начального периода Киевской Руси, отмечал: “Умер Рюрик, передав, согласно ПВЛ, княжение своему родственнику – Олегу – по причине малолетства Игоря. Но это летописное сообщение крайне сомнительно: приняв его, трудно объяснить, почему же “регентство” Олега растянулось на три с лишним десятилетия. Характерно, что в Новгородской первой летописи в отличие от ПВЛ Олег вовсе не князь, а воевода Игоря. Поэтому вероятнее всего, что прямые родственные связи Рюрика и Игоря – историографическая легенда; речь идет о трех сменявших друг друга у кормила власти вполне самостоятельных князей” [41, с. 7].

М.И. Костомаров, характеризуя данные Нестора-летописца об Олеге, подчеркивал, что “...особа Олега в нашем начальном летописании есть целиком личность сказания, а не истории” [46, с. 42].

В свете этого показательны данные приводимые Е.А. Рыдзевской в работе “Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв.: Материалы и исследования”, где отмечается, что “...есть вариант, по которому Олег отнимает Киев у самого Кия и его братьев. По третьей версии, Кий, Щек, Хорив и их сестра разбойничали в Новгороде, были пойманы Олегом, помилованы и отпущены в Киев, где на них напали Аскольд и Дир, посланные Олегом в Царьград; этим и был вызван поход Олега против Аскольда и Дира. Все эти поздние варианты имеют, по-видимому, целью установить прямую связь между преданиями о Кие с братьями, об Аскольде и Дире, об Олеге и

Игоре. В сущности, это те же приемы книжной обработки древних преданий, которыми пользовались и более ранние летописцы” [47, с.175].

Н.Ф. Котляр, суммируя данные летописных преданий о князе Олеге, пришел к заключению, что Олег принадлежит к числу наиболее загадочных личностей древнерусской истории. Мы не знаем ничего ни о его социальном происхождении – князь он или знатный дружинник, ни о его отношениях (в частности, семейных) с Рюриком и сыном последнего Игорем. Новгородская первая летопись младшего извода, в которой отразился Начальный свод, предшествовавший “Повести временных лет”, считает, что Олег был не князем, а “воеводой” при сыне Рюрика Игоре, следовательно, не состоял с ними в кровном родстве. Нестор (или один из его источников, неизвестный науке) вынужден был сделать Игоря младенцем, чтобы объяснить, почему вдруг при прямом наследнике Рюрика всем заправляет другой – Олег.

Вероятнее всего, отмечает Н.Ф. Котляр Олег не принадлежал к семейству Рюрика, а узурпировал власть при помощи преданной ему дружины, сделав Игоря игрушкой в своих руках [60, с. 61].

Этапы “собираия” Олегом воедино великой славянской империи описаны Нестором следующим образом: “В год 6390 (882 по новому летоисчислению) выступил в поход Олег, взяв с собой много воинов: варягов, чудь, славян, мерю, весь, кривичей, и пришел к Смоленску с кривичами, и принял власть в городе, и посадил в нем своих мужей. И пришли к горам Киевским, и узнал Олег, что княжат тут Асколь и Дир. Спрятал он одних воинов в ладьях, а других оставил позади, а сам подошел к горам, неся ребенка Игоря. И подплыл к Угорской горе, спрятав своих воинов, и послал к Аскольду и Диру, говоря им, что-де “мы купцы, идем к грекам от Олега и княжича Игоря. Придите к нам, к родичам своим”. Когда же Аскольд и Дир пришли, все спрятанные воины выскочили из ладей, и сказал Олег Аскольду и Диру: “Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода”, а когда вынесли Игоря, добавил: “Вот он сын Рюрика”. И убили Аскольда и Дира, отнесли на гору и погребли” [25].

Е.А. Рыдзевская, исследуя аспекты сказания о захвате Олегом Киева, акцентирует внимание на том, что “Вопрос о первоначальном виде сказания о взятии Киева Олегом, так же как и об Аскольде и Дире, является весьма сложным. Если взять это сказание в том виде, в каком его дает летопись, то, за вычетом тенденциозной обработки, приданной ему составителями летописных сводов (“Начального свода” и “Повести временных лет”), можно понимать его как столкновение двух варяжских дружин с какими-то местными князьями – ситуация также весьма правдоподобная с исторической точки зрения. Подобных столкновений и участников их, как местных по происхождению, так и пришлых, в действительности было, вероятно, гораздо больше, чем указано в летописи, выдвигающей в силу своей династической схемы и исторической концепции почти исключительно род Рюриковичей. В ней совершенно ступшевались подчиненные Олегу “светлые князья” в греко-русском договоре 911 г. и “всякое княжье”, упоминаемое в договоре 944 г. Надо думать, что и о них своим чередом слагались предания (будь то в форме прозаичных рассказов или былевых песен), в которых, вероятно, сплетался и местный, и скандинавский элемент и которые не попали в летопись” [47, с. 174].

Н.Ф. Котляр высказывает оригинальную точку зрения по поводу захвата Олегом Киева: “Согласно “Повести временных лет”, Олег захватил Киев хитростью, переодев воинов купцами и спрятав их в ладьях. Вызвав на переговоры Аскольда и Дира, правивших тогда в Киеве, он именем Игоря убил их. Киев стал официальной столицей складывавшегося Древнерусского государства. Действия Олега по захвату Киева диктовались тем, что данный город принадлежал к числу крупнейших городов Восточной Европы и обладал немалыми преимуществами перед Новгородом, который был на периферии славянского мира и не мог потенциально претендовать на роль “матери городов славянских”, собирателя империи. Вероятно, это понимал князь Олег. Народная память долго хранила воспоминания о том, что с именем Олега связаны важные

события в истории Руси и ее столицы. Возникали даже легенды об основании Олегом... Москвы” [60].

Примечательно, что древнерусскому имени Олег имеется иранская параллель – Халег со значением “творец”, “создатель”. Возможно, что происхождение этого имени связано с ирано-тюркскими контактами: в тюркских языках Улуг означает “старший”, “высший”. Один из венгерских вождей эпохи переселения на Дунай носил имя Хулук. На болгарской почве тюркское Улуг дало Олег.

Практически все историки указывают на заслугу Олега в объединении славянских земель, княжеская власть продолжала распространяться на земли новых союзов племен, которые всячески сопротивлялись централизованной власти и собиранию дани.

А. Никитин рассматривая проблему, кем же являлся Олег – князем или воеводой, трактует этот вопрос следующим образом: “Олег выступает предводителем “черноморской” или “дунайской руси”, он претендует на княжеское достоинство с европейской титулатурой “светлости” и, по-видимому, именно он стоит у истока русской княжеской фамилии X века, основание которой положил брак Ольги с Игорем – первой, безусловно, исторической фигурой, о которой повествовало “Сказание о первых русских князьях” [69, с. 37].

По “Повести временных лет” Олег в 907 г. совершил свой главный подвиг – поход на Константинополь – “на конях и на кораблях”. Русский десант будто бы опустошил предместья Константинополя, убив или замучив захваченных врасплох греков. Затем Олег поставил ладьи на колеса и, снабдив их парусами, с попутным ветром достиг городских стен. Миф это или реальность можно заключить, рассматривая тактические и стратегические элементы боевого мастерства древнего славянства. М.Ф. Котляр отмечал по этому поводу: “Главным заданием славянских ладей-однодеревки была высадка десанта, который бился с врагом на суше. Именно так поступил Аскольд в период своего первого нападения на Царьгород” [46, с. 21]. Комбинация морского и сухопутного войска использовались в период похода Олега 907 года и Игоря в 944 году на Константинополь [46, с. 21].

Таким образом, после завершения этапа “собираания” славянских земель на начальном этапе становления супердержавы “Киевская Русь”, Олег приступил к ее “конституированию” в мировой “табели о рангах”. В соответствии с обычаями того времени конституирование той или иной державы на геополитической карте Евразии производилась огнем и мечом.

“Повесть временных лет” повествует об этом следующим образом: “Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варягов и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дубелов, и тиверцов, известных как толмачи: этих всех называли греки “великая Скифия”. И с этими всеми пошел Олег на конях и кораблях и было кораблей 2000. И пришел к Цорьграду; греки же замкнули Суд, а город затворили. И вышел Олег на берег, и начал воевать, и много убийства сотворил в окрестностях города грекам, и разбили множество палат, и церкви пожгли. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других мучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла сделали русские грекам, как обычно поступают враги” [25]. По мнению Н.Ф. Котляра, повествование о походе огромного войска под предводительством Олега на греков заимствовано из устного эпического источника, которым могла быть дружинная поэзия.

Параллели к рассказу Нестора о прикреплении Олегом щита к вратам Царьграда Е.А. Рыздзевская находит в ирландской саге о норвежском конуге X в. Олаве и в древней датской легенде о богатыре Гуно, известной в записи XVII в.

Ю.Ф. Козлов, подводя итог правлению князя Олега, отметил следующие прогрессивные черты его деятельности: “Олег обладал данью, строил города; при нем впервые почти все племена, жившие у берегов Днепра, собрались под одно знамя, получили понятие о своем

единстве, о Киевской Руси как отдельном государстве. Впервые славянские племена соединенными силами стали совершать дальние походы” [70, с. 27].

Д.И. Иловайский анализируя народные предания о князе Олеге, отметил, что Олег сделался одним из любимых героев народных преданий. Не довольствуясь скудной данью славянских народов, он, по словам летописца, будто бы совершил морской поход на Византию; осадил самый Царьград и отступил только тогда, когда византийский император (Лев VI Философ) заплатил ему большой откуп. Он воротился в Киев с богатой добычей, которая состояла из золота, поволоков (шелковые ткани), греческих вин и прочих товаров. За его необыкновенную удачу народ прозвал его вещим, т.е. чародеем. Византийские историки совсем не упоминают о его походе; но о его сношениях с Византией подтверждает дошедший до нас договор с императором Львом VI. Этот договор весьма выгоден для русских гостей, торговавших в Греции; например, они могли покупать в Константинополе товары, не платя за них пошлины [64, с. 24].

Благодаря тому, что князь Олег встал во главе огромного объединенного войска почти всех славянских племен, ему удалось совершить удачные походы на Царьград в 907 и 911 гг. Древнерусское государство укрепило свою военную мощь, а Византия почувствовала в ней достойного противника. Историки считают, что умер Олег в 912 г., прокняжив 33 года и сделав очень много для объединения и укрепления государства. Начинал Олег свою деятельность как норманнский конунг, даже не князь, а регент при князе. Но постепенно становился фигурой европейского значения. Славянские племена, затем хазары, наконец, греки – все отступали перед ним, все покорялись ему. Он – “вещий” для язычников и “святой” для греков [71, с. 20–21].

Год смерти князя тоже вызывает многочисленные суждения. Традиционно им считается 912 г., но Б.А. Рыбаков обратил внимание на то, что, в соответствии с летописной легендой, князь умер на 5-й год после похода на Византию, т.е. в 916 г. Возможно, это и есть год смерти Олега.

“Повесть временных лет” датирует ее 912 годом, а Новгородское летописание – 922 годом.

Расходятся источники и в описании самой смерти князя. Новгородское летописание лаконично сообщает, что Олег погиб, когда “ходил за море”.

Анализируя это сообщение, М.Ф. Котляр выдвигает гипотезу, по которой “...поскольку Киевская Русь имела в фокусе своей внешней политики Византийскую империю, очевидно, будет предположить, что имеется в виду Черное море. Такая версия имеет косвенное подтверждение хазарского документа конца X столетия про еще один поход Олега на Константинополь. Из текста документа следует, что хазары, разгромив Олега, вынудили его совершить морской поход на Константинополь” [46, с. 55].

М.Ф. Котляр предполагает, что греки уничтожили множество ладей Олега “греческим огнем”, сам же он с частью дружины бежал в Персию, где и был убит исходя из законов Хазарии как побежденный. По хазарским законам победитель получал 23 добычи, полученной в походе, в случае поражение побежденных ожидало одно воздаяние – смерть.

А. Никитин, анализируя этапы жизни Олега, находит весьма сходные аналогии с героями северных саг: “Проникшись пророчествами и неясностью слухов о гибели Олега, мы начинаем ощущать его эпический характер, сюрреальность его образа, сотканного из многих, по-видимому, реальных исторических личностей. Но именно в этот момент оказывается, что у “нашего” древнерусского героя, новгородского воеводы и киевского князя, есть двойник, окруженный в северных сагах не меньшим ореолом геройства и таинственности – “Одд со стрелами” [69, с. 35].

Жизнь и деяния Олега представляют собой картину невиданного взлета, феерических свершений и, что характерно, и смерть князя овеяна легендами. Вот наиболее распространенная: кудесник предсказал Олегу смерть от коня его, и князь расстался со своим любимцем на много

лет. Но, вернувшись в Киев и узнав, что конь умер, Олег посмеялся над предсказанием и решил посмотреть на его кости. Когда князь наступил на конский череп, из него выползла змея и ужалила Олега в ногу, отчего он вскоре умер и был похоронен в Киеве. Но это лишь легенда, имеющая отголоски в варяжских сагах и также, как легенда о “призвании” варягов имеющая не только легендарную, но и некую сакральную сторону: Олег, достигнув вершины власти, став одним из наиболее могущественных правителей Европы, был повержен волею Рока, сокрушен божественной десницей.

Не является ли данный сакральный аспект гибели, приводимый летописцем, искупителем за вероломное убийство представителей династии Киевичей – Аскольда и Дира?

Ряд ученых, исследовавших самую знаменитую легенду о смерти Олега от коня, возводят ее к древнеисландской саге об Одде. Эта сага подробно анализируется в работах А. Никитина, Е.А. Рыдзевской, Н.Ф. Котляра. По их мнению, именно легенда о смерти доказывает, что Олег не был народным любимцем. В ней прослеживается мотив судьбы, рока, может быть, возмездия за нечестные дела, хотя в памятниках народного творчества Олег выступает как удачливый и хитроумный военачальник.

Фольклористы, исследуя легенду про смерть Олега от укуса змеи, нашли ее заимствование из древней исландской саги (героической песни) про Орвара-Одда, который по версии саги, погиб от собственного коня. Так, элементы варяжской саги органично вошли в русское летописание [46, с. 57].

М.Ф. Котляр выдвигает версию о том, что народ, считая Олега вещим волхвом, не мог принять версию его гибели в битве, которые происходили тогда почти непрерывно, и считались делом обыденным – князь был сокрушен судьбой, роком, более сильным любой человеческой силы. Именно так, а не иначе, исходя из народного представления и должен был умереть великий воин и государственный деятель – Вещий Олег [46, с. 57–58].

Академик Б.А. Рыбаков, анализируя летописные данные о князе Олега, пришел к заключению, что “в русской летописи Олег присутствует не столько в качестве исторического деятеля, сколько в виде литературного героя, образ которого искусственно слеплен из припоминаний и варяжских саг о нем. Варяжская сага проглядывает и в описании удачного обмана киевлян, и в описании редкостной для норманно-мореходов ситуации, когда корабли ставят на катки и тащат по земле, а при попутном ветре даже поднимают паруса. Из саги взят и рассказ о предреченной смерти Олега – “но примешь ты смерть от коня своего”. Обилие эпических сказаний о предводителе удачного совместного похода современники объясняли так: “И приде Ольг Киеву неса злато и паволокы (шелка) и овощи (фрукты) и вино и всяко узорочне. И прозваше Ольга Вещий – бяху бо людие погани и невелиаси”. В новгородской летописи есть прямая ссылка на эпические сказания об удачливом варяге: “Иде Олег к Новугороду и оттуда – в Ладугу. Друзии же скажутъ (поют в сказаниях), яко и идущу ему за море и уклону змиа в ногу и с того умре. Есть могила его в Ладозе” [61, с. 311].

Б.А. Рыбаков, глубоко изучивший фольклорные и письменные источники об Олеге, должен был признать, что он больше похож на литературного героя, чем на исторического деятеля.

А.А. Шайкин, проводя ретроспективный анализ деяний Олега, известных по летописным изданиям, пришел к заключению, что смерть Олега стала лишь последним звеном всей его жизни, а его жизнь в летописи предстает отнюдь не механической суммой погодных записей, не совокупностью изолированных друг от друга фрагментов, а целостной, сюжетно организованной постройкой. А отсюда – расширение общего смысла жизни и смерти Олега: неудержимый его взлет от варяжского находчика до грозы Византии приводит к росту непомерной гордыни, гордыня же не может остаться безнаказанной. В глазах христианина – гордыня один из самых тяжких грехов. Поэтому такая смерть является следствием такой судьбы. В этой судьбе смерть как бы обратным светом освещает всю его прежнюю жизнь и дает

новый, уже теперь сопряженный с определенной идеей – идеей наказания за гордыню – смысл [65, с. 38].

Таким образом, Олег предстает перед нами как храбрый, ни перед чем не останавливающийся кондотьер, который по стечению ряда объективных и субъективных факторов сокрушив династию Киевичей, создал великую империю того времени – Киевскую Русь.

Внимание ученых привлек тот факт, что летописное предание о смерти Олега в “Повести временных лет” под 912 г. и близкий к нему рассказ исландской саги об Орвар-Одде – одна из скандинавско-русских параллелей, более всего обращавших на себя внимание ученых с тех пор, как был вообще привлечен к исследованию литературный материал, имеющий отношение к варяжскому вопросу.

По Шахматову, в наших древнейших летописях есть три версии о смерти Олега. В “Повести временных лет” по Лаврентьевскому списку он умирает от укуса змеи, выползшей из черепа коня, от которого волхвы предсказывали ему гибель. Это происходит где-то близ Киева; Олег похоронен на горе Щековице. По Новгородской I летописи: “иде Олег к Новугороду и оттуда в Ладогу. Друзии же сказаютъ, яко идушу ему за море и уклюну змиа в ногу, и с того умре; есть могила его в Ладозе”. Шахматов видит в этом тексте Новгородской I летописи два источника и полагает, что в Древнейшем Киевском своде читалось: “иде Олег к Новугороду и оттуда за море и уклюну змиа в ногу и с того умре”, а в Новгородском своде XI в.: “иде Олег к Новугороду и оттуда в Ладогу и тамо умре, есть могила его в Ладозе”. Приурочение смерти Олега к Киеву и связь ее с возвращением его из царьградского похода принадлежит составителю “Повести временных лет”.

Необходимо отметить, что восстановленный Шахматовым для Древнейшего Киевского свода текст предания о смерти Олега, так же как и использованный им для этого текст Новгородской I летописи, дает лишь фрагмент той легенды, которая читается в “Повести временных лет”, лишь окончание ее (смерть от укуса змеи); ни волхвов с их предсказанием, ни коня здесь нет. В полном и законченном виде эту легенду знает лишь “Повесь временных лет”. В Начальном своде, по реконструкции Шахматова, читалось то же, что и в Новгородской I летописи.

Принимая два варианта, восстанавливаемые Шахматовым по тексту Новгородской I летописи, как зафиксированные в более ранних сводах, чем “Повесь временных лет”, можно тем не менее допустить, что в устной передаче все три версии существовали одновременно [47, с. 185].

Ю.Ф. Козлов акцентировал внимание на том, что в народной памяти Олег остался не только храбрым воителем, но и вещим князем, мудрым и хитрым. Именно хитростью Олег овладел Киевом, ловкими переговорами подчинил себе без насилий племена, не дался в обман грекам. Он ужасал своих врагов, но был любим подданными. Он был не совсем законным наследником, но его подвиги, ум и рассудительность восполнили это. Однако кровь Аскольда и Дира пятнает его образ [70, с. 24].

Н.Ф. Котляр, анализируя достоверность летописных сообщений об Олеге, акцентировал внимание на том, что многие фольклористы отмечали, что отраженные в летописях предания и легенды об Олеге сохраняют типические черты устных народных произведений: живописные подробности, например, да и сам ритм эпических сказаний. Иногда кажется, что со страниц летописи говорит воинская песня, сложившаяся в кругу наиболее близких удачливому князю-завоевателю дружинников [9, с. 56–57].

С.М. Соловьев, анализируя как отразилась в легендах, былинах, других эпических формах преданий память об Олеге, о его роли в становлении супердержавы Киевская Русь, отмечал: “При разборе преданий об Олеге мы видим, что в народной памяти представлялся он не столько

храбрым воителем, сколько вещим князем, мудрым или хитрым, что, по тогдашним понятиям, значило одно и то же: хитростью Олег овладевает Киевом, ловкими переговорами подчиняет себе без насилий племена, жившие на восточной стороне Днепра; под Царьградом хитростью пугает греков, не дается в обман самому хитрому народу и прозывается от своего народа вещим. В предании он является также и князем-нарядником земли: он располагает дани, строит города; при нем впервые почти все племена, жившие по восточному водному пути, собираются под одно знамя, получают понятие о своем единстве, впервые соединенными силами совершают дальний поход. Таково предание об Олеге; историк не имеет никакого права заподозрить это предание, отвергнуть значение Олега как собирателя племен” [62, с. 108–109].

Вышеизложенное позволяет заключить, что деятельность Олега позволила конституироваться Руси как потенциально великой державе Евразийского субконтинента.

Уничтожение славянской княжеской династии Олегом не привело к “варягизации” правящей элиты Руси. Варяжские витязи, храбрые и воинственные, но при этом значительно уступавшие в развитии культуры славянам, в среду которых они внедрялись, а также в силу оторванности от Родины проходили ускоренный процесс ассимиляции, “окультуривания” мощной полифоничной славянской цивилизацией.

Убив Аскольда и Дира, Олег в силу комбинаторики объективных и субъективных предпосылок стал продолжателем их линии на укрепление мощи славянской государственности, на интеграцию в Европейское сообщество.

Сплотив разрозненные славянские племена, силой оружия – по канонам времени – заявив о крепнущей государственности Руси как в Европе, так и в Азии, Олег заложил основу мощи Киевской Руси как великой региональной Евразийской державы.

Все растает, словно лед и только одно останется – слава Руси. Слишком много принесено в жертву. Никто не сможет остановить Русь. Все сметет она со своего пути и не только сохранится, но и станет властелином мира.

Ванга (Вангелия Гуцерева)

13.3. КНЯЗЬ ИГОРЬ: СВЕРШЕНИЯ, НЕУДАЧИ, ИТОГИ

Основным источником, знакомящим нас с личностью, деятельностью князя Игоря является “Повесть временных лет”. Нестор-летописец следующим образом повествует о начальном периоде княжения Игоря: “В год 6421 (912 по новому летоисчислению). По смерти Олега стал княжить Игорь. В это же время стал царствовать Константин, сын Леона. И затворились от Игоря древляне по смерти Олега. В год 6422 пошел Игорь на древлян и, победив их, возложил на них дань больше прежней. В тот же год пришел Симеон Болгарский на Царьград и, заключив мир, вернулся домой” [25].

Значительный интерес представляет синхронизация Нестором-летописцем этапов жизнедеятельности князя Игоря с соответствующими этапами деятельности византийского императора Леона. В данном “уравнивании” Игоря и Леона содержится элемент утверждения соизмеримости по ряду параметров двух империй – Византийской и Киевской.

Многие историки отмечают, что деяния и личность Игоря упоминается в сочинениях византийских авторов. Анализирующие древнерусскую летопись А.А. Шайкин и Н.Ф. Котляр обратили внимание на то, что структура повествования об Игоре схожа с повествованием об Олеге. Летопись как бы приписывает к Олегу Игоря, год рождения которого остается, неизвестен [71, с. 32].

А Никитин высказывает любопытную точку зрения: "...время рождения Игоря приходится на начало 20-х годов X в. – то самое время, когда, по хронологии Новгородской Первой летописи, Олег, посланный Игорем, ходил на греков, вернулся в Киев и ушел "за море"” [72, с.14]. Статья А.Никитина затрагивает также вопрос о происхождении Игоря. Автор отвергает распространенное мнение об отцовстве Рюрика. Он выдвигает версию о том, что "наиболее реальным претендентом на роль отца Игоря оказывается... Одд "со стрелами", не легендарный, а вполне реальный человек..." [72, с. 18].

Весьма показательно, что биография князя Игоря напоминает судьбу его предшественника – Олега. Автор "Повести временных лет" как будто специально заботится об этом, вкладывая в это некий важный исторический контекст.

А.А. Шайкин акцентирует внимание на том, что обнаруживается в летописной биографии Игоря, целый ряд моментов очень похожих на те, какие встречались и в биографии Олега. Действительно, биография и судьба Игоря во многом напоминают биографию и судьбу Олега. Их вокняжения в Киеве как бы сопоставляются с воцарениями византийских императоров, причем, если Олег начал княжить примерно в одно время с Леоном, то Игорь одновременно с сыном Леона. После утверждения в Киеве и тому и другому князю приходится вести войны с разными славянскими племенами и, прежде всего, с древлянами. Борьба с древлянами обрамляет всю самостоятельную деятельность Игоря как великого князя, а в конце жизни его решение обложить древлян дополнительной данью оказывается столь же роковым, как решение Олега поглотиться над костями своего коня [65, с. 42].

С именем Игоря, как и Олега, связано множество исторических проблем, загадок прошлого. Рождение Игоря в Новгороде на Волхове около 879 г. историки считают нереальным. Согласно летописи Игорь – сын Рюрика, что тоже вызывает споры в научном мире. После смерти отца он был еще мал, чтобы занять великокняжеский престол, поэтому начал править Олег. И даже когда Игорь повзрослел и мог реально управлять государством, то из уважения к князю он не претендовал на власть. Если верить тому, что Олег княжил 33 года, то когда умер он престол, наконец, занял Игорь, ему уже было более 30 лет. Женой князя Игоря была известная в истории Руси княгиня Ольга. Брак этот был заключен еще при князе Олеге. Строгая датировка летописи растягивает жизнь Игоря совершенно неправдоподобно. Нельзя не верить договору, заключенному с Византией в 945 г. Но в таком случае Игорь заключал его, будучи старцем [108, с. 20–22].

В отличие от предшественников, реальность князя Игоря не вызывает сомнений и споров у историков. Расхождения касаются его происхождения, даты рождения и оценки его роли в истории Руси [71, с. 31].

Свое правление Игорь начинает войной с древлянами, которые "затворились" от него после смерти Олега. Древляне были данниками русов. Полагают, что племя их жило на Правобережной Украине, на территории Полесья, западнее полян, а их главный город Искростень стоял северо-западнее Киева. Автор "Повести временных лет" сообщает, что именно туда и ходили наши первые князья, усмиряя и грабя древлян. Так поступил и Игорь, что в дальнейшем привело его к трагедии, обострило соперничество Киева и Искростени за доминирование на Киевской Руси [71, с. 31].

Сложными, противоречивыми были взаимоотношения восточных славян и Хазарского каганата, обострившиеся в период правления князя Игоря.

Л.Н. Гумилев отмечает, что противоречия вылились в конфронтацию между Русью и Хазарией. Войну развязал хазарский царь Иосиф, который "низверг множество необрезанных", т.е. убил много христиан. Источник умалчивает, где проводились экзекуции, но, видимо, пострадали христиане, жившие внутри Хазарии, так как нет упоминания о походе. Казни эти рассматривались как ответ гонения и на евреев в Византии, но нельзя не заметить, что хазарские христиане в действиях византийского императора повинны не были.

Затем выступили русы. Вождь их в источнике назван Х-л-гу (Хельгу, т.е. Олег), хотя по “Повести временных лет” в это время правил Игорь Старый. Если Хельгу – имя собственное, то это был теска Вещего Олега, но скорее это титул скандинавского вождя, т.е. имеется в виду сам Игорь, ибо Хельгу назван “царем Руси” [7].

В 939 г. (или в начале 940 г.) Хельгу внезапным ночным нападением взял город С-м-к-рай (Самкерц, на берегу Керченского пролива), “потому что не было там начальника, раб Хашмоная”. Видимо, нападение русов было для хазарского царя неожиданностью.

В то же время другая русская рать, предводительствуемая воеводой Свенельдом, покорила племя уличей, обитавшее в низовьях Днестра и Буга. Уличи воевали против киевского князя еще в 885 г. и, естественно, находились в союзе с хазарами. Тогда им удалось отстоять свою независимость от Киева. Наконец войска русов после трехлетней осады, закончившейся в 940 г., взяли оплот уличей – город Пересечен и обложили их данью в пользу воеводы Свенельда.

Отсюда видно, что война велась на обширной территории, весьма продуманно и целеустремленно. Это отнюдь не похоже на случайный пограничный инцидент или на грабительский набег варяжских дружинников.

Хазарский царь ответил на удар ударом. Полководец “досточтимый Песах” освободил Самкерц, отбросил русов от берегов Азовского моря, вторгся в Крым, взял там три греческих города, где “избил мужчин и женщин”, но был остановлен стенами Херсонеса, куда спаслось уцелевшее христианское население Крыма.

Победы Хазарского каганата позволили перенести налоговый гнет на славянское население Поднепровья, ибо варяжские конунги должны были оплачивать свое поражение данью, собираемой со славян, менее организованных и потому менее опасных. Из этого проистекли дальнейшие события. Л.Н. Гумилев отмечает, что если уж применять к историческому процессу человеческие этические нормы, то винить в бедах Русской земли можно варягов, конечно, не за то, что они путем обмана захватили Киев, ибо обман на войне – это не предательство доверившегося, и не за то, что они обирали покоренные славянские племена, поскольку те не отстаивали свою свободу, предпочитая платить дань, а за то, что, возглавив племя полян, называемых тогда русью, эти конунги “блестяще проиграли” все войны: с греками, печенегам, дейлемитами и хазарскими евреями. Омерзительно, что они, перехватив у русов инициативу, довели страну до полного развала и превратили ее в вассала хазарских царей. Но еще хуже, что, выдав хазарским евреям, мечи как дань, т.е. по существу обезоружив свое войско, эти узурпаторы бросили своих богатырей на противников, вооруженных греческим огнем или легкими кривыми саблями. Это такая безответственность, такое пренебрежение к обязанностям правителя, что любые оправдания неуместны [7].

Однако малочисленные варяжские дружины не могли бы держаться в чужой стране без поддержки каких-то групп местного населения. Эти проваряжские “гостомыслы”, пожалуй, виноваты больше всех других, так как они жертвовали своей родиной и жизнью своих соплеменников ради своих корыстных интересов. А сопротивление варягам было даже в Новгороде, хотя сведение о нем сохранилось только в поздней Никоновской летописи. Однако оно заслуживает доверия. “Западнику” Нестору было бы незачем сочинять “норманнскую теорию” происхождения Руси и замалчивать древний, свободный, славный период истории Русского каганата, если бы не необходимость переубедить тех, кто скептически относился к рассказам о подвигах варяжских конунгов. А таких людей в Древней Руси было, видимо, немало [7]. После ряда поражений князя Игоря Песах пошел на Киев, опустошил страну и принудил против его воли, воевать с бывшими союзниками-византийцами за торжество купеческой иудейской общины Итиля. Все эти события в русской летописи опущены, за исключением последовавшего за ними похода на Византию. Это понятно: грустно писать о разгроме своей страны, но разгром этот подтверждается новыми косвенными данными.

Около 940 г. от Киевского княжества отпало днепровское левобережье (северян и радимичей впоследствии пришлось покорять заново). Русы выдали победителю свое лучшее оружие – мечи и, видимо, обязались платить дань, собираемую с племен правобережья, т.е. с древлян. Завоеванные земли уличей и тиверцев – в низовьях Днестра и Дуная – попали в руки печенегов. Кривичи освободились и создали независимое Полоцкое княжество. Осколок варяжской Руси из неравноправного союзника Хазарского каганата превратился в вассала, вынужденного платить дань кровью своих богатырей. Л.Н. Гумилев отмечает, что русам абсолютно не из-за чего было воевать с греками. Нестор не мог придумать подходящий мотив для похода и ограничился голой констатацией фактов. Зато еврейский аноним раскрыл причины происшедшей трагедии. Не без гордости он приписал ее давлению “досточтимого Песаха” на русского князя Хельгу (грекам имя Игоря было неизвестно), который “воевал против Костантины на море четыре месяца. И пали там богатыри его, потому что македоняне осилили его огнем. И бежал он, и постыдился вернуться в свою страну, и пошел морем в Персию, и пал там он и весь стан его. Тогда стали русы подчинены власти хазар”.

Эта война протекала в 941 г. Ужасные последствия ее для русских богатырей описаны в “Повести временных лет”, несмотря на усилия летописца представить события более приглядно. Десять тысяч кораблей высадили десант на северном побережье Малой Азии, и начались такие зверства, которые были непривычны даже в те времена. Русы пленных распинали, расстреливали из луков, вбивали гвозди в черепа; жгли монастыри и церкви, несмотря на то, что многие русы приняли православие еще в 867 г. Все это указывает на войну совсем иного характера, нежели прочие войны X в. Видимо, русские воины имели опытных и влиятельных инструкторов, и не только скандинавов.

Греки подтянули силы, сбросили десант в море и сожгли русские лодки греческим огнем. Кто из русов не сгорел, тот утонул. Хазарские евреи избавились от обоих возможных противников [7].

Взаимоотношение двух империй – Византийской и Киевской периода правления князя Игоря составляют особую страницу европейской истории. После краткого упоминания о войне с печенегами в 920 г. летопись до 941 г. ничего об Игоре не сообщает. Вероятно, отношения между Русью и Византией за это время ухудшились, потому что, несмотря на мирный договор Олега, в 941 г. Игорь “пошел” на греков.

Поход князя был неудачен, как считают многие историки, из-за недостаточной подготовки и отсутствия у Игоря полководческого таланта. Летопись среди причин поражения русских указывает на “греческий огонь”, который не могла погасить даже вода [71, с. 31].

А.А. Шайкин следующим образом анализирует события, связанные с данным, не весьма удачным походом русов на Византию: “Этот поход Игоря был неудачен. Русским дружинам удалось пограбить приморские территории империи, но подоспевшие греческие войска отогнали их к морю и на воде пожгли ладьи русских “греческим огнем”, который не могла загасить даже вода. Поход закончился бесславно. Фигура самого Игоря высвечена в событиях слабо: он не произносит ободряющих речей перед дружиной, не ведет переговоров, не принимает решений. Но по возвращении в Киев Игорь немедленно приступает к организации повторного похода: “...нача совокупляти вое многи, и посла по варяги многи за море, вабя е на греки, паки, хотя пойти на ня” [65, с. 37–39].

Анализируя причины данного неудачного похода Игоря на Византию, Ю.Ф. Козлов подчеркивал: “Став киевским князем, Игорь осуществил в 941 году поход на Константинополь, но потерпел поражение, оправдываясь тем, что у греков был якобы какой-то чудесный огонь наподобие молнии. Фактически же поход Игоря не был подготовлен и не похож на поход Олега. Это был просто набег вооруженных отрядов, малочисленной дружины” [70, с. 24].

Д.И. Иловайский следующим образом характеризует первый поход князя Игоря на Византию, причины его неудачи: “Игорь предпринимал поход на Византию; но он не имел успеха. (Неудачу свою русские приписали т. наз. греческому огню, т.е. зажигательным снарядам, которыми Греки сожгли большую часть Игорева флота). Новый договор, заключенный с греками, был не так выгоден, как прежний; Русские послы и гости должны были подвергаться в Константинополе некоторым стеснениям” [64, с. 24].

Второй поход Игоря, осуществленный в 944 г., был более удачным. Князь собрал многие славянские племена и с огромным войском подступил к Царьграду.

Анализируя данные события, Л.Н. Гумилев отмечает: “944 г. Игорь Старый повел на Византию огромное сухопутное войско из варягов, руси, мобилизованных славян и примкнувших к ним печенегов, а также флот, как будто греческий огонь его ничему не научил. Если считать этот поход попыткой реванша, то организация его представляется сверхстранной. Деревянные ладьи в открытом море уже продемонстрировали свою слабость перед кораблями, вооруженными греческим огнем; пешая славянская рать шла без тыла, т.е. без снабжения, а на что можно было решиться только под хазарским давлением, однако все кончилось благополучно.

Грандиозный поход оказался просто военной демонстрацией. Греки предложили приемлемые условия мира, который был заключен в конце 944 г. Игорь отвел свое разноплеменное войско домой. Но тут интересно другое – даты. Двигать войско от Киева до Дуная можно было только осенью, чтобы воины кормились на полях противника. Осенью же, с сентября, начиналось полюдье, и, как известно, Игорь отправился собирать дань с древлян. Значит, поход вел не он, а кто-то из его воевод, скорее всего Свенельд, отроки которого набрали в Болгарии много добычи. Воины Игоря решили наверстать упущенное путем грабежа древлян. Трагический исход этого известен” [7].

Захватив к 944 г. огромную территорию – до Днепра и верховьев Волги, царь Хазарии Иосиф не мог не опасаться своих воинственных подданных. Поэтому он отправлял дружины русов в походы, переложив заботы по сбору дани и охране торговых путей на князя Игоря. Уменьшение числа русов ослабляло киевского князя и делало его послушным вассалом, сборщиком дани с правобережных днепровских славян. Игорю для этого была необходима дружина, и пополнять ее пришлось славянами. Это придало ходу событий такой оборот, какого царь Иосиф предвидеть не мог.

Характеризуя поход 944 года, А.А. Шайкин отмечает: “Через два года, в 944 году, под предводительством Игоря выступила значительная коалиция из славян, варягов и даже печенегов. Греки предпочли откупиться от нового вторжения и заранее предложили Игорю дань, “юже имал Олег”, обещав и еще придать “к той дани”. В эпизодах второго похода фигура Игоря более активна” [65, с. 39].

Князю Игорю приходилось учитывать не только западный, Византийский фактор влияния на Русь, но и восточный – влияние мощной, агрессивной Хазарии.

По гипотезе Л.Н. Гумилева, в 943–944гг. зависимый от Хазар князь Игорь был вынужден по их требованию послать русских воинов в Арран (Азербайджан), где засели дейлемские шииты.

Русы при высадке разбили войска правителя Аррана Марзубана ибн-Мухаммеда и взяли город Бердаа на берегу Куры. Марзубан блокировал крепость, и в постоянных стычках обе стороны несли большие потери. Однако страшнее дейлемских стрел и сабель оказалась дизентерия. Эпидемия вспыхнула в стране русов. После того как в одной из стычек был убит предводитель русов, они пробились к берегу и уплыли обратно в Хазарию [7].

Остается неясным, куда они девались потом. На Русь не вернулся ни один, ибо тогда бы летописец не посмел умалчивать о столь значительном походе, как не опустил он вторжение русского флота в Малую Азию, хотя поражение там отнюдь не украсило русов.

Может быть, все ладьи русов утонули в Каспийском море? Путь от устья Куры до дельты Волги немалый, море бурное, все может случиться. Но ведь плавали, русы не в открытом море, а вдоль кавказского берега, и в случае массового кораблекрушения кто-нибудь из них добрался бы до берега. А сношения Руси с Дербентом в X в. прерваны не были. Значит, если бы даже спасшиеся русы были проданы в рабство, то и в этом случае они дали бы о себе весточку на родину. Нет, гипотеза кораблекрушения, при котором бы погибли 20 тыс. опытных мореходов, столь маловероятна, что ее можно отвергнуть. Л.Н. Гумилев отмечает, что если вспомним, что в Хазарии действовал закон о смертной казни воинов, не одержавших победы, то русы целиком под него попадали. И нечего ломать голову, отыскивая иные причины исчезновения союзного войска, тем более что в 913 г. ситуация была сходной, а конец известен. Тут было даже проще: перебить больных и выздоравливающих совсем несложно, так что акция прошла без шума – варяжским командирам славянских “воев” было не жалко. Очередная трагедия на Каспии прошла бесследно [7].

Не столь яркое, эффектное, как у князя Олега, правление Игоря, завершилось на высокой, драматической ноте. Узнав о том, какую богатую дань получил от древлян его воевода, Игорь отправился к ним за второй данью. Однако этого ему показалось мало, и Игорь решил вернуться с небольшим отрядом и “походить еще”. Древляне пришли от этого в негодование и предупредили Игоря, чтоб не шел за третьей данью. Но князь не послушался, попал в засаду у Искоростеня и погиб. Древляне похоронили его неподалеку от своей столицы [71, с. 32].

“Повесть временных лет” следующим образом повествует об этом: “И послушал их Игорь – пошел к древлянам за данью, и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, – поразмыслив, сказал своей дружине: “Идите с данью домой, а я возвращусь и прособираю еще”. И отпустил дружину свою домой, а сам с малою частью дружины вернулся, желая большего богатства. Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: “Если повадится волк к овцам, то выносит все стадо, пока не убьют его. Так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит”. И послали к нему, говоря: “Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань”. И не послушал их Игорь. И древляне, выйдя из города Искоростеня против Игоря, убили Игоря и дружину его, так как было ее мало. И погребен был Игорь, и есть могила его у Искоростеня в Деревской земле и до сего времени” [25]. Согласно летописи начало государственной деятельности Игоря было связано с древлянами и ими же она закончилась.

С.М. Соловьев, анализируя деятельность князя Игоря, итожит ее следующим образом: “Рассмотрев занесенные в летопись предания об Игоре, мы видим, что преемник Олега представлен в них князем недеятельным, вождем неотважным. Он не ходит за данью к прежде подчиненным уже племенам, не покоряет новых, дружина его бедна и робка, подобно ему: с большими силами без боя возвращаются они назад из греческого похода, потому что не уверены в своем мужестве и боятся бури. Но к этим чертам Игорева характера в предании прибавлена еще другая – корыстолюбие, недостойное по тогдашним понятиям хорошего вождя дружины, который делил все с нею, а Игорь, отпустив дружину домой, остался почти один у древлян, чтоб взятою еще данью не делиться с дружиною, – здесь также объяснение, почему и первый поход на греков был предпринят с малым войском, да и во втором не все племена участвовали” [62, с. 114].

Оригинальную версию гибели князя Игоря выдвинул Л.Н. Гумилев. По его мнению, этому сопутствовал целый комплекс факторов, в том числе и то, что воевода Свенельд имел на прокорм своей дружины дань с древлян и уличей. Игорева дружина считала, что это для него слишком роскошно. Игорю приходилось платить дань хазарам и кормить свою дружину. В 941 и 943 гг. киевский князь откупался от хазарского царя, участвуя в его походах, но в 944 г. “Игорь, побуждаемый дружиной” идет походом на Древлянскую землю (чтобы собрать дань,

причитающуюся Свенельду и его дружине), но Свенельд не отказывается от данных ему прав – происходит столкновение Игоревой дружины со Свенельдовой и с древлянами – подданными Свенельда; в этом столкновении Игорь убит Мстиславом Лютом, сыном Свенельда” [7].

Версия А.А. Шахматова устраняет одну из нелепостей версии Нестора, согласно которой корыстолюбие Игоря было сопряжено с легкомыслием. В самом деле, как отпустить дружину, оставаясь в разграбленной стране? Другое дело, если Игорь и его советники были уверены в бессилии древлян и пали жертвой заговора, организованного в Вышгороде. Но и тогда остается неясным, почему киевская дружина не отомстила Мстиславу Лютому за измену и гибель пусть не князя, но своих соратников? И как на это решились в Вышгороде, когда силы Киева превосходили их силу вдвое? И, наконец, почему заговор удался, а месть Мстиславу Лютому совершилась лишь в 975 г., когда его убил Олег Святославич, точнее, его свита?

В обеих версиях не учтено влияние хазарского царя Иосифа. После похода Песаха киевский князь стал вассалом хазарского царя, а следовательно, был уверен в его поддержке. Поэтому он перестал считаться с договорами и условиями, которые он заключил со своими подданными, полагая, что они ценят свои жизни больше своего имущества [7].

Л.Н. Гумилев завершил свою версию гибели князя Игоря следующим умозаключением: “Варяги, хотели они того или нет, способствовали включению Русской земли в мировой рынок, который в то время находился под контролем иудейской Хазарии. Русь поставляла на мировой рынок меха, олово и рабов, но не получала взамен ничего, так как поставляла эти товары как дань. Вот почему князь Игорь Старый, собирая дань в стране древлян, вынужден был отпустить часть своей дружины, после чего был убит древлянами.

По сухому сообщению Нестора, “древляне убиша Игоря и дружину его”; Лев Диакон сообщает, что Игорь, захваченный в плен, “был привязан к двум деревьям и разорван на две части” [86, с. 66].

Дружину надо было оплачивать той же добытой данью, но из нее же надо было послать дань в Хазарию, чтобы полководец Песах не повторил поход. Игорь больше страшился хазар и решил собрать требуемую сумму с наименьшими затратами. Поэтому он стал экономить на “технике безопасности” и погубил не только себя, но и своих сторонников.

Подводя итог правлению князя Игоря, Н.М. Карамзин отмечал, что Игорь в войне с греками не имел успехов Олега, не имел, кажется, и великих свойств его, но сохранил целостность Российской Державы, устроенной Олегом, сохранил честь и выгоды ее в договорах с Империею, был язычником, но позволял новообращенным россиянам славить торжественно Бога Христианского и вместе с Олегом оставил наследникам своим пример благоразумной терпимости, достойный самых просвещенных времен. Два случая остались укоризненно для его памяти: он дал опасным печенегам утвердиться в соседстве с Россиею и, не довольствуясь справедливою, то есть умеренною данию народа, ему подвластного, обирал его, как хищный завоеватель. Игорь мстил древлянам за прежний их мятеж, но Государь унижается местию долговременною: он наказывает преступника только однажды. Историк, за недостатком преданий, не может сказать ничего в похвалу или в обвинение Игоря, княжившего 32 года [11].

А. Никитин следующим образом характеризует итоги правления князя Игоря, его достижения и неудачи: “Достоверно о князе, который в XI веке признан подлинным родоначальником киевской династии, можно сказать лишь следующее. Он воевал с древлянами, потерпел сокрушительное поражение в набеге на Константинополь и погиб от руки готов. Каким-то образом Игорь ухитрился бывать в Киеве на Днепре и на Боспоре Киммерском. Главной его заслугой перед русской историей осталась женитьба на Ольге, с которой он успел прожить всего несколько лет, оставив сына, стяжавшего славу гораздо большую, нежели отец, но погибшего столь же нелепой смертью” [72, с. 18].

Обобщая известные исторические данные, необходимо отметить, что отношение Н.М. Карамзина к князю Игорю довольно нейтральное. Он не отмечает больших заслуг князя, хотя ставит в пример его религиозную терпимость. Историк считает, что, отправляясь в третий раз за данью к древлянам, Игорь таким образом мстил им. С.М. Соловьев не видит в князе Игоре крупного политического деятеля, но отдает ему должное как продолжателю Олега [62]. Внешнеполитическая деятельность Игоря подробно освещена в книге В.Т. Пашуто [73].

О смерти князя упоминается практически во всех перечисленных исследованиях. Смысл ее, по мнению А.А. Шайкина, в том, “что не следует князю уподобляться волку в обращении со своими подданными, иначе и они могут не вынести и восстать против своего господина. С другой стороны, убийство князя подданными не может вызвать явного одобрения летописца” [65, с. 42]. Потому Нестор не сочувствует Игорю и не осуждает древлян.

*И познаете истину,
И истина сделает Вас
Свободными.*

Иисус Христос

13.4. КНЯГИНЯ ОЛЬГА – ОТ ЯЗЫЧЕСТВА К РАВНОАПОСТОЛЬСТВУ

В истории Древнерусского государства оставили в памяти о себе не только князья и бояре, но и княгини и боярыни, не только мужественные правители-воины, но и образованные правительницы [108, с. 22–25].

Образ княгини Ольги и ее деятельность нашли яркое воплощение в фольклоре, перешли на страницы летописи, отразились во множестве исторических трудов. По всей вероятности, это была действительно незаурядная женщина, способная правительница беспокойного Киевского государства [71, с. 40].

Ф.А. Гиляров рассматривая феномен этой правительницы и воительницы Руси, отмечает, что имя княгини Ольги упоминается всякий раз, когда речь идет о выдающихся женщинах Древней Руси. Образ ее встает перед нами с начальных страниц “Повести временных лет”. Веками ткалось кружево народных преданий о княгине Ольге как о деятельной, мудрой, “вещей” правительнице и защитнице земли Русской. Народные сказания, переплетаясь с историческими фактами, легли в основу появившегося в XIII–XIV вв. церковного жизнеописания первой княгини-христианки.

Княгиня Ольга – одно из самых интересных лиц древней русской истории. Своеобразие ее положения состоит уже в том, что из всех правителей “империи Рюриковичей” она – единственная женщина.

Начнем с происхождения Ольги: кто она такая? “Повесть временных лет” дает сверхлаконичный ответ: из Пскова. О жене киевского князя, о выдающейся правительнице больше нечего сказать?! И это в средние века, когда происхождению, знатности придавалось огромное значение. Позднейшие летописцы пытались восполнить этот пробел, но разноречивость их указаний прямо свидетельствует о полной неясности вопроса. Это обстоятельство отчасти подтверждает мнение о том, что Ольга “от рода же ни Княжеска, ни Вельможеска, но от простых людей” [74, с. 155].

Н.М. Карамзин, рассматривая вопрос о происхождении Ольги, отмечал следующее: “В 903 году Олег избрал для Игоря супругу, сию в наших летописях бессмертную Ольгу, славную тогда еще одними прелестями женскими и благонравием. Ее привезли в Киев из Плескова, или

нынешнего Пскова: так пишет Нестор. Но в особенном ее житии и в других новейших исторических книгах сказано, что Ольга была Варяжского простого роду и жила в веси, именуемой Выбутскою, близ Пскова, что юный Игорь, приехав из Киева, увеселялся там некогда звериною ловлею, увидел Ольгу, говорил с нею, узнал ее разум, скромность и предпочел сию любезную сельскую девицу всем другим невестам. Обыкновения и нравы тогдашних времен, конечно, позволяли князю искать для себя супругу в самом низком состоянии людей: ибо красота уважалась более знаменитого рода, но мы не можем ручаться за истину предания, неизвестного нашему древнему Летописцу, иначе он не пропустил бы столь любопытного обстоятельства в житии св. Ольги. Имя свое приняла она, кажется, от имени Олега, в знак дружбы его к сей достойной Княгине или в знак Игоревой к нему любви” [11].

Объяснение феномена Ольги, ее стремительного восхождения на вершину иерархической лестницы Киевской Руси, заключается в том, что, по одной из гипотез, она являлась родственницей, а возможно, даже и дочерью князя Олега, что подтверждается версией Н.М. Карамзина о том, что ее имя – дань уважения к князю Олегу. Эта версия расставляет на места все неясные исторические вопросы: почему столь долго правя Русью, Олег отдал власть Игорю.

Е.А. Рыдзевская рассматривая феномен личности княгини Ольги, акцентирует внимание на ее этнической принадлежности: “...Надо хотя бы вкратце затронуть спорный вопрос об этническом происхождении Ольги, являющейся в летописи, независимо от прославления ее как христианки, личностью не менее значительной, чем вещей Олег, и, во всяком случае, более выдающейся, чем Игорь. Данных для решения этого вопроса у нас очень мало. Имя “Ольга” весьма правдоподобно объясняется от скандинавского “Helga”, как и “Олег” из “Helgi”. В этом, по всей вероятности, сказался лишь некоторый привходящий скандинавский элемент в происхождении или в личных связях Ольги. Считать ее норманкой нет оснований; Псков, откуда производит ее летопись, во всяком случае, не из тех древнерусских центров, где можно предполагать особенно оживленное общение с норманнами. В летописных известиях о деятельности Ольги норманны не появляются, если не считать участия Свенельда и Асмуда в древлянском походе Ольги. Правда, в этих известиях ее соратники и ее окружение вообще не указанны – будь то русские или норманны, или еще кто-нибудь иной. Имя ее посла в договоре Игоря с греками, Искусевы, до сих пор не расшифровано; едва ли оно норманнское, но и на славянское не похоже” [47, с. 194–195].

Созданное в XIII–XIV вв. и многократно переписанное церковное жизнеописание Ольги нельзя считать историческим источником. Как в любом житии, в нем присутствуют элементы идеализации, обобщения и назидания [74].

Возникает закономерный вопрос, – каким же образом дочь “простых людей”, до того безвестная, смогла стать женой сына Рюрика? На это все без исключения источники отвечают одно: Игорь был поражен “мудростью и смышленостью” Ольги, а также ее красотой. Справедливости ради следует, однако, отметить, что в некоторых летописях говорится о знатном происхождении Ольги.

Будучи женой князя Игоря, Ольга, судя по летописи, никак себя не проявляет. Она здесь полностью заслонена фигурой мужа, грозного владыки и неустанного воителя. Ее собственная история начинается после гибели мужа, и начинается она необычно.

Осенью 945 г. князь Игорь, “возыма дань” у одного из подвластных Киеву племен – древлян, решил, что она невелика, и снова вернулся за данью “в Деревя”. Древляне восстали и убили князя. Сын Игоря – Святослав – был в это время еще совсем ребенком, и, таким образом, княгиня Ольга стала фактически правительницей всей земли русской.

Обычай кровной мести, который в столь раннем средневековье был реальностью, обязывал Ольгу покарать убийц мужа.

Широко известное сказание о мести Ольги древлянам отчасти, вероятно, легенда: в нем легко прослеживается эпическая назидательность. Обман, жестокость и коварство княгини, мстящей за убийство мужа, прославляются летописцами как высший, справедливый суд и отнюдь не осуждаются, будучи привычными, в духе морали того времени [71, с. 38–39].

Н.Ф. Котляр, рассматривая летописные предания и легенды Древней и Киевской Руси, в том числе посвященные княгине Ольге, отмечает: “Отрицательное в целом отношение к Ольге древнерусских преданий о мести княгини древлянам послужило причиной того, что в доживших до XIX в. в окрестностях летописного Искоростеня устных эпических сказаниях она предстает и вовсе лишенной романтического ореола верной жены и героической мстительницы за мужа. Ольга враждует с Игорем и сама (!) убивает его. Сказанное может свидетельствовать о том, что первоначально предания о мести Ольги сложились в древлянских лесах” [60, с. 98–99].

Параллель между Олегом и Ольгой, их мудростью (что в тот период было равносильно хитрости), их созидательной государственной деятельностью, приводит С.М. Соловьев: “Характер Ольги, как он является в предании, важен для нас и в других отношениях: не в одних только именах находим сходство Ольги с знаменитым преемником Рюрика, собирателем племен. Как Олег, так и Ольга отличаются в предании мудростью, по тогдашним понятиям, т.е. хитростью, ловкостью: Олег хитростью убивает Аскольда и Дира, хитростью пугает греков, наконец, перехитряет этот лукавейший из народов; Ольга хитростью мстит древлянам, хитростью берет Коростень; наконец, в Царьграде перехитряет императора. Но не за одну эту хитрость Олег прослыл вещим, Ольга – мудрейшею из людей: в предании являются они так же, как нарядчики, заботящиеся о строе земском; Олег установил дани, строил города. Ольга объехала всю Землю, повсюду оставила следы своей хозяйственной распорядительности” [62, с. 120–121].

Становлению княгини Ольги как выдающегося государственного деятеля Киевской Руси способствовало то обстоятельство, что по мнению Ю.Ф. Козлова, еще при жизни Игоря Ольга быстро и крепко стала прибирать к рукам Киевскую землю. Она смотрела на все хозяйским глазом. Учитывая, что муж ее занимался в основном военными походами со сбором дани, Ольга стала жить отдельно от него – в Вышгороде. Сама принимала послов, жалобщиков, просителей, наместников и дружинников. Если Игорю присущи были смелость, большая горячность, воинственность предводителя, то Ольге – рачительность, дальновидность, хитрость, мудрость. Возможно, именно в этих качествах Игоря и Ольги кроется разгадка личности их сына Святослава!?” [70, с. 25].

Переломный характер периода правления Ольги ощущается и в отношении к христианству. Многие исследователи расценивают крещение княгини не как эпизод личной жизни, а как поединок двух императоров. Предполагают, что Ольга хотела ввести на Руси христианство. Согласно византийской церковной концепции “народ, принявший христианство из рук греков, становится вассалом греческого императора, политически зависимым народом или государством” [61, с. 368]. Вероятно, это и остановило мудрую княгиню. Подробно все эти вопросы рассматриваются у Г.Г. Литаврина [76], Б.Д. Грекова [77], А.Е. Преснякова [78], Б.А. Рыбакова [61], И.Я. Фроянова [79], А.Н. Сахарова [80]. Трудно найти историка, не коснувшегося деятельности княгини Ольги [71, с. 41].

Экономическое укрепление, последовавшее за административными реформами княгини Ольги, способствовало повышению политического веса Киевской Руси в международных отношениях. Закрепить это новое положение своего государства Ольга решила приобщением к христианской вере. Причем княгиня стремилась получить крещение именно из рук византийского патриарха и именно в столице империи – Константинополе, так как это повышало и ее престиж внутри Руси и за ее пределами [71, с. 39].

В середине 50-х гг. X в. Ольга отправилась в Византию. Царствовал тогда Константин Багрянородный, который, как повествует летопись, беседуя с Ольгой, “подивился ее разуму” и

сказал ей: “Достойна ты царствовать с нами в столице нашей”. На что Ольга ответила: “Я язычница. Если хочешь крестить меня, то крести меня сам, – иначе не крещусь”. И крестил ее царь с патриархом... И было наречено ей в крещении имя Елена [25, ч. 1]. Далее летописец повествует: Константин Багрянородный будто бы сделал формальное предложение Ольге-Елене: “Хочу взять тебя в жены себе”. Она же ответила: “Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил меня и назвал дочерью. А у христиан не разрешается это – ты сам знаешь”. И сказал ей царь: “Перехитрила ты меня, Ольга” [25, ч. 1].

Обобщая летописные версии побудительных мотивов принятия христианства княгиней Ольгой, А.Ф. Петрушевский отмечает: “Скоро после того Ольга задумала большое дело. Хотя славяне и варяги исповедовали еще веру идольскую, языческую, но святая Христова вера уже дошла до Киева. При Игоре, Ольгином муже, в Киеве уже было немало христиан православной греческой веры и стояла соборная церковь во имя св. Ильи. Видя добродетельное житие киевских православных, Ольга сошлась с ними и скоро уразумела, что правда и спасение не в идолстве, а в христианстве. Чтобы узнать истинную веру ближе, положила она съездить в главный город Греческой империи Царьград” [81, с. 15].

В 957 г. во время пребывания княгини Ольги в Константинополе также состоялись переговоры по поводу крещения, нашедшие отражение в летописной записи о крещении Ольги самим константинопольским патриархом и императором Константином Багрянородным. Русский летописец расценил это событие как определенную политическую привилегию.

Параллельно этому в каждом из перечисленных случаев создавалась версия (выдвигаемая видимо, византийскими церковными кругами) о христианизации Руси как акте для русов вынужденном, в котором проявилось политическое влияние Византии и сила православия.

Византийские авторы, конечно, старались скрыть истинную политическую подоплеку событий, затушевать государственные интересы Руси, связанные с христианизацией, умолчать, что для Руси получение крещения из рук видных церковных византийских иерархов являлось делом большого политического престижа.

Русские летописцы, находившиеся под влиянием византийских хронистов и сами стремившиеся подчеркнуть роль христианства, проявляли, конечно, мало заботы о том, чтобы выявить истинный политический интерес обеих сторон к христианизации. А о том, что такой интерес в 60-е годы IX в. был и у Византии, и у Руси, свидетельствует фраза Константина Багрянородного о стремлении договаривающихся сторон добиться для себя наибольшей политической выгоды. Русы должны были при этом учитывать и возможность языческой оппозиции в своей стране.

Оппозиция же, вопреки быгующей точке зрения об “одномоментном” и “по любви всего народа”, принятии христианства на Руси, существовала.

При этом киевляне знали, что греки перевели священное писание на доступный славянам язык, и то, что папа Иоанн XIII (965–972) в 967 г. запретил богослужение на “русском и славянском языке”. В этом запрещении трудно было усмотреть благожелательство к славянам.

Русичи остановили свой выбор на православии и потому, что Византия хотела получить от Руси дружбу и, тем самым, прекращения бессмысленных набегов на побережья Черного моря. Восточная церковь никогда не разделяла идеи Блаженного Августина о предопределении и тем самым не снимала со своих прихожан ответственность за грехи, творимые, с ее точки зрения, по своей воле. Язычникам это было понятно и приемлемо для них. Учение православной церкви о природе зла и злого начала было по сравнению с католическим признанием сатаны слугой бога, выполняющим особые задания, аморфным, но вследствие этого эластичным. Уважение к дьяволу отнюдь не рекомендовалось, а значит, не было и насилия над психологической структурой новообращаемых, привыкших к элементарному противопоставлению добра злу [7, с. 265].

Таким образом, со второй половины X века могущество Византийской империи достигло своей наибольшей силы. Империя к этому времени отразила арабскую опасность и преодолела культурный кризис, связанный с существованием иконоборчества, приведшего к значительному упадку изобразительного искусства.

Сделав первый шаг к сближению с христианским миром, деятельная Ольга обратила свои взоры на Запад. В 959 г. Ольга отправила посольство в Германскую империю для переговоров с воинственным Оттоном I. Это была обычная миссия для установления взаимовыгодных отношений (предполагались обмен посольствами, развитие торговли между двумя сторонами). Стремясь достичь своей цели, Ольга дала согласие на допуск в русские земли немецких миссионеров. Однако присланный на Русь епископ Адальберт был изгнан из Киева, очевидно, за то, что под прикрытием миссионерской деятельности пытался осуществить какие-то политические притязания Оттона I [71, с. 39]. Таким образом, христианизация Руси была сложным и многотрудным делом, протекавшим на протяжении столетий. Важнейшей заслугой равноапостольной княгини было то, что Ольга и ее ближайший сподвижник Свенельд восстановили славяно-русскую традицию и вернули Русь на тот путь, по которому она двигалась до варяжской узурпации, и последствия чего оказались самыми благоприятными для Русской земли.

Континентальная торговля, ведшаяся Русью, не только раздвигала географические и экономические горизонты вокруг центра государства, но и вела к внутреннему перерождению Руси.

Видимым олицетворением этой метаморфозы у открывавшейся миру Руси стало принятие христианства. Русь стала последней в череде славянских государств, до последней четверти X в. не принимавшей нового кодекса не только морали, но и всего внешнего проявления естества и природы государства и населявших его народов.

Русская княгиня появилась в Византии с собственным священником Григорием. Это указывает на то, что, возможно, Ольга уже приняла крещение до своей поездки в Константинополь – ведь известно о киевской церкви св. Ильи и о значительном числе христиан, живших в столице в X в.

Если правда то, что Ольга приехала в Византию христианкой, а это тем более вероятно, что сам Константин VIII не упоминает о ее крещении, то рассказ составителя “Повести временных лет”, посвященный крещению Ольги в Византии, всего лишь красивый вымысел.

Но в летописном повествовании есть символическая деталь: Ольгу в Византии крестили сам император Константин VIII и патриарх: “Бе же имя ей наречено в крещении Елена (Елена), якоже и древняя цесарица, мати Великого Костянтина”.

Константин Великий (IV в.) стал первым римским императором, утвердившим христианство в качестве официальной религии. Мать его звали Еленой. И тут следует отдать должное летописцу, ибо приведенная им параллель весьма удачна и символична.

Кроме того, супругу Константина VIII также звали Еленой Лакапин. Христианское имя Ольги Елена могло означать наречение ее духовной дочерью императорской четы. Подобное было принято при крещении в средние века [7].

Однако визит Ольги в Византию посеял в ее душе семена сомнения и побудил к известным действиям. О том, что не все складывалось гладко во время пребывания Ольги в столице империи, узнаем от летописца: “Си же Ольга приидя Киеву, и, якоже рекохом, присъл к ней цесарь Гръчский, глаголя, яко-много дарих тя. Ты бо глаголаше къ мѣне, яко, аще възвращюся в Русь – мѣногы дары присълю ти: челядь и воск и скору и вой в помощь; Отъвещавъши же Ольга, рече к сълому – Аще ты, рѣци, тако же постоявши у меня в Почайне, якоже аз в Суду, то тъгда ти дамы” [25].

Дары русской княгине Константин VIII и в самом деле преподнес немалые, и об этом император особо сказал в своей книге. Но ранее император унижил Ольгу, продержав в заливе Суд, прежде чем позволил войти в столицу. Тем самым император раставил точки в предстоящем разговоре и дал понять Ольге, что она лишь одна из множества иных, а право греться в лучах солнца империи – это великая милость, и русская княгиня, при известном смирении, может ее удостоиться. Позиция Константина VIII не могла не смутить Ольгу, и она пустилась на женскую уловку.

Киевские летописцы дружно молчат о том, что в 959 г. Ольга отправила посольство к германскому императору Оттону I, прося выслать на Русь епископа и духовенство. Мы узнаем об этом событии из западных источников. Оттон I не мог не отреагировать на подобную просьбу мгновенно, и скоро в Киев приехал новопосвященный епископ Руси Адальберт со спутниками. До поездки на Русь Адальберт был монахом Вейсенберского монастыря. По возвращении из Руси в Германию Адальберт стал епископом Магдебургским [7].

Полагают, что Адальберт стал автором труда, именуемого хроникой продолжателя Регинона Прюмского. Ее повествование охватывает 907–967 гг. Поездку Адальберта в Киев относят на 961 г. Хроники свидетельствуют: “В лето от воплощения Господня 959 король снова отправился против славян; в этом походе погиб Титмар. Послы Елены, королевы ругов, крестившейся в Константинополе при императоре константинопольском Романе, явившись к королю, притворно, как выяснилось впоследствии, просили назначить их народу епископа и священников... 960 г. Король отпраздновал рождество господне во Франкфурте, где Либуций из обители св. Альбана (г. Майнц) посвящается в епископы народу ругов достопочтенным епископом Адальдагом (г. Бремен)...

...961 г. Либуций, который не смог отправиться в путь в прошлом году из-за какой-то задержки, умер 15 февраля сего года. Его сменил, по совету и из-за вмешательства архиепископа Вильгельма (г. Майнц), Адальберт из обители св. Максимиана (г. Трир), который, хотя и ждал от архиепископа лучшего и ничем никогда перед ним не провинился, должен был отправиться на чужбину. С почестями назначив его для народа ругов, благочестивейший король, по обыкновенному своему милосердию, снабдил его всем, в чем тот нуждался” [7].

Папа Агапит II (946–955 гг.) даровал право гамбургскому архиепископу Адальдагу (937–988 гг.) ставить епископов на севере Европы и в землях славян. А работа, ведшаяся в этом направлении, кипела. У римского папы до нее не доходили руки. Решения должны были приниматься быстро и в Германии. Около 948 г. Оттон I создал пять новых епископий – две в землях полабских славян, в Бранеборе и в Хафельберге, и три в Дании – в Шлезвиге, Риббе и Орхусе. Просьба Ольги пришлась как нельзя кстати.

Однако судьба посольства епископа Адальберта оказалась обескураживающей. В 962 г. Адальберт бежал из Киева, при этом многие из сопровождавших его лиц были убиты и сам епископ едва избежал гибели.

Столь скоротечная миссия Адальберта на днепровские берега и ее результат указывают на то, что никто на Руси не то что не питал симпатии к латинскому духовенству, но, напротив, испытывал к нему неприязнь. Русские, ведшие торговлю на верхнем и среднем Дунае, были прекрасно осведомлены о судьбе славян центра Европы и не могли не знать о роли латинского духовенства во внешней политике Германии.

Видимо, Византия уж очень высокомерно приняла Ольгу, а выдвинутые Константином VIII условия принятия Руси в лоно христианства смутили княгиню несоответствием действительного положения ее государства тому статусу, который ему отводили греки [7], поэтому она и разыграла католическую карту.

Своеобразную трактовку побудительным мотивам принятия княгиней Ольгой христианства, дал Л.Н. Гумилев: “При сборе дани для хазар в Древлянской земле был убит Игорь, князь

киевский и муж Ольги (944). Соппротивление хазарам, а не война с Византией становилось главной проблемой для Киева. И потому княгиня Киевская Ольга, правившая при малолетнем сыне Святославе, постаралась приобрести в лице греков сильного союзника: она отправилась в Константинополь, где приняла крещение, избрав своим крестным отцом императора Константина Багрянородного”. Л.Н. Гумилев уточняет, что здесь мы вновь сталкиваемся с явной хронологической путаницей Нестора и других летописцев. Согласно Новгородской I летописи, Ольга родилась в 893 г., в Константинополе побывала уже в 955-м. Ей должно было быть в то время уже 62 года, а Нестор уверяет нас, что Константин был столь очарован Ольгой, что хотел на ней жениться. По мнению Л.Н. Гумилева, поездка Ольги в Византию и крещение ее состоялось примерно на 10 лет раньше – в 946 г. [82, с. 42].

Б.А. Рыбаков отмечал, что время княгини Ольги, очевидно, действительно было временем усложнения феодальных отношений, временем ряда запоминавшихся реформ, укреплявших и юридически оформлявших обширный, чересполосный княжеский домен от окрестностей Киева до впадающей в Балтийское море Луги и до связывающей Балтику с Волгой Мсты [61, с. 367].

Интересно упоминание в летописи об организации Ольгой становищ и постов. Они основывались Ольгой как своеобразные “крепостницы”, защита которых обеспечивалась “воями”. Погосты и становища становились впоследствии административными центрами государства [71, с. 39].

Д.И. Иловайский, характеризуя период правления княгини Ольги, отмечает некое гипертрофированное преувеличение ее деяний в памяти потомков: “После Игоря княжеством управляла его супруга Ольга, потому что сын Святослав был еще малолетен. Совершив кровавую месть над убийцами своего мужа, она усмирила непокорных Древлян и сожгла их главный город Коростен. Потом, подобно своим предшественникам, она объезжала с дружиной подчиненные племена, творила между ними суд и более точным образом определяла количество их дани”. Итожа свои выводы о правлении княгини Ольги, Д.И. Иловайский заключал: “Вообще деятельность Ольги украшена многими баснословными преданиями, в которых она изображается женщиной необыкновенно хитрой, с твердым, решительным характером. Но особенно Ольга прославилась принятием христианства” [64, с. 25].

А.Ф. Петрушевский, характеризуя деятельность Ольги как одного из государственных деятелей, стоящего у истоков державности Киевской Руси, ее правопорядка и устройства, отмечает: “Нехитрые были порядки, по которым русские князья правили тогда землей, невелико земское устройство, но все же это дело требовало рдения и надзора. У княгини же Ольги, как у женщины, было больше охоты к хозяйству, чем к делам ратным, и, как добрая хозяйка, она принялась за внутренние распорядки. Прожив год в Киеве после Древлянского погрома, Ольга поднялась в гору и, начиная с полуночных стран, объехала Русские земли. Всюду установила она оброки и дани, устроила погосты, давала суд и правду. Знаки Ольгина пути виднелись долгое время после ее смерти; через 100 лет и больше указывали на ее становища, ловища, погосты и перевозки. На многие годы сохранилась в людской памяти добрая слава о ее праведных судах и распорядках, а в Пскове, откуда Ольга была родом, показывали даже сани, на которых она ездила” [81, с. 15].

В “Повести временных лет” эта эпоха рассматривается как некий идеал внутреннего устройства. Подробный анализ хозяйственной деятельности во время правления Ольги и проведенных ею реформ сделал Б.А. Рыбаков. Он обращает особое внимание на организацию становищ и погостов.

Ряд авторов, анализируя “Повесть временных лет”, объясняя мотивы, побудившие летописца оценивать княгиню как воплощение мудрой и справедливой правительницы. В момент написания летописи христианство было на Руси официальной религией, а княгиня Ольга, как известно, первой приняла христианство [60, 65].

Е.А. Рыздзевская в целом характеризуя княгиню Ольгу как государственного деятеля Киевской Руси, отмечает: “Древнейшая летопись сохранила целый ряд преданий о княгине Ольге, жене Игоря, выступающей в рассказе летописца главным образом уже после смерти мужа. При его жизни о ней известно сравнительно немного: упоминается о его женитьбе на ней (“Повесть временных лет” под 903 г.), а в греко-русском договоре 944 г. она – одна из тех женщин, у которых есть свои послы в числе прочих, заключавших этот договор. Б.Д. Греков справедливо отмечает значение того факта, что русские женщины посылают своих представителей в Византию. Это – ценное свидетельство о положении женщины в древнерусском обществе. К сожалению, те скудные данные, которые содержит летопись, относятся главным образом к верхушке общества, к представительницам княжеского рода и знати; таковые в договоре 944 г. сама Ольга и, очевидно, Предслава, а также та Сфандр, имя которой остается до сих пор неразгаданным. Тем не менее, можно принимать эти данные как показательные для этой эпохи вообще. В дальнейшем Ольга проявляет себя как энергичная правительница, как представительница правящего княжеского рода; она возглавляет его с немалым авторитетом и с такими же правами, какие принадлежали мужчине...” [47, с. 194–195].

В “Повести временных лет” дается описание государственной деятельности княгини. В отличие от Игоря, взимавшего дань произвольно, Ольга, по сути дела, провела первую в истории Руси налоговую реформу, установив фиксированный размер дани (“урок”), порядок ее сборов и их систематичность.

Анализируя данные “Повести временных лет” об Ольге, А.А. Шайкин отмечает, что “в истории Ольги, составленной народом, Нестор увидел славу русскому характеру, он понял, что жизнь и правление Ольги, стоящей у истоков русской государственности, не может замыкаться в рамках родового эпоса. Включение этих легенд в летопись, обработка их в плане идеализации княгини придала им историческую широту и государственное значение” [65, с. 60].

Н.Ф. Котляр, при характерном для его точки зрения негативе в оценке деятельности княгини Ольги, в целом отдает дань ей как выдающемуся государственному деятелю Киевской Руси: “Следует отдать должное княгине Ольге, которая, при всех отрицательных свойствах ее натуры и неблагоприятности поступков, была все же незаурядным государственным деятелем. Она первой среди древнерусских властителей поняла необходимость регламентации даней и повинностей, распространения суда и системы управления на все подвластные Киеву земли. Это объективно способствовало укреплению складывавшегося Древнерусского государства” [60, с. 98–99].

Итожа летописные данные о личности княгини Ольги как государственном деятеле, А.А. Шайкин констатирует: “Ольга же – яркая личность, и это, вероятно, уже дает основание говорить о ее характере в летописном рассказе. Недаром мы отмечали двойственность ее поведения, противоположность между внешними ее проявлениями и ее действительными намерениями, вскрыли подспудный смысл ее слов и т.д. Характер этот, вероятнее всего, появился в ходе литературного воплощения фольклорного сюжета, но только сказка с ее вниманием к отдельному человеку и его судьбе могла создать предпосылки для разработки такого характера. Впрочем, сказочные “мудрые девы” тоже могут быть уже достаточно сложными персонажами” [65, с. 58].

В эпоху, когда война была главным средством решения политических споров, Ольга стремилась к международному признанию Руси без применения силы. Невероятно, но факт, Русь в период ее правления не воевала ни с одним из соседних государств.

В 964 г. Ольга передала власть достигшему совершеннолетия Святославу, но во время его длительных военных походов продолжала управлять страной. Сын относился к ней с большим почтением и в последние дни ее жизни не отходил от заболевшей княгини [71, с. 40].

Подводя итоги правления княгини Ольги, Л.Н. Гумилев акцентировал внимание на том, что Ольга и ее ближайший сподвижник Свенельд восстановили славяно-русскую традицию и вернули Русь на тот путь, по которому она двигалась до варяжской узурпации. И последствия оказались самыми благоприятными для Русской земли [7].

Вышеизложенное позволяет заключить, что деятельность княгини Ольги ознаменовалась значительными свершениями во всех сферах бытия Руси: была преодолена эпоха варяжской “бури и натиска” в истории славянства, период неупорядоченных набегов, нерегламентированных сборов дани.

Ольга первой среди древнерусских правителей поняла необходимость строгого упорядочения даней и повинностей, распространения единообразной по структуре системы судопроизводства и управления на всех входящих в состав Киевской Руси землях. Созидательная мощь Ольги проявляется в том, что объезжая владения, она везде оставляла следы своей хозяйской деятельности – устраивала погосты и становища, селила в них воинов, на значительный период избавила Русь от войн и потрясений.

Укрепив славянскую государственность, Ольга вывела сильную и могучую Русь на европейскую авансцену истории, приобщила к христианству часть правящей элиты державы, чем конституировала восточное славянство как цивилизованный этнос, воспринимаемый на равных в Европе. Княгиня Ольга почитается православной церковью святой и равноапостольной [97].

Легко ходя, аки пардус (гепард), войны многие творяше. Ходя, воз по себе не возяше, ни котла, ни мяс варя, но потонку изрезав конину ли, зверину ли или говудину на углех испек ядыше, ни шатра имяше, но подъяклад постлав и седло в головах; тако же и прочий вои его вей бяху. И посылаше къ странам глаголя: “Хочу на вы ити”.

“Повесть временных лет”

13.5. СВЯТОСЛАВ ИГОРЕВИЧ – ЗЕРЦАЛО ЯЗЫЧЕСКОЙ РУСИ

В самых восторженных тонах описано в летописях короткое княжение Святослава Игоревича. Страницы, посвященные ему, являются не столько хроникой событий, сколько воспеванием доблести, рыцарства и мудрости молодого князя.

По мере того, как у Ольги подрастал Святослав, мать пыталась привлечь его внимание к христианству, но усилия ее были тщетны, мысли его были далеки от устремлений матери, ибо Святослав бредил походами, сражениями, его манили далекие страны и странствия [108, с. 25–30].

В 964 г. Святославу исполнилось двадцать два года. Князь возмужал, и на сцену мировой истории вырвалась та сила, которая была призвана утвердить восточнославянское государство как мощнейшую державу. Недаром летописец посвятил юному Святославу восторженные строки: “Князю Святославу възростышю и възмужавшю, нача вой совкупляти многи и храбры, и легко ходя, аки пардус, войны многи творяше. Ходя, воз по себе не возяше, ни котла, ни мяс варя, но потонку изрезав конину ли, зверину ли или говудину на углех испек ядыше, ни шатра имяше, но подъяклад постлав и седло в головах; тако же и прочий вои его вси бяху. И посылаше къ странам, глаголя: “Хочу на вы ити” [25].

Святослав Игоревич решил расширить рубежи русского государства на северо-востоке. Летописец повествует: “И иде на Оку реку и на Волгу, и налезе вятичи, и рече вятичем – Кому дань даете? – Они же реща – Козаром по шьягу от рала даем” [25].

Самостоятельное княжение Святослав начал в 964 г. Перед нами уже молодой витязь, спартанец, привыкший к суровому походному быту, пренебрегающий жизненными удобствами ради быстроты движения войска, благородно предупреждающий противника о своем нападении.

А.А. Шайкин, характеризуя князя – рыцаря Руси, отмечал: “Образ сына Ольги, князя Святослава, являет собою прежде всего блистательного, сурового и неутомимого воина. Символично для всей будущей биографии князя-воителя его первое самостоятельное деяние, отмеченное в “Повести временных лет”: “...суну копьём Святослав на деревляны, и копьё лете сквозе уши коневы, и удари в ноги коневы, бе бо детеек. И рече Свенелд и Асмолд: “Князь уже почал; потягните, дружина, по князе”. И победила деревляны”. Роль Святослава в этом эпизоде чисто символическая: он мальчик, копьё, брошенное им, едва перелетает через голову коня, но он – князь, и потому его действие приобретает особое значение, становясь деянием” [65, с. 43].

Окские и волжские речные пути были для Киева весьма притягательны, ибо русская столица едва ли что имела от кипевшей в VIII–X вв. на тех реках торговли, а выгоды от обладания бассейнами верхней Волги и Оки сулили немалые. Но проблема в том крае для Киева была не в вятичах, а в запиравших низовья Дона и Волги городах и крепостях Хазарского каганата. Именно эта сила безраздельно контролировала торговые пути, ведущие в Персию, Среднюю Азию и далее в Индию и Китай [7].

Это было связано с тем, что в период правления Игоря хазарский фактор привел Русь на грань катастрофы. По подсчетам Л.Н. Гумилева, в 913 г. на Каспии в военном походе, проводимом для поддержки Хазарии было 500 русских судов и на каждом 100 воинов; итого – 50 тыс. воинов, согласно сообщению Масуди. Ни один не вернулся.

Эта цифра вызывает сомнение В.В. Мавродина. По летописным данным, русская ладья вмещала всего 40 человек, так что русов было, считает он, не более 20 тысяч, столько же, сколько в 943 г. Однако если учесть грандиозные потери русов на Черном море всего два года назад, то ясно, что русы выставили в 913 г. больше войск, чем в 943 г. Поэтому свидетельство Масуди заслуживает предпочтения. По-видимому, русов было от 35 до 50 тысяч [7].

Но если так, то становится понятны многое: скепсис А.А. Шахматова по отношению к сообщению Нестора о втором походе Игоря на Византию, по дате совпадающем с Арранской катастрофой; ослабление киевлян и гибель Игоря в древлянской земле, фактически освободившейся и захваченной при Ольге только путем коварной “мудрости”. Таким образом, за три года союза с царем Иосифом русы потерпели два тяжелых поражения и потеряли много храбрых воинов [7].

Противоборство Святослава и Руси с Хазарией – сложнейшее военное предприятие, потребовавшее от славянства напряжения всех сил, от военачальника же – таланта выдающегося полководца.

Протяженность Хазарского похода Святослава – около 6 тысяч километров. На его осуществление потребовалось около 3 лет с зимовками на Волге и Северном Кавказе [71, с. 47].

В 834 г. греческие инженеры построили на нижнем Дону крепость Хазарского каганата Саркел (Белую Вежу). Греки предвидели скорое возвышение языческого колосса Восточной Европы – Руси – и спешили упредить свою экспансию. И это удавалось, но лишь до тех пор, пока восточные славяне были разобщены. В IX–X вв. Русь, поначалу бывшая небольшим государством, стремительно объединяла вокруг себя силы всего восточноевропейского славянства. Для достижения этой цели в ход шли и дружины варягов, и походы князей в земли отдельных славянских союзов. Скоро все на просторах Русской равнины начало подчиняться единому центру. Многочисленные города, волоки, погосты, волости и целые провинции в X в. стали жить в едином ритме, и сила, отовсюду стягившаяся Киевом в державную десницу, приобрела всеокрушающую мощь [7].

Святослав стал достойным олицетворением силы Руси. Князь, быть может, до конца не понимал ее возможностей, но не чувствовать ее он не мог. То, чего не сумел добиться Игорь три десятка лет назад, Святослав осуществил чуть не с легкостью и с истинно русской доблестью [7]. Летописец повествует: “Иде Святослав на козары. Слышавше же козары, изидоша противу съ князем своим Каганом, и съступишася битися, и бывши, брани, одоле Святослав козаром и град их и Белую Вежу взя. И ясы победы и касогы” [25].

Поход на Хазарский каганат Святослав начал с того, что вошел в земли вятичей (964 г.). О.В. Творогов, характеризуя борьбу Святослава с Хазарской державой, выделяет следующие этапы данного противостояния: “964 – сын и преемник Игоря Святослав совершает поход в землю вятичей и освобождает их от дани хазарам. Через год Святослав вновь идет на вятичей и принуждает их платить дань Киеву” [47, с. 9]. Хазарский каганат в рассматриваемый период соперничал с Византией за региональное лидерство в Евразии, за контроль над торговыми путями. Хазария не создавала богатства, а лишь присваивала чужое. Хазары кормились и одевались за счет соседних народов, изнуряя их даяниями, разбойничими набегами, торговыми пошлинами. В городе Итиль – столице Хазарии – пересекались торговые пути, а самим Хазарам нечего было предложить иноземным купцам, кроме рабов да белужьего клея. На рынках Итиля торговали болгарскими соболями, русскими бобрами и лисицами, мордовским медом, хорезмскими тканями, персидской посудой, византийским оружием [83, с. 49].

Разноязыких, разноплеменных, внутренне разобщенных подданных Хазарии объединяло одно – слепая вера во всемогущество Кагана, которому поклонялись как живому богу, который оберегал Каганат от всех бед.

Только трижды в год Каган на белом коне проезжал по улицам столицы в сопровождении 10 тысяч гвардейцев-арсиев. Ужасна была участь тех подданных, кто дерзал оскорбить божественного Кагана своим взором – его пронзали копьями и никто не дерзал предать его останки земле как наказание за подобное святотатство [83, с. 50–51].

В 965 г. войско Святослава по Волге двинулось вниз, к дельте. В том же 965 г. состоялась битва между армиями Святослава и кагана. Русь одолела, и стоявший на острове волжской дельты столичный город Итиль прекратил существование.

Вслед за Итилем пали города каганата: Семендер на Тереке, и тут Святославу пришлось смирить ясов (осетин) и касогов (адыгов), Самкерц на Таманском полуострове и Саркел на нижнем Дону.

О.В. Творогов следующим образом характеризует это грандиозное военное предприятие Святослава: “Летопись скупо упоминает о походе Святослав на хазар, о победе его над хазарским правителем-каганом. Из других источников известно, что Святослав, одолев волжских болгар, спустился по Волге к Итилю – столице каганата, расположенной в дельте Волги. Взяв Итиль, Святослав двинулся к Семендеру (городу, находившемуся в районе Махачкалы), прошел через Кубань до побережья Азовского моря, оттуда на ладьях поднялся по Дону до Саркела, захватил эту крепость и на ее месте основал крепость Белую Вежу” [47, с. 9]. В результате похода Хазарская империя была разгромлена и в 968 г. навсегда исчезла с политической карты Европы [71, с. 47].

Расправившись с хазарами, Святослав переносит свое внимание на Балканы. Войска князя пересекли византийскую границу, и в течение нескольких лет борьба славян с империей шла с переменным успехом.

Определяя основное направление стратегических устремлений князя Святослава, необходимо отметить, что он продолжал политику своих предшественников, стремясь увеличить территорию древнерусского государства, защитить его границы и взять в свои руки весь великий торговый путь “из варяг в греки”. Вследствие этого Святослав устремился на Балканы, желая завоевать Царьград и перенести политический центр древнерусского

государства на Дунай. Он сказал своей матери и боярам: “Не любо мне в Киеве, хочу жить на Дунае, в Переяславце. Тот городок – середина моей земли. Туда сходится все добро: от греков – золото, вина, овощи; от чехов и венгров – серебро и кони; из Руси – меха, воск, мед, челядь” [84].

Однако к этой внешнеполитической экспансии Святослав подталкивали и внутривластные факторы: князь-воин отдавал себе отчет о том, что у власти в Киеве находились христиане, отнюдь ему не симпатичные. В походе он чувствовал себя гораздо лучше.

В 967 году в царствование греческого императора Никифора Фоки из Царьграда в Киев явился посол и просил Святослав от имени своего государя пойти войной на болгар. Греки не могли осилить болгар из-за того, что те жили в гористых местах. Греки привезли с собой богатые дары и сулили еще больше за захват Болгарии. Князь согласился и стал собирать войско. На его клич отозвались славный воевода Свенельд, богатыри Сфенкел, Икмор и другие. Святослав предпринял два похода в Болгарию – в 968 и в 969 годах [84].

Успех Святослава во многом базировались на боеспособной, мобильной дружине. В.В. Каргалов отмечал, характеризуя взаимоотношения Святослава и его дружины: “Князь Святослав не пытался обогнать свое время, но и не отставал от него. В дружине он нашел естественную форму военной организации, способную привлечь на княжескую службу самые разнородные общественные элементы, объединить их, используя живучие и достаточно крепкие родовые традиции. Он был прост и доступен в обиходе, ел из общего дружинного котла, в походах довольствовался, как и другие воины, куском поджаренного на углях мяса, одевался в полотняную рубаху – как все. Но эта внешняя простота была неразрывна с грозным величием верховной власти, и величие это отражало сущность Руси второй половины X столетия, в которой уже складывалась раннефеодальная монархия, но классовые противоречия еще не обнажились так. Дружинниками являлись вчерашние свободные пахари, охотники или воины родовых дружин, и их предводитель не мог быть иным, чем Святослав” [89, с. 16–17].

В.В. Мавродин, уточняя вопрос о дружинных традициях в устройстве Киевской Руси, отмечал: “Как ни ярк образ летописного Святослава, который, “легко ходя”, в бесчисленных походах прошел с мечом обширные земли от дремучих лесов вятичей до Преславы, от Саркелати Итиля до Аркадиополя и Доростола, но его запечатлели только дружинники, прошедшие с ним через многие “брани”. Они и передали своим потомкам образ Святослава, попавший в летописи. Этот князь-воин не был популярен. Всю жизнь, проведя в походах, Святослав заявил киевлянам: “Не любо ми есть в Киеве быти”, что “середина” его земли – Переяславец на Дунае, чем и вызвал упрек киевлян: “Ты, княже, чужая земли ищещи и блюдеши, а своя ся охабив”. Считавший Киев “чужим”, Святослав остался чужим для “простой чади” [66, с. 138].

Лев Диакон – один из крупнейших византийских авторов второй половины X столетия в десяти книгах своей “Истории” описал современные ему события внутренней и особенности внешнеполитической жизни империи. Значительное внимание уделил он взаимоотношениям Византии и Киевской Руси.

Анализируя деятельность византийской дипломатии по привлечению великого князя Святослава к борьбе с Болгарией, к походу на Балканы, Лев Диакон отмечал: “Пока император Никифор совершал поход в Сирию, Патрикий Калокир, посланный к тавроскифам по его царскому приказу, прибыл в Скифию, завязал дружбу с катархонтом тавров (архонтами официально именовали в Византии киевских князей), совратил его дарами и очаровал льстивыми речами – ведь все скифское племя необычайно корыстолюбиво, в высшей степени алчно, падко и на подкупы и на обещания” [86, с. 43–44].

Лев Диакон наглядно показывает унижительные тенденции великой державы рассматриваемого периода – Византии – по отношению к окружающим государствам, попыткам манипулировать ими в своих великодержавных интересах. Подобные суждения были присущи Константинопольскому двору, которому зачастую удавалось, одаривая вождей “варваров”, отвлекать их от набегов на империю, направляя их воинственный пыл друг против друга [86, с. 44].

Показательно, что русский фактор стал одной из составляющих в сложной внутривизантийской борьбе в Византийской империи, в попытках различных группировок использовать военную мощь Руси в борьбе за престол: “Узнав, что Сфендослав уже подплывает к Истру и готовится к высадке на берег, мисяне собрали и выставили против него фалангу в тридцать тысяч вооруженных мужей. Но тавры стремительно выпрыгнули из челнов, выставили вперед щиты, обнажили мечи и стали направо и налево поражать мисян. Те не вытерпели первого же натиска, обратились в бегство и постыдным образом заперлись в безопасной крепости своей Доростоле.

Тогда предводителя мисян (василевс болгар по византийской терминологии) Петра, мужа боголюбивого и благочестивого, сильно огорченного неожиданным бегством его войска, постиг эпилептический припадок, и спустя недолгое время он переселился в иной мир” [86, с. 44].

Характерно, что Петр Болгарский, в отличие от своего воинственного отца Симеона в течение всего своего царствования сохранял дружественные отношения с Византией, что не помешало ей организовать нападения на его владения [86, с.189].

В “Истории” Льва Диакона произошло совмещение двух походов Святослава в один. При этом помимо прочих недоразумений, произошло смешение целей начальной и последующей деятельности Калокира.

Так Лев Диакон отмечал, что “Никифор не надеялся более договориться с таврами и знал, что нелегко будет подчинить своей воле окончательно уклонившегося от истинного пути патрикия Калокира, который вышел из-под его власти и возымел большое влияние на Сфендослава, он предпочел отправить посольство к единоверцам мисянам..., напомнил мисянам об их вере и попросил у них девиц царского рода, чтобы выдать их замуж за сыновей василевса Романа, укрепив посредством родства неразрывный мир и дружбу между ромеями и мисянами” [86, с. 45].

Возможно, что лишь тогда, когда Калокир получил сообщение об убийстве Никифора, он решил при опоре на Святослава поднять мятеж и захватить власть [86, с. 188].

Весной 968 г. русские ладьи приплыли в устья Дуная и разбили не ожидавших нападения болгар. Русских воинов было немного – около 8–10 тыс., но им на помощь пришла печенежская конница. В августе того же года русы разбили болгар около Доростола. Царь Петр умер, и Святослав оккупировал Болгарию вплоть до Филипполя. Это совершилось при полном одобрении греков, торговавших с Русью. Еще в июле 968 г. русские корабли стояли в гавани Константинополя.

За зиму 968–969 г. все изменилось. Калокир уговорил Святослава, поселившегося в Переяславце, или Малой Преславе, на берегу р. Враны, посадить его на престол Византии. Шансы для этого были: Никифора Фоку не любили, русы были храбры, а главные силы регулярной армии находились далеко, в Сирии, и были связаны напряженной войной с арабами. Ведь сумели же болгары в 705 г. ввести во Влахернский дворец безносого Юстиниана II в менее благоприятной ситуации! Так почему же не рискнуть [7, с. 232]?

Комментируя намерения Святослава расширить пределы Руси и перенести ее столицу на Дунай, Л.Н. Гумилев отмечает: “Святослав думал о бессмысленности возвращения в Киев, где его христианские недруги в лучшем случае отправили бы его еще куда-нибудь. Болгария примыкала к Русской земле – территории уличей. Присоединение к Руси Восточной Болгарии,

выходившей к Черному морю, давало языческому князю территорию, где он мог быть независимым от своей матери и ее советников.

Святослав представляется в этой коллизии отнюдь не викингом-головорезом, а трезвым и предусмотрительным политиком, решавшим перенести столицу в удобное для себя место. То же самое произвел 730 лет спустя Петр I с большим успехом, но и с большими затратами пота и крови [7, с. 232–233].

А.Н. Сахаров, характеризуя деятельность Святослава на международной арене, акцентировал внимание на том, что “Внешняя политика князя Святослава Игоревича явилась закономерным продолжением усилий, предпринятых еще Олегом и особенно Игорем по укреплению позиций Руси в Северном Причерноморье, на восточных торговых путях, на подступах к Балканам” [88, с. 199].

Лев Диакон акцентировал внимание на том, что патрикий Калокир уговорил Святослава “собрать сильное войско и выступить против мисян (болгар) с тем, чтобы после победы над ними подчинить и удержать страну для собственного пребывания, а ему помочь против ромеев в борьбе за овладение престолом и ромейской державой. За это Калокир обещал ему огромные, несказанные богатства из царской сокровищницы” [86, с. 44].

Миссия Калокира в событиях, связанных с походом Святослава на Балканы в настоящее время до конца не выяснена. Вряд ли можно сомневаться, что часть населения Древней Руси видела в войне выгодный промысел, форму “кровавой” работы особого рода. Однако во внешнеполитической деятельности русских князей явственно выступали вполне конкретные государственные задачи. Исходя из этого, Святослав независимо от миссии Калокира мог после удачных войн с хазарами стремиться к распространению государственности Руси на Балканах.

Немаловажным фактором, обусловившим поход Святослава на Балканы являлось и то, что по договорам, с Константинополем, сохранившим в то время свою силу, Древняя Русь являлась союзником империи.

Лев Диакон следующим образом рисует дальнейшее развитие событий: “Выслушав слова Калокира, Сфендослав не в силах был сдержать своих устремлений: возбужденный надеждой получить богатства, видя себя во сне владельцем страны мисян, он, будучи мужем, горячим и дерзким, да к тому же отважным и деятельным, поднял на войну все молодое поколение тавров. Набрав, таким образом, войско, из шестидесяти тысяч цветущих здоровьем мужей, он вместе с патрикием Калокиром, с которым соединился узами побратимства, выступил против мисян” [86, с. 44]. Калокир, возведенный Никифором в сан патрикия, считался его приверженцем и не мог надеяться на успех своей карьеры при Цимисхии, убийце Никифора.

Убедительным представляется, что версия о начальном этапе действий Калокира, изложенная Львом, исходила от официальных кругов правительства Иоанна Цимисхия. Реальные истоки интриг Калокира следует искать в недовольстве военной аристократии по поводу расправы над Никифором и возведения на престол его убийцы; также необходимо сопоставить активность Калокира с выступлением Фоки, происшедшим как раз в то время [86, с. 188].

Овладев столицей Болгарии Преславой, Святослав послал сказать грекам: “Хочу на вас идти, взять ваш город”. Вслед за этим русы стали готовиться к походу на Царьград. Они усилили свое войско болгарами, которые были недовольны господством Византии, наняли отряды печенегов и венгров. В это время на царский престол в Византии вступили Иоанн Цимисхий, искусный военачальник и отважный воин. В 970 году под Адрианополем произошло сражение, в результате которого греки потерпели поражение, принесли дары Святославу и пообещали мир.

В это время к Святославу прибыло из Киева небольшое подкрепление. Не имея достаточных сил и полагаясь на договор с Цимисхием, Святослав не занял горные проходы через Балканы и

оставил открытым устье Дуная. Это была его крупная стратегическая ошибка. Кроме того, рать русов оказалась разделенной на две части: главные силы находились в Доростоле, отряд под командованием Сфенкела был расположен в Преславе [84].

Этим воспользовался Цимисхий. Он собрал 300 судов, вооруженных “греческим огнем”, и в 971 году двинул флот к устью Дуная, чтобы запретить русам обратный путь на родину. Сам император выступил в поход с сильным передовым 2-тысячным отрядом “бессмертных” (отлично вооруженной личной гвардией), 13-тысячной конницей и 15-тысячной пехотой и без труда преодолел Балканы. За ним следовали остальные силы и большой обоз с осадными и огнеметными машинами и продовольствием.

13 апреля 971 года Цимисхий начал бой на подступах Преславы. В результате этого боя византийцы захватили Преслав, и только немногим русам во главе со Сфенкелом удалось прорваться и уйти в Доростол.

17 апреля Цимисхий двинулся к Доростолу, заняв по пути ряд болгарских городов. 23 апреля византийское войско, значительно превосходившее рать русов, подошло к Доростолу. Передовой отряд византийской пехоты осматривал окрестные леса и овраги в поисках засады.

Первый бой под Доростолом произошел уже 23 апреля 971 года. Русы напали из засады на передовой отряд византийцев. Они уничтожили этот отряд, но и сами погибли. Когда Цимисхий подошел к городу, русы ожидали врага на ближних подступах к Доростолу, “сомкнув щиты и копья, наподобие стены”. Греки перестроились в боевой порядок: посередине стала пехота, на флангах – конница в железных латах; спереди, прикрывая фронт – легкая пехота: стрелки из лука и пращники – они непрерывно пускали стрелы, метали камни. Бой был упорный, русы отразили 12 атак. Победа колебалась: ни та, ни другая сторона не брала верх. К вечеру Цимисхий сам повел всю свою конницу против утомленного противника. Под ударами многочисленной конницы византийцев пехота русов отступила и укрылась за городскими стенами Доростола [84].

Характеризуя ситуацию, сложившуюся под Доростолом, Л.Н. Гумилев отмечает: “В 971 году князь со своей дружиной оказался в окружении под стенами болгарского города Доростола: “...После того, как пал смертью храбрых витязь Икмор, и надежда на победу была утрачена, русы вышли в полночь при полной луне на берег Дуная. Сначала они собрали тела павших бойцов и сожгли их на кострах, а потом, совершая тризну, предали смерти множество пленников и пленниц... – они топили в водах Дуная грудных младенцев и петухов – жертвоприношения злым богам” [7, с. 227–228].

Святослав собрал военный совет и стал думать с дружиной, как им быть и что делать дальше? Одни предлагали спастись бегством в темную ночь, другие советовали начать мирные переговоры. Тогда Святослав, тяжело вздохнул, отвечал так: “Деды и отцы завещали нам храбрые дела! Станем крепко. Нет, у нас обычая спасать себя постыдным бегством. Или останемся, живы и победим, или умрем со славой! Мертвые сраму не имут, а, убежав от битвы, как покажемся людям на глаза?!” Выслушав своего князя, дружина решила сражаться.

Четвертый, последний бой был дан 22 июля. Рать русов вышла в поле, и Святослав приказал запретить городские ворота, чтобы никто не мог думать о спасении за крепостными стенами. Войско Цимисхия также вышло из лагеря и построилось для боя.

Победа долго склонялась, то в одну, то в другую сторону.

На следующий день Святослав предложил Цимисхию начать мирные переговоры. Несмотря на то, что византийцы имели численное и техническое превосходство, они не смогли разбить своего противника в открытом бою и штурмом взять Доростол. Войско русов стойко выдержало трехмесячную осаду. Враг вынужден был согласиться на условия, предложенные Святославом. После заключения мира Святослав обязан был не воевать с Византией, а Цимисхий должен был

беспрепятственно пропустить ладьи русов и выдать им по две меры хлеба на дорогу. Обе стороны скрепили свои обязательства клятвами.

После заключения мира состоялось свидание Святослава с Цимисхием. Они встретились на берегу Дуная [84]. Император стремился поразить славянского полководца великолепием византийского царского убора, но сам был поражен простотой одежды князя: "...в позлащенном вооружении, на коне приехал к берегу Истра, сопровождаемый великим отрядом всадников, блестящих доспехами. Святослав переезжал через реку на скифской ладье и, сидя за веслом, греб наравне с прочими без всякого различия" [85, с. 562]. Цимисхий, император византийский, как пишет Лев Диакон, охотно принял "условия руссов", покинувших пределы империи на условиях почетного мира.

Л.Н. Гумилев, характеризуя период после болгарских походов Святослава, акцентирует внимание на том, что Святослав, завершивший дела в Болгарии, обнаружил, что в Киеве он совсем не ко двору. Там крепла христианская община, и ее не устраивал князь-язычник. Сам Святослав не жаловал христиан, да и вообще ему было "не любо сидеть в Киеве". Надо сказать, что появившаяся у Святослава идея устроить новую столицу на окраине своей земли, отмечает Л.Н. Гумилев, была не так уж нелепа. То же самое сделал Петр Великий, создавший Петербург, в котором сосредоточилась шумная жизнь нового общества. И точно так же, как шведы не хотели иметь рядом с собой столицу Петра, греки не желали близкого соседства с воинственным Святославом [87].

Во многом это предопределялось имперской ментальностью Византии, принципом "Разделяй и властвуй!". Император Константин Багрянородный в поучении сыну определяет следующим образом политику Византии по отношению к восточным славянам: "Итак, знай, что все северные племена по природе своей жадны до денег, алчны и совершенно ненасытны. Их натура поэтому всего жаждет и до всего вожделеет и не положены пределы ее влечениям; всегда ей хочется большего, и из малой пользы она желает извлечь больше выгоды" [86, с.188].

Этой заповедью-наставлением определялась стратегия внешнеполитической линии Византии по отношению к окружающим народам. Конкретика "Разделяй и властвуй!" проявилась в том, что коварные византийцы предупредили печенегов о том, что русы идут малой дружиной и с богатой добычей. Печенеги – ветвь древнего этноса "канг", населявшего страну Кангюй – степь между Иртышом и Аралом. Предки их упоминаются в истории при описании хунно-китайских войн II в. до н.э.

Природные условия, а именно климатические, были немилостивы к кангам. Они населяли экстрааридную зону, и поэтому засухи III и X вв. весьма сильно ударили по их хозяйству. Но они же толкнули часть кангов на переселение в чужие страны. Так, в 889 г. те из них, которые носили имя "пацзынак" (печенег), еще в начале надвигающейся засухи перебравшись в Причерноморье, где пережили тяжелое время. Когда же степи вновь зазеленели, овцы нагуляли жир, а кони – силу, печенеги воспряли вместе с природной средой [7].

После неудачи в Болгарии, князь Святослав был вынужден отступить на территорию Киевской Руси. Однако на обратном пути, когда Святослав подошел к днепровским порогам, "напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него..." [25].

Характеризуя данные Нестора-летописца о гибели Святослава, Н.Ф. Котляр отмечал: "Следующая статья "Повести временных лет" под 972 г. отразила народное предание о трагическом финале яркой жизни киевского князя: "Когда наступила весна, отправился Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него".

Обычай изготовления чаши из черепа поверженного врага был достаточно распространен в исторической действительности рассматриваемого периода и в эпосе. Еще В.Н. Татищев

сопоставлял его с мировым культом черепов, ссылаясь при этом на античных писателей: “Сосуды же из голов неприятельских делать есть... обычай древний у многих народов”. За полтора столетия до кончины Святослава Игоревича, в 811 г., болгарский военачальник Крумм победил жестокого угнетателя Болгарии византийского императора Никифора и приказал оправить череп убитого врага в серебро, после чего пользовался на пиршествах этим своеобразным кубком” [60, с. 131].

Л.Н. Гумилев высказал гипотезу о том, что в гибели Святослава был заинтересован не только Константинополь, но и ...Киев: “Страшные сцены происходили в Белобережье (остров Березань) после возвращения из Болгарии. Князь и его языческое окружение приписали русским христианам, сражавшимся в том же войске, вину за поражение, нанесенное их единоверцам, объяснив его гневом богов на христиан. Святослав замучил насмерть своего брата Углеба (Глеба), а его воины так же поступили со своими боевыми товарищами, страдавшими от ран и нуждавшимися во враче, а не в палаче. Особенно плохо пришлось священникам, которые были в русском войске для напутствия православных русов. Святославу изменил даже интеллект: он послал в Киев приказ сжечь церкви и обещал по возвращении “изгубить” всех русских христиан. Этим заявлением Святослав подписал себе приговор” [7, с. 227–238].

Византийский историк Лев Диакон так рисует портрет Святослава: он был среднего роста, глаза голубые, плоский нос, густые брови и длинные усы, мало волос на бороде и без волос на голове, имелся только один клоч, что означало его знатное происхождение. Внешне выглядел мрачно и сурово, грудь широкая, шея плотная. На одном ухе носил серьгу с двумя жемчужинами.

Ю.Ф. Козлов рисуя образ князя-рыцаря, отмечал: “Святослав являлся образцом воина, но не примером государя великого. Он покинул Русскую землю для подвигов отдаленных, славных для него, но не всегда полезных для Руси. Он почти не был князем на своей земле, за него правила мать. Святослав оторвался от Руси, действовал только с одною своею дружиною, а не сплотил соединенные силы всех племен, что могло бы иметь, при великом таланте самого Святослава, большое значение для судьбы Киевского государства, а возможно и для Восточной Европы. Таким был князь Святослав Игоревич” [70, с. 30–31].

Попытки представить Святослава как образец варяжского рыцаря, не отвечает летописным данным о нем. Некоторые историки обвиняют Святослава в излишней воинственности, безрассудной драчливости, характеризуя его как вождя бродячей дружины, постоянно ищущей добычи и славы, или называя походы его “военными авантюрами”.

Опровергая данную точку зрения на князя-рыцаря Святослава, Е.А. Рыдзевская отмечает: “Переходя к летописным преданиям о Святославе, существенно дополняемым Львом Диаконом – автором, более близким к нему по времени, чем самый ранний из наших летописцев, мы встречаемся в лице этого русского князя с одним из самых ярких эпических образов, которые рисует летопись. Привлекая некоторые предания о нем к основной теме настоящего исследования, мы решительно отвергаем представление о Святославе как о северном викинге и о его окружении как о преимущественно норманнском по своему происхождению. Святослав – не викинг, пересаженный на южнорусскую почву. И сам он, и окружающая его среда, и вся его бурная деятельность представляют собою нечто, безусловно, родственное, в общем, тому, что буржуазные ученые называют “духом эпохи викингов”; если в дружине Святослава были варяги, то, вероятно, чувствовали себя там весьма недурно. Но поставить здесь знак равенства было бы грубейшей и антиисторической ошибкой” [47, с. 203].

Показательно, что перед сражением Святослав вдохновлял свое войско речами. Византийский историк X в. Лев Диакон приводит одну из речей Святослава: “Итак, с храбростью предков наших и памятуя, что русская сила была до сего времени непобедима,

сразимся мужественно за жизнь нашу. У нас нет обычая бегством спастись в отечество, но или жить победителями, или, совершив знаменитые подвиги, умереть со славой” [85, кн. 2, с. 560].

Исходя из данных фактов, можно заключить, что если у Святослава и были некоторые нормандские связи, то, во всяком случае, не ими определяется характеристика и его самого, и его времени. Они ступеньются в той сложной, богатой и многогранной культурной обстановке, какую мы находим в южной Руси с ее тесными и разнообразными связями с Хазарским каганатом, с придунайскими и балканскими странами, с азовско-черноморским юго-востоком [47, с. 203].

Н.М. Карамзин следующим образом характеризовал трагический эпизод гибели Святослава: “Таким образом, скончал жизнь сей Александр нашей древней Истории, который столь мужественно боролся и с врагами, и с бедствиями, был иногда побеждаем, но в самом несчастье изумлял победителя своим великодушием, равнялся суровою воинскою жизнью с Героями Песнопевца Гомера и, снося терпеливо свирепость непогод, труды изнурительные и все ужасное для него, показал Русским воинам, чем могут они во все времена одолевать неприятелей. Но Святослав, образец великих Полководцев, не есть пример Государя великого, ибо он славу побед уважал более государственного блага, и, характером своим, пленяя воображение Стихотворца, заслуживает укоризну Историка” [17].

Оценивая деятельность князя Святослава, академик Б.А. Рыбаков писал: “Подводя итоги короткому, но блистательному княжению Святослава, мы видим, что он вовсе не был “безрассудным авантюристом”, бродившим где попало по степям. Его волжско-хазарский поход был жизненно важен для молодого государства Руси, а его действия на Дунае и за Балканами были проявлением дружбы и солидарности с народом Болгарии, которому Святослав помогал отстаивать и свою столицу, и своего царя, и политическую самостоятельность от посягательств Византии. Поражение Святослава было концом суверенной Болгарии, возродившейся только два столетия спустя.

По отношению к Руси вся стремительная деятельность не была невниманием к ее интересам, или неосознанным стремлением “охабить”, пренебречь ею, но наоборот – все было рассчитано на решение больших государственных задач, требовавших напряжения всех сил” [90, с. 382].

Итога деятельность князя Святослав, его вклад в создание великой империи – Киевской Руси – Н.Ф. Котляр подчеркивал: “Осуждающая деятельность Святослава надпись на его черепа-чаше явно перекликалась с упреком, брошенным киевлянами своему князю после избавления от печенежской осады: “Ты князь, ищешь чужой земли... а свою покинул”. Это – отражение не одобряющей зарубежные походы фольклорной тенденции. Исходя из распространенности этого обычая в те времена можно считать вероятным изготовление кубка из черепа Святослава. Другое дело – надпись на нем, явно имеющая русское фольклорное происхождение и неуместная в устах печенегов. Таким образом, отгремели, отшумели походы Святослава, осталась о них громкая и долгая память в народе. Как удачно заметил один из советских фольклористов, “образ Святослава – апогей дружинной идеологии. Дальнейшие князья уже не вызывают таких симпатий и восторгов составителя Начального свода. Добавим к этому, что все свои симпатии отдавали Святославу не монахи-летописцы, а дружинные сказатели, что отразилось в древнейших летописях” [60, с. 132].

Святослав – князь, рыцарь языческой Руси, за короткий исторический период, перекроивший геополитическую евразийскую карту, по своим деяниям уподобился великому Александру Македонскому [91, с. 29].

Практически в столь же юном, как и Александр возрасте, он, при таком же ограниченном людском контингенте, как и у Александра в битве с Персией, сокрушил мощную азиатскую

державу – Хазарию, которая на протяжении длительного периода вела борьбу за доминирование на Евразийском пространстве с Византийской империей [92, с. 56–57].

После этого свершения, подобного Александровой победе над Персией, Святослав приступил к еще более дерзкой задаче – расширению зоны стратегического влияния Руси за счет сфер византийского влияния, в частности, в Болгарии.

В ходе этой конфронтации, Святославом под вопрос был поставлен статус Византии как великой региональной державы, и лишь неблагоприятные геополитические условия, а также отсутствие существенной поддержки из Киева, где доминировала внутренняя оппозиция великокняжеской власти, а затем и трагическая гибель Святослава, не позволили этому великому полководцу славянского мира довести до завершения свои стратегические планы: утвердить доминирование Руси на Евразийском субконтиненте [94, с. 194–195].

*История нужна нам не для того, чтобы
разобраться, что и как происходило в прошлом,
а для того, чтобы ожившее объяснило нам,
кто мы есть и осветило путь в будущее.*

А. Блум “Тупик американского мышления”

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Этногенез славянства, становление и развитие его государственности – одна из наиболее важных и актуальных проблем как отечественной, так и мировой исторической мысли, имеющая не только академическое, научное, но и сугубо практическое значение для развития державности стран, вставших на путь суверенного развития в постсоветский период, обретения ими достойного места в мировом табеле о рангах, достижения процветания и могущества.

Известный российский философ XX столетия Николай Бердяев в своей работе “Смысл истории” рассмотрел сущность, значение историзма в бытии этносов, цивилизаций. Особое внимание он уделил роли исторического прошлого в переломные эпохи в период потрясений, ломки старого и созидания нового: “Исторические катастрофы и переломы, которые достигают особенной остроты в известные моменты всемирной истории, всегда располагали к размышлениям в области философии, истории, к попыткам осмыслить исторический процесс..., вернуться к тайникам исторической жизни, к ее внутреннему смыслу, к внутренней душе истории для того, чтобы осмыслить ее” [93, с. 4, 6].

Н. Бердяев предлагает обратиться к прошлому не для того, чтобы стряхнуть пыль со страниц манускриптов, не для удовлетворения любопытства пращуров деяниями своих предтеч, но и для сугубо практичных реалий настоящего: “Катастрофические моменты истории особенно приятны для построения философии истории: катастрофы духа человеческого, когда он, пережив крушение известного жизненного исторического строя и лада, пережив момент расщепления и раздвоения, может сопоставить и противопоставить эти два момента – момент непосредственного пребывания в историческом и момента расщепленности с ним, чтобы перейти в третье состояние духа, которое дает особенную остроту сознания, особую способность к рефлексии...” [93, с. 6].

Свои мысли о глубочайшей, неразрывной связи прошлого и настоящего Н. Бердяев завершает положением о том, что “разрыв между прошлым и будущим есть основная болезнь, основной дефект, основное зло времени нашей мировой действительности. Если признать существование только нашего злого и больного времени, в котором прошлое и будущее разорваны, то нельзя было бы опознать и признать существование подлинной, реальной исторической действительности” [93, с. 55].

Таким образом, обращение к историческому прошлому великих этносов и цивилизаций – к истокам славянства, к становлению и развитию его государственности, подобно целебным, живительным источникам, исцеляя и заживляя многие, казалось бы неразрешимые проблемы дня сегодняшнего, открывает радужные перспективы дня грядущего. В этом нет натяжек и преувеличений, ибо великая и трагичная, многотысячелетняя история славянства являет собой неоценимое достояние не только данных этносов, но и всего человечества.

История становления славянства, в том числе и восточного, отражает многообразие, диалектически присущее его индоевропейской праснове, системообразующие элементы которого нашли наиболее гармоничное и полное воплощение в славянском этносе.

В основе формирования славянства лежит синтез различных этнических начал: земледельческие европейские племена, ощутив многократное воздействие азиатских, восточных кочевых народов, интегрировало их, образовав диалектическое цивилизационное единство [114, с. 282–323].

Все это вывело славянский этнос за границу единообразных культурно-цивилизационных стереотипов, образовало повышенный порог устойчивости его на многотысячелетнем пути, конституировало его как объединительный канал западного и восточного направлений мирового цивилизационного развития, как гармоничной, устойчивой, плодотворной модели этнического развития [95].

Этногенез славянства проходил в условиях непрекращающихся волн нашествий, накатывавшихся на славянский мир, как с Запада, так и с Востока. Насилия и притеснения, творимые пришельцами, неоднократно ставили проблему этнического существования славянства.

В рамках исторического процесса “Вызов – Ответ” славянский этнос, оказывая активное или пассивное сопротивление этносам-агрессорам, и обладая при этом более значимым людским и культурным потенциалом, чем они, подрывали мощь пришельцев, изгоняли либо ассимилировали.

Влияние как западного, так и восточного факторов на развитие славянства трудно переоценить, ибо их синтез обусловил этническую самобытность, неповторимость славянства, наложили заметный отпечаток на развитие исторических процессов славянской цивилизации, на ментальность данного этноса.

Важным фактором цивилизационного процесса является уровень развития государственности того или иного этноса. В историографии на протяжении столетий доминировала точка зрения, инициированная преимущественно западными историками, про неспособность восточного славянства к самостоятельному государственно-политическому развитию, что оно по своей сути “общество вековых хлеборобов”, не имеющих устойчивых государствообразующих традиций, пассивный людской материал, извечно возглавляемый чужеродными элитами, которые привносят чуждые славянству модели государственности.

В работе с привлечением значительного фактического материала показано, что восточное славянство является этносом, имеющим самобытную государственность, уходящую своими истоками в седую даль тысячелетий.

Традиции государственности на восточнославянских землях связаны с античной европейской державностью, в частности, с греческими городами-государствами. В ходе торговых, культурных отношений с данными форпостами европейской цивилизации, славянской элитой воспринимались традиции передовой европейской античной государственности, был переброшен мостик от греческой державности к находящемуся в процессе динамичного развития восточному славянству, что можно охарактеризовать как зачаток евроинтеграционного процесса славянства.

Восточные элементы государственности на восточнославянские земли были привнесены скифами, в составе империи которых славяне занимали место некоего конфедеративного, в значительной степени независимого образования, связанного с центром номинальными узами.

Античная и скифская государственности составляли по отношению к славянству явления генетично внешние, однако они были органично синтезированы им, стимулируя по принципу подобия и аналогии становления и развитие славянской государственности как державности особого, соборного типа.

Нахождение славянства в эпицентре противостояния и взаимодействия западной и восточной линий развития мирового цивилизационного процесса, постоянные волны нашествий, войн и разорений, неоднократно ставившие этнос на грань ассимиляции, гибели, исчезновения, обусловили особую форму государственного устройства славян, имеющую ряд характерных признаков.

Неразвитость классовообразующих факторов в экстремальных условиях перманентной борьбы славянства за этническое выживание, обусловили особый, соборный тип потестарной государственности славянских народов. Образно характеризуя славянский тип соборной потестарной государственности, можно определить его как государство-воина, главная задача которого – коллективное выживание народа, этноса. Доминирование же классовообразующих факторов образования государственности европейских народов при аналогичном сопоставлении можно охарактеризовать как государство-полицейский, главная задача которого состоит в недопущении конфронтации, доходящей до возможности уничтожения этноса классами-антагонистами. Лишь в случаях крайней необходимости, когда над обществом нависала угроза гибели, европейская государственность меняла свой мундир полицейского на облачение воина.

Славянская государственность в случае классовых потрясений внутри общества также порой брала в свои натруженные мечом ратные руки жезл полицейского, однако функция обороны, защиты этноса превалировала над регулятивными классовыми функциями.

При этом славянская потестарная государственность, возникнув в глубине тысячелетий, в случае необходимости принимала черты конфедеративного устройства в “империях” скифов, аваров, зачастую именуемая названиями данных этносов, которые были в итоге ассимилированы славянством, включены как составляющие элементы в гамму своей этнической мозаики.

На протяжении тысячелетий славянская государственность, подобно речке в пустынной местности, то, усыхая до маловодного ручейка, то разливаясь полноводной рекой, служила гарантом этнической самобытности славянства, его выживания как народа.

Государственность восточного славянства в своем развитии прошла ряд этапов перманентного становления, прерываемых волнами нашествий, накатывавшихся как с Запада, так и с Востока и уничтожавшие цвет самобытной державности славян, отбрасывая огнем пожаров, войн и разорений славянскую цивилизацию, государственность на предшествовавшие этапы развития, заставляя вновь и вновь проходить ранее пройденные этапы развития процессов государствообразования.

Славянская государственность, конституировавшись в период правления династии Киевичей, достигла значимых успехов в период княжения Аскольда и Дира, которые не только заявили о значимости восточнославянской державности на политической авасцене, но и бросили вызов великой региональной империи того периода – Византии, тем самым поднимая престиж славянской государственности.

Аскольдом и Диром была предпринята важнейшая компонента для решения евроинтеграционного процесса восточного славянства – его христианизация и тем самым вхождение на равных в европейское христианское сообщество.

Это вызвало противостояние в правящей элите Руси и консервативная языческая группировка, рекрутировав на помощь варяжских наемников, ранее привлекавшихся к совместным со славянами походам и служивших в роли ландснехтов, произвела кровавый переворот, в ходе которого была уничтожена славянская династия Киевичей в лице христиан-великомучеников Аскольда и Дира.

Воспользовавшись сложной внутривосточной обстановкой, власть на Руси захватили варяги-наемники, образовавшие и конституировавшие на многие столетия правящую династию, вокруг обстоятельств появления которой на восточном славянском олимпе были сформированы многочисленные мифологемы, в том числе об их добровольном призвании славянами.

Утвержденные легенды о “призвании” Рюрика и его братьев в средневековой историографии связано с тем, что в период феодальной раздробленности данная мифологическая схема позволяла найти единого предка всем русским князьям, провозгласить их кровное родство, что теснейшим образом сопрягалось с главной политической доктриной летописцев о необходимости единства и дружбы между князьями как основы благополучия и процветания государства.

В короткий исторический период династия князей-воинов Рюриков и их сподвижников была инкорпорирована славянским этносом в силу их оторванности от родины, интенсивного процесса метисации, приобщения к культурным ценностям могучей и самобытной славянской культуры.

Проникнувшись и облагородившись ментальностью славянского этноса, его идеалами и устремлениями, вчерашние кондотьеры из Скандинавии стали выразителями важнейших государственных задач Руси, в меру своих сил и возможностей служили ее интересам.

Мощь и величие восточного славянства заключалось и в том, что оно смогло включить в свою этническую мозаику и этих беспокойных, храбрых, удачливых и по своему великих реформаторов тогдашнего европейского общества, внесших значимый вклад в историю Ирландии и Франции, Англии и Италии, Византии и Руси.

Киевская Русь, раскинувшись на огромных просторах Восточной Европы, стала важным фактором развития Евразийского субконтинента, влияющим на важнейшие геополитические проблемы мирового развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Междунар. отношения, 1999. – 256 с.
2. Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. Учебн. пособие для студентов вузов / Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасов. – М.: Аспект Пресс, 1995.
3. Етнографія України: Навч. посібник / За ред. С.А. Макарчука. – Львів: Світ, 1994.
4. Пономарьов А. Етнічність та етнічна історія України. – Київ: Либідь, 1996.
5. Chesnaux J. Ou est le mode de production asiatique? – La Pense. – 1965. – №122.
6. Godefier M. La notion de “mode de production asiatique” et les schemas marxistes g’evolution des societes. – Paris, 1964.
7. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. – М.: Мысль, 1989.
8. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. – М.: Прогресс, Культура; СПб.: Ювента, 1995.
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Нью-Йорк: Полис, 1994.
10. Ратцель Ф. Народоведение. – Лейпциг, 1894.
11. Карамзин Н.М. История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 гг. в трех книгах с приложением. Книга первая. – М.: Книга, 1988.
12. Рыбаков Б.А. Мир истории. Начальные века русской истории. – 2-е изд. – М.: Молод. гвардия, 1986.
13. Брейг А. Археологический словарь. – Лондон, 1968.
14. Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. – М.: Наука, 1979.
15. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. –
16. Толочко П.П. Від Русі до України: Вибрані науково-популярні, критичні та публіцистичні праці. – К.: Абрис, 1997.
17. Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа./Сост. и ист.-биогр. очерк Ф.П. Шевченко – К.: Лыбедь, 1990.
18. Дуденко О. Киммерийцы. – Интересная газета. – 1999. – №5 (68).
19. Всемирная история. В десяти томах. Т. II. – М.: Госиздат политич. л-ры, 1956.
20. Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. – Харьков: изд-во Харьк. ун-та, 1962.
21. Геродот. История. – М.: Наука, 1961.
22. Теплицкий Ю.М. От Киевской Руси – к суверенной Украине: цивилизационная преемственность: Учебное пособие. – Луганск: Изд-во ВНУ, 2000.
23. Ключевский В.О. Сочинения: В 9-ти т. Т. I . Курс русской истории. ч. I. – М.: Мысль, 1987.
24. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций. Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 1999.
25. Нестор. Повесть временных лет. – Изборник. – Сборник произведений литературы древней Руси. – Библиотека всемирной л-ры. Серия I, т. XV. – М.: Изд-во худож. л-ры, 1969.
26. Громов М.Н. Систематизация эмпирических знаний в Древней Руси. – Естественнаоучные представления Древней Руси. – Сборн. стат. – М.: Наука, 1978.
27. Eckhardt W. Civilizations, Empires and Wars: A Quantitative History of War. Jefferson (NC) – L., 1992.
28. Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. – М.: Изд-во Высш.школа. – 1967.
29. Иордан О происхождении и деянии готов. Getica. – М.: Изд-во Высш. школа, 1966.
30. Теплицкий Ю.М. Славянство в контексте геополитических отношений “Запад-Восток” на рубеже X–XX столетий. – Луганск.: Изд-во Восточноукр. ун-та, 1998.

31. Федотов Г.П. Россия и свобода.– Знамя. – 1989. – №12.
32. Аммиан Марцеллин. История. – Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. – М.: ВДИ, 1943. – №3.
33. Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. – М.: Наука, 1962.
34. Гудзь-Марков А.В. История славян.– М., 1997.
35. Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь.– К.: Абрис, 1999.
36. Византийские историки, переведенные с греческого С. Дестунисом. – СПб., 1860.
37. Феофилакт Симокатта. История./ Пер. С.П. Кондратьева. – М., 1957.
38. Рыбаков Б.А. История и перестройка. – М.: Книга, 1989.
39. История средних веков (V–XV вв.): Хрестоматия. Ч.I / Сост В.Е. Степанова, А.Я. Шевеленко. –2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1980.
40. История городов и сел в двадцати шести томах. Ворошиловградская область. – Институт истории Академии Наук УССР. – К., 1976.
41. Творогов О.В. Древняя Русь: события и люди. – СПб.: Наука, 1994.
42. Толочко П.П., Козак Д.И. Давня історія України у двох книгах. – К.: Либідь, 1995.
43. Сборник произведений В.И. Ленина. Изд.4-е. – М.: Политиздат, 1976.
44. Персонажи славянской мифологии. Рис. словарь/ Сост.: А.А. Кононенко, С.А. Кононенко. – К.: Корсар, 1993.
45. Макиавелли Н. Государь. Рассуждение о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. – Минск: Попурри, 1998.
46. Котляр М.Ф. Полководці давньої Русі. – К.: Вид-во “Україна”, 1991.
47. Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. Матер. и исслед. – М.: Наука, 1978.
48. Тихомиров М.Н. Начало русской земли // Вопросы истории. – 1962. – №9.
49. Сахаров А.Н. Дипломатическое признание Древней Руси (860) // Вопросы истории. – 1976. – №6.
50. Полное собрание Русских летописей. – М.-Л., 1962.
51. Голубинский Е.Н. История русской церкви, т.1.– М., 1880.
52. Лопарев Х. Старое свидетельство о положении ризы богородицы во Влахернах в новом истолковании применительно к нашествию русских на Византию в 860 году // Византийский временник. Т.11. – СПб, 1895; Приложение: “Слово на положение ризы богородицы во Влахернах ...”.
53. Две беседы святейшего патриарха Константинопольского Фотия по случаю нашествия россос на Константинополь // Христианское чтение. – 1882. – Сентябрь–Октябрь.
54. Эверс И.Ф.Г. Предварительные критические исследования для российской истории. – М., 1826.
55. Хроника Георгия Арматолоа // Истрин В.М. Книги временные и образные Георгия Мниха. “Хроника” Георгия Арматолоа в древнем славянском переводе. Текст исследования и словарь. – ПТГр.– 1920.
56. Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т.1. – СПб, 1872.
57. Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов // Вопросы истории.–1976. – №11.
58. Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. 1.–СПб., 1794.
59. Всемирная история в 24-х т. Т. 3. Век железа. – Минск: Литература, 1996.
60. Котляр Н.Ф. Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах. – К.: Наукова думка, 1986.
61. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. – М.: Наука, 1993.
62. Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн.1. Т.1/ 2. История России с древнейших времен. – М.: Голос, 1993.

63. Ломоносов М.В. Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 г. // Полн. собр. соч. Т.6. – М.-Л., 1952.
64. Иловайский Д.И. Краткие очерки русской истории: Курс ст. возраста. Ч.1. – М.: Исп Моск. Фонда культуры, 1992.
65. Шайкин А.А. “Се повести временных лет”: От Кия до Мономаха. –М.: Современник, 1989.
66. Мавродин В.В. Образование древнерусского государства и формирование древнерусской народности: Учебн. пособие. – М.: Высш. шк., 1971.
67. Ловмянский Х. Русь и норманны: Пер. с пол. / Вступ. ст. В.Т. Пашуто; Ред. В.Т. Пашуто, В.Л. Янин и Е.А. Мельникова; Комментар. В.Я. Петрухина. – М.: Прогресс, 1985.
68. Рыбаков Б.А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. – М.: Изд-во АН СССР, 1963.
69. Никитин А. Олег. Князь или воевода // Наука и религия. – 1991. – № 6.
70. Козлов Ю.Ф. Страницы правления государством Российским. –Йокшар-Ола: Мар.кн.изд-во, 1990.
71. История государства Российского: Жизнеописания. IX–XVI вв./ Рос.нац.б-ка. – М.: Изд-во “Кн.палата”, 1996.
72. Никитин А. Князь Игорь: “волк в овцах”// Наука и религия. – 1991.–№17.
73. Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. – М.: Наука, 1968.
74. Гиляров Ф.А. Предания русской начальной летописи. – М., 1878.
75. Равноапостольная Ольга, Великая Княгиня Российская, во святом крещении Елена: Память 11 июля. – Сортавала: Спасо-Преображенский Валаам. Монастырь, 1991.
76. Литаврин Г.Г. К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения княгини Ольги // Древнейшие гос-ва на территории СССР. – М., 1986.
77. Греков Б.Д. Киевская Русь / Отв. ред. Л.В. Черепнин. – М.: Госполитиздат, 1953.
78. Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Т.1. Киевская Русь.–М.: Соцэкгиз, 1938.
79. Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки соц.-полит. истории / Отв. ред. В.В. Мавродин. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1980.
80. Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси: IX–первая пол. X в.– М.: Мысль, 1980.
81. Петрушевский А.Ф. Рассказы про старое время на Руси от начала русской земли до Петра Великого. – Ярославль: ТОО “Лия”, 1994.
82. Гумилев Л.Н. От Руси до России: Очерки этнич. истории. – М.: Экопрос: Прогресс, 1992.
83. Каргалов В.В. Вторая ошибка Мамаю. – М.: Краст, 1993.
84. Дубейко М. Мертвые сраму не имут, или Как князь Святослав ходил “на вы”. – Интересная газета. – 1999. – №5 (68).
85. Откуда есть пошла Русская земля. Кн.2. / Сост., предисл., коммент. А.Г. Кузьмина. – М.: Мол.гвардия, 1986. – (История Отечества в романах, повестях, документах. Века VI–X).
86. Диакон Л. История. – М.: Наука, 1988.
87. Гумилев Л.Н. Князь Святослав Игоревич // Наш современник. – 1991. – № 7, 8.
88. Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. – М.: Междунар. Отношения, 1991.
89. Каргалов В.В. Полководцы X–XVI вв. – М.: ДОСААФ, 1989.
90. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. – М.: Наука, 1993.
91. Теплицкий Ю.М. “Запад-Восток” и феномен славянской цивилизации. – Луганск: Изд-во Восточноукр.ун-та, 1999.
92. Голубенко А.Л., Теплицкий Ю.М. Правители (Хроника тысячелетий от царя Ирода до президента Горбачева). – Луганск: Изд-во Восточноукр. ун-та, 2000.
93. Бердяев Н. Смысл истории. – М.: Мысль, 1990.
94. Теплицкий Ю.М. “Запад-Восток” и славянская цивилизация. В 2 томах. – Луганск: изд-во ВНУ. – 2001.

95. Качановский Ю.В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства. Спор об общественном строе древнего средневекового Востока. – М.: Изд-во “Наука”, 1971.
96. Толочко П.П. Историчні портрети: Із історії давньоруської та європейської політики Х–ХІІ ст. – К.: Наук. думка, 1990.
97. Гнатюк М., Громовенко Л., Семака Л. 100 великих українців.– М.: Вече; К.: Орфей, 2001.
98. Хрестоматия по истории Древнего Востока: Учебное пособие в 2-х частях. Часть I. / Под ред. М.А. Коростовцева, И.Е. Каунельсона, В.И. Кузишина. – М.: Высшая школа, 1980.
99. Хрестоматия по истории Древнего Востока: Учебное пособие в 2-х частях. Часть II. / Под ред. М.А. Коростовцева, И.Е. Каунельсона, В.И. Кузишина. – М.: Высшая школа, 1980.
100. Сборник документов по истории СССР. Учебное пособие в 2-х частях. Часть I (IX–XIII в.) / Под ред. В.В. Мавродина. – М.: Высшая школа, 1970.
101. Жизнеописание знаменитых греков и римлян: Книга для учащихся / Под ред. М.Н. Ботвинник, М.Б. Рабинович, Г.А. Стратановский. – М.: Просвещение, 1987.
102. О происхождении богов / Сост., вступ. от И.В. Шталь; Примечание В.В. Вересаева, И.В. Шталь. – М.: Советская Россия, 1990.
103. Мифологии древнего мира. Перевод с английского. Предисловие И.М. Дьяконова. – М.: Наука, Главная редакция Восточной литературы, 1977.
104. Белогрудов О.А. Культурология. Программа-конспект для студентов и преподавателей технических и гуманитарных вузов России. – М.: ГИС, 1997.
105. История греческой литературы. I, II. / Под ред. С.И. Соболевского, М.Е. Грабарь-Пассек, Ф.А. Петровского. – М.: Издательство Академии Наук ЧССР, 1955.
106. Куманецкий К. История культуры Древней Греции и Рима: Перевод с польского. – М.: Высшая школа, 1990.
107. Любимов Л. Искусство Древней Руси: Книга для чтения. – М.: Просвещение, 1981.
108. Аркас М.М. Історія України – Русі / Вступне слово В.Г. Сарбея: 2-ге факс. видання – К.: Вища школа, 1991.
109. Дрэпер Джон Вильям История умственного развития Европы, тт.: Перевод с английского А.Н. Пыпина. Издание V. – Санкт-Петербург.; Издательство Типография М.М. Стасюлевича, 1901.
110. Ишлинский А.Ю., Павлова Г.Е. М.В. Ломоносов – великий русский ученый. – М.: Педагогика, 1986.
111. Историчне джерелознавство: Підручник / Я.С. Калакра, І.Н. Войцехівська, С.Ф. Павленко та ін. – К.: Либідь, 2002.
112. Киевский музей исторических драгоценностей. Альбом. – К.: Издательство “Мистецтво”, 1974.
113. Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М.: Советская энциклопедия, 1991.
114. Энциклопедический словарь т-ва “Братьев А. и И. Гранатъ и К^о” т. 22. / Под ред. Ю.Е. Гамбарова, В.Я. Железнова, К.А. Тимирязева. Издательство VII. – М.: Главная контора т-ва “Братьев А. и И. Гранатъ и К^о”, 1899.
115. Энциклопедический словарь. Т. 1а – С.-Петербургъ, Издатели Ф.А. Брокгаузь (Лейнцигъ), И.А. Ефронъ (С.-Петербургъ). Типография – Литография И.А. Ефрона, 1893.